

Татьяна Ивановна Устименко
Второе пророчество

Сердце волка – 1

«Татьяна Устименко. ВТОРОЕ ПРОРОЧЕСТВО»: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»;
Москва; 2010
ISBN 978-5-9922-0660-9

Аннотация

Завязка этой истории весьма банальна: в одном уральском городе жила-была девушка с внешностью самой обычной зубрилы, посредственными умственными способностями и абсолютным отсутствием первоначального капитала. И пусть мечтала она, как тысячи других подобных ей фантазерок, о прекрасном принце, запряженной крысами тыкве и хрустальных туфельках, но получила в итоге нечто совсем иное. А именно: неверного мужа со странными повадками, опасный поход в подземные катакомбы и кучу всяких сопутствующих неприятностей. Да к тому же еще оказалось, что никакая она вовсе не простушка, а великая чаладанья народа лугару, или солнечных волков-оборотней, и ее появление на свет предсказано во втором пророчестве, которое приводит в дальнейшем к... Хм, а вот тут и начинается все самое интересное!

Татьяна Устименко

Второе пророчество

Все совпадения с реальными лицами или событиями — случайны.

Homo homini lupus est¹

ПРОЛОГ

Лица сидящих за столом мужчин скрывали низко надвинутые капюшоны свободных белых одеяний, сильно похожих на монашеские. Ни единое дуновение ветра не колыхало пламени зажженных свечей, потому что в полутемной комнате не было окон, а застоявшийся воздух этого помещения имел довольно неприятный затхлый запах, присущий именно таким, не слишком-то часто проветриваемым погребам и подвалам. Или склепам, ибо сие меткое определение куда более точно соответствовало мрачноватому интерьеру данной комнаты. Для полноты сравнения не хватало только гробов да скелетов по углам, хотя их с успехом заменяли наполовину осыпавшиеся траурные фрески непонятного содержания да рисунок в форме ромба, занимающий большую часть стола. Из плавающих в темноте углов склепа (на самом деле называвшегося Убежищем) тянуло сыростью и вековым холодом разверстой могилы, а вместо светильников под потолком висели прочно увязшие в липкой паутине и иссохшие до состояния мумий трупики летучих мышей. Подобный, до жути зловещий и инфернальный антураж еще никогда не удавалось воплотить в реальность ни одному, даже самому талантливому голливудскому сценаристу, потому что создавался он не прихотливой фантазией человека, а самой смертью, чье дыхание буквально реяло под невысокими сводами сего подземного убежища. Впрочем, пятерых собравшихся вокруг стола мужчин это ничуть не пугало. Да и что, спрашивается, могло смутить древних существ, с весьма большой натяжкой подходивших под определение «мужчины». Кстати, и под «люди» — тоже...

Сгорбленное, плотно закутанное в отороченный золотой каймой балахон создание, восседающее во главе собрания, протянуло над столом длинный рукав, из коего медленно выдвинулось нечто скрюченное и костлявое, густо поросшее грубой седой шерстью.

— Она, — глухо проскрипело из-под капюшона. — Золотая роза племени лугару!² — От кисти, а скорее лапы, отделился кривой палец, ультимативно уткнувшийся в белое пятно, явственно проступающее в центре ромбического рисунка. — Истинная дочь Сокола!

Три головы согласно кивнули в такт этим словам, но последний из присутствующих в подземелье неожиданно выпростал из рукавов смуглые сильные ладони безупречно красивой формы и решительно сбросил капюшон, открывая прекрасное лицо греческого бога, обрамленное завитками коротких черных локонов.

— А мужчина? — с неподдельным интересом спросил черноволосый. — Неужели в пророчестве ничего не говорится о том, когда и где он родится? Значит ли это, что он обязательно станет сыном волков?

Из-под капюшона председательствующей за столом фигуры раздался саркастичный смешок, мгновенно перешедший в затяжной кашель.

— Ур³ Наставник! — Черноволосый встрепенулся, гибким молодым движением вскакивая с резного дубового кресла. — Вам плохо?

Но закутанное в балахон существо остановило его небрежным взмахом мохнатой лапы,

¹ Человек человеку — волк (*лат.*).

² Лугару — священные существа, солнечные воины-волки, способные по желанию принимать облик человека или волка, — *Здесь и далее примеч. авт.*

³ Господин (*венг.*).

протестующе мотнув капюшоном, под которым на мгновение вспыхнули две кроваво-отсвечивающие яркие точки.

— Мне хорошо, Волк, ибо мой недуг именуется не болезнью, а старостью. Облегчения же от старости не существует...

— Но возможно, лечебные снадобья добрых прислужниц человеческого бога... — осторожно начала другая фигура, чей голос поражал благозвучностью и богатством интонаций.

Названный Наставником усмехнулся еще ехиднее:

— Глупости, Солнечный Вестник! Тебе и самому известно — за уходящую жизнь цепляются только глупцы...

— А мудрецы? — с любопытством перебил черноволосый Волк, по-молодому горячий и несдержанный.

Но Наставник не укорил ученика за невежливость, а, наоборот, поощрительно погладив его запястье своими расслоившимися от немоги когтями, изрек:

— Мудрец никогда не держится за преходящее, превыше всего ставя истину и будущее своих детей!

Волк смущенно покраснел...

— Как же ты еще молод, Лайош! — ласково произнес Наставник, впервые обращаясь к тому по имени. — Молод и смел...

— Прикажи отдать за тебя жизнь, — Лайош почтительно поднес к губам край белоснежного одеяния учителя, — и я не раздумывая выполню такой приказ!

— Тю-у-у, смельчак неразумный! — С шутливым порицанием Наставник наигранно оттолкнул Волка от себя, но это выглядело не наказанием, а скорее одобрением. — Зачем мне твоя жизнь? А вот помощь совсем не помешает...

— Прикажи! — еще возбужденнее повторил черноволосый, но его речь неожиданно прервал громкий скрежет открываемой двери...

На пороге комнаты появились двое молодых мужчин, одетых в короткие модные кожаные куртки с металлическими заклепками, возможно слишком легкие для нынешнего холодного декабря, и сжимающие в руках мотоциклетные шлемы.

— Ур Наставник! — Вновь прибывшие учтиво преклонили колени, приветствуя всех сидящих за столом. — Роза расцвела! Еще одна, уже вторая!

— Свершилось! — благоговейно выдохнул Наставник, хватаясь за плечо Вестника и тяжело привставая с места. — Ты слышал их, Эзра? Второе пророчество — свершилось!

— Успокойся, Абадайя, — заботливо попросил Вестник, бережно усаживая Наставника обратно в кресло, — Помни, излишние волнения опасны для твоего здоровья, — Он подал Абадайе наполненный вином кубок и лишь после этого повелительно повернулся к переминающимся у порога посланцам: — Рассказывай ты, Ворон!

Носящий прозвище Ворон — стройный, востроглазый, с тонким профилем хищной птицы — довольно блеснул ровными зубами, с некоторой толикой превосходства подмигивая оставшемуся не у дел товарищу, и торопливо заговорил:

— Мы посетили могилу принцессы Дагмары на острове Маргитсигет. Три отшельницы-монахини по-прежнему преданно ухаживают за усыпальницей матери народа лугару и за священной дубовой рощей. Но как же безмерно было наше удивление, когда мы обнаружили, что розовый куст на могиле принцессы расцвел в самое неподходящее время года, причем теперь на нем распустились сразу два бутона...

Эзра и Абадайя понимающе переглянулись.

— Почти целых двадцать пять лет подряд куст радовал нас всего одним цветком, подсказывая — дочь Сокола родилась и жива. Но сегодня нам дан второй знак, свидетельствующий: будущая чаладанья солнечного народа достигла возраста свершений и готова принять на свои плечи весь груз бед, предначертанных в пророчестве...

— А мужчина? — Неугомонный Волк Лайош опять упрямо вернулся ко второму черному пятну, расположенному точно посередине ромбического рисунка. — Что знаем мы

о нем?

— Ничего, — с откровенным сожалением покачал капюшоном Абадайя, — пока ничего...

— Я молился, — тихонько добавил Эзра, — я просил бога указать мне точное место, где следует искать молодую чаладанью. А на заре вчерашнего дня был ниспослан мне вещий сон, однозначно подсказавший — здесь! — Он вытащил из складок своего одеяния карту и четко указал на огромное государство, соединяющее Европу и Азию.

— Россия! — потрясенно воскликнул Наставник. — Наследница рода Сокола, потомок принцессы Дагмары живет в России? Но это же немыслимо! Каким образом могла попасть в Россию дочь народа лугару?

— Бог никогда не ошибается! — весомо констатировал Вестник. — И еще я чувствую — нам следует поторопиться.

— Да, ур! — вмешался в разговор второй мотоциклист, высокий и мускулистый. — На острове мы также видели и трех трусливых шавок, шпионящих для Порченных. А это значит, грязные псы уже тоже наслышаны о свершении второго пророчества и постараются нас опередить...

Абадайя и Эзра переглянулись вновь, на сей раз даже не пытаясь скрыть овладевшего ими волнения.

— Вот тебе и выпала желанная возможность проявить себя, Волк, — вздохнул Наставник. — Посети наших детей — Чистых и передай им мою просьбу пробудить Изгоя, коего следует незамедлительно отправить на спасение дочери Сокола.

— Но, — недовольно хмыкнул Вестник, — разве не сказано в глиняных табличках главного храма: «Берегись сына нечистой крови, несущего зло да сеющего на своем пути мор и глад...»

— Один значок в этом тексте немного затерт, и мы не знаем точно, о каком именно мужчине говорится в послании Заратустры, — беззлобно упрекнул Вестника Абадайя. — О сыне чистой или нечистой крови... А что касается Изгоя, то я все-таки верую в светлую сторону его души...

— А я — нет! — холодно отрезал Эзра. — Он сын лугару по крови, но создан исключительно для убийства. Он не станет помогать дочери Сокола, а постарается ее погубить.

— Увидим, — задумчиво бормотал Наставник, пристально вглядываясь в ромбический рисунок, в центре которого отчетливо выделялись два пятна — белое и черное. — Увидим...

Часть первая БЛОНДИНКА В ДОЗОРЕ

Глава 1

Вопреки красивому женскому имени, записанному в моем паспорте, я иногда напрочь отказываюсь принимать банальный, сугубо бабский облик, ровно двадцать пять лет назад навязанный мне кем-то свыше. Возможно — богом, возможно — дьяволом, но, вероятнее всего, легкомысленными родителями, в двухмесячном возрасте оставившими меня на воспитание дедушке — Льву Казимировичу Сокольскому и безответственно свалившими в неизвестном направлении. «И черте ними!» — обычно сердито добавляла я, маясь на занятиях у ненавистного логопеда и шепеляво, по слогам, пытаюсь произнести свое невероятно аристократичное имя, по причине вопиющей экзотичности частенько отравлявшее мою жизнь, — Евангелина! Львовна, кстати, по документам, спасибо любимому дедушке!

Блин, и угораздило же меня родиться девчонкой, да к тому же отнюдь не писаной красавицей или законной наследницей заокеанских мультимиллионеров. Хотя, наверное, не

стоит мне на судьбу плакаться, потому что как раз с таких вот обыденностей и начинается история про Золушку: жила-была девочка с самой обычной внешностью старательной зубрилы, средними умственными способностями и абсолютным отсутствием первоначального капитала. Но вожденный призрак кареты в виде запряженной крысами тыквы и хрустальной туфельки еще маячил где-то впереди, а посему на протяжении всего отрочества моя самооценка инертно плавала где-то в пределах между «два с плюсом» и «три с минусом», усиленно прикрываясь тщательно взлелеянной наглостью и грубостью. Невзирая на многочисленные комплексы, к восемнадцати годам она неожиданно созрела, устаканилась и вылилась в полностью сформировавшийся синдром непризнанного гения. Я критично хмыкала, недовольно рассматривая в зеркале свое бледное лицо, и пафосно сетовала вслух, удачно воспроизводя тягучие интонации актрисы Ренаты Литвиновой:

— Ну вот как с таким незавидным багажом себе путь в жизни пробивать прикажете? Как страшно жить!

Да у меня же ничегошеньки за душой нет, а из всей движимой и недвижимой собственности — только неисправимый идеализм и пышное имя: Евангелина! Кстати, точно так же, кажется, звали дочку жутко заносчивых плантаторов в знаменитом американском романе «Хижина дяди Тома». М-да, с таким выпендречным именем уже не пойдешь в уборщицы или продавщицы, для него требуется изыскать какую-нибудь другую, более интеллектуальную профессию. Евангелина Львовна Сокольская — это вам не фунт изюма, это звучит гордо, да к тому же претенциозно — ну просто до крайности! А уж если ты заявила в этот мир с не хилыми претензиями на харизматичность и с потугами на неординарность, то будь добра, веди себя прилично и готовься к неприятностям, которые, конечно, не заставят себя долго ждать. Так оно и случилось: я несколько раз чуть не попала под колеса автомобилей, меня зверски шпыняли в школе и не любили в институте, меня выгоняли с работы и всячески унижали. Я регулярно влипала во всевозможные истории. Мне банально не везло ни в большом ни в малом. Недаром я всегда подозревала: человеческая жизнь могла бы оказаться исключительно замечательной штукой, но лишь при одном обязательном условии: если бы мы знали, что с ней нужно делать...

Но все мои детские неприятности оказались еще цветочками, ягодки поджидали меня впереди. Оглядываясь в прошлое, я могу с уверенностью засвидетельствовать: все мои особенно яркие злоключения начались с приемной комиссии университета, когда мадам председательша — сухопарая очкастая гримза с породистым носом до нижней губы — ошеломленно вытаращила на меня свои бесцветные глазенки и осведомилась томным голоском:

— Простите, милая барышня, а у вас случайно дворян в роду не водилось?

Я тут же сделала умное лицо и честно попыталась представить — как могут водиться дворяне? Но вместо этого услужливое воображение немедленно нарисовало мне целый выводок жирных тараканов, на правах гастарбайтеров нелегально проживающих в кухонном шкафу у бабы Глаши, нашей соседки по коммунальной квартире. Тараканы, самоуверенные словно выпускники Гарварда, чем-то неуловимо напоминали саму дворничиху Глафиру — постоянно полупьяную, неопрятную тетку неопределенных лет, обладательницу темной жиденькой поросли на лице, изрядно смахивающей на усы... Я не сдержалась и саркастично фыркнула... Мадам председатель приемной комиссии тут же сдвинула очки ниже и посмотрела на меня еще заинтригованнее.

— Извините, а можно узнать о вашем образовании? — задала второй вопрос она, намеренно игнорируя мой школьный аттестат, лежащий прямо перед ней. — Вы, кажется, школу номер пятьдесят шесть закончили? Никогда прежде не видела, чтобы из этого гадюш... — она иронично хмыкнула, — из этого учреждения выходили золотые медалисты!

— Образовалась от слияния яйцеклетки со сперматозоидом! — четко отпартовала я, с удовольствием оптом мстя за насмешки над всеми безмерно уважаемыми мной учителями, над своим зачуханным рабочим кварталом и убогой интернациональной коммуналкой.

Породистая мадам со стуком уронила очки с носа и нервно затрясла подбородком,

пытаясь побороть некстати подкативший смех.

— Интересно, — медленно протянула она, разглядывая меня уже ничем не вооруженными глазами, без толстых линз оказавшимися наивно голубыми и по-щенячьи добрыми. — А разрешите-ка полюбопытствовать, откуда это у нашей бедной девочки с далеко не идеальными внешностью и манерами взялось так много ехидства и склонности к зубоскальству?

— От верблюда, — нахально парировала я, справедливо решив, что терять мне уже нечего. Весь мой недавний страх куда-то испарился, сменившись оптимизмом, который появляется у людей тогда, когда хуже уже некуда (в отличие от пессимизма, возникающего в ситуациях, когда лучше уже не надо). — И учтите, это не моя фигура далека от идеала, это вашим убогим идеалам далеко до моей фигуры. — Я балетным пируэтом эффектно прокрутилась на носке правой ноги, демонстрируя свои тощие метр восемьдесят, забранные в хвост светло-русые волосы с серебристым отливом и некое подобие бюста — чуть больше нулевого размера. — Да я же практически модель!

— Ага! — ошарашенная моими мослами, мадам председательша растерянно оглянулась на двух своих ассистенток, но обе платиновые блондинки со старшего курса и буферами размером с баскетбольные мячи уже давно находились в глубокой интеллектуальной отключке, осоловело хлопая густо накрашенными ресницами. Очевидно, их коэффициент ай-кью не вынес напора дерзкой абитуриентки и объявил безоговорочную капитуляцию. — Деточка! — уже увереннее продолжила мадам, наконец-то поняв, что наше общение приобрело форму «тет-а-тет», уподобившись беспощадной дуэли один на один. — Да вы хотя бы отдадите себе отчет в том, что уже напрочь завалили собеседование, дающее вам право на бесплатное поступление? — Она возмущенно затрясла кипой моих дипломов о победах на различных городских, областных и региональных олимпиадах по литературе. — А на платное вам не пройти, у вас денег даже на приличную обувь нет! Вы что, дура?

— Отнюдь! — спокойно заявила я, демонстративно любуясь своими донельзя изношенными кроссовками кустарно-китайского производства. — Дур у вас и без меня хватает, куда вам их еще, солить, что ли? — Я насмешливо покосилась в сторону безмолвно разевающих ротки красоток. — К тому же каждой умной женщине известно, что деньги придумали хитрые мужчины с маленькими... — и я ввернула откровенно грубое слово, испытующе глядя на мадам, так же как и я не отличающуюся стандартной привлекательностью и не блистающую наличием обручального кольца.

Глаза мадам заволочло тусклой поволокой, похоже вызванной воспоминаниями о чем-то своем, личном. Она протянула морщинистую, усыпанную веснушками лапку, схватила меня за рукав грошового трикотажного свитерка и любезно усадила на поставленный перед столом стул.

— А ведь вы правы, деточка! — прочувствованно признала она. — Кстати, будем знакомы, меня зовут Эмма Эдуардовна!

— Ева! — мило улыбнулась я.

— Первая женщина, значит? — Эмма Эдуардовна приветливо кивнула седыми буглями. — И чего же вас понесло на факультет журналистики, резвое дитя?

— Хочу мир спасти! — откровенно брякнула я, поняв, что сумела чем-то покорить ее сухое академическое сердце. — Пока еще не поздно!

— А как же постулат: мир спасет красота? — Седые полоски бровей мадам председательши насмешливо вознеслись на лоб, к линии роста волос. — Слыхали небось?

— Вот эта красота, что ли? — Я бесцеремонно ткнула пальцем в одну из красавиц-ассистенток, сияющую заученно-бестолковой улыбкой. — Силиконово-карамельная? Безмозглая? Ну разве только в горизонтальном положении...

Эмма Эдуардовна вдруг заразительно расхохоталась, звонко и совсем по-девчоночьи.

— Браво! — Она даже хлопнула в ладоши. — Браво, милая девочка! Если бы вы только знали, как я уже устала от этих глупых протеже олигархов, папенькиных дочек, сыновей нефтяных магнатов и племянниц чиновников. Возможно, вы имеете все шансы стать новым

лицом и... — она выдержала многозначительную паузу, — умом нашей журналистики. Удачи. — Она размашисто расписалась на бланке результатов собеседования. — Жду вас на лекциях.

Я уже шла к дверям, когда меня настигла последняя коварная реплика:

— Собираетесь начать новую жизнь?

— Ну да, — недоуменно повернулась я, — а что?

— Тогда советую вам для начала выкинуть все рваные колготки и завтра же отправиться в магазин за новыми. — Эмма Эдуардовна напряглась как гончая, ожидая моего прощального ответа и надеясь все же посадить меня в лужу собственным остроумием.

— Отчего же не выкинуть, можно и выкинуть, — лениво произнесла я, берясь за дверную ручку. — Вот только в чем я тогда в магазин пойду?.. — За моей спиной воцарилась гробовая тишина.

Так я поступила в университет и стала журналисткой, а точнее — языкатой стервой, одержимой фанатичным желанием спасти мир. А что, спрашивается, в этом странного? Ну не всем же вынашивать заветную мечту выбиться в балерины или полететь в космос. На Земле пока тоже дел хватает...

Нет, наверное, я все-таки мужчина, потому что в упор неспособна запомнить даты дней рождений своих подруг и не выношу пустую телефонную болтовню. Я не люблю шопинг, ненавижу журнал «Космополитен», не посещаю бутики, не наращиваю ногти и не грежу о норковой шубе. Хотя — вру, одной исконно женской слабостью я все-таки обладаю: я мечтаю о принце, вернее, мечтала о нем до недавних пор. Ну что же тут поделаешь, тайные эротические слабости имеются у каждого из нас, даже у сантехников и стриптизерш.

Мой принц звался Вадимом Серебряковым и обладал всеми наглядными атрибутами романтического героя: смазливый лицом латиноамериканского типа а-ля Антонио Бандерас, накачанным прессом, очень высоким ростом и чрезвычайно низкой душой, что, впрочем, выяснилось намного позже. Он походил и на ангела и на демона одновременно, а скорее — на падшего князя Света, сброшенного с небес на землю, в самую пучину греха и разврата. Особенно пристальное внимание со стороны женского пола обращали на себя его глаза — огромные, жгуче-карие, казалось так и пронизывающие тебя насквозь. Глаза опереточного злодея и совратителя. Но тогда, в период наших непродолжительных конфетно-букетных отношений, мой прекрасный брюнет вел себя весьма продуманно, блистая безупречной галантностью. Заметно тяготясь своим койко-местом в каком-то задрипанном общежитии, он настолько быстротечно и целенаправленно стремился узаконить наши отношения, что я и опомниться не успела, как приобрела статус солидной замужней дамы. Моя репутация была спасена, а вот душевное равновесие оказалось загублено безвозвратно. После того как мы с Вадимом скоропалительно посетили ЗАГС и поставили государство в известность о том, что спим вместе, от былой обходительности моего распрекрасного муженька не осталось и следа. Собрав свои немногочисленные пожитки, уместившиеся в единственном чемодане, принц настырно въехал в мою двухкомнатную квартиру и принялся форсированно репетировать роль царя природы. А чему же тут удивляться? Быстрый карьерный путь «из грязи в князи» всегда являлся пределом мечтаний любой лимиты.

Следует заметить, что к периоду нашего знакомства с господином Серебряковым я в полнейшем одиночестве проживала на пятидесяти трех двухкомнатных квадратных метрах, доставшихся мне в наследство после смерти горячо любимого дедушки. Дедуля успел-таки исполнить свою заветную мечту уже в самом конце тяжелой и затяжной болезни, в итоге сведшей его в могилу, — выбил бесплатную квартиру из каких-то запасных фондов, положенную ему как ударнику тыла и многолетнему работнику органов безопасности. И лишь только после его похорон, в ходе разборки личных вещей Льва Казимировича, перемежающейся бурными слезами, мне стало понятно — я не знала о своем деде практически ничего.

Мой доблестный дедуля, словно совершая привычный ритуал, раз в год достававший из

шкафа парадный, украшенный орденами и медалями китель, вел воистину спартанский образ жизни, довольствуясь малым. Он не имел вредных привычек, не страдал болтливостью и почти никогда не заводил разговоров, даже косвенно бы касавшихся загадочных личностей моих недобросовестных родителей. Основываясь на нескольких его скупых намеках, я пришла к выводу, что мы с ним состоим в родстве по мужской линии, хотя вопиющее несходство наших внешностей сразу бросалось в глаза любому далеко не самому наблюдательному человеку. Я уродилась натуральной блондинкой с волнистыми волосами, а Лев Казимирович в молодости обладал густой каштановой шевелюрой, к восьмидесяти годам основательно поредевшей и поседевшей. Невысокий и коренастый, он отстал от меня на целую голову, объясняя это тем, что ростом я пошла в мать. Фотографий родителей у него не сохранилось, ибо, по словам деда, все их документы, с семейным архивом вкуче, сгорели в автомобильной катастрофе, выжить в которой сумела лишь одна я.

— Так, значит, они меня не бросали? — обиженно вскрикнула я, заостря внимание на неосторожно вырвавшейся у деда фразе. — Ты мне врал? Но зачем? Не ты ли меня учил — одна маленькая ложь всегда порождает большие недоразумения!

— Много будешь знать — скоро состаришься! — хмуро проворчал отставной вояка, краснея до кончиков ушей и поспешно обрывая сей сумбурный, несомненно, весьма неприятный для него разговор. — Сама со временем все поймешь...

Больше мы никогда уже не заговаривали на эту тему, но несколько лет спустя, вернувшись домой после погребального ритуала и сидя над коробкой с его личными вещами, я подробно припомнила те необъяснимые слова, неосторожно сорвавшиеся с губ деда и заведшие меня в глухой тупик. Я абсолютно не сохранила в памяти хоть сколько-нибудь явственные образы родителей, погибших столь страшно и печально, и сейчас мучительно размышляла, стараясь понять, чем же успели они до такой степени насолить Льву Казимировичу? Насолить настолько, что в отместку он — добрейший и терпеливейший из всех известных мне людей — начисто вычеркнул их из своей жизни?

— Господи, — растерянно прошептала я, автоматически перебирая какие-то газетные вырезки, заботливо сложенные в жестяную коробку из-под печенья, — да я ведь даже их имен не знаю... — Меня терзало смутное чувство собственной вины, вызванное непоправимостью происшедшего. — И что мне теперь делать? — Почти ничего не соображая, я тупо уставилась в газетные заметки более чем двадцатилетней давности и принялась читать.

Пробежав глазами выцветшие пожелтевшие газетные вырезки с полустершимся текстом, я задумчиво потеряла виски, тщетно пытаюсь усмирить боль, завладевшую моей головой. Что ни говори, а думать — самая трудная работа! Теперь я запуталась окончательно. Три разрозненных листочка из московских многотиражек скупко сообщали о некоей кровавой резне и перестрелке, учиненной в тихом спальном районе, в результате которой погибло несколько человек и сгорела пара машин. Если вдуматься, то ничего особенного тут нет, обычная криминальная хроника. Но почему дед хранил эти вырезки столь педантично?

На самом дне коробки, под документами на квартиру, я обнаружила тяжелый золотой дукат, бережно упакованный в непрозрачный целлофан. Я никогда не разбиралась в антиквариате, но моментально поняла — эта монета стоит целое состояние, ибо кроме приличного веса она несла на себе физически осязаемую ауру глубокой старины и, несомненно, обладала огромной исторической и культурной ценностью. Реверс дуката украшало изображение раскинувшей крылья хищной птицы, предположительно сокола, а на аверсе были отчеканены два изящных профиля — мужской и женский, наложенные один на другой. Оба лица обладали идентичными, скорее всего, близкородственными чертами и поражали некоей возвышенной одухотворенностью, придающей им облик богов. Их архаичные прически венчали королевские короны. Я долго разглядывала драгоценную монету, но так и не смогла определить ее национальную принадлежность, ибо по краю золотого диска шла совершенно не читаемая надпись, составленная из клинообразных

черточек. Возможно, это был просто декоративный орнамент. Подобные дукаты имели хождение во многих европейских странах, особенно в Средние века, но столь оригинальную письменность я встретила впервые, невзирая на мое фанатичное увлечение древними культурами.

— Что за загадка кроется в этой надписи? — недоуменно пожимала плечами я, укладывая дукат обратно в коробку. — Почему монета лежит вместе с газетными вырезками? И дукат, и заметки выглядят очень интригующе, но связи между ними я не вижу... Надеюсь, в наследстве скончавшегося деда больше ничего мистического не обнаружится?

Однако я ошиблась, потому что самые интересные открытия и непредсказуемые роковые события еще ожидали меня впереди, причем в самом ближайшем будущем.

Итак, обретя прочные тылы и екатеринбургскую прописку, мой принц на следующий же день бросил тот штукатурно-малярный техникум, в коем числился исключительно ради пресловутого койко-места, и занялся обустройством теплого места под солнцем. Для начала он, вместо визитной карточки вполне успешно пользуясь своей, уже обманувшей меня, импозантной внешностью, устроился продавцом в крупный гипермаркет бытовой техники, где тут же принялся ухаживать за племянницей хозяина — рыжеволосой Софочкой. Сия дама, к тому времени уверенно прошедшая через «огонь, воду и фаллопиевы трубы» двух неудавшихся браков, принадлежала к широко распространенной породе женщин, имеющих лишь одну эрогенную зону — мужской кошелек. Разорив двух совсем не бедных мужей, сорокапятилетняя София, кокетливо утверждавшая, что ей исполнилось всего лишь тридцать два, успела сколотить тот неплохой капиталчик, коий и подстегнул алчность моего распрекрасного Вадима. Коттедж за городом, с зимним садом, бильярдом и бассейном, а также три автомобиля да шестизначный счет в банке — это вам не тесная двушка в стандартной панельной девятиэтажке, а потому новая страсть моего ветреного принца выглядела весьма убедительной. У безнадежно вышедшей в тираж Софочки моментально снесло крышу, а ее прежнее благоразумие испарилось быстрее, чем лужа под лучами весеннего солнца. Даже не вылезая из SPA-салонов, она уже давно отчаялась поймать действительно завидного мужчину, отращивающего на животе не пивной шарик, а мышечные кубики. Нужно ли говорить, что рыжая бестия мертвой хваткой вцепилась в молодого красавца, орудуя всеми двадцатью отлично наманикюренными пальцами? Участь моего недолгого брака оказалась предreshена.

Мужчины в принципе ничем не отличаются от мышей. Смотришь на них со стороны и вроде бы видишь хорошененького, эдакого безобидного и трогательного зверька. Но как только такой милый «маус» заводится у тебя в доме, руки сами так и тянутся его отравить. Первыми с тонущего корабля бегут мыши и крысы, а с тонущего корабля семейного благополучия — конечно же мужчины.

Сам Вадим зарабатывал немного. Я же, в данный момент в качестве рекламщика подвизавшаяся в некоем сомнительном пиар-агентстве, неожиданно лишилась работы и временно осталась без средств к существованию. Не получая на завтрак любимую сырокопченую колбасу и не имея возможности попивать вечером ароматный коньяк «Араспел», мой нежный принц загрустил и моментально забыл сакральное «...и покуда смерть не разлучит нас». Ощувив на голове неуютную тяжесть рогов, я решила подать на развод...

Если вы считаете, что любовь — это сплошное счастье и непрерывная череда удовольствий, то поспешу вас разочаровать: все это не так. Медовый месяц и период слепой эйфории проходят довольно быстро, а серые будни и насущные проблемы остаются с вами навсегда. Любовь подобна розовым очкам, сильно искажающим и приукрашивающим окружающую нас действительность. Каждый, даже самый умный и предусмотрительный человек абсолютно беспомощен в любви, ибо, влюбившись, он мгновенно утрачивает рассудок и начинает совершать глупости. Самостоятельно расстаться с состоянием

влюбленности весьма затруднительно, и лишь грубо разбитые чьей-то рукой розовые очки способны низвергнуть нас с небес на землю, заставляя прозреть. Печально одно — процесс исцеления от неблагодарной любви сопряжен с болью и разочарованием. И ладно бы в партнере, но гораздо хуже, если в самом себе...

Наступило двадцать пятое декабря две тысячи девятого года. День моего рождения. Сегодня мне исполнилось ровно двадцать пять лет, и это почти мистическое совпадение цифр внушало некоторую слабую надежду на счастливый поворот судьбы, возможно поджидающий меня впереди. Ну а почему бы и нет? Должно же мне повезти хотя бы раз в жизни! К тому же уже прошел целый месяц с той поры, как я устроилась на работу в крупнейший глянцевого журнала «Тайны Урала» и сегодня получила там свою первую зарплату. Господин Зимин, главный редактор и душа издания, впечатлился моим крайне самоироничным резюме и принял неудачницу на должность помощника младшего корректора, заметив, что как раз испытывает нужду в креативных сотрудниках со свежими идеями.

Затарившись разными, отнюдь не дешевыми, вкусами и нагрузившись так, что от тащимой мною сумки с продуктами испуганно шарахнулась бы и лошадь, я призадумалась. Неделю назад я подала на развод, пока еще не поставив мужа в известность о свершенном мною судьбоносном деянии. В девяти случаях из ста бабы ведут себя как идиотки, но вот на сотый оказываются хитрее любого мужика. Мне предстояло осуществить процедуру развода с минимальным для себя ущербом, ибо я уже многократно прокляла тот злосчастный день, когда по глупости, поддавшись на настойчивые уговоры Вадима, прописала его в свою квартиру.

Отпущенная с работы пораньше (спасибо чуткому начальству), я пробежалась по магазинам и теперь резво мчалась домой, намереваясь задобрить капризного принца своей первой, весьма неплохой зарплатой и каким-то волшебным образом спасти наш трещавший по всем швам брак. Я решила устроить романтический ужин на двоих, мечтая вернуть почти угасшую любовь. Невзирая на неприкрытую измену супруга, я по-прежнему питала к нему самые нежные чувства. Я еще надеялась, что Вадим ко мне вернется. Я все еще его любила. Я была душой! Надеюсь, что муж не забудет о моем дне рождения и хоть поздно, но все-таки прибудет домой, я стрелой взлетела на седьмой этаж, даже не обидевшись на вечно неработающий лифт. Выудила из сумки ключ и открыла замок, а затем втащила в прихожую громоздкие продуктовые пакеты. Бутылка шампанского радостно стукнула о вытертый линолеум, имевший тот же однообразно-серый цвет, как и вся моя жизнь в целом. Сунув на полочку мокрую вязаную шапочку и стянув растоптанные сапоги, я мысленно выдала себе очередное несбыточное обещание — куплю новые со следующей полочки, и шагнула в комнату...

— А, вот и наша именинница явилась не запыхавшись! — встретила меня насмешливая реплика.

На диване сидел Вадим...

— Ты почему так рано пришел? — с ненатуральным удивлением брякнула я, прекрасно понимая, что несу дикушу вместо проявления более уместных сейчас восторгов по поводу неожиданной внимательности мужа. Но вот не поверила я в его исправление, и всё тут!

Вадим, вольготно развалившийся на продавленных, обшитых дешевым репсом подушках, немного помолчал, наслаждаясь моим растерянным видом и оценивающе наблюдая, как я стаскиваю насквозь промокшую куртку — на улице пуржило...

— М-да, — вынес обвинительный приговор он, — ты ни одеваться, ни раздеваться красиво не умеешь!

Я немедленно запуталась в насквозь прохудившейся подкладке рукава...

— А пришел я потому, дорогая, что решил от тебя уйти! — непоследовательно

продолжил он, в кои-то веки выдав нечто похожее на каламбур: — Чао, бамбина! Не нужна ты мне больше, Евангелина! — издевательски пропел он. — Ясно?

Я остолбенела. Все-таки это совершенно разные вещи — подать на развод с целью приструнить загулявшего супруга или вдруг с бухты-барахты попасть в число брошенных, никому не нужных женщин. Я почувствовала себя жалкой, на глаза навернулись слезы отчаяния...

— Но, Вадюнчик, — жалобно зашмыгала я, — я же на работу устроилась, я тебе денежки принесла. Хочешь, купим тебе тот замшевый пиджак, который ты в «Джей-ди» присмотрел? — Я суетливо полезла за кошельком. — У меня хватит... кажется... — Мое старое портмоне неловко раскрылось, на пол посыпалась мелочь.

— Ну а дальше? — неприязненно осведомился муж, брезгливо стряхивая купюру достоинством в сто рублей, спланировавшую на носок его лакированного ботинка. — Потом опять весь месяц одной картошкой питаться? А крахмал, между прочим, — он демонстративно провел ладонью по своим красиво уложенным блестящим темным волосам, — очень вреден для внешности. Мой диетолог прописала мне минеральную воду «Эвиан», балык, черную икру и киви!

У меня вдруг что-то оборвалось внутри, и я, задыхаясь, прислонилась к обшарпанному косяку.

— Ты это серьезно?

— Про балык? — хамовато выгнул ровную бровь Вадим.

— Про «ухожу»?..

— Конечно. — Он томно закинул ногу на ногу и рассмеялся мне в лицо. — Разве тебе не достаточно тех полгода жизни, которые ты уже у меня украла? Я истратил их попусту! А ведь я мог использовать их куда практичнее, с гораздо большей выгодой для себя...

«Украла?» — Я ощутила, как в моей душе закипает холодная волна гнева. А как же эти пресловутые полгода, проведенные за стиркой и глажкой его рубашек, готовкой легких диетических блюд и вечной погоней за подработкой, уходящей на его модные шмотки? Я мыла полы в подъездах, выгуливала чужих собак и продавала газеты — в общем, хваталась за любую возможность подхалтурить, чтобы купить моему принцу немыслимо элегантные ботинки или нежнейший кашемировый пуловер, стоящий дороже всего моего гардероба. «Украла?..»

— Но я же устроилась на хорошую постоянную работу, — извиняющимся тоном промямлила я. — Подожди немного, скоро я дорасту до помощника редактора, и тогда...

— Тогда? — Яркие губы красавца изогнулись в саркастичной ухмылке. — Да у меня раньше седые волосы появятся! И потом, тебя же вышибут из этого журнала так быстро, что я и глазом моргнуть не успею. Помнишь то рекламное агентство? Тебя уволили за новаторский слоган: «Плавайте поездами Аэрофлота!» Или за вторую нетленку — про туроператоров и гинекологов, от которой до сих пор в агентстве наверняка вздрагивают: «Мы работаем там — где другие отдыхают!» Пойми, ты дура и неудачница. Я не хочу с тобой жить!

«Ну да, — презрительно подумала я, — для тебя жить — это значит жрать балык три раза в день и валяться на пляжах Мармариса...»

— Я не создан для убогого прозябания! — словно угадав мои мысли, соловьем разливался супруг. — Я хочу иметь машину. И не какую попало рухлядь, а только «Ламборджини Диавло». Я не могу одеваться в китайские подделки с Таганского ряда и питаться овсянкой. Я рожден для богемной жизни...

«Да ну! — про себя усмехнулась я. — И кто же тебя для нее родил, в этом вашем-то Верхнем Урюпинске? Похоже, как говаривала незабвенная Эмма Эдуардовна, Верхний Урюпинск представляет собой настоящий заповедник непуганых идиотов, и дворяне там водятся в немыслимых количествах!»

— Я рожден для шикарных женщин! — Пафосный тон мужа вырвал меня из сферы печальных раздумий. — А не для бесцветных белобрысых лахудр! Я тебя не любил, а просто

использовал. Теперь ухожу к другой, более достойной моей внешности и интеллекта!

И тут я поняла — все, это предел, мое терпение истощилось!

То, что невозможно согнуть, можно сломать! Последние полгода жизни, проведенные с Вадимом, гнули меня по-всякому, да, видимо, я оказалась на удивление крепкой.

А сегодня он, не раздумывая, сломал мою любовь, очевидно собираясь заодно втоптать в грязь и мою непростительно сентиментальную душу. Но похоже, он просчитался, ибо из разлома ненужной привязанности внезапно проклюнулся молодой побег — шипастый зачаток тщательно скрываемого экзотического цветка, называемого гордостью и самолюбием. Прежняя, робкая и вечно угрожающая ему, Евангелина умерла здесь и сейчас. Ее место заняла совсем другая женщина — спокойная, сильная, уверенная в себе...

Я небрежно прислонилась спиной к межкомнатной двери, покрытой старой, местами облупившейся краской, и скрестила руки на груди, настолько внимательно рассматривая Вадима, словно увидела его впервые в жизни. Впрочем, так оно и обстояло на самом деле. Лишь заглянув в человека поглубже, можно разглядеть, как он мелок. Розовые очки ушедшей любви разбились вдребезги, больно изрезав мое сердце, но уже на зашоривая глаза. Нынче я подмечала в нем совсем не то, что хотела видеть ранее, возводя обычного неотесанного мужика на пьедестал принца и полубога. Нет, теперь я узрела его истинную сущность, показавшуюся мне омерзительной и отталкивающей. Передо мной сидел совсем не принц, а обычный неблагодарный эгоист, бесполезный трутень, привыкший жить за счет других.

Да, Вадим был красив. И я подметила, как сильно изменился он за последние месяцы. Фирменная одежда и посещение салонов красоты сделали его иным, к сожалению затронув лишь внешность, но не душу. Внутренняя сущность красавца осталась неизменной, наоборот утратив последние крупницы совести и справедливости. Отныне я поверила в существование монстров и энергетических вампиров, скрывающихся под поддельной личиной обычных миролюбивых обывателей. И мне еще сильнее, чем прежде, захотелось спасти этот мир, пока он окончательно не погрузился в пучину фальши и меркантильности. Потому что в этом мире не существовало настоящей, полноценной жизни.

— К ней уходишь, к Софочке? — безразлично поинтересовалась я, ожидая, возможно, что он все же окажется не совсем уж безнадежным, бессердечным мерзавцем и поведает мне о душещипательной любви к той, богатой женщине.

— К ней! — самодовольно ухмыльнулся Вадим. — Вот она-то, в отличие от тебя, понимает, какое сокровище получает. Она уговорила дядюшку сделать меня замом директора и обещала познакомить с владельцем элитного модельного агентства. София считает, — мой муж артистично повел широкими плечами, — мне нужно попробовать себя на подиуме...

— Значит, все-таки к ней! — ответно усмехнулась я. — Ну ладно, жить, но как ты можешь спать со старой и притом целлюлитной женщиной?

Лицо Вадима перекошилось от возмущения, служившего, возможно, лишь деланой маскировкой для чего-то другого, тщательно скрываемого даже от самого себя. Он вскочил с дивана, схватил меня за руку и насильно подтащил к установленному в прихожей зеркалу.

— А ты, — злобно заорал он мне в ухо, — считаешь себя красавицей? Ты давно ли на свое отражение любовалась-то? Думаешь, много кайфа — спать с таким мешком костей?

— Мешок костей? — с язвительным смешком передразнила я. — Не ты ли, радость моя, всегда восхищался худенькими фигурками прославленных манекенщиц? Чем хуже я этой знаменитой Натальи Водяновой или анорексивной куколочки Кейт Мосс? — Я критично присмотрелась к своим высоким скулам, впалым щекам, миндалевидным, слегка приподнятым к вискам глазам, необычного оттенка мокрого асфальта. Я сдернула резинку со своих светлых волос, и они тяжелыми волнистыми прядями рассыпались по спине, окутывая меня почти до колен. Подумаешь, худая и грудь маленькая — так это сейчас даже модно. Фигура в стиле унисекс. Зато рост у меня модельный и ноги, что называется, от ушей. — А в

редакции мужики смотрят мне вслед и языками восхищенно щелкают! — сообщила я раскрасневшемуся от гнева мужу. — Пожалуй, зря я никогда косметикой не пользуюсь. Завтра же отправлюсь к Галке в салон и подберу себе макияж...

— Накраситься, значит, собралась? — возмущенно протянул Вадим, глядя на меня с враждебным испугом. — Хочешь привлечь к себе внимание?

— Ага, — наигранно-невинно хлопнула ресницами я. — У нас программист Гелий — такой лапочка и не женат пока... А ты иди к своей Софочке, иди-и-и...

Женщины иногда не понимают мужчин по самой тривиальной причине: зачастую мужчины думают отнюдь не головой, а тем пресловутым органом, коего у дам и в помине нет. А иначе откуда бы возникла столь занятная фраза: «ни себе — ни людям»?

— Дрянь! — взбешенно взревел Вадим и сильно ударил меня по щеке. — Шлюха! Сиди дома, не смей никому на глаза лезть! — Внезапно он обеими руками обхватил меня за шею и начал душить. Похоже, даже с учетом предстоящего развода, его почему-то совершенно не радовал мой спонтанно пробудившийся интерес к другим мужчинам. Непонятно, что на него нашло? А как же знаменитое: «Баба с возу — кобыле легче»?

Развод — разводом, но умирать я пока еще не собиралась, а поэтому мой инстинкт самосохранения сработал безотказно. Неожиданно для себя я встрепенулась и заехала мужу коленом между ног, ощущая, как ослабевают его пальцы, и вырвалась из удушающего захвата. Акробатическим прыжком влетела в комнату и выхватила из ножен висящий на стене дамаский кинжал, некогда принадлежавший дедушке...

Кряхтя и чертыхаясь, Вадим ввалился следом за мной. Его глаза полыхали от неконтролируемого бешенства, бицепсы угрожающе бугрились под шелковой рубашкой.

— Убью! — хрипел он, наступая на меня. — Раздавлю, гнида! Испортила мне всю тщательно спланированную операцию...

— Попробуй! — дерзко выкрикнула я, пропуская мимо ушей эти непонятные слова и выставя вперед тонкий остро заточенный клинок.

Муж зарычал и махнул кулаком, целясь мне в грудь...

С пронзительным ведьминым визгом я взметнула оружие вверх, полоснув по запястью обезумевшего мужчины. Он вскрикнул от боли, из глубокого пореза хлынула струя крови.

— Ага, давай, подходи, если жить надоело! — поддразнила я, в этот момент не боясь никого и ничего. — В лохмотья порежу...

«А он неадекватный, — вихрем пронеслось у меня в голове. — Слишком импульсивно он себя ведет, излишне даже — для обычной ревности. И этот его явный страх... Чего он испугался? Ведь не потерять же меня, на самом-то деле?» — Но мне тут же стало не до психоанализа, ибо Вадим повел себя еще парадоксальнее.

— Истеричка психованная! — Вместо того чтобы попробовать меня обезоружить, муж опасливо отступил назад, подхватывая с дивана свой шарф и обматывая им раненую руку. Кажется, в нем обнаружился трус, способный избивать лишь слабых и беззащитных. Или это было что-то другое? — Я тебя по судам затаскаю. Ты у меня за это в тюрьму сядешь. Я у тебя квартиру отберу. Жди теперь звонка из милиции... — Он подхватил дубленку и опрометью выскочил за порог квартиры, напоследок так шарахнув дверью об косяк, что с потолка посыпалась штукатурка.

— Недаром в книгах пишут, что раненого вампира нужно добивать сразу! — с нервным смехом всхлипнула я, сползая спиной по стене. — Это же классика жанра ужасов! — Я давилась смехом, чувствуя, как по щекам стекают слезы, оставшиеся от пережитого стресса.

Возможно, мое состояние могло показаться ненормальным, но я совсем не испытывала за собой чувства вины перед мужем, да и не ощущала себя запуганной или брошенной. Это лишь в душещипательных любовных романах пишут о дремучей наивности и неисправимой романтичности обманутых жен, усиленно внедряя в податливые женские мозги слезливо-идеализированный образ современной леди. Но я отнюдь не претендовала на роль беззащитной и слабонервной красавицы, ибо цинично осознала — отныне я обрела свободу. Не только от никчемной влюбленности, но и от нелепой неуверенности в себе, прежде

скрываемой за показной грубостью и хамоватостью. Лишь закрыв за собой дверь в прошлое, можно распахнуть дверь в будущее, а чуть не снесенная моим мужем створка хлопнула слишком красноречиво. Итак, отныне я стала свободной, а еще сильной — назло всем врагам, недоброжелателям и моральным фашистам!

Успокоившись и умывшись холодной водой, я извлекла из сумки свою старенькую «Нокию», намереваясь позвонить закадычной подружке Галке Ковалевой. Мы дружили с нею еще со школьной скамьи и, невзирая на полнейшее несходство наших характеров, а возможно, именно благодаря этому, наша дружба стала на удивление прочной и долговечной.

— Приезжай! — стараясь не хлюпать носом, попросила я. — Посидим, выпьем, посумерничаем, музыку послушаем. Не хочу оставаться наедине со своими мыслями...

— Ой, только не этого твоего любимого классика, со странной милицейской фамилией! — ультимативно потребовала Галка.

— Ладно, — покладисто согласилась я, — Мусоргский отменяется...

— А Вадим где? — недоуменно мурлыкнул томный Галкин голосок.

— Выгнала, — коротко бросила я и в нескольких словах обрисовала сложившуюся ситуацию.

— Туда ему и дорога! — ликующе возопила подруга. — Я же тебе сразу говорила, что у него внешность альфонса...

— Говорила, — печально вздохнула я. — Зря я тебя не послушалась. С твоим-то опытом...

Галина снисходительно хмыкнула.

Говоря откровенно, ее опыт по части общения с мужским полом и в самом деле внушал уважение даже более искушенным, чем я, личностям. Будучи моей ровесницей, к двадцати пяти годам Галина успела четырежды побывать замужем, а счет ее любовников давно перевалил за сотню. Притом нужно отдать должное подруге — она обладала врожденным талантом выжимать мужиков досуха, причем как материально, так и морально. Я всегда подозревала: производная ума женщины на красоту — есть величина постоянная. А точнее, природа не терпит пустоты, и если в одном женщине отмерено много, то в другом — закономерно меньше. В школе Галина никогда не блистала знаниями, мирно перебиваясь с тройки на тройку, несмотря на все списанные у меня домашние работы и решенные за нее контрольные. Помню, как однажды, на уроке литературы, получив простецкий вопрос: «Знаете ли вы убийцу Лермонтова?», Галка возмущенно вышла к доске и эмоционально выдала:

— Вы что, меня совсем душой считаете? Всем известно — Лермонтов был поэтом, а не убийцей!

Поступить в институт мадемуазель Ковалева даже и не пыталась, отштутившись — мол, она не претендует на звание «Леди синий чулок», оставляя его мне. И якобы чулки она предпочитает исключительно французские, черные, с кружевной резинкой.

Уже семь лет моя подруга трудилась в должности администратора крупнейшего в городе салона красоты, успешно совмещая полезное с приятным. «Я рождена ходить по магазинам, но вынуждена ходить на работу» — так говорила о себе моя самая близкая подруга. Стать фотомodelью или актрисой ей помешала некая прискорбная склонность к полноте, на мой беспристрастный взгляд — только придающая Галке особый шарм, и сугубо русский нос картошкой, исправлять коий путем хирургического вмешательства панически боящаяся всего режущего инструмента Галина отказалась категорически. Во всем же остальном сия очаровательная девица — с голубыми, чуть навывкате глазами и искусно покрашенная в платиновую блондинку — была, безусловно, хороша и привлекала к себе повышенное мужское внимание в любой ситуации и в любом месте. Ее природные метр семьдесят плюс умопомрачительная шпилька в точности равнялись моим метру восьмидесяти без каблука. «Типичная и атипичная блондинка» — так называли нас

знакомые. Что ж, со стороны-то оно всегда виднее!

— А может, это и к лучшему, — философски продолжила Галка, — без мужика жить? Меньше проблем! Представь, как здорово выглядел бы наш мир без мужчин!

— Да уж, — с готовностью зафантазировала я, — никаких преступлений и множество счастливых толстых женщин...

Галка весело захихикала, потому что я озвучила ее заветную мечту: долой диеты!

— Что тебе подарить? — с некоторым напряжением в голосе спросила подруга, наверно с содроганием вспоминая все объезженные в прошлом году букинистические лавки и муторные поиски тома моего любимого Гумилева. — Опять фигну для души?

— Да лучше бы шмотку от Версаче! — неожиданно выдала я.

Галка понимающе присвистнула.

— Лед тронулся, господа присяжные заседатели, в Еве проснулась женщина! — торжественно провозгласила она, возвращаясь к своему бессменному амплу пожирательницы мужских сердец, мозгов и прочих сексуальных органов. — Понятно. Лучше поздно, чем никогда. Жди, через полчаса подъеду! — И мой телефон выдал череду заунывных гудков.

Я подмигнула своему отражению в зеркале и пошла на кухню накрывать на стол...

«Вот и все, — безропотно покоровшись судьбе, совершившей крутой и стремительный вираж, вздохнула Галка, убирая телефон в сумочку, — наша спокойная жизнь закончилась. Это — началось!..» Она не обладала всей полнотой информации о происходящих рядом с ней событиях, а поэтому решила временно воздержаться от поспешных выводов. Она послушно отдалась на волю случая, поприслушивается-поприглядывается и сделает то, что ей поручили... Она пока что не уверена, хорошо или плохо ей придется поступить... Но между тем какая-то крохотная частичка недовольства собой уже поселилась в ее душе, кусая нечистую совесть и нашептывая: гибрид добра и зла во сто крат хуже откровенного вреда, ибо он называется просто пакостью...

Многие из нас категорически недовольны тем миром, в коий все мы приходим согласно прихоти судьбы и по глупости безответственных родителей, не заручившись на то его милостивым дозволением. Наш мир чрезвычайно суров к слабым, зато благосклонен к храбрым. Но более всего достается от него тем, кто не смиряется с жестоким произволом слепого фатума, желая самостоятельно вершить свой нелегкий земной путь. Участь любого человека тяжела, а его дорога, пролегающая сквозь всевозможные жизненные перипетии, усыпана отнюдь не розами. А уж если ты настолько разочаровался в окружающей действительности, что вознамерился изменить ее сообразно своим взглядам и принципам, то будь готов противостоять мощнейшим ударам судьбы, способным значительно умерить обуревающий тебя энтузиазм. Мир — сильный противник, и без боя он не сдастся, а поэтому начни с малого — попробуй изменить себя. Если ты устал от преследующих тебя невезений, погряз в неудачах и набил немало шишек с синяками, то не торопись сдаваться и ставить на себе крест. Просто нужно подойти к зеркалу и громко произнести вслух, вызывая к гордости и смелости, беспробудно спящим долгие годы в глубине твоей души: «Я уже устал считаться никем и ничем. Отныне я сознательно становлюсь самым умным, красивым, везучим и так далее! (Выбранное качество подчеркнуть проникновенной интонацией.) И в моем благородном устремлении мне теперь не мешают ни война, ни экономический кризис, ни лень. Аминь!»

И вот после того, как ты бросишь курить, запретишь себе есть после шести вечера, приучишься делать ежедневную зарядку и привыкнешь обливаться холодной водой, то можешь адекватно проанализировать пройденный этап и признать: программа минимум — выполнена. Ты себя усовершенствовал. Теперь настала пора засучить рукава, мобилизовать силы и переходить к программе максимум — начинать переделывать мир.

Вечерело. Снег безостановочно лепил в окна, присыпая внешние карнизы уютными

сугробиками. Прижавшись носом к стеклу, я с любопытством всматривалась в спешащих по улице людей, занятых приятными предновогодними хлопотами. С высоты седьмого этажа они напоминали мне трудолюбивых муравьев, тащивших набитые продуктами сумки и забавно сплюснутые, втиснутые в прозрачный целлофан елки. Наверное, единственный праздник, вера в который не проходит с возрастом, — это Новый год. Надежда на чудо неистребимо живет в наших сердцах, заставляя загадывать желания, вслушиваясь в размеренный бой кремлевских курантов. И разница заключается лишь в том, что в десять лет это желание запивается шипучкой «Буратино», а в двадцать — сладким, холодно ломящим зубы шампанским. Да еще Дед Мороз все больше выпадает из образа абстрактного седобородого старика, приобретая зримые черты обнаженного Брэда Питта...

Красный Галкин «феррари» затормозил у моего подъезда. Подруга распахнула переднюю дверцу автомобиля и энергично выпрыгнула на утопанный снег, немедленно воткнувшись в него своими высоченными каблуками. Добродушно усмехаясь, я наблюдала, как она кокетливо запахнула полы короткой норковой шубки и вывалила из багажника огромную полосатую сумку, сразу же становясь похожей на таджикского челнока с вещевого рынка.

Лифт конечно же не работал... Беззлобно переругиваясь, мы тащили неподъемный баул с этажа на этаж.

— У тебя там что, кирпичи? — с надсадным пыхтением возмутилась я, пихая сумку ногой.

— Не у меня, а у тебя, — хитро прищурилась Галина. — «Три орешка для Золушки», помнишь этот фильм?

— Угу, — неразборчиво буркнула я, вспоминая нас, тринадцатилетних сопливых, млеющих от обтянутой белыми колготками загадочно бугрящейся промежности до неприличия красивого чехословацкого актера, исполнявшего роль принца. — А хрустальную туфлю ты мне тоже привезла?

— Пфе! — небрежно отреагировала подруга. — Бери выше — фирменные итальянские сапоги. Все равно без дела валяются, мне у них голенища узкие... Это ведь только тебя, — она с завистью покосилась на мои мослы, — даже в Освенцим без справки примут!

Мы дружно рассмеялись.

А десять минут спустя мы уже сидели за празднично накрытым столом и Галка капризно воротила нос от не доставшегося Вадиму балыка:

— Ой, я же на диете!

— Лопай давай, все равно выбрасывать! — командовала я. — Знаю я твою диету: в понедельник — огурчик, во вторник — помидорчик, в среду — кремация...

Подружка смешливо фыркала в бокал с мартини и послушно ела.

— А теперь не грех и делом заняться! — Галина усадила меня спиной к зеркалу и взяла пальцами за подбородок, придирчиво поворачивая мое лицо из стороны в сторону и рассматривая опытным взглядом профессионала. — И чего ты столько лет себя почем зря гробила, не развлекалась, не наряжалась? — Вопрос прозвучал риторически.

Я покаянно хмыкнула:

— Женщина почти беспомощна, пока у нее не высохли покрашенные ногти... Хотя, — я демонстративно набычилась, — при желании, от любого мужика всегда отбиться можно!

— Если есть желание, то зачем отбиваться? — Галка недоуменно пожала пухлыми плечами.

Я показала ей язык.

— Значит, так, — глубокомысленно рассуждала подруга, пропустив мимо ушей мои оправдательные сентенции и глупые выходки, — черты лица у тебя явно не русские, а скорее — европейские. Вон носик какой аккуратный: тонкий, кончик чуть приподнят, ниже переносицы — горбинка. Не то что мой шнобель! — Галина игриво ущипнула меня за нос. — А лицо худое, поэтому открытый лоб придает тебе нечто лошадиное, делая похожей на Ксюшу Собчак. Но это мы исправим, выстрижем челку! — В ход немедленно пошли

филировочные парикмахерские ножницы.

Я безропотно отдавала себя на растерзание...

— Дальше поступим так... — увлеченно бубнила непризнанный стилист, выкладывая на стол кучу косметики. — Ты белокожая и светловолосая, золото тебе не пойдет. Уши проколоты, а серьги не носишь. — В мои мочки тут же вдели два широких чеканных серебряных кольца. — Теперь макияж. Немного серых теней на внешний угол глаза и серебристых — под бровь. Тонкая черная подводка... То-о-онкая, я говорю, мы же из тебя не царицу Нефертити делаем! Ну и глазищи у тебя, Ева! Ни у кого больше таких не встречала, а уж баб в наш салон ходит — будь здоров! Они же у тебя почти черные, вон — зрачка не видно... Ну прямо как у колдуньи! Ресницы красим серой тушью, брови — тоже серым карандашом. Немного румян и розовая перламутровая помада! А теперь вот эти брюки... — Из ее бездонной волшебной сумки появилась гора тряпок...

Я, словно сомнамбула, покорно надевала каждую подсунутую мне вещь...

— Ну все! — довольно изрекла Галина и подтолкнула меня к зеркалу. — Любуйся!

Я глянула на себя и потрясенно взвизгнула. В моей затрапезной прихожей стояла прекрасная незнакомка!

Мужчины, помните: есть женщины некрасивые, которые даже не догадываются о своем уродстве. Избегайте их, ибо они глупы. Есть женщины некрасивые, понимающие степень своего безобразия. Пожалейте их, потому что они несчастны. Есть женщины красивые, не признающие силу своей привлекательности. Они скромны — помогите им. А есть красавицы, полностью осознающие весь блеск своей красоты. Они в помощи не нуждаются, ибо сами решают — что, когда и как им с вами делать...

Вот уж не думала, что челка и макияж способны так разительно изменить мое блеклое, ничем не примечательное лицо, превратив меня в девушку с обложки модного журнала. Мой лоб прикрывала легкая кудрявая челка, а остальные волосы тяжелыми серебряными локонами лились по плечам, идеально гармонируя со стилизованными под старину серьгами. Косметика превратила меня в красавицу — нежную и загадочную, подчеркнув необычный контраст белой кожи и темно-серых глаз. Губы напоминали два соблазнительно сомкнутых лепестка розы. Тонкую шею обнимал ворот зеленой водолазки, стройную талию подчеркнул кожаный жилет, а широкие черные брюки в стиле Марлен Дитрих придали моим ногам совершенно запредельную длину.

— Ну какова? — радостно потерла ладони Галка. — Бритни Спирс нервно курит в сторонке!

Я продолжала зачарованно таращиться на свое отражение, шокированная произошедшей со мной метаморфозой. Живая иллюстрация к сказке о Золушке, преобразование Гадкого утенка!

— Едем! — не терпящим возражений тоном приказала Галина, бросая мне черную, обшитую полосками песцового меха курточку. — Я тебя с такими мальчиками познакомлю — закачаешься! Кстати, — ее брови угрожающе нахмурились, — у меня новый друг — адвокат. Чего там Вадичка про «отберу квартиру» гавкал? Да и в целом нужно лечить твою затяжную депрессию!

Я весело кивнула, пьянея от новой себя. Лечить так лечить!

Все последующие дни запечатлелись в моей памяти непрерывной цепочкой феерических развлечений и увеселений. Галина водила меня по клубам и дискотекам, заставляла пробовать неизвестные мне ранее сорта спиртных напитков, учила танцевать и играть на бильярде. Я увлеченно сбрасывала надоевшую шелуху своей прежней нелюдимости, вливаясь в бьющую ключом жизнь ночного города. Я ощущала себя расстриженной монашкой, покинувшей привычную келью, в которой я безвыходно провела целых двадцать пять лет. Годы учебы в универе стали для меня периодом зубрежки и сидения в библиотеке, и только сейчас я узнала, как много удовольствий прошло мимо меня,

не задев ни душу, ни тело. Я видела, что нравлюсь мужчинам, и посему флиртовала с ними довольно смело, дав волю своей всегдашней любви к шуткам и иронии. Но я так и не смогла подвинуть себя к интимной близости с кем-нибудь из новоприобретенных поклонников, несмотря на все уговоры Галки. Нанесенная Вадимом сердечная рана еще не зарубцевалась окончательно, давая знать о себе при виде каждого высокого брюнета. Мое разочарование в мужчинах оказалось слишком велико, а потому мое сердце оставалось закрытым для всех...

Ну и конечно же самым ярким событием в моей совершившей крутой поворот судьбе стала встреча Нового года, произошедшая у главной городской елки на центральной площади. Часы пробили двенадцать, когда мы откупорили бутылки с шампанским и принялись спешно разливать его по пластиковым стаканчикам, оделяя выпивкой знакомых и незнакомых людей. Рядом оглушительно визжали какие-то малолетки, в небо взлетали яркие огни праздничного салюта. Рыжеволосый Игорь расчувствованно чмокнул меня в щеку и чокнулся со мной стаканом, пролив половину себе на дубленку. На площади царила непринужденная атмосфера, попадать в кою мне раньше не доводилось. Гирлянды на елке переливались сказочными огнями, в желудке весело плескалось выпитое натошак вино, и, наверно, поэтому весь окружающий мир казался на редкость доброжелательным, готовым принять меня в свои призывно распахнутые объятия. И в тот миг я была счастлива. Счастлива, как никогда!

— Ева! А ты какое желание загадала? — спросила меня Галка взволнованным голосом, едва различимым на фоне гремющей музыки и поздравительных выкриков.

— Хочу спасти мир, правда, пока еще сама не знаю от чего и зачем! Сделать его лучше! — проникновенно призналась я, совершенно не осознавая, насколько я пьяна. — Подарить его людям...

— Ну-ну! — вдруг необычайно зло хмыкнула подруга. — Не будила бы ты лихо, пока оно спит тихо! Гляди не сглазь свой едва наладившийся быт...

Я ошеломленно уставилась на непрошеную пророчицу, удивленная ее непривычно неприязненным тоном и загадочными словами... Галка же ответно смотрела на меня в упор, пренебрежительно кривя губы с растекшейся помадой...

— Галь, да ты чего? — пораженно начала я, но на нас внезапно налетел хоровод кружащихся в танце друзей, подхватывая и увлекая за собой...

Мы снова наливали и пили, куда-то ехали на машинах, запускали петарды, и вскоре непонятные реплики подруги напроць выветрились у меня из головы. А потом я, кажется, попала к себе домой и бессильно упала на кровать, все еще чувствуя во рту сладкий привкус новогоднего шампанского, напоследок почему-то приобретшего оттенок какой-то ядовитой горечи...

Недремлющая интуиция всегда остается настороже, нередко весьма доходчиво предсказывая приближение страшных бед, ожидающих нас в жизни. Жаль только, что в то время я еще не научилась к ней прислушиваться...

Глава 2

За окном непрерывно моросил мелкий нудный дождик, изредка перемежавшийся крупными, неряшливо скомканными снежинками. Нависшие над городом тучи опустились совсем низко, своими серыми, распухшими от влаги брюхами почти касаясь острого шпиля нарядной ратуши да грузно шоркая по облицованным стеклом многоэтажным небоскреbam, заполонившим деловую часть старинной Вены. Но зато здесь, в тихом респектабельном квартале, словно встарь застроенном одноэтажными особнячками эпохи барокко, разыгравшаяся непогода не выглядела чем-то отталкивающим, образуя естественный симбиоз с намокшим от дождя кленовым парком. Посыпанная гравием дорожка петляла между голых стволов деревьев, уводя прочь от кованой чугунной ограды и заканчиваясь у высокого крыльца, примыкающего к ухоженному, довольно безликому зданию, сложенному

из белого кирпича. Вполне приемлемое сочетание педантичной, повсеместно распространенной классики и удобных нововведений в виде пластиковых стеклопакетов да прочной металлочерепицы. Дом как дом, каких в округе уж если не сотня, то десятков-другой точно наберется. Увидишь такой в первый раз и равнодушно пройдешь мимо, даже не задержав на нем беглого взгляда. В расположенном справа архиве считали, будто бело кирпичный скромник принадлежит какой-то частной благотворительной организации, а в примостившейся по левую руку крохотной типографии полагали — в доме за оградой находится тайное представительство некоей захудалой и никому не интересной секты. Однако ни та ни другая версия не имели ничего общего с объективной действительностью, как обычно своей неправдоподобной затейливостью намного превосходящей любую, пусть самую сумасбродную выдумку...

Стоящий у окна мужчина нетерпеливо побарабанил пальцами по толстому Пуленепробиваемому стеклу, сердито наблюдая за ползущей по небу тучей и мысленно желая ей напороться на одно из высоченных офисных зданий.

«Хотел бы я видеть, как лопнет твоя омерзительная, напшигованная снегом туша, — злорадно подумал он, — и он по самые крыши завалит этот чертов город, всю эту чертову страну, не знающую, что такое настоящее тепло и солнце!» Проклинающий непогоду господин абсолютно не выносил зимнюю Вену, впрочем, как и всю Австрию, без исключения. Адольф фон Крюгер, штурмбаннфюрер СС, предпочитал солнечную Аргентину.

Герр Крюгер раздраженно опустил непроницаемые тканевые жалюзи, надежно изолировавшие его от унылого зрелища лишенных листвы кленов, и, держа спину так прямо, словно он проглотил ручку от швабры⁴, хотя данное сравнение ни в коей мере не показалось бы ему оскорбительным, уселся в выдвинутое из-за письменного стола кресло. Он окинул критическим взором все окружающие его предметы: чопорные шкафы, стеллажи и тумбочки, выполненные в тяжеловесном викторианском стиле, столь милом сердцу любого педанта и зануды, — и остался доволен. Царивший в кабинете идеальный порядок немного успокоил герра штурмбаннфюрера, направляя его мысли в привычное русло жесткой дисциплины и дотошной исполнительности, свойственных лишь истинному арийцу. Со стены напротив, точно глаза в глаза, на герра Крюгера взирал его знаменитый тезка, носивший куда менее благозвучную фамилию — Шикльгрубер, которого, впрочем, весь мир знал как Адольфа Гитлера. Герр штурмбаннфюрер благоговел перед своим кумиром, в глубине души даже самому себе не осмеливаясь признаться в том, что его фамилия звучала куда благороднее и уж точно имела ничуть не меньшее право стать настолько же легендарной. Ну или почти настолько же...

Крюгер стремился походить на фюрера и в большом, и в малом. Он придерживался старомодной прически с челкой набок, прилизанной ко лбу столь плотно, что она казалась нарисованной, и ежедневно тщательно подстригал усики хорошо узнаваемой формы, боясь даже на миллиметр отступить от желаемого идеала. Не имея возможности постоянно носить форменный мундир своей дивизии, он демонстративно предпочитал костюмы военного образца, со строгими пиджаками, сильно смахивающими на китель, благо в этом сезоне стиль «милитари» снова вознесся на самый пик моды. Он обладал ярко выраженным нордическим характером, нередко проявляя ничем не обоснованную склонность к спонтанной агрессии и насилию, и, выражаясь конкретнее, являлся законченным отморозком — жестоким и беспринципным. Он происходил из семьи чистокровных арийцев, в настоящее время проживающих в Аргентине, и воспитывался в традициях нацизма, с молоком матери впитав заветы Третьего рейха: «Дело Гитлера не умрет никогда!» К тридцати семи годам

⁴ Игра слов: швабры — швабы (немцы) .

герр Крюгер сделал неплохую карьеру, числясь в составе элитной дивизии «Тотенкопф»⁵.

О, с какой огромной неохотой расставался штурмбаннфюрер с милой его сердцу Аргентиной, обрекая себя на хронические насморки и хрипы в горле, немедленно поразившие по прибытии в Вену привыкший к теплему климату организм. Впрочем, это было сущим пустяком по сравнению с тем, для чего герр Крюгер прибыл в столицу Австрии.

Он был направлен в Вену для выполнения исключительно важной и чрезвычайно тайной миссии — он работал на будущее. Фанатично верящий, что его историческая родина, некогда побежденная и поставленная на колени, возродится и достигнет небывалого могущества, Адольф из Аргентины был чрезвычайно честолюбив, а потому и способен на все. Да ради возможности хотя бы на шаг приблизиться к величию своего кумира — Гитлера — он ни перед чем не остановится...

Адольф Гитлер, незаконнорожденный сын сапожника и крестьянки, самостоятельно взошедший на самый верх иерархической лестницы, вверг не только свою страну, но и большую часть мира в пучину войны, ставшей самой кровавой за всю историю человеческой цивилизации и унесшей миллионы жизней. Однако было бы неправильным полагать, что история заботливо выпестованной им нацистской Германии закончилась в мае тысяча девятьсот сорок пятого года, перечеркнутая красным флагом, водруженным красноармейцами над полуразрушенным куполом рейхстага. Увы, это не так... Сейчас, в году две тысячи девятом, к великому сожалению, идеи Гитлера обрели последователей и продолжают жить, сменив лишь географическое местоположение, но отнюдь не цели и сущность...

Тот пистолетный выстрел, что прогремел в подземном бункере под рейхсканцелярией и чрезвычайно удачно лег в основу хрестоматийной версии смерти Адольфа Гитлера и Евы Браун, — был ли он правдой?

Официальная, общепринятая версия самоубийства фюрера полностью устраивала правящую мировую элиту. Алчный Адольф, мечтавший установить «новый порядок» во всей Европе, но поверженный Красной армией и вступившими позднее в войну союзниками, мешал всем... Но разве, понимая всю безвыходность положения Германии к концу войны, столь хитрый стратег, как Гитлер, не позаботился бы о создании запасной базы и организации своего убедительного исчезновения? Существует версия, что первого мая тысяча девятьсот сорок пятого года на одном из участков фронта неожиданно прорвалась группа немецких танков, на огромной скорости двигавшаяся на северо-запад. В рядах колонны было замечено несколько мощных гражданских автомобилей. После прорыва эти машины сразу же покинули колонну и исчезли в неизвестном направлении. Согласно агентурным данным в этих автомобилях находились Гитлер и его приближенные.

Доказано, что экспертиза останков Гитлера и Евы Браун, найденных в обугленной яме, проводилась крайне неряшливо. Несколько лет спустя на основании ее материалов американские исследователи установили факт подлога. Основным доказательством «подлинности» обгорелых останков фюрера и его супруги служили зубные протезы и пломбы. По данным американцев, в ротовую полость останков Евы Браун советскими спецслужбами были вложены золотые мосты, изготовленные по ее заказу, но, как выяснилось позже, никогда не использованные подругой Гитлера при жизни. Похожую махинацию проделали и с черепом «самого Гитлера». Экспертиза опознавания подтверждалась личным дантистом и зубным техником фюрера. Оба медика попали в руки агентов Смерша⁶

⁵ «Мертвая голова» (нем.). Эмблемой дивизии в годы Второй мировой войны стал череп с костями — отсюда ее название.

⁶ **Смерш** (сокращение от «смерть шпионам») — советская военная контрразведка в годы Великой Отечественной войны.

и писали свои признания под их диктовку, свидетельствуя подлинность обнаруженных челюстных фрагментов. Подложные останки Гитлера и Евы Браун спешно захоронили в тайном месте под Лейпцигом сразу же по окончании «успешного» опознания обгорелых костей, а затем, в тысяча девятьсот семьдесят втором году, их выкопали и сожгли повторно, развеяв прах по ветру. Спрашивается, зачем это сделали? Не потому ли, что в те годы наука при помощи генетического анализа уже могла дать вполне точный ответ, чьи именно кости выдавались в свое время за останки Гитлера? Словом, никаких серьезных доказательств подлинности останков фюрера и его подруги, кроме протоколов и донесений смершевцев от мая сорок пятого года, не было и в помине...

Напрашивающиеся выводы слишком очевидны: мировая история подобна двуликому богу Янусу, имеющему две опровергающие друг друга стороны. Первая доступна всем и каждому, а вот вторая, тайная, открывается лишь избранным, вплотную подошедшим к постижению загадочных жизненных фактов, сокрытых в глубине веков.

Патриотические мысли, в последнее время все чаще посещавшие честолюбивого герра Крюгера, заставили его покинуть рабочее кресло и подойти к дальней стене кабинета. Сдвинув неприметную декоративную панель, за которой обнаружилась дверка стального сейфа, штурмбаннфюрер набрал шестизначный код, кроме него самого известный лишь беззаветно преданной делу рейха ассистентке. Он повернул ручку и открыл вместительное хранилище, помимо денег и документов скрывающее еще нечто, заботливо упакованное в темный пластиковый футляр с застежкой. Адольф фон Крюгер извлек футляр из сейфа, вынул из него парадный мундир темно-синего сукна и разложил на столе, стараясь не помять и обращаясь с ним предельно аккуратно. Он восхищенно провел ладонью по шелковистому материалу, чистейшему мериносу без примеси всякой плебейской синтетики, глубоко вздохнув при виде нарукавной ленточки с вышитым на ней девизом СС: «Честь моя зовется верность». Лацканы мундира украшали черные бархатные петлицы с двойными серебряными руническими молниями и четырьмя звездочками по углам — знак присвоенного воинского звания.

Темно-синий и серебряный — церемониальные цвета нынешней главной базы, тайного оплота неонацистов, именуемой Новый Швабеленд. Адольф, не принадлежавший к первому поколению покинувших Германию немцев, лишь родившийся в Аргентине, пока еще не удостоился чести попасть на главную базу, но поддерживал с ней постоянную связь. И сейчас он находился в Вене именно по заданию АНШ — Армии Нового Швабеленда. Чванливо поглаживая безупречно пошитый китель, штурмбаннфюрер ощущал, что сим нехитрым действием он приобщается к мировой истории, сейчас вершимой через него и посредством его целенаправленных усилий. Порученная ему миссия имела чрезвычайную важность для всей планеты! И кто знает, каких высот он еще сможет достичь!

Не удержавшись, фон Крюгер надел высокую офицерскую фуражку, предварительно полюбовавшись гербом, выполненным в форме распахнувшего крылья имперского орла, несущего в когтях лавровый венок. В центре венка находился полярный медведь со свастикой на спине. Крюгер надменно хмыкнул, представив себе изумление, которое постигло бы любого непосвященного, узревшего на гербе рейха белого медведя... Белый медведь! Впрочем...

— Тсс! — Мужчина заговорщицки приложил палец к губам, не доверяя даже стенам собственного офиса, ибо в этом изображении и крылась величайшая тайна Нового Швабеленда, состоявшая в том, что...

В двери кабинета вежливо постучались.

— Айн момент! — мгновенно откликнулся штурмбаннфюрер, педантично запечатывая мундир обратно в футляр и убирая его в сейф. Он пригладил челку ладонью и невозмутимо уселся в кресло, постаравшись придать себе донельзя начальственный вид:

— Входите, фрейлейн Ган!

Створка двери из натурального ореха медленно отворилась...

Шагнувшая на порог женщина обладала весьма неординарной внешностью, не только ничуть не уступающей тщательно продуманному облику своего босса, а наоборот, выгодно с ней контрастирующей, в чем, кстати, не было ничего удивительного. Как известно — противоположности притягиваются. Чистокровная австриячка, фрейлейн Ган звалась непритязательным именем Марча, на первый взгляд избитым до банальности. Но так обстояло лишь именно на первый взгляд. Благодаря своему высокому росту Марча возвышалась над герром Крюгером на целых две ладони и изначально производила впечатление дамы до крайности ленивой и даже сонной. День-деньской посиживая за установленным в приемной компьютером, белобрысая австриячка медлительно тыкала пальцем в кнопки клавиатуры или же, почти не поднимая припухших век, окаймленных светлыми, какими-то телячьими ресницами, тягуче отвечала по телефону. Она оказалась далеко не самым образцовым секретарем, но штурмбаннфюрер ценил свою ассистентку за совсем другие качества — редкостные, а возможно, и уникальные. Он отлично понимал: женщины, подобные Марче Ган, похожи на бесценные произведения искусства, ибо они существуют в единственном экземпляре и ценятся на вес золота.

Глядя на эту рослую, жилистую девицу, не блещущую ни пышным бюстом, ни тонкой талией, на ее мускулистые икры в форме бутылок, никто бы даже и не заподозрил в ней опытного киллера и великолепного телохранителя по прозвищу Белая Кобра. Но, обычно апатичная ко всему на свете, в минуту опасности Марча преображалась кардинально, превращаясь в идеальное орудие убийства — гибкое, ловкое, непредсказуемое. Она в совершенстве владела смертельными приемами рукопашного боя, стреляла из всех видов оружия, фехтовала, метала ножи и, при необходимости, запросто ломала шеи внушительным мордоворотам из элитных спецвойск. А посему, имея за спиной столь непревзойденного бойца, герр Крюгер имел все основания не опасаться за сохранность своей жизни, доверяя Марче, будто самому себе. А временами — и гораздо больше.

Вторым по значимости занятием, после убийств конечно, способным без остатка завладевать вниманием Марчи Ган, был секс. Безмерно боготворя Адольфа фон Крюгера, она всецело принадлежала ему душой и телом, пользуясь любой подвернувшейся okazjiей, способной упрочить их и без того близкие отношения. Она питала надежду, что когда-нибудь штурмбаннфюрер сделает ей предложение руки и сердца, ну а до той возжеленной поры просто выполняла все порученные ей задания, и, нужно признать, выполняла их блестяще. Вполне удовлетворенный собачьей привязанностью этой опасной ассистентки, штурмбаннфюрер иногда допускал ее до своего тела, справедливо признавая — в постели Марча творила настоящие чудеса, доставляя ему немало удовольствия. И все-таки она была явно не в его вкусе. К счастью, виртуозно обведенная вокруг пальца, фрейлейн Ган даже и отдаленно не догадывалась о своем плачевном положении. Адольф придерживался очень мудрого правила: спишь с коброй — умеешь сдерживать ее яд. И пока он вполне успешно справлялся с сей щекотливой проблемой...

Хмурый взгляд герра Крюгера оценивающе скользнул по прямоугольной фигуре фрейлейн Ган, подмечая и ее демократичную юбку до середины колена, и не слишком элегантные туфли на удобном низком каблуке. Неустойчивые шпильки Марча не носила никогда, как не обладала она и броской сексуальностью, столь ценимой герром Адольфом в других женщинах. Наверное, из протеста, в его памяти сразу же всплыло сладостное видение прелестных барышень, подвизавшихся в известном стрип-баре «Три поцелуя», но усилием воли штурмбаннфюрер отогнал неуместные сейчас фантазии и встретил свою ассистентку сугубо по-деловому:

— Что у нас там?

— Почта, — четко отрапортовала дисциплинированная помощница, — под грифом

«Строгая секретность». Пришла минуту назад...

— С того самого адреса? — недоверчиво приподнял бровь герр Адольф.

Марча вымуштрованно кивнула.

Фон Крюгер вздрогнул и развернул положенную перед ним компьютерную распечатку... Спустя мгновение он задумчиво откинулся на спинку кресла и жестом указал ассистентке на стул, предлагая присесть.

— Что вы знаете о России и населяющих ее дикарях, Марча?

Фрейлейн Ган приподняла припухшие веки, под которыми внезапно блеснули светло-серые водянистые, но отнюдь не пустые глаза, смотревшие цепко и испытующе. О-о-о, в некоторых вопросах Марча заметно превосходила своего не слишком-то умного патрона.

— Если в Европе алкоголь — приправа к жизни, то в России — он лекарство от нее.

Герр Крюгер еле удержался от ироничной улыбки:

— И этому вас учили в школе разведки? Хотя да, культура употребления спиртных напитков способна сказать о многом... Что-то еще?

— Как и у традиционного инструмента — балалайки, в душе простого русского мужика натянуты только три струны: патриотизм, пофигизм и алкоголизм.

— А у русских женщин, Марча? В чем состоит их слабость?

Наемница насмешливо фыркнула и склонила к плечу коротко остриженную беловолосую голову. «Адольф не разбирается в женщинах?» — это случайное открытие стало для нее чем-то новеньким. А впрочем, он ведь никогда не принадлежал к числу выдающихся интеллектуалов и не являлся мозговым центром их опасного дуэта.

— Мужчины! — категорично объявила она. — Любую женщину можно поймать на мужчину или — на мужчине...

— Похоже, тут этот номер не пройдет, хотя вариант неплох, — Герр штурмбаннфюрер недовольно постучал пальцем по листку с текстом. — Придумайте что-нибудь другое, Марча.

— Любопытство, — вслух рассмеялась фрейлейн Ган. — Все женщины любопытны словно кошки...

— Замечательно! — Герр Адольф ослабил узел галстука и позволил себе принять чуть более непринужденную позу. — Вы незаменимы, Марча. У меня возник оригинальный план. Пошлите зашифрованные сообщения всем нашим агентам, операция «Ведьма» начнется завтра!

— Главная база дала сигнал? — уточнила ассистентка.

— И оперативные данные, — подтвердил фон Крюгер.

— А мы примем в этой операции непосредственное участие? — продолжала допытываться Марча, проявляя непростительную назойливость, идущую вразрез со строгой служебной субординацией, и намеренно выделяя интонацией слово «мы».

— Я — да! — подначивающе усмехнулся штурмбаннфюрер, желая узнать, какие методы воздействия способна применить его сообразительная помощница, дабы добиться желанного итога.

— Возьмите меня с собой! — жарко шепнула Марча, придвигаясь совсем близко и опуская руку на колено штурмбаннфюрера. — Я пригожусь... — Женские пальцы настойчиво ползли вверх, нахально пользуясь предоставленной им свободой...

«Каждая женщина, как и Моника Левински, мечтает подержать в руках... э-э-э, ну это самое — интимный президентский рычаг управления мировой политикой! — насмешливо подумал Адольф, наблюдая за Марчей, торопливо снимавшей юбку и колготки. — Вот оно пресловутое любопытство в действии. — Подкинутая фрейлейн Ган идея обретала кровь и плоть и уже казалась штурмбаннфюреру его собственной. — Ради удовлетворения терзающей их слабости женщины готовы на все...» — Но тут наемница уселась на стол, и, склонившись над ее распаленным желанием телом, штурмбаннфюрер временно отрешился от всех насущных деловых проблем...

Марча заслужила поощрение...

Глава 3

Если хочешь больше узнать о характере человека — внимательно проследи за тем, что, как и сколько он пьет. Трезвенники и язвенники, конечно, не в счет. И если мощность заряда взрывчатки неизменно измеряют в стандартном тротиловом эквиваленте, то склонность к хамству, грубости и приземленности — всегда только в этиловом. Не жди романтики от употребляющего водку мужчины и не надейся на слабость пьющей водку женщины. Бизнес-леди выбирают элитные вина, а бабы-спекулянтки, что торгуют на рынках, — напитки покрепче. А не намеревающийся продемонстрировать свою подлинную сущность человек никогда не напивается до неконтролируемого состояния, ибо пить тоже нужно умеючи, красиво и в меру — впрочем, это правило можно применить к чему угодно, в том числе и к любви.

Коньяк я не пью, у меня на него аллергия, а поэтому обычно предпочитаю что-нибудь полегче: красное фанагорийское вино или импортный вермут, да и то исключительно белый и лишь в весьма умеренных дозах. А еще лучше — освежающее пиво «Лайм» с легким привкусом лимона. Но жизнь — штука непредсказуемая, а непредвиденные отступления от правил случаются у каждого из нас...

Меня разбудил громкий залиvistый звонок. Ни для кого из любящих всласть поспать засонь не является секретом одна непреложная истина, гласящая: иногда будильник помогает проснуться, но в основном он мешает нам выспаться. Я всегда подозревала: утро — это такое время суток, когда завидуешь безработным. «Стоп! Но ведь сейчас вроде бы выходной?» Я рефлекторно протянула руку, хлопнув по кнопке надоедливой пластмассовой садицы, но настырное пиликанье не исчезло, продолжая раскаленным штопором ввинчиваться в мою несчастную голову, гудевшую не хуже раритетного Царь-колокола.

— Уроды! — невнятно изрекла я, обращаясь к изрядно продавленной подушке. — Козлы! — Я уронила на пол ни в чем не повинный мобильник, безмолвно прикорнувший на прикроватной тумбочке и совершенно непричастный к творимому надо мной издевательству. Телефон закатился под кровать, а звонок не умолкал ни на секунду, кажется вознамерившись трезвонить до скончания веков. Похоже, она обладала воистину железными нервами — та чертова персона, вздумавшая во что бы то ни стало поднять меня на ноги. Блин, да эта зараза и мертвеца из гроба поднимет...

«И кто такой этот «спать»? — мысленно иронизировала я, пытаюсь разлепить тяжелые, будто налитые свинцом веки. — Почему я его всегда хочу?»

Между тем звонок блажил не переставая...

— Вадим, открой! — взмолилась я, наконец-то опознав гундосый сигнал нашего домофона, и тут же прикусила себе язык, вспомнив слова из песенки в исполнении Эвелины Бледанс: «Ангелы здесь больше не живут...» Хотя Вадиму до ангела — как мне на карачках до Луны...

— Иду, иду, — сдалась я, со стоном сползая с кровати и враскачку плетясь в прихожую. Белая пластиковая трубка чуть не выскользнула из моих негнущихся, перепачканных чем-то липким пальцев: — Кто там?

— Галиматъя! — кто-то истерично визжал в динамик, установленный на подъездной двери.

— Ни фиги себе! — непонятно чему обрадовалась я. — Ко мне уже бред в гости ходит?

«А жаль все-таки, что не Брэд Питт, — одновременно промелькнуло у меня в голове. — Пить надо меньше...»

— Да не «бред» это! — поспешили разочаровать меня с улицы. — Гали мать я, Елена Александровна! Ева, Галина у тебя?

— Нету, — облегченно буркнула я, вешая трубку домофона. Уфф, слава богу,

умственное расстройство и галлюцинации мне пока не грозят.

Я нагнулась к тумбочке для обуви, разыскивая тапочки и философски размышляя, какое средство от головной боли действует быстрее — цитрамон или топор? Выпрямилась и с воплем ужаса отпрыгнула назад, увидев в зеркале нечто страшное — опухшее, красноглазое, закутанное в мой любимый байковый халат поверх серебристого клубного топики. К счастью, при ближайшем рассмотрении этим чудовищем оказалась я сама — с потеками размазанной косметики на лице и явными признаками некстати вылезшей аллергии...

— И какая сволочь напоила меня коньяком? — с оттенком риторичности рывкнула я, вытаскивая из тумбочки упаковку влажных салфеток и вытирая тушь со щек и румяна с подбородка. — Убью гада! — Но моя угроза прозвучала ненатурально.

— Да ты его и так чуть не убила, когда он к тебе целоваться полез. — Из неплотно прикрытой двери, ведущей в большую комнату, выглянула смеющаяся Галкина мордочка, свежая и цветущая. — Ка-а-ак саданула ему кулаком в глаз...

— Кому? — опешила я, воззрившись на подругу безумным взглядом Гамлета, обнаружившего призрак своего покойного отца. — А ты здесь откуда?

— Здрате! — от всего сердца обиделась впечатлительная мадам Ковалева. — Била ты рыжего Игорька аккурат после того, как перевела с немецкого полученное Стасом письмо, а они на радостях тебя целовать начали. А мне ты велела готовиться к Ночному дозору, сама же с парнями напросилась идти...

— Та-а-ак. — Я прошествовала в комнату и тяжело плюхнулась на диван. — Проклятое похмелье, ничего не помню... А это что еще за фигня? — Находившийся в центре залы столик застилала моя лучшая льняная простыня, в середине которой красовалось большое красное сердце, жирно нарисованное итальянской губной помадой.

— Это — наше знамя! — гордо заявила Галка, картинно упирая руки в боки. — Нравится?

— И что обозначает сия аляповатая аллегория? — вопросительно усмехнулась я. — Японцы выбирают корвалол?

— И вовсе нет, — надула губы подруга, не понявшая моего сарказма. — Наш отряд «Гейши в ботфортах»...

— Жрицы свободной любви, значит... — сообразительно расшифровала я, заодно уяснив: в японской моде Галка смыслит гораздо меньше, чем в европейской. — А почему не «Куртизанки на тарзанке», «Гетеры из партера» или не «Содержанки на лежанке» — так ведь лучше звучит. Слушай, Галь, — я испуганно подпрыгнула в кресле, наконец-то в полной мере проникшись смыслом непрезентабельного определения «гейша», — я там, случаем, ни с кем по пьяни не того-с?..

— Не-а, — разочарованно повела пухлыми плечами подруга. — А зря! Игорек так набивался, он даже согласился принять нас в свой отряд.

— И он, значит, девушка для чайной церемонии? — язвительно хихикнула я. — Ну-ну!

Галка выразительно нахмурила брови, намекая — с юмором у меня всегда обстояло как-то ненормально, еще с самого третьего класса, когда я соседскую кошку ириской накормила и садистски хохотала над намертво склеившей челюсти животинкой.

— Не гейша, — с умным видом поправила меня Галина. — Он — диггер!

— Ага, — окончательно запуталась я. — Ты давай-ка садись рядом и рассказывай все толком.

— А чего тут еще рассказывать? — кокетливо прижмурилась подруга. — Нас пригласили в Ночной дозор! Здорово, правда?

— Однако! — Идею с контрактом на съемки в фильме я отмела сразу же, как самую фантастическую. На всякий случай ощупала пальцем свои клыки, но ничего патологически-вампирского в них не обнаружила. Оставалось последнее...

— В игру? — с сомнением в голосе уточнила я.

Галина смотрела на меня как на тормозную.

— Ну да, я об этом и говорю. Они в нее каждый год играют, как раз в новогодние праздники, когда всем пить уже надоедает. А теперь мальчишки и вообще что-то крутое замутили, недаром ты им письма из Интернета вчера переводила. Сегодня вечером назначено подготовительное совещание, а завтра... — она восторженно прихлопнула в ладоши, — вперед, за сокровищами!

В моем мозгу мелькали обрывки разрозненных воспоминаний: толпа возбужденно гомонящих парней, распечатки с какими-то текстами, выкрики про утерянную во времена Второй мировой войны Янтарную комнату и легендарную библиотеку царя Ивана Грозного... Ну это уж они совсем лишкухватили! Но я ведь правда что-то им переводила...

Я еще со школы свободно говорила на немецком, а за несколько лет до смерти деда, уступив его настоятельным увещаниям, начала углубленно изучать венгерский язык, на котором сейчас уже могла изъясняться вполне бегло. Зачем дедуле понадобилось приобщать меня к венгерскому, ума не приложу. Но этот язык пошел у меня на удивление легко, да и сразу мне понравился.

— Пригодится! — Лев Казимирович шутливо щелкнул меня по лбу. — Потом все узнаешь. А с любопытной Варварой помнишь, что стало?

— Ей на базаре нос оторвали! — хохотала я, продолжая водить пальцем по карте города Будапешта. — Деда, а мы туда поедем?

— Обязательно, — по-военному козырял дед. — Вот когда ты все улицы назубок выучишь, так непременно и поедем...

— ...а потом они как закричат: да это же противоречит всем правилам! — увлеченно рассказывала Галина, вырывая меня из паутины воспоминаний. — Но тут диггер возмутился, и такая буча поднялась... — Она замахала руками и засмеялась. — Ладно хоть до драки не дошло!

— Они — это кто? — уточняюще спросила я, потихоньку начиная разматывать запутанную цепочку абсолютно выпавших из памяти событий.

— Мастера ролевых игр, — охотно пояснила подруга. — Они якобы изначально совсем другой сценарий для игры написали, а потом кто-то из рядовых игроков получил по и-мейлу эту информацию относительно спрятанных в подвалах сокровищ и прохода, обнаруженного за сломанной стеной канализации на строящейся станции метро... Что тут началось! — Она эмоционально схватила себя за щеки. — Особенно когда Стас сказал, что метростроевцы все эти провалы забетонируют сразу после нерабочих дней. Ну ясно дело, тут диггер и завопил — мол, нужно там все самым немедленно разведать, пока есть такая возможность, и не упускать свой шанс. Сразу же все присутствующие, кто играть захотел, разделились на несколько, вроде бы пять, отрядов и выбрали себе командиров. Сегодня вечером они у Игоря дома собираются, чтобы планы маршрутов обсудить и друг другу не мешать, когда внутрь подземелья попадем...

— А мы-то с тобой тут при чем? — Последний кусочек мозаики упорно не желал вписываться в общую, довольно логичную картинку. — Я этого Игоря не знаю...

— Знаешь уже, — виновато опустила глаза Галка. — Он друг моего Стаса, ну того самого, с которым я пару недель назад познакомилась...

«Стас и Игорь... — Я покопалась в вяло побренькивающих черепках, называемых моей головой. — Широкоплечий с каштановыми волосами и странными холодными глазами — это Стас. Незаурядный тип! Лощеный будто мачо, но накачанный словно культурист, и даже в модных шмотках производящий впечатление очень сильного человека, причем обладающего такой хищной и чрезвычайно опасной силой. И еще — сразу же показавшийся мне отнюдь не глупым. Присмотреться бы к нему повнимательнее. Чужой он какой-то, не наш... И второй, который, видимо, и есть тот пресловутый Игорь — верткий и гибкий, как уж, длинные рыжие волосы заплетены в многочисленные косички-дреды...»

— Галь, не нравятся они мне, — откровенно призналась я. — Что-то с ними не то... Не могу пока сказать точно почему, но лучше бы нам от них подальше держаться...

— Ой, да брось ты! — скривилась любвеобильная красотка. — Где мы еще таких

клевых парней найдем? Пойдем, а? — Она блудливо поморгала вызывающе накрашенными глазками. — Съездим к Игорю, потусуемся в компании, а ты там, на месте, и разберешься, что к чему...

Я сначала хотела ответить ей резко, четко дав понять — мне лишние неприятности ни к чему и что ни в какие подземелья нам лезть не следует, но проклятое любопытство, разбуженное разворачивающейся вокруг нас авантюрной историей, неожиданно захлестнуло меня с головой, властно увлекая навстречу чему-то необычному и неизведанному.

«Дура, — укоризненно нашептывал мне здравый рассудок, — ты куда суешься? Мало тебе проблем с Вадимом, захотела еще чего посерьезнее огрести?» — «Не дрейфь, Ева! — резвой чечеткой выстукивало мое шептунное сердце. — Разве тебе еще не надоело уныло жить в своем тихом скучном болотце и строить из себя эту самую неприметную серую мышку? Вот она — настоящая жизнь, лежит перед тобой на блюдечке с золотой каемочкой! Нужно просто смело протянуть руку и взять все сразу — сколько сможешь захватить и унести с собой: красивых и интересных мужчин, тайны, приключения... А иначе так и умрешь, ничего не узнав и ничего не попробовав...» И, каюсь, чертово любопытство оказалось намного сильнее менторских увещаний разума, звучавших все тише и вскорости совсем заглушенных. Большинство происходящих с нами неприятностей мы создаем себе сами, рискованно бросаясь в погоню за призрачной мечтой, влекущей нас к легкой наживе и красивой любви. А ведь все действительно ценное и значимое достается только тем, кто готов сполна платить за удачно приобретенные блага, зачастую внося эту оплату в ущерб своей жизни и здоровью. Тем, кто не только готов рискнуть, но и умеет взвешивать последствия такого риска. К несчастью, задумываться о подобных вещах я научилась лишь намного позднее...

— Ладно, едем! — сообщила я радостно просиявшей Галке. — Авось ничего плохого с нами не случится...

— Типун тебе на язык! — игриво хихикнула подруга. — Нашла тоже чем меня пугать — тоннелями недостроенного метро и обычной игрой!

Я неопределенно улыбнулась. Вроде бы сама я никогда неврастениями не страдала, к беспричинным страхам не тяготела и в мнительности замечена не была. Но вопреки всем аргументам здравого рассудка сегодня меня определенно что-то беспокоило... Что-то, да вот только что именно?

Вместо цитрамона я выпила таблетку супрастина, умиряя надоедливую аллергию. Галка сварила нам крепкий кофе, влила в меня рюмку martin и утешила спорной фразой: «С бодуна хуже всех приходится колобку — у него все болит». Мы накрашились и привели себя в порядок.

— Слушай, а какое сегодня число? — взглянув за окно, спросила я, шокированная царящим на улице запустением. На проезжей части почти не наблюдалось автомобилей, а люди во дворе словно вымерли — лишь изредка поодиночке то входя внутрь, то выходя из автоматически раздвигающихся дверей супермаркета, расположенного непосредственно под самыми моими окнами.

— Третье января две тысячи десятого года! — многозначительно ухмыльнулась Галина. — Самая клевая машина времени — это коньяк. Запросто переносит в будущее, глазом моргнуть не успеешь...

— Похоже, — нехотя согласилась я. — И провалы в памяти от него нехилые!

Мадам Ковалева только собралась добавить что-то ехидное, как неожиданно зазвонивший стационарный телефон оборвал наши высокопарные рассуждения. Я сняла трубку:

— Да?

— Вечер добрый! — поприветствовал меня красивый мужской голос. — Узнала?

— Игорь, — наобум брякнула я.

— Точно, — в интонациях моего собеседника проскользнули вальяжные нотки

полностью довольного собой человека, безоговорочно уверенного в собственной значимости и неотразимости, — он самый!

— И?.. — немного смутилась я.

— А ты не икай, красавица моя, — игриво усмехнулся Игорь. — Икота, она здорово целоваться мешает! — Он грубо заржал, теперь посчитав себя еще и самым остроумным мужчиной на свете. — Все уже собрались, одних вас ждем. — А вот это прозвучало уже намного серьезнее. — Приезжайте, да не мешкайте. — Он назвал адрес.

— Едем, — сообщила я и отключилась.

— Быстрее, — заторопила меня Галина, сметая не глядя разномастной кучей к себе в сумочку всякие дамские мелочи и хватая лежащие на подзеркальнике ключи от машины.

Я ответила ей косым взглядом исподлобья, прыгая на одной ноге и натягивая сапог. Галка не понимала главного: спешка уместна при поносе и ловле блох, во всех других ситуациях неизбежно приводя к ошибкам и недоразумениям. Но я-то, после конфуза с Вадимом, в подобных подлянках судьбы разбиралась отлично, а потому на душе у меня стало еще спокойнее...

Глава 4

Каучуковые подошвы его теплых зимних туфель мягко ступали по мокрой мостовой, не издавая ни звука. Он неохотно снял свое белое жреческое одеяние, из соображений конфиденциальности сменив привычный наряд на длинное драповое пальто неприметного серого цвета. Голову мужчины по-прежнему закрывал глухой капюшон, что с учетом нынешней ненастной погоды выглядело совершенно уместным. И даже если намеренно не принимать во внимание его уникальное умение отводить от себя взоры досужих зевак да стирать из человеческой памяти воспоминания о случайной встрече, то было ли кому дело на улочках вечерней Буды до этого высокого, худого, немного сгорбленного мужчины, явно спешащего по одному ему известной надобности? Время близилось к вечеру, погода сегодня выдалась на редкость отвратительной, а посему прикрывающимся шляпами и зонтами прохожим стало совершенно не до любопытства. Порывы колючего северного ветра подхватывали водные брызги и, присовокупив к ним пригоршни липкого снега, так и норовили просочиться за поднятый воротник куртки или забраться под полы плаща. Тут уж не до любопытства, скорее бы домой попасть — поближе к теплему калориферу или под плед на диван. К тому же как назло, вблизи автовокзала на улице Миклоша столкнулись двухъярусный туристический автобус и шикарный «мерседес-бенц», образовав шумный затор и создав лишнюю суматоху. Говорят, есть пострадавшие, да и раритетный автомобиль побился изрядно. Вот ведь что нынче непогода творит! Поэтому праздношатающихся гуляк на улицах сегодня не наблюдалось, торопились и спешили все без исключения, а пуще всего тот самый мужчина в пальто с капюшоном, который умел при необходимости становиться идеально невидимым и неслышимым.

А путник все прибавлял и прибавлял шаг, ибо ему предстояло преодолеть немалое расстояние — аж до самой горы Хармашхатар-хедь. У приходской церкви района Уйлак он, кинув неодобрительный взгляд на ее вызолоченный, увенчанный ажурным католическим крестом шпиль, сел в автобус, идущий до самого конца проспекта Сепвёлди. Заплатив контролеру два форинта за поездку, он получил разовый талон синего цвета и занял последнее в ряду место у окна, специально отвернувшись к запотевшему стеклу. Но остерегался он напрасно, ибо продавшая ему билет женщина, пожилая и задерганная невиданным наплывом пассажиров, в тот же миг забыла про этого странного человека, не обратив никакого внимания ни на его скрытое капюшоном лицо, ни на необычной формы руку, затянутую в непроницаемую кожаную перчатку.

За окном автобуса медленно проплывали стены домов, до неузнаваемости искаженные мутным водным потоком, непрерывно льющимся с разверзшихся небес. Зима в Венгрии —

далеко не самое приятное время года, и трясущийся в автобусе путник привык проводить его совсем не так, как сейчас, но сегодня у него попросту не было иного выбора. Уж слишком многое и неожиданное произошло за последние дни, вот и пришлось ему покинуть Убежище под храмом да отправиться в сей долгий путь, морщась от кислого, гнилостного запаха окружающих его людей. Это ведь только самим смертным кажется, будто человек благоухает изысканным ароматом используемых им духов. А на самом деле — человек недолговечное существо, стареющее и разрушающееся за несчастные пятьдесят — шестьдесят лет, пахнет тем, чем и положено пахнуть всему нежизнеспособному: резкой вонью разложения и миазмами могильного праха. Вот почему, абстрагируясь от толпы, путник предпочитал хладнокровно смотреть в окно, не уставая удивляться мощи этого величественного города, уже пережившего и намеревающегося пережить еще немало сотен человеческих поколений, ошибочно считавших древний Будапешт своей собственностью. О нет, это далеко не так! Город никогда не принадлежал людям, это они принадлежали ему целиком и полностью, уходя и приходя так мимолетно, что огромная столица даже не успевала заметить очередную смену населяющих ее жителей, уделяя им внимания ничуть не больше того, что уделяет мудрый зверь ползающим по нему насекомым. Досадно, неудобно — да и только... И следует признать, что молчаливый путник совсем неспроста относился к своему городу с неким переходящим в благоговение уважением, признавая за ним полное и законное право пренебрегать интересами хрупких смертных созданий. Сам он обоснованно причислял себя к абсолютно иному роду, изначально входя в некое — весьма ограниченное — число тех, кто городу не принадлежал, а, наоборот, на протяжении столетий хранил и оберегал его традиции — и потому знал о Будапеште все.

Невесомые снежинки легкомысленно стукались о грязное стекло и тут же резвыми мутными каплями скатывались вниз, проделывая это настолько быстро и бессмысленно, что успевали опережать даже размеренный ход времени, сегодня — словно замерзший от холода и слегка притормозивший. И пожалуй, только время да еще дорогие, не стирающиеся из сердца воспоминания о прошлом, помогающие легче понимать сумбурное настоящее и предвидеть туманное будущее, занимали мысли этого чрезвычайно сдержанного в проявлениях эмоций путника. Мужчина устало склонил на грудь прикрытую капюшоном голову и неподвижно замер в мягком автобусном кресле, дыша столь редко и тихо, что казался неживым. Он вспоминал...

Они пришли сюда первыми, с кровью и потерями отвоевав сей благодатный край у необузданных наездников-скифов. Их, гордых сыновей Римской империи, с первого взгляда заворжили эти зеленые холмы, гостеприимно омыли волны величаво катящейся голубой реки и безудержно опьянил вкус местного винограда — сладкого и золотистого, как лучи взрастившего его солнца. Назвав свою новую провинцию Паннонией (Благодатной), легионеры спешно отстраивали военное поселение Аквинк, в первую очередь старательно возводя роскошный беломраморный храм бога Митры — сына солнца. Солдат сопровождало некоторое количество прибывших из Рима жрецов, среди которых находился и дремлющий нынче в автобусе путник.

С той поры минуло почти два тысячелетия...

Мы способны не замечать неумолимый ход эпох лишь в том случае, если время тоже не замечает нас, не торопясь побыстрее погрузить нашу жизнь в пучину великого небытия. Но, увы, желанного удела избранных, способных противостоять испепеляющему дуновению времени, удостоиваются не многие, а только те, кто добровольно отказался от человеческого облика и, что еще ужаснее, от человеческой души, со всеми присущими ей качествами и недостатками: умением любить и ненавидеть, пониманием доброты и неприятием зла, желанием отличать свет от тьмы. Бессмертие всегда приравнивается к безразличию, в котором уже не имеет никакого значения вкус вина, нежность поцелуя, улыбка ребенка. Бессмертие — безлико, ибо практически не подвержено воздействию самых значимых

критериев вечности: жизни и смерти. К нему испокон веков стремились храбрецы и мудрецы, за него сражались герои и злодеи, его искали алхимики и философы, воспевали поэты и певцы, но досталось оно отнюдь не им...

С самого начального момента разумного осознания себя человечество ведет настойчивые поиски того, кто однажды заскучал, захотел развлечься да и создал первого из них по образу и подобию своему. И вот за последние тысячелетия чего только не предпринимали люди, чтобы хоть на шаг приблизиться к своему неведомому Создателю, проникнуться смыслом его сути и постичь грандиозность дальнейших замыслов. Именно ради этого строили они Вавилонскую башню и Ноев ковчег, возводили пирамиды и выходили в космос, вели войны и совершали открытия. Но все усилия оказались тщетными, пропав втуне, — Творец не торопился явить людям свой лик, ужасаясь творимым человечеством злодеяниям, медленно, но верно разрушающим подаренный им мир. Мир, который они так и не смогли полностью оценить и понять... Люди оставались всего лишь наивными детьми, упоенно ломающими доверенную им игрушку, — проказливыми и непредусмотрительными. Но зря человечество вело себя столь неосторожно, решив, будто за их действиями никто не наблюдает. Оно ошиблось...

Прибывшие в Паннонию жрецы принесли с собой серебряные пластинки, исписанные необычными клиновидными значками, не понятными никому, кроме них самих. То были священные скрижали, завещанные самими Творцами и гласившие: «...и прибыли на пустынную планету два брата-близнеца, несомые огненной колесницей, прилетевшей из черной бесконечности. Первый из них звался Ормуздом-светлым, а второй — Ариманом-темным. В четыре руки совместно взяли они кусок глины, слепили из нее фигурку и, дунув с двух сторон, вдохнули искру бытия. Так появился первый человек — Ранних, а затем и жена его — Лирия, и начали они жить и плодиться. Добрый Ормузд учил людей выращивать хлеб и ухаживать за животными, ткать полотно и строить дома, врачевать, вырезать из тростника свирели, петь и танцевать. Злобный же Ариман, чье жгучее дыхание способно испепелить все живое, портил любое начинание брата — дал людям оружие, подбивая их на обман, насилия и убийства. Люди не смогли слушаться обоих Творцов сразу, и в итоге братья поссорились. Они порознь покинули Землю, затаив обиду на созданных ими существ и друг на друга, а человечество в итоге раскололось на две половины, идущие разными путями — дорогой добра и дорогой зла. Но Творцы оставили вместо себя справедливого судью, призванного незыблемо стоять на небесном мосту Чинват, соединяющем мир живых с миром мертвых, и взвешивать поступки проходящих по мосту душ, отлетающих из тел усопших. И имя тому — бог Митра. Творцы установили срок, к окончанию коего Митра обязан собрать все совершенное людьми добро и зло, да сравнить — которое из них перевесит. А если доля зла намного перетянет чашу весов, то уничтожит справедливый бог все погрязшее в грехах человечество силой своего гнева...»

Жрецы бога Митры трепетно блюли заветы Творцов, наблюдая за происходящими в мире событиями, но никогда не прикасались лично к неустойчивой стрелке весов, попеременно склоняющейся то в сторону зла, то в сторону добра. Проходя семь степеней посвящения, жрецы — Ворон, Воин, Сокрытый, Волк, Страж, Солнечный Вестник и Наставник — обретали мудрость, а вместе с ней и бессмертие. Вот только цена за преданное служение богу оказалась слишком велика, ведь избранные утрачивали не только человеческую оболочку, но и душу, становясь равнодушными ко всему. Поселение Аквинк росло и ширилось, став городом Будапештом, а люди все так же жили и умирали в его стенах, внося посильную лепту в противостояние Ормузда и Аримана. И так продолжалось очень долго, до тех пор, пока в тысяча четыреста восьмидесятом году один из жрецов Митры, Волк, не полюбил прекрасную смертную девушку — младшую сестру венгерского короля Матиаша Корвина, принцессу Дагмару из рода Сокола...

Автобус достиг конечного пункта назначения и остановился. Его дверь с тихим шорохом отошла вбок, выпуская наружу немногочисленных пассажиров, зачем-то

добравшихся в столь отдаленный район столицы. Путник решительно покинул теплый салон автобуса, выходя под проливной дождь, в момент промочивший насквозь его пальто. Но стихия свирепствовала зря — высокий мужчина под капюшоном уже давно разучился ощущать холод и сырость, не придавая ни малейшего значения примитивным физическим неудобствам. Он признавал лишь власть разума, да еще довлеющий над миром суровый рок, готовясь выполнить предначертанное ему свыше и воплотить в действительность волю тех, кому служил слишком долго. Жрец Митры бесконечно устал, уже не желая ничего — даже бессмертия, не принесшего ему ни радости, ни разочарования. Он осознавал себя пустым, выгоревшим дотла светильником, зря коптящим небо. Он устал от творящегося вокруг зла, несомого в этот мир жестокими детьми Аримана, разрушающими все на своем пути и нагло попирающими заветы Создателей. Творимые людьми злодеяния уже до краев наполнили черную чашу весов Митры, намного перевесив противоположную, почти пустую — белую. Весы справедливости покачнулись и начали настойчиво клониться в сторону гибели. Последний час Земли близился...

— Никто из них не заслуживает спасения! — удрученно шептал жрец, настойчиво продираясь сквозь дождь и ветер. — Ни люди, ни грязные псы-мутанты, ни даже наши дети — Чистые, случайно пришедшие в этот мир. Проклятая, окаянная любовь — как часто нарушает она благой промысел богов, случайно или преднамеренно вмешиваясь в закономерный ход событий. Именно она породила народ лугару, а теперь возродила род Сокола, но сегодня я задавлю ее на корню, не позволив помешать тому, что должно случиться. Земле суждено погибнуть, ибо, лишь искоренив все прогнившее и порочное, можно начать жить сначала, с белого листа, начисто переписав судьбу вселенной. А посему любое совершенное мною злодеяние становится оправданным...

Говоря откровенно, он сам никогда не верил в возможность свершения второго пророчества. Со дня смерти Дагмары и короля Матиаша, не оставившего после себя потомства, род Сокола считался прервавшимся. Прошло больше пятисот лет, и вот, на тебе, золотая роза лугару, дочь законных правителей Венгрии, возродилась снова, неся в себе все черты легендарных Корвинов: темные, почти черные глаза, светлые волосы и... еще кое-что, являвшееся строжайшей тайной, тщательно оберегаемой храмом Митры. Второе пророчество сбылось! И поэтому сейчас ему следовало поторопиться, чтобы не допустить осуществления еще и третьего, последнего из записанных Заратустрой пророчеств. К тому же там, где появляется женщина, уже не жди ничего хорошего, ибо с ее приходом в жизни всегда начинаются беспорядок и неразбериха, мешающие упорядоченному вращению колеса судьбы...

Он криво ухмыльнулся, понимая — слишком многие назвали бы предательством то, что он намеревался сделать прямо сейчас. К счастью, никто об этом не узнает. Лугару неторопливы, а бушующая на улицах Будапешта стихия, похоже, действует заодно с ним... Пройдет еще немало часов, прежде чем отправленный Наставником посланец достигнет дома главы чалада⁷ Чистых — благочестивого Калеба и передаст ему приказание Абадаи. А потом они вместе отправятся в усыпальницу Изгоя и нарушат сон подло предавшего свой народ воина, чтобы отправить его на встречу с дочерью Сокола. Но он знал, что они не успеют, ибо к тому времени ложе серебряноволосого выроodka окажется пустым, а сам он будет уже далеко отсюда...

Погода ярилась напрасно, так и не сумев остановить фанатично настроенного путника. Он все-таки достиг желанной цели, добравшись до Палвёдской сталактитовой пещеры — самой большой по протяженности (длина ее более тысячи метров) и, безусловно, самой красивой из всех известных. В пещере, открытой для осмотра с начала апреля до конца октября, имелось электрическое освещение, а дорога была вымощена камнем. Впрочем, все эти подробности жреца не интересовали. Путешественник вынул из кармана своего пальто

⁷ Чалад — семья (венг.).

тяжелый медный ключ и отомкнул сваренную из стальных прутьев ограду, закрывающую вход в пещеру. Предусмотрительно оглянулся, но не обнаружил ни единой живой души — один лишь ветер протяжно завывал в темноте, уже сдавшись и даже не пытаясь воспрепятствовать зловещим замыслам одинокого путника. Жрец высокомерно усмехнулся и шагнул внутрь подземного лабиринта, хорошо ему знакомого.

Не обращая внимания на окружающие его красоты, он торопливо преодолел экскурсионную часть пещеры, свободно передвигаясь среди причудливо свисающих с потолка сталактитов и не хуже кошки видя в царящей под землей непроглядной темноте. Могильную тишину пещеры нарушал частый стук капель, срывающихся с граней меловых наростов, кажущийся непомерно громким. Жрец проследовал в узкий боковой коридорчик и прикоснулся к стене, на первый взгляд выглядевшей абсолютно однородной и монолитной. Но, подчиняясь строго определенной череде нажатий, часть базальтовой плиты с тихим шорохом отъехала в сторону, открывая начинающийся за ней туннель — заброшенный и заросший пятнами зеленоватой плесени. Ничуть не испугавшись спертого воздуха и ловушек, возможно поджидающих его впереди, путник уверенно пошел вперед, осторожно ступая на некоторые из плит расчерченного на ровные квадраты пола и старательно избегая других — фальшивых, способных увлечь в глубину смертоносного провала.

Пройдя через несколько многократно разветвившихся проходов, жрец Митры попал в округлое помещение, в центре которого покоился хрустальный саркофаг, плотно закрытый прозрачной крышкой. Температура в погребальной камере оказалась настолько низкой, что покрывающий ее стены иней не таял даже от теплых клубов дыхания, вырывающихся из-под опущенного капюшона пальто. Путник вынул из кармана небольшой сверток, сквозь полиэтилен которого просвечивали пачка денежных купюр, документы, билет на самолет да вороненое дуло пятнадцатизарядного пистолета «беретта», и положил его на пол возле саркофага. Он вытянул из-под постамента хрустального гроба длинный узкий меч и откинул холщовую тряпицу, оберегавшую оружие от сырости и мелового налета. Извлек клинок из ножен и мгновение просто стоял, молча любясь волнистым, отсвечивающим холодным светом лезвием, еще наполненным страшной энергией Изгоя, не иссякшей даже за прошедшие двадцать пять лет. Вздрогнул от отвращения и небрежно бросил меч рядом с принесенным им пакетом. Клинок укоризненно звякнул...

Жрец наклонился над выпуклой поверхностью саркофага, вглядываясь в помутневшее стекло. Он пробежался пальцами по панели управления, отключая камеру анабиоза и подавая команду начать процедуру пробуждения находящегося в ней человека. Струи теплого воздуха заполняли саркофаг, постепенно поднимая температуру тела того, кто провел в нем целую четверть века. Жрец испытующе всматривался в рассыпанные по изголовью длинные светлые волосы, острые скулы, высокий лоб и правильно очерченные бледные губы. Крышка консервационной камеры поднялась... Веки спящего в ней человека задрожали, готовясь распахнуться, жилка на шее мелко запульсировала, и тогда путник, ожидающий именно этого момента, наклонился над саркофагом и прошептал прямо в ухо пробуждающегося к жизни человека:

— Найди ее, эту возроденную дочь Сокола! — Он нервно впился своими кривыми, покрытыми густой шерстью пальцами в край саркофага. — Не дай ей спасти наш греховный, приговоренный к гибели мир. Она есть зло в чистейшем виде, несущее нам неисчислимые беды. Останови ее, убей ее!...

— Ба-а-а, какие люди в Голливуде! — преувеличенно радостно расшаркивался Игорь, гостеприимно распахивая дверь своей квартиры и пропуская нас с Галкой в тесную, обклеенную невзрачными обоями прихожую.

— Сплошные звезды, а не люди! — кокетливо продолжила Галина, сбрасывая дубленку на его услужливо подставленные руки. — Поухаживаешь за дамами, хозяин?

Рыжий диггер немедленно закивал и изобразил неловкую, гротескную пародию на светский поклон. Я неприязненно дернула уголком рта, наблюдая за его шутовскими

ужимками. Определенно моя интуитивная антипатия к Игорю только усилилась. Он явно переигрывал, стараясь произвести на нас исключительно благоприятное впечатление. Подобное возможно лишь в двух случаях — либо мы зачем-то были ему очень нужны, либо предприимчивый парень из всех сил стремился сойти за того, кем на самом деле не являлся.

Я окинула беглым взглядом установленную в коридоре вешалку для одежды, на которой насчитала шесть мужских курток, и тут же вспомнила — команд вроде бы набиралось пять. Похоже, Игорь не врал, ждали только нас.

— А кто шестой? — заинтересованно спросила я, проходя в комнату и щурясь от клубов плавающего в полутьме табачного дыма. Помещение еле освещал ночник под зеленым тканевым абажуром, придавая царящей в нем атмосфере ауру совсем не деловой интимности. Небрежная обстановка диггерской берлоги, показавшаяся мне омерзительнее жизни угнетенного российского рабочего накануне великой пролетарской революции, красноречиво подчеркивала калибр личности самого хозяина — ухватистого, жадноватого и немного неряшливого. Потертый шерстяной ковер производства фабрики «Красная ткачиха», тройка разнокалиберных, ветхих от старости кресел, колченогий журнальный столик, загроможденный донельзя захватанными пивными бокалами с отчетливыми отпечатками пальцев. Мечта криминалиста. На щербатую тарелку кучкой вывалено содержимое пары пакетиков — вяленые кальмары, а у дивана практически стоят заскорузлые носки, источая едкие миазмы, перебивающие даже густой сигаретный смог. Уютом тут и не пахло, ведь женщины в этом доме отродясь не водилось. Мне сразу стало понятно, что наш диггер придерживается закоренелой холостяцкой мудрости: «Лучше молоко в холодильнике, чем корова на кухне».

— Девчонки!.. — Навстречу нам поднялся высокий блондинистый парень, так и дышащий ядреным водочным перегаром, — С Новым годом! — Он с ходу попытался облапить Галку, но покачнулся и под дружный хохот всех собравшихся неловким кулем обвалился обратно в кресло.

— Отвали, debil! — протестуя взвизгнула моя подружка и, перешагнув через чьи-то длинные, протянутые поперек ковра ноги, вскарабкалась на колени к Стасу, сидящему в углу и ритмично покачивающему головой в такт льющейся из колонок музыке.

Я прислушалась. Кто-то пел на венгерском красивым мужским баритоном — мягким, но чуть хрипловатым. Я удивленно приподняла брови, вникая в смысл песни, напоминающей лирическую балладу.

Нам не прощают гордый нрав,
Не разбирают: прав — не прав...
Здесь зла нетронутый анклав,
И все — враги.

А коль ты просто человек,
То счастья не найдешь вовек,
Коротким станет твой забег,
Себе — не лги.

И бьют тут в глаз — отнюдь не в бровь,
И ежедневно льется кровь,
Чужим богам не прекословь,
А прочь беги...

Раз не даны тебе клыки,
То с сильным драться — не с руки,
Герои — просто дураки,

У них — долги.

Пред чьей-то совестью чужой,
Перед отсроченной бедой,
За то, что жизнь еще с тобой,
Им — помощи.

И может, через злобы лед
Она незримо прорастет,
Позвав в безудержный полет,
Сквозь рев пурги.

Тогда, назвав ее — любовь,
Из пепла ты воскресни вновь,
А о погибших — не злословь,
Честь — береги...⁸

Я невольно вздрогнула всем телом, переведя короткие четверостишия, огненными искрами впивающиеся в мою душу. Мне казалось, еще чуть-чуть — и я пойму, о чем же на самом деле поет этот незнакомый, определенно талантливый и самобытный, исполнитель.

— Нравится? — насмешливо спросил Стас, бдительно следя за выражением моего лица. — Оригинально, правда? Не то что всякие там попсовые «муси-пуси»...

— Еще бы, — согласно улыбнулась я, стараясь вести себя естественно и ничем не выдать своей настороженности. — Кто он? Там фоном посторонний шум идет, запись точно не студийная... — Эта улыбочка далась мне нелегко и вряд ли сошла бы за искреннюю, если бы не спасительная полутьма. Нуда, впрочем, от улыбок никому еще не становилось светлее, невзирая на клятвенные уверения всяких детских песенок — мол, проверено на слонах и маленьких улитках.

— Я прошлым летом ездил на фестиваль нетрадиционной музыки в Будапеште. — Знаток венгерских достопримечательностей одной рукой легко приподнял кошечкой льнущую к нему Галку и склонился набок, выключая музыкальный центр. В комнате сразу стало тихо. — Они его каждый год проводят на одном из островков посреди Дуная, фестиваль поэтому даже так и называется «Сигет»⁹. А группа — эта местная, пока еще малоизвестная — «Тайекозтато», что переводится как «Вестник». «Вестник», — мысленно хмыкнула я. — Ой, чего-то шибко будоражащее послание он нам несет...»

— А шестой — это я, — непоследовательно сменил тему парень, отвечая на мой вопрос. — Только я с вами не пойду, не тянет меня по подземельям шастать. Там, — он язвительно усмехнулся, — и шею сломать недолго. Зато информация моя верная, мне ее друзья прислали.

Удивительно, но почему-то я чрезвычайно спокойно восприняла тогда его категорический отказ лезть в городские катакомбы, хотя, если разобраться, мы и собрались-то в диггерской квартире именно для обсуждения подробностей этого мероприятия. Спрашивается, какого рожна было нужно Стасу от нашего сборища, если сам он решил остаться в стороне? И если бы я в тот вечер чуть повнимательнее отнеслась к своим подсознательным ощущениям, то не проигнорировала бы подсказки интуиции, едва ли не кричавшей: «Он — врет! Он что-то замышляет!»

⁸ Здесь и далее стихи автора.

⁹ Остров (венг.).

— А не лучше ли на дискотеку свалить? — лениво предложил кто-то, чиркая зажигалкой.

Диггер испуганно дернулся, беспомощно оглянулся на Стаса и зачастил убедительной скороговоркой:

— Да вы что, ребята, это же экзотика!

— Ага, — не сдавался его оппонент, — плавали, знаем. Я вот прошлым летом в погоне за таким экстримом с парашютом прыгнул...

— И как? — спросил Стас скептически, щелкнув пробкой раскупоренной пивной бутылки.

— Как, как... — Рассказчик выдержал драматичную паузу, видимо смакуя дорогие его душе воспоминания. — Да вот так! Ощутил, из какого именно места жидкий адреналин выделяется...

Мой рыжий поклонник демонстративно хихикнул.

— Игорек! — вдруг бурно возопил пьяный блондин, — Диггер чертов! А есть ли они на самом деле под городом — подземелья-то твои?

— Есть, — уверенно ответил хозяин квартиры, подмигивая мне с самым завлекающим видом. — Ох и люблю же я туда красивых девушек водить, блондинок — в Ночной дозор... — Смысл, вложенный в последние слова, казался более чем прозаическим.

— Дозор — позор! — мстительно срифмовала Галка, утыкаясь носом в шею Стаса и мурлыча, словно кошка.

Парни одобрительно заржали.

— Так ты у нас, значит, исследователь со стажем? — без обиняков спросила я, опираясь на полированный шкаф с разболтанными дверками и эротично округляя бедро. Хотелось присесть, ибо гадостные последствия похмелья все еще шумели в моей голове, однако меня совсем не привлекал низкий диван, застеленный зачуханным, усеянным бурыми пятнами покрывалом. Хрен его знает, чем на этом диване занимались... И с кем...

Но не обративший ни малейшего внимания на мою брезгливую гримасу Игорь хвастливо приосанился, откидывая за плечо свои африканские косички:

— А то ж! Уже почитай лет десять, как подземными розысками занимаюсь...

— И успешно? — поддела я насмешливым тоном.

Самоуверенный диггер высокомерно надул губы. Я видела, по возрасту он моложе меня года на два-три, а поэтому пыжился все больше, старательно напуская на себя вид взрослого самостоятельного мужчины.

— Это что, проверка интеллекта? — небрежно поинтересовался Стас, движением век приглушая блеск нездорово засветившихся глаз, а я почему-то впервые обратила внимание на его чересчур густые волосы, узкими бакенбардами спускающиеся к скулам. И еще этот непонятный запах, более резкий, чем обычный мужской пот, перебивающий даже аромат дорогого одеколона. Нет, остальные парни так не пахнут... — Не доверяешь нам, красавица? Или полагаешь — все диггеры по жизни простофили и неудачники?

Я засекла, как напрягся Игорь, становясь похожим на туго натянутую струну. «Черт, да что здесь происходит? — вихрем пронеслось у меня в мозгу. — Нужно срочно разрядить обстановку...»

— А почему бы и нет? — Я сложила губы бантиком, всем своим обликом недвусмысленно намекая: я блондинка, тупая кукла Барби. — Я вовсе не хочу заводить отношения с дураками или, что еще хуже, лезть в подземелье за компанию с тупыми маньяками.

— Проверяй! — милостиво разрешил любитель венгерского фольклора, обменявшись с диггером скорым, донельзя облегченным взглядом.

«Ситуация становится все интереснее, — подметила я. — Они явно действуют в сговоре, причем их совсем не интересуют другие парни. Что бы это значило?»

— Да ладно, проехали! — Я постаралась замять возникшее недоразумение, переведя свои слова в шутку, но парни загалдели наперебой, требуя проверить Игорька на

«вшивость».

— Ну хорошо! — Я попросила листок бумаги и ручку, к месту вспомнив прикол, неделю назад поставивший на уши половину сотрудников нашего издательства. — Вставь нужные буквы. — Я проставила на листочке шесть точек и показала Игорю, предлагая отгадать слово.

Даже не потрудившись подумать, с ходу рыжий диггер выдал абсолютно неприличное слово.

— Неверно! — невозмутимо сообщила я. — Ты в пролете, милый.

Восторженно ржущие парни находились на грани истерики...

— Так нечестно! — возмутился уязвленный в самое сердце Игорек. — Требую помощь зала или звонок другу.

— Да ради бога! — разрешила я, и листок с ребусом немедленно перекочевал в руки Стаса.

— Фиаско, — спокойно произнес тот. — Задача-то — раз плюнуть...

«Похоже, мои подозрения подтвердились полностью: Стас — намного умнее и находчивее Игорька, а в их неизвестно зачем созданном тандеме именно он играет лидирующую роль. Ох и не нравится же он мне...»

— Зато я — везунчик! — вознамерился реабилитироваться рыжий диггер, весьма смущенный бездарно проваленным тестом на сообразительность.

— Правда? — изображая наивность, спросила я, решив обязательно разобраться в затеваемой дружками афере. А в том, что они замыслили нечто хитроумное, я теперь не сомневалась...

— Видишь, — он хвастливо повел вокруг веснушчатými руками, — квартирка-то на свои денежки куплена, на кровные, собственным горбом заработанные!

— Неужели под землей можно найти что-то ценное? — искренне изумилась я. — Вроде все уже у нас вдоль и поперек перекопано...

— Места подходящие знать надобно, — осклабился Игорь. — Вот, — он снял с полки шкафа толстую пластиковую папку и зашуршал прозрачными файлами, — это керенки, это екатеринки. Коллекционеры царские деньги хорошо берут. А в заброшенных подземных ходах можно и золотишком разжиться, и фарфором антикварным, и художественным литьем. Помню, — он разудало хохотнул, вкрадчиво беря меня за руку и притягивая к себе, — нашел я как-то дореволюционную купеческую захоронку. И чего там только значено не оказалось... — Его пальцы осторожно переместились на мое бедро. — Пойдем в спальню, покажу кое-что интересное. — Глаза диггера маслено поблескивали, не отрываясь от моей груди. — Я там все самое ценное храню...

— Ну ясно дело, — скабрезно фыркнул пьяный блондин, — чего только девке ни посулишь, чтобы в койку ее заманить...

Игорь обиженно мотнул косицами:

— Да я не вру!

— Верю-верю. — Я гадливо сняла со своей ноги его навязчивые пальцы — гибкие, тонкие, напомнившие мне суетливо копошащиеся паучьи лапки. — В другой раз покажешь...

Игорь нехотя отступил, глядя на меня все так же жадно.

— Ну может, хватит уже баб лапать? — недовольно протянул чей-то грубоватый голос. — Чай, не за этим собрались!

Вы это, оставьте обжимания на свободное от работы время, не фиг кислое с толстым смешивать...

— А ведь и верно, — хлопнул себя по колену Стас, сгоняя недовольно скривившуюся Галку. — Прости, дорогая, труба зовет. — Он достал из кармана сложенный втрое листок бумаги, развернул и протянул мне: — Читай еще раз, образованная наша, а то я в этом швабском путаюсь постоянно...

Я послушно пробежала взглядом по отпечатанному на принтере тексту, связно

переводя с немецкого и сразу же зачитывая вслух:

«Доводим до вашего сведения информацию об обнаружении достоверных данных, полностью подтвердивших факт состоявшегося побега трех военнопленных, приговоренных к трудовым работам на объекте NN города Свердловска. Зимой 1948 года рядовые Шульц, Аксман и унтерштурмфюрер Зальц, по донесениям контрразведки ранее причастные к деятельности научной организации «Аненербе»¹⁰, совершили дерзкий побег, имея при себе некий предмет — изначально считавшийся личным, но позднее квалифицированный как секретный и чрезвычайно важный. Сбежавшим лицам удалось достичь подземных катакомб, расположенных непосредственно под жилой частью города. Операция по их поимке успехом не увенчалась. Вход в подземелье замуровали, таким образом полностью исключив возможность обратного выхода военнопленных на поверхность».

— Откуда у тебя взялся этот документ? — поинтересовалась я у Стаса.

Он лукаво усмехнулся:

— Как говорит Игорек — места подходящие знать надобно! Есть у меня связи в Берлинском архиве, оттуда бумага и всплыла. А что, не внушает доверия?

— Наоборот, — в тон ему ответила я. — Я где-то читала, что семейство Аксманов много лет занимало командные посты в рейхсканцелярии и даже имело отношение к созданию нацистской молодежной организации Гитлерюгенд. Сомневаюсь, что сбежавший на самом деле был просто рядовым...

— Возможно, — иронично сморщился Стас, довольный моей проницательностью, — вполне возможно... Попадем в катакомбы — проверим!

— Так, — взялся командовать Игорь, почувствовав себя в привычной стихии, — все в курсе новости о станции метро «Южная», возводящейся напротив Дворца спорта по улице Фрунзе?

Парни лениво закивали.

— Завтра в шесть вечера собираемся возле нее. Форма одежды по собственному разумению. Но предупреждаю: внизу стоит чертова холодина. Если привяжутся менты, то официальная версия такова: мы играем в Ночной дозор...

— А на самом деле? — подпустила шпильку я.

Диггер лучезарно улыбнулся:

— А какая разница?

— А такая, — схватила я, добавив всем известную скабрёзность, — вот какая разница!

Стас заржал, излишне громко и ненатурально восторженно. А я начала подозревать, что дело с этим Дозором может оказаться далеко не безобидным...

— Ясно. — Один из присутствующих в комнате парней, невысокий, пухлый и круглолицый, старательно записывал в блокнот полученную информацию. — И насколько долго затянется наша операция, жратву с собой брать?

— Да уж, воистину путь к сердцу мужчины лежит через его желудок! — презрительно рассмеялась я, — Он без провианта и полдня не выдержит.

Пухлый покосился на меня с враждебным отвращением:

— Если путь к сердцу мужчины лежит через желудок, то понятно — почему все бабы такие язвы!

— Зато путь к сердцу женщины никогда лежать не должен! — игриво подмигнул Стас. — Настоящему мужику все по плечу: и бабы и подземелья...

— Катакомбы — это вам не дамы, их гусарским наскоком не возьмешь, — убежденно парировала я, глядя на него в упор. — По своим ли силам осину ломите?

Шатен недовольно стиснул челюсти, враждебно поигрывая узловато проступившими на них желваками:

— Моя бы воля, так я бы вообще таких сомневающихся в нас баб в подземелье не

¹⁰ Организация, созданная в третьем рейхе для изучения истории и наследия германской расы.

приглашал. Но без тебя... — Он вдруг резко осекся, в его глазах промелькнул испуг.

— А чья в том воля-то?! — пользуясь удачно подвернувшимся моментом, напирала я. К счастью, на нас почти не обращали внимания, засыпая Игорька вопросами, касавшимися экипировки и мер предосторожности, необходимых для безопасного пребывания под землей.

Стас посмотрел на меня с непонятной ненавистью и с явным желанием убить.

— Не твое дело, — неприязненно буркнул он, понимая, что выдал себя с головой. Но в следующий же миг черты его лица разгладились, обретая прежнее благодушное выражение. — Да это все Игорек чудит, — сладко пропел хитрец. — Он на тебя запал крепко, ну и пытается произвести впечатление. Смотри, Ева, — в его голосе проскользнула небрежно замаскированная под шутку угроза, — как бы с тобой чего необычного под землей не приключилось...

Я сильно сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, и призадумалась. Мне стало понятно: идея позвать нас в Дозор принадлежала вовсе не этим двум парням, а кому-то гораздо более умному, причем стоящему над ними обоими и к тому же основательно во мне заинтересованному. Вот и пришлось Стасу, за что-то изрядно меня ненавидящему, но до поры до времени вынужденному скрывать свои истинные чувства, собрать волю в комок да выполнять данное ему поручение. Вот только кем и зачем оно было дано? И какой смысл крылся за недосказанной фразой: «но без тебя...»? Для чего я им понадобилась на самом деле? Но, увы, правда об истинных целях затеянного Стасом похода пока оставалась скрытой за семью печатями, потому что даже самая большая правда всегда бессильна против маленькой лжи, если эта ложь устраивает всех! Их ловко придуманное вранье, похоже, волновало только меня, а потому я горела прямо-таки безумным желанием обязательно разобраться в сей непонятной, лихо закручивавшейся вокруг меня афере. А тот факт, что нас с Галкой намеренно втянули в знакомство с диггером и в импровизированный Ночной дозор, нынче стал уж слишком очевидным...

Глава 5

Мужчина, при рождении получивший имя Рейнгольд фон Берг, открыл глаза, словно подернутые изморозью, настолько необычен был их цвет — светло-серый, с серебристым отливом. Несколько минут он бездумно смотрел на неровный потолок пещеры, испещренный крупными кристаллами желтоватого кварца, прислушиваясь к своим невнятным ощущениям... Он не понимал, кем является, где находится сейчас и почему попал в столь странное место. Поначалу он совсем не чувствовал своего тела, но потом его охватила ужасающая боль, вызванная ускорением кровотока в восстанавливающихся после анабиоза конечностях. Начинаясь в пальцах ног, горячая волна скачками поднималась по телу, распространяясь на каждый нерв и клетку, вызывая непроизвольное сокращение мышц, и в итоге вырвала негромкий стон из-за его плотно стиснутых зубов. Он рывком поднял голову, безжалостно отдирая пряди примерзших к подушке волос, и вскрикнул, но не от физической муки, а от куда более невыносимого душевного страдания, инициированного вернувшейся памятью. Он снова обрел себя, а вместе с тем повторно пережил в мыслях все выпавшие на его долю испытания...

Согласно семейным метрикам Рейн родился в тысяча девятьсот десятом году, в знаменитой немецкой семье фон Бергов, насчитывающей в своей длинной родословной немало выдающихся ученых, исследователей и путешественников. Его отец Эрнст фон Берг заведовал крупнейшей из кафедр Берлинского университета, посвятив жизнь антропологии, археологии и изучению древних религий. Профессор фон Берг принял участие в нескольких научных экспедициях, исследовавших самые отдаленные уголки мира и окутанных аурой строжайшей секретности. Женился он поздно, к вящему неудовольствию семьи выбрав себе в супруги не какую-нибудь почтенную арийскую девушку с безупречной репутацией, а полудикую венгерскую красавицу, с которой познакомился в одной из своих авантюрных

поездок. К облегчению всех членов многочисленного семейства фон Бергов, так и не признавших брак Эрнста законным, девушка умерла вскоре после родов при весьма таинственных обстоятельствах, оставив после себя маленького сынишку — Рейна.

Свою нестандартную внешность — очень высокий рост, бледную кожу и совершенно белые волосы — Рейнгольд унаследовал от матери, которую совершенно не помнил. Как ни странно это выглядело, но в доме не сохранилось ни одной ее фотографии, поэтому мальчику пришлось полагаться на слова отца, клявшегося, что в их роду лишь одна иноземка Ханна имела такие прямые светлые волосы, бледную кожу и гипнотический взгляд прозрачных, словно родниковая вода, глаз. Сверстников Рейн чурался, недолюбливая задиристых мальчишек за издевательские насмешки над его броской внешностью. Они так и не приняли юного фон Берга в свою компанию, с некоторой завистью прозвав того «привидением». Впрочем, на самого Рейна это не производило никакого впечатления. Все свободное время он проводил за книгами, с отроческих лет поражая отца четкостью мышления, талантом к точным наукам, мелодичностью голоса с ярко выраженными вокальными данными и склонностью к языкам, дающимся ему с необычайной легкостью.

Рейн рос воистину необыкновенным ребенком. И лишь одно явление немного омрачало пору его безоблачного детства — странные провалы в памяти, преследовавшие тихого долговязого мальчишку, да редкие приступы ночного сомнамбулизма, заводившие Рейна то на крышу родового имения, то и вовсе на узкие улочки близлежащего городка. Эти не поддающиеся логическому обоснованию вылазки всегда заканчивались сильными головными болями, многочисленными обильно кровоточащими ссадинами и порезами, да еще полнейшей неспособностью вспомнить о том, где именно он был и что делал. Отец сердито хмурил брови и торопился увести сына домой. К счастью, с достижением половозрелого возраста лунатизм Рейна заметно поутих, постепенно сойдя на нет.

Его спокойная жизнь закончилась в тысяча девятьсот тридцатом году, когда отец отвез двадцатилетнего Рейна в Будапешт, намереваясь познакомить с родственниками матери. Сначала, собственными глазами увидев представленных ему удивительных существ, совершенно не верящий в сказки и всевозможные предрассудки юноша испытал настоящий шок, чуть не доведший его до умопомрачения. Но все же он хоть и с заметным усилием, но справился-таки с обуревавшими его эмоциями, правда с трудом принимая открывшуюся ему истину, ибо истина сия оказалась более чем ужасна...

А вскоре началась кровавая война, развязанная оголтелым нацистом Адольфом Гитлером. Профессор Эрнст фон Берг, не пожелавший поделиться совершенными им открытиями с курируемой рейхом группой «Аненербе», собравшей под свое крыло самых безумных мистиков и парапсихологов, сгинул в застенках гестапо. Оставшийся сиротой Рейнгольд попал под покровительство своего дальнего родственника Константина фон Нейрата, водившего близкое знакомство с фюрером, а потому юношу, у которого к тому времени были сильнейшие проблемы со здоровьем (у Рейна обнаружили рак крови), оставили в покое, милостиво предоставив возможность тихо умереть в фамильном поместье под Веймаром.

Возможно, причиной его неизлечимого заболевания стало подорванное в Венгрии душевное равновесие, а возможно — и какая-то подцепленная там зараза, доселе неведомая передовой немецкой медицине. Врачи сокрушенно разводили руками, признавая собственное бессилие. Семья списала состояние Рейна на дурную наследственность, доставшуюся ему от матери, и предпочла забыть о медленно угасающем юноше, навсегда вычеркнув его из своей памяти и фамильных метрик. Не отступился от больного фон Берга лишь один Константин, принимавший в нем самое горячее участие.

Кстати, именно он и познакомил Рейна с молодым, но уже скандально известным генетиком — доктором Йозефом Менгеле, проводившим немислимые в своей бесчеловечности опыты над узниками нацистских концлагерей. В тысяча девятьсот сорок третьем году, когда поражение Германии стало уже очевидным, Менгеле предложил доживающему последние дни Рейну добровольно принять участие в секретном

эксперименте. Смысл его заключался в переливании крови подопытному от противоестественного создания, сам факт существования коего не укладывался ни в какие научно объяснимые рамки. Объективно рассудив, что терять ему уже нечего, Рейн согласился...

Их насчитывалось почти пять сотен — молодых, идеально здоровых мужчин и женщин, преимущественно русских, румын и венгров, набранных доктором Менгеле в концлагере «Оберзальцах», проходившем в документах СС под названием «образцовая колония для научных исследований». Йозеф так и не открыл, из каких неведомых источников получил он кровь, вводимую подопытным, но ходили неясные слухи, будто бы он стремился создать бессмертных, ведь именно этим качеством якобы обладал исходный образец, так и оставшийся Рейну неизвестным. Впрочем, позднее он сам обо всем догадался, но было уже поздно...

Из пятисот подопытных, получивших инъекцию странной крови, к завершению эксперимента уцелело не более восьмидесяти. Среди них оказался и сам Рейн, не только полностью исцелившийся от рака, но и обретший новые, совершенно немыслимые качества. Впрочем, нечто подобное приобрели и остальные выжившие, хотя проявились они у всех по-разному. Одни стали телепатами, способными легко читать человеческие мысли, другие получили чудовищную силу, третьи обросли острыми костяными выступами. Но способность к трансформации своей физической оболочки получили все без исключения. Именно тогда Рейнгольд, притягивающий к себе разряды статического электричества, а потому способный управлять погодными явлениями, и познал обновленную, истинную сущность своего имени. Он стал Рейном — Воином дождя, идущим по воде убийцей, способным противостоять любому оружию.

В секретной лаборатории Менгеле он познакомился с румыном по фамилии Логан и его прекрасной сестрой Людвигой, которая пробудила в холодном сердце возрожденного немца доселе неведомое ему чувство — чувство страстной любви к женщине...

А затем начался исход немцев из Германии. Проигравшие войну фашисты спешно бежали в Аргентину и Бразилию, вывозя из агонизирующей страны награбленные богатства и имущество, а также ученых — лучшие умы нации. Рейн не относился к числу заключенных, да к тому же имел значимых покровителей и влиятельных, хоть и отказавшихся от него, родственников. Он получил официальное приглашение перебраться в Новый Швабеленд — как образец одного из величайших достижений современной науки, таящий в себе секрет столь желанного, но пока так и оставшегося недостижимым для людей бессмертия. Однако фон Берг понимал — его новые друзья, пребывающие в унижительном статусе простого лабораторного материала, не имеют столь заманчивого будущего и обречены на мучительную смерть под скальпелем прозектора. Он никогда не смог бы безучастно наблюдать гибель красавицы Людвиги, бесспорно достойной иной, куда лучшей участи. А потому, пользуясь оказанным ему доверием, Рейн организовал массовый побег, спасая жизни своих друзей и выводя любимую девушку из жуткого вивария доктора Менгеле. Так он стал предателем в первый раз, предав своих соотечественников ради спасения, по сути, мутантов.

Дерзкий побег удался. Спасаясь от наступающих им на пятки агентов СС, возглавляемые фон Бергом беглецы укрылись в Венгрии. Тамошняя родня Рейна приняла их весьма холодно. Ведь он-то уже прекрасно осознал, чья кровь вернула ему жизнь, попутно породив несколько десятков чрезвычайно опасных мутантов, сейчас неистово защищающих свое право на выживание. Пришлые вели себя излишне вызывающе, незаконно требуя часть исконной территории хозяев Будапешта. Послушавшись отнюдь не чужого для их семьи Рейна, те согласились и выделили мутантам более молодую часть города — Пешт, а сами же остались в его старой половине — Буде, где находились и священные развалины древнеримского Аквинка. Голубая лента Дуная разделила два рода, две стаи, два чалада —

первый из которых дал жизнь второму, пусть и невольно. И вот, на несколько последующих лет, между ними установилось некое подобие шаткого перемирия, старательно соблюдаемого и поддерживаемого. До тех самых пор, пока в игру не вступила слепая любовь, сметающая все на своем пути и разрушающая любые препятствия... Любовь — уже неоднократно ставившая этот мир на грань катастрофы.

До того как познакомиться с его отцом — Эрнстом, мать Рейна состояла в браке с мужчиной по имени Янош Фаркаш¹¹, несшим в себе каплю крови королевского рода Сокола. Он скончался очень рано, оставив Ханну молодой вдовой с сыном Белой на руках. Рейн так и не сумел выяснить, при каких именно обстоятельствах его будущая мать познакомилась с аристократичным немецким археологом и почему согласилась выйти за него замуж именно по венгерскому обряду, а затем оставила малолетнего сына от первого брака на попечение родственников и уехала в Германию. Но, так или иначе, именно к своему сводному брату — Беле Фаркашу, занимавшему весьма высокое социальное положение в запутанной иерархии закрытой будапештской общины, и обратился молодой фон Берг, умоляя о защите и крове над головой. Возможно, Бела и не стал бы прислушиваться к речам совершенно ненужного его семье полукровки, но как мог он отказать в просьбе сестре Логана — Людвиге, жалобно взиравшей на него прекрасными голубыми глазами? Бела полюбил ее с первого взгляда, точно так же, как и Людвиг с первого взгляда полюбила Бела...

Некоторое время им удавалось вполне успешно скрывать свою страсть от всех, пользуясь молчаливым пособничеством преданного Рейна, разрывавшегося между заботой о счастье любимой девушки и благодарностью к принявшему его родичу. Иногда чистая, идущая от сердца любовь принимает довольно странную форму, подобную той, что воспевается в балладах и не умирает в веках. Рейн осознал — Людвигу выбрала не его, не сумев устоять перед необузданной силой захватившей ее любви. Так имел ли он право в чем-то обвинять беззащитную девушку, весьма недолго дарившую ему свою благосклонность — только до тех пор, пока она не повстречала настоящего возлюбленного, ниспосланного ей судьбой? Нет, Рейн не винил ее ни в чем, старательно оберегая хрупкое счастье двух самых дорогих для него людей. То же, что произошло дальше, навсегда запечатлелось в душе отвергнутого влюбленного, наполняя ее непроходящим ужасом и отчаянием...

Стоял теплый осенний вечер, представлявший собой одно из последних мгновений тишины и сонного забытья, предшествовавших наступлению дождливой и сырой зимы. Огонь мирно бился в зеве мраморного камина, лениво пожирая золотистые липовые дрова, при сгорании испускающие тонкий медовый аромат. Аромат уходящей любви...

Длинные пальцы Рейна бережно ласкали изящный гриф черной испанской гитары, извлекая из ее струн нежные, похожие на всхлипы звуки, идеально гармонирующие со светлой грустью, царившей в его душе. Скупой на откровения и неохотно идущий на сближение с кем-либо, он привык изливать свои эмоции в стихах и песнях, получив уважительное прозвище «Певец любви и правды». Поставив на каминную решетку обутую в высокий сапог ногу, Рейн положил на свое колено изогнутый бок гитары, разительно напоминающий волшебную линию стройного бедра его возлюбленной. О да, на этих коленях она тоже когда-то лежала, но это длилось так недолго... Никогда уже впредь не вкусит он сладости ее алых губ, не приникнет поцелуями к ее распущенным светлым кудрям, струящимся небрежной волной и отливающим чистейшим серебром. Нынче Людвиг принадлежит другому...

Нет, он не роптал. Он стойко перенес потерю любви, пообещав самому себе: «Я ни за что не опущусь до зависти, ненависти или мести!» Он навсегда останется их другом —

¹¹ Волк (венг.).

оберегающим и хранящим то, что ему не досталось. Ангелом, оберегающим их любовь... Он не захотел покарать и убить брата Белу, укравшего у него сердце любимой девушки. Он не захотел причинять боль самой Людвиге, а значит, Рейн любил ее намного сильнее...

Плакали сгорающие в огне дрова, источая капли душистой янтарной смолы. Заунывно плакала гитара, рождая мелодию несостоявшейся любви, плакала душа поэта, изливаясь в проникновенных строках, передающих всю красоту и возвышенность его добровольной жертвы.

Следы цепочкой на снегу...
И вот уже, не чуя лап,
Я от судьбы своей бегу,
Себе признаться не могу:
Что ранен я, что нынче слаб.

А за спиной все громче вой,
И злобно щелкают клыки,
Беги, вожак, не то с тобой
Легко расправится другой,
И помни — все вокруг враги.

Свой главный бой я проиграл,
И проигрыш тот невосполним,
Я кровью землю замарал,
Но слез из глаз не выжимал,
А что она?... Она — с другим...

Мы все обмануты не раз,
Кто обмануться сам мечтал,
Наивной парой нежных фраз,
Случайной сменой лунных фаз
Беспечно стерт любви накал.

О, женщины, вам имя — ложь!
Как хрупок вашей страсти лед,
Разлука — шерсть мне не ерошь,
И так сжимает сердце дрожь,
Боль из души веревки вьет...

А помнишь, прошлую весной,
Ты в вечной верности клялась...
На хвойном ложе под сосной
Любовный мне дарила вой...
Другому — нынче отдалась.

А он — способен так любить?
До слепоты, до глухоты...
Кого в разрыве нам винить?
Поддался я... не смог убить
Того, кого так любишь ты...

И вот бегу, не чуя лап...

Теряю жизнь, теряю кровь,
Силен ли тот, кто духом слаб,
Кто предан, будто жалкий раб?
Но в ком еще жива любовь...

А кровь из этих страшных ран
Цветком душистым по весне
Вдруг прорастет, презрев обман,
И вновь, неся любви дурман,
К тебе придет. Но лишь — во сне...

Внезапно дверь комнаты широко распахнулась. От неожиданности Рейн уронил гитару, чуть не угодившую в огонь. С протяжным стоном лопнула разорвавшаяся струна. На пороге стоял Бела Фаркаш...

— Они нас выследили! — надрывно закричал он, напугав Рейна своими панически расширенными зрачками, огромными, словно два озера страха и горя. — Логан все знает!

Рейн вскочил, хватаясь за клинок, лежащий на полу подле его стула.

— Что с Людвигой?

— Она в порядке! — Бела пошатывающейся походкой подошел к столу, взял графин с вином и начал жадно пить прямо из горлышка, не ощущая ни крепости, ни вкуса изысканного напитка. — Пока в порядке. Но ищейки Логана взяли наш след и уже не отступятся...

Рейн задумчиво теребил свой гладковыбритый подбородок...

— Брат, — в голосе Белы проскользнула нотка надежды, — может, ты поговоришь с Логаном и все ему объяснишь? Он тебя уважает, и если к кому-то и прислушается, то лишь к тебе...

— Бесполезно, — негодуя мотнул волосами Рейн. — Глава чалада Падших ненавидит вас — Чистых. Ведь это ваша кровь сделала нас уродами и мутантами, навсегда вычеркнув из мира нормальных людей! Логан намеренно видит в жизни только черный и белый цвета, он и знать не хочет о существовании чего-то другого, не укладывающегося в его принципы. Если он и совершает какие-то милосердные поступки, то делает это по-своему. Он даже добро — причиняет, а справедливость — наносит...

Бела обреченно поник головой:

— Тогда мы попали в западню. Людвиг ждет ребенка...

— Ребенка? — гневно закричал не поверивший своим ушам Рейн. — Ребенка?! Да как ты посмел подвергнуть ее такой страшной опасности? — Он смотрел на брата с презрением. — Как мог ты обойтись с ней столь неосмотрительно и эгоистично? Ты... — Он хотел добавить «похотливое животное», но сдержался, здраво рассудив, что оскорбления ничего уже не исправят.

Фаркаш виновато отвернулся:

— Мы встречались слишком редко, — сбивчиво лепетал он, пытаясь оправдаться, — а потому напрочь забыли об осторожности...

Рейн одарил старшего брата повторным, еще более уничижительным взглядом. Да-а-а, уж он-то сам относился к благополучию Людвиги куда как бережнее...

— Твои уже знают? — напрямую спросил он, имея в виду стаю Чистых.

— Да, — вынужденно признался Бела. — Логан выследил нас с Людвигой и стал свидетелем последнего свидания. А затем он обратил внимание на ее недомогание и сделал правильные выводы... — Голос незадачливого влюбленного охрип от тщетно скрываемых слез. — Он встретился с нашим старейшиной Калобом...

— Дьявол! — бессильно сжимая кулаки, завопил Рейн, исступленно пиная каминную решетку. Рой искр взметнулся из огня, окрасив светлые глаза мужчины в цвет свежей

крови. — При заключении мира Калев раз и навсегда категорически запретил смешивать кровь двух чаладов. А Калеба невозможно разжалобить!

— Нам конец! — потерянно схватился за голову Бела. — Людвиге удалось сбежать от охранников брата, но теперь обе ранее враждующие стаи объединились и идут по нашему следу. И Чистые и Падшие считают, — Фаркаш захохотал как безумный, оседая на пол, — что мы должны умереть...

— Тише, — Рейн заботливо помог брату подняться, ободряюще обнимая его за плечи, — я этого не допущу!

— Ты нам поможешь? Спасешь Людвигу и ребенка? — Черные глаза Белы смотрели так доверчиво. — Пожалуйста, брат...

Губы Рейна искривила печальная усмешка.

— Помогу. — В нем боролись любовь и горе. — Клянусь спасти жизнь вашего ребенка, даже если мне придется отдать за нее свою!

Остаться в Венгрии стало небезопасно, но возвращаться в Германию тоже не имело никакого смысла. И тогда Рейн выбрал Россию. Они смогли купить билеты на поезд и незаметно покинули Будапешт. Они прятались и скрывались несколько месяцев, а потом у Людвиги начались роды, и беглецам пришлось обратиться за медицинской помощью. Их выследили и нашли очень быстро. Рейн сражался, спасая не себя, а Людвигу и ее новорожденную дочку. Но способен ли один, даже называемый Воином дождя и считающийся непобедимым, противостоять многим? Рейн дорого отплатил за жизни беспощадно убитых Людвиги и Белы, уничтожив десятки тех, кто еще недавно являлся его родственниками и друзьями. Так он стал предателем во второй раз...

Его схватили. Рейн собственными глазами видел трупы погибших влюбленных, защитить которых он так и не смог, но не знал, какая же участь постигла их новорожденную дочку. Он скорбел, в глубине души кровавыми слезами оплакивая прекрасную Людвигу и крохотную малышку, вырванную из его рук. Но внешне Рейн оставался абсолютно безучастным, мрачно сжимая помертвевшие губы и не опуская обличающего взора холодных глаз. Беспощадного, проклинающего, мстительного взора, даже без слов наводившего тихий ужас на всех вокруг него... Его судил объединенный совет двух чаладов и приговорил к смертной казни. Отныне он не принадлежал ни к одному из народов и получил прозвище Изгой — проклятый выродок, проливший кровь своих сородичей. Но в тот самый момент, когда все уже казалось решенным окончательно, за Рейна неожиданно вступились жрецы Митры, предложив заменить смертную казнь на долгий искусственный сон под сводами сталактитовой пещеры. Древние имели свои связи во внешнем мире и сумели достать экспериментальное, идеально подошедшее для их целей оборудование. Изгою не дали ни малейшей гарантии выживания, да, впрочем, его согласия никто и не спрашивал. Но перед тем как погрузить в анабиоз, с Изгой взяли нерушимую клятву — если осужденного однажды простят и вернут к жизни, то он беспрекословно выполнит порученное ему задание. Рейн дал слово...

Последним, что он запомнил, стали скорбно склоненные над его саркофагом морды Древних — великих жрецов Митры, страшные и мохнатые. А затем проклятого смертника окутал могильный холод, жуткий и колючий, пронизывающий до самых костей и повелительно напевающий:

— Спи, спи...

Веки Рейна сомкнулись...

Изгой поднял голову с подушки, с болью отрывая примерзшие к ней волосы и кривясь от неприятного покалывания в затекших мышцах. Интересно, сколько времени он спал? Прозрачную крышку камеры для анабиоза покрывал толстый слой пыли, но его одежда, упакованная в герметично запаянный пластик, осталась безупречно чистой и свежей. Рейн неторопливо оделся, испытывая нарастающее чувство голода и вспоминая местоположение

небольшого кафе, где он по своей давней привычке частенько обедал ранее. Ну тогда, до всех приключившихся с ним невзгод... Он подхватил любимый меч и, легко совершив несколько пробных выпадов, вложил его в подвешенные на поясе ножны. Полностью пробудившееся тело повиновалось Рейну безукоризненно, ничуть не утратив прежней гибкости и силы. Вот только оставленное ему огнестрельное оружие выглядело абсолютно незнакомым, буквально ошеломив непривычно изящными обтекаемыми формами. Впрочем, по принципу устройства оно оказалось ничуть не сложнее доброго старого немецкого люгера.

Рейн засунул в карман белого плаща документы и внушительную пачку денег, пообещав себе разобраться с ними чуть позднее. Он шокировано расширил глаза, прочитав указанную на авиабилете дату — третье января две тысячи десятого года. Выходит, он проспал целых двадцать пять лет!

Изгой взволнованно присвистнул, заметив выведенное на пыли слово: «Сегодня!» Позабывшийся о нем доброжелатель оставил Рейну и его фамильный серебряный перстень, удивляющий необычным рисунком, нанесенным на его поверхность, — снежинкой, помещенной в центр спирали, и прежний наручный хронометр, швейцарский, подаренный еще отцом. Золотая безделушка оказалась заведенной и сейчас исправно тикала, отмеривая минуты и секунды его новой жизни. Приглядевшись, Рейн понял — самолет вылетает ровно через четыре часа. Изгою следовало поспешить.

«Значит, так, — решил Рейн, — сначала ужин в кафе, а дальше — в аэропорт». Он развернулся на каблуках и покинул пещеру, даже не бросив прощального взгляда на убежище, столь долго служившее ему приютом.

Воин дождя прекрасно запомнил нашептанное ему задание, хотя и не разглядел произносящего слова жреца. Но разве это имело какое-то значение?

Рейн торопился...

На следующий день снегопад резко усилился, а столбик температуры застыл, будто вкопанный, остановившись в районе минус трех градусов по Цельсию и радуя нас неожиданной оттепелью. Снег валил стеной, успешно противодействуя и свету включенных фар и жалким потугам автомобильных «дворников».

Я скормила проигрывателю диск с записью последнего альбома Сезарии Эворы и немного сдвинула связанную из ангорки полоску, прикрывающую уши. Скрученные в компактный узел волосы отягощали мой затылок. Сильно начерненные ресницы и малиновая помада на губах повторяли цвета теплой синтепоновой курточки. Я приподнялась, удовлетворенно разглядывая свое лицо в зеркале заднего вида. Не бывает некрасивых женщин! Просто есть женщины, еще не научившиеся правильно пользоваться своей красотой...

Я снова душою проста —
Как гладь беспредельного моря,
Ведь смыты волною с листа
Слова откровений и горя.

Любовь из подводных глубин
На берег всплывает пугливо,
Нас к счастью ведет путь один —
Иди, босоногая дива!

Салон автомобиля заполнила чудесная песня, что с волнующей хрипотцой пела Сезария, удивительно гармонично сплетая свой чарующий голос с завораживающими

переливами гавайской гитары. Мою душу наполнила смутная тоска по свету далеких звезд, вызванная одиночеством и ожиданием новой, настоящей любви. Я почти физически ощутила приближение чего-то светлого, не присущего нашему погрязшему в пошлости миру... Но тут Галка, совершенно не воспринимающая эту португальскую певицу, зато фанатично обожающая Диму Билана, пренебрежительно наморщила нос и убавила громкость. Я саркастично фукнула сквозь зубы. Одни предпочитают слушать музыку, напрочь забивающую ритм жизни, а другие ту, которая делает его еще отчетливее.

— Ну и погодка, мать ее! — занудно брюзжала клещом вцепившаяся в руль Галина. — Хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. Нормальные люди сейчас дома у телика сидят, матч «Локомотива» с «Зенитом» смотрят...

— Фантазерка, паровоз с фотоаппаратом играть не могут, — проказливо хихикнула я, желая немного развеять ее мрачные мысли, даже невзирая на то, что у меня самой кошки на душе скребли от какого-то нехорошего предчувствия.

— Ну хохми-хохми, скрашивай нам дорогу, — хмуро откликнулась подружка. — Или все же обратно повернем, пока не поздно?

— Вот так дела! — критически хмыкнула я, — А не ты ли сама, с флагами и песнями, меня на эту игру поехать сагитировала?

— Я! — кисло подтвердила Галка, прибавляя скорости. — Но уже передумала...

— Почему? — недоуменно вздернула брови я.

— Страшно, — нехотя созналась она, нервно подергивая щекой. — Не понарошку, а действительно страшно! Витает сегодня в воздухе нечто такое, — она неопределенно прищелкнула пальцами, — опасное, ни фига не сказочное и не новогоднее...

Я промолчала, не найдя подходящих слов, способных опровергнуть столь дикое заявление. Я тоже подмечала это навязчивое угрюмое оцепенение, нависшее над испуганно затаившимся городом, ждущим прихода чего-то древнего и мистического. Так ведет себя попавшая в паутину муха, обреченно предчувствующая приближение голодного паука, проснувшегося от многолетней спячки и вышедшего на охоту...

«Дозор, — вдруг дошло до меня. — Ночной дозор! Это же не наша игра, это фикция, а мы в ней — всего лишь пешки... Но кто тогда призван стать главными игроками?..»

На улице стемнело. Проезжая часть казалась бесконечным черным тоннелем, уходящим куда-то в пустоту и смутно освещенным ненадежно-переливчатым светом галогенных вывесок над витринами магазинов. Впрочем, эта часть города являлась более старой, удаленной от центрального проспекта, а поэтому здесь почти не попадались шикарные бутики и, следовательно, было намного темнее и тише. Город то ли вымер, то ли отсыпался впрок, устав от затяжной праздничной гулянки. Мы чувствовали себя крайне неудобно, из окна машины наблюдая проплывающие мимо нас безликие серые стены домов, еще вчера казавшиеся столь привычными и надежными. Я вдруг ощутила — сама реальность непредсказуемо утратила свои нормальные очертания, приобретая налет зыбкой inferнальной мистичности, идущей вразрез с приземленным человеческим мышлением и разбивая его на мириады крохотных алмазных осколков. Осколков иных, абсолютно чуждых нам миров, лежащих за гранью бытия. А наш город выступал в качестве некоего пропускного шлюза, на краткий миг связавшего меня и то, что просыпалось, мучительно прорываясь сквозь барьер веков и вновь становясь явью. Город ждал... А вместе с ним ждала и я...

Снег перемешивался с дождем, толстым слоем облепляя прогнувшиеся под его тяжестью ветви деревьев. Жилые кварталы одевались в белые маскировочные халаты, пытаясь укрыться, спрятаться от подкрадывающегося извне хищника, способного сожрать всех и вся. И в этой зыбкой белизне проглядывало что-то невыразимо траурное, обреченное...

«Черт, — беззвучно ругалась я, потрясенная происходящей с Екатеринбургом метаморфозой. — Да что же это такое? Похоже, погода сбрендилась окончательно, наслушавшись разговоров о глобальном потеплении...»

Внезапно я различила высокую мужскую фигуру, неподвижно стоящую посередине дороги и возникшую словно бы из ниоткуда. Я ошарашенно моргнула, надеясь — вот сейчас странное видение пропадет, но оно не исчезало. Наша машина неслась прямо на незнакомца, почти незаметного за снеговой завесой. Его бледное лицо, длинные, свободно распущенные по плечам серебристые волосы и белый кожаный плащ идеально сливались с разбушевавшейся природной стихией, становясь ее неотъемлемой частью. Я еще успела заметить его бескровные губы и совершенно пустые прозрачные глаза — светло-серые, словно подтаявший речной лед. И единственным ярким мазком, который резанул мне по глазам, был невозможно красивый обнаженный меч с волнистым лезвием, зажатый в руке этой фантазмагоричной мужской фигуры и полыхающий ослепительным светом...

— Проснись! — острый, словно бритва, голос полоснул требовательным призывом, вызывая неконтролируемый ужас и дрожь узнавания чего-то привычного, просто временно затерявшегося в недрах памяти. Я так и не поняла, на каком именно языке он прозвучал, но ощутила болезненное покалывание в кончиках пальцев, постепенно распространившееся на все мое тело. — Проснись...

До белоснежной фигуры оставалась жалкая пара метров...

— Галка, — истощенно заорала я, — мужик по курсу машины!..

— Ты че?! — визгливо хохотнула подруга, протестуяще тряся пергидролевой челкой. — Дорого же! Ни один патентованный красавчик, включая симпатяшку Билана, столько не стоит...

— Блин, щас ведь собьем! — Я схватилась за руль «феррари» и крутанула его в сторону. Автомобиль вильнул вбок, чуть не зацепив даже не потрудившегося шелохнуться незнакомца, проводившего нас пустым, ничего не выражающим взглядом...

— Тебе жить надоело? — сердито поинтересовалась хорошо приложившаяся лбом о приборную панель подруга, потирая назревающую шишку. — Ты чего на руль, как на любовника, кидаешься?

— Мы же его чуть не задавили! — Я ощущала противную струйку липкого пота, сбегającego у меня между лопаток. — Садись потом в тюрьму за какого-то умалишенного...

— Да за кого? — недоверчиво хмыкнула Галина, поворачивая голову назад и старательно шурясь. — Там же никого нет. Тебе померещилось.

Я оглянулась... Дорога была девственно-чиста и пуста, если не считать воды и снега. Но я все-таки пребывала в состоянии стопроцентной уверенности — он стоял именно там, этот похожий на манекен мужчина, словно слепленный из холода и равнодушия. Я не могла ошибиться — воин с мечом просто исчез так же загадочно, как и появился... Интересно, и кого это он пытался пробудить столь необычным способом, посылая свой безмолвный жгучий приказ — город или... меня?

Я уговорила Галку не парковаться непосредственно возле самой строящейся станции метрополитена, а оставить машину чуть поодаль — в неприметном уютном дворике, расположенном среди однотипных кирпичных пятиэтажек. Сама не ведаю, какими соображениями я тогда руководствовалась, но внезапно давая знать о себе интуиция властно подсказывала — нужно обеспечить скрытый путь к отступлению, утаив его от любопытных глаз. Вдруг да пригодится...

Возле составленного из бетонных плит забора, огораживающего стройку, топталось человек восемь парней, беззлобно переругивающихся, покуливающих «Мальборо» и неторопливо попивающих пиво. Одиноким лучик фонарика, подвешенного у кого-то на шее, метался по сторонам, рывками высвечивая то пижонистые рюкзаки австрийского производства, то модные горнолыжные комбинезоны. Судя по доносящемуся от компании смеху, задуманная операция уже заметно утратила свой первоначальный статус грандиозной экспедиции к центру земли и превратилась в несерьезную вылазку, способную заинтересовать лишь неискушенных малолеток. Да и народу сегодня пришло гораздо меньше, чем планировалось изначально. Я обшарила взглядом собравшихся, отмечая и их

дорогую одежду, и полнейшее отсутствие оружия.

«Хоть бы ножи с собой взяли», — мысль возникла спонтанно, поначалу показавшись мне совершенно неуместной. Но внезапно я поняла: там, куда мы собираемся спуститься, нас поджидает страшная опасность, и коснется она в первую очередь тех, кто окажется рядом со мной. Следовало немедленно отговорить дурачков от рискованного предприятия или хотя бы как-то отдалить их от себя... Я даже хотела повернуть обратно, но не успела — нас заметили.

— А эти-то фифы на фига, спрашивается, приперлись? — нахально осведомился невысокий худощавый парень, едва достающий мне до плеча. — Только телок нам и не хватало...

— Такие девки, и без оружия! — гоготнул кто-то. — Видно, не трусливые...

— А может, у них имеется что-нибудь огнестрельное, колющее, режущее? — издевательски предположил мелкий. — А?

— Режущее, точно, есть — стринги! — негромко буркнула я, но меня услышали.

Парни оживленно захихикали.

— С бабами — оно и теплее и веселее! — заметно взбодрился черноглазый брюнет, смазливый и благоухающий французским одеколоном. — Привет, цыпочки!

— Послать бы их куда... — шипел плюгавый женоненавистник, строя из себя делового перца.

— Можно в космос, — посоветовала я, вплотную подходя к расфуфыренной компании, — это и далеко, и вполне прилично.

Брюнет одобрительно улыбнулся и томно причмокнул губами, раздевая меня взглядом. Я небрежно дернула плечом.

«И как это мужики не понимают, что слова «мачо» и «чмо» практически ничем не отличаются одно от другого? А по смыслу — тем более...» — мысленно усмехнулась я.

— Галочка! — радостно осклабилсЯ давешний навязчивый блондин, сегодня трезвый как стеклышко. — А поехали потом ко мне...

— Пиво пить! — с пошлым намеком протянул другой, тот самый пухлый крепыш, который выспрашивал у Игоря про сухой паек.

— Чрезмерное употребление пива вредно, ибо может привести к беременности! — серьезно сообщила я, вступая в круг света.

— Ой, Влад, это она про тебя! — глумливо заржал блондин, тыкая пальцем в выпуклый животик товарища. Похоже, он не уловил всей иронии моего намека, предназначенного Галине. — Точно, про тебя!

Влад посмотрел на меня будто на таракана.

— Молчала бы ты, — неприязненно процедил он, — пока домой не выпроводили...

— А что мне дома делать? — иронично усмехнулась я. — Я с вами хочу, мне мальчики нравятся...

— Светленькие или темненькие? — немного оттаял Влад, зацепляясь большими пальцами за карманы своей куртки и принимая горделивую позу.

— Умненькие! — Я передразнила его заискивающую интонацию. — Но вам это не грозит!

— Ах ты... — Упитанный Влад оскорбленно взмахнул кулаком, целясь мне в лицо. Я отклонилась, но недостаточно быстро... На костяшках его правой руки остались мазок моей помады и несколько капель крови. Я торопливо отвернулась, скрывая довольную улыбку и делая вид, будто испытываю сильную боль в разбитой губе.

— Нельзя так, она же девка, — наперебой зароптали парни. — А девок не бьют!

— Сама напросилась, дура! — тоненько вскрикнул мой обидчик, не зная, куда деваться от разъедающего чувства вины. — Нечего наезжать было...

— Нет, бабы, мы с вами не пойдем, — категорично заявил молчавший до этих пор парень, высокий и скуластый. — С вами вмиг не до поисков станет. Знаю я таких кошечек-неврастеничек — вы через полчаса устанете, потом ногу подвернете, потом заскучаете...

— Правильно! — авторитетным басом поддержал кто-то. — Если хотят огрести приключений на свои филейные части, то пусть одни идут...

Я прикрылась рукавом, старательно размазывая по щекам несуществующие слезы, а на самом деле — скрывая свое неподдельное ликование. Поставленной перед собой цели я достигла... Теперь мужчины уж точно предпочтут держаться от меня подальше, ибо я зарекомендовала себя как на редкость скандальная особа, да к тому же — кому из парней будет приятно иметь перед глазами постоянное напоминание о некрасивом поступке, совершенном их приятелем, — мою разбитую губу? Надо отдать им должное, может, они и пижоны, но кодекс чести блюдут свято — детей и баб бьют только трусы!

— Да кто их вообще сюда позвал? — обоснованно возмутился кто-то.

— Спокойно, Герасим. Не гони волну... — К нам неслышно подошел припозднившийся Игорек, выглядевший куда как серьезнее, чем прочие доморощенные первопроходцы. Диггер оделся во все темное, на поясе висел тесак в ножнах, а свои косицы он убрал под плотную шапочку. — Это я их позвал, и они пойдут со мной...

Я вовремя вынырнула из-за рукава, чтобы успеть поймать его внимательный взгляд, направленный точно на меня. Никто другой его сейчас не интересовал. В карих глазах диггера промелькнуло облегчение, смешанное с опаской и затаенным непониманием. Так обычно смотрят на попавшуюся в расставленную ловушку змею, не зная точно — ядовитая она или нет. Я спокойно опустила руку и ответила диггеру смелым прищуром, словно вызывая на поединок и подбивая: а ты попробуй прикоснись!

Игорь вздрогнул, смутился и, отвернувшись, юрко протиснулся в щель между плитами забора, даже не оглядываясь на остальных. Типа кому надо — те сами за ним пролезут...

Мы один за другим проникали на территорию стройки.

Ночной дозор начался...

Глава 6

В центре огороженного бетонными плитами участка чернело жерло огромного котлована, лишь для виду, шалей-валяй, прикрытое несколькими хлипкими досочками и обозначенное оранжевыми сигнальными ленточками. Я уныло попинала комья смерзшейся глины и обошла стороной торчащие из земли прутья стальной арматуры, обозначавшие вход в будущую станцию метрополитена. Никакой романтики здесь и в помине не наблюдалось, наоборот, провал в земле выглядел чертовски опасной штукой, не имевшей ни малейшего отношения к приключениям и поискам древних сокровищ. Скорее, за ним притаилась практически стопроцентная гарантия угрозы переломать себе руки-ноги и застрять в подземном лабиринте надолго, если не навсегда.

— Вот дерьмо! — многозначительно процедила я, следя за нашими пижонами в импортных куртках, с энтузиазмом отдирающими доски и спускающимися в котлован. — Золота рейха им захотелось, понимаешь. Начитались, блин, Жюля Верна с его байками о путешествии к центру Земли. Галка, может, по домам рванем?

Насмерть перепуганная подруга согласно щелкнула зубами, глядя на меня круглыми, панически вытаращенными глазами...

— Знаешь что, Игорек... — извиняющимся тоном начала я, поворачиваясь к диггеру, — иди-ка ты туда без нас. Мы тут с Галиной посоветовались и пришли к выводу — не бабское это дело — по подземельям шаста... — Я вдруг резко осеклась, чуть не прикусив себе язык и вылупив глаза еще пуще подруги, потому что диггер совершил такое, что просто не укладывалось у меня в голове...

С совершенно безразличным выражением лица он выслушал начало моей оправдательной речи, а затем вдруг схватил мою подругу за руку, притянул вплотную к себе и приставил к ее боку дуло небольшого, неизвестно откуда взявшегося пистолета.

— Мама-а-а! — колоратурным сопрано оперной примадонны навзрыд пропела Галка,

без особого напряжения беря верхние ноты, закатывая щедро накрашенные глаза и намереваясь хлопнуться в обморок. — Евочка, спаси меня, ради бога...

— Ты че, охренел? — негодующим шепотом заверещала я, потому что мои мелко трясущиеся губы оказались неспособны издать более громкий звук. — Это что еще за шуточки?

— Не шуточки! — спокойно парировал Игорь, не отпуская почти повисшую на нем Галку, бледную и вялую. — Заткнитесь, дуры, и делайте все, что я прикажу. И тогда гарантирую — при проведении эксперимента ни одна блондинка не пострадает!

— Наверно, у тебя пистолет не настоящий! — осторожно предположила я, все еще не желая верить в реальность происходящего. — Прекрати нас разыгрывать!

— Предлагаешь проверить? — нехорошо усмехнулся рыжий диггер, вдавливая дуло в бок астматично хрипящей Галины. — Можно и проверить, да только после этого твоя подружка однозначно помрет, потому что некому ее в больничку везти, у меня другие планы на нынешнюю ночь. Так что, предлагаешь стрелять? — По его заострившимся скулам я поняла — парень не шутит.

— Тихо, тихо. — Я успокаивающе подняла ладонь. — Я тебе верю. Не нужно никого убивать. Просто скажи — чего ты от нас хочешь? Нашу честь?

— Вот дуры, — повторно припечатал диггер, ухмыляясь до отвращения пошло. — Фразу о том, что мужикам нужно от женщин только то самое, чаще всего повторяют именно те женщины, от которых мужчинам это одно в общем-то и не нужно. Да у меня таких шалав, как вы, десяток наберется!

— А какого черта ты тогда меня щупать лез? — возмутилась я, чувствуя себя униженной.

— Проводил усыпляющий твою бдительность маневр! — цинично признался диггер. — На нее мне наплевать. — Игорь иронично покосился на жалобно поскуливающую Галку. — Но вот ты, — он смерил меня враждебным взглядом, — должна пойти со мной и спуститься в подземелье.

Выполнишь мои указания беспрекословно — и твоя подруга останется жива.

— Ладно, — покладисто согласилась я, в настоящий момент сильнее всего напуганная состоянием Галки, а вовсе не угрозами наглого диггера, — отпусти ее, и я сделаю все, чего пожелаешь.

— Клянешься? — недоверчиво прищурился Игорь.

Я торопливо кивнула.

— Заметано. — Он убрал пистолет в карман куртки и грубо подтолкнул подругу в спину, почти сваливая ее ко мне на руки. — Но учти — никаких фокусов я не потерплю!

Галка повисла у меня на шее, обливаясь горячими слезами, частично от шока, а частично — из-за едкой, попавшей в глаза туши. Поверх ее макушки я ненавидяще посмотрела на террориста местного разлива, пообещав себе при первой же удобной возможности припомнить этому наглецу все нанесенные нам обиды плюс бонус за моральный ущерб. Сейчас он уже не выглядел тем недавним веселым пареньком, смешно мотавшим африканскими косичками и пытавшимся забраться ко мне под юбку. В блеклом свете единственного фонаря, со скрипом покачивающегося над строительной площадкой, из вечерней полутьмы нечетко проступало его лицо с безжалостно сжатыми челюстями и ультимативно нахмуренными бровями. Я уяснила — парень принял конкретное решение и отступать от него уже не собирается.

— Короче, ситуация такова, — прямолинейно заявил Игорь, попутно ощупывая карабины своего альпинистского рюкзака. — Подробности его замысла мне неизвестны, но Стас заплатил кругленькую сумму за то, чтобы я заманил тебя в подземелье и отвел за Грань. — Его палец, выглядывающий из обрезанной шерстяной перчатки, уткнулся мне точно в лоб. — Типа ты должна найти там некую старинную штуку, предназначенную лишь для тебя одной. Что это за дрянь такая раритетная — не знает никто, но Стас божился, что ты непременно ее почувешь...

— И ты ему веришь? — искренне изумилась я. — Да твои рассказы на сказку смахивают...

Диггер помрачнел еще сильнее:

— Неважно, верю или нет, но такие деньги на дороге не валяются... Так что ты идешь со мной, добровольно или через ее труп. — Он насмешливо дернул Галку за капюшон куртки. — Все понятно, блонди?

— Понятно, — угрюмо ответила я. — Ну и сволочи же вы оба!

— Уж какие есть. — Игорь цинично сплюнул мне под ноги. — Чай, не в рыцарские времена живем, благородство сегодня штука не прибыльная, а кушать хочется всегда.

— Игоречек, миленький, — сглатывая слезы, неразборчиво зачастила Галка, — отпусти ты нас, бога ради, а? Я тебе еще денег дам, а Стасу скажешь, будто мы и не пришли вовсе...

Лоб диггера прорезала морщинка недолгого размышления. Я с интересом наблюдала за мимикой парня, стремясь понять сомнения, терзающие его мелкую продажную душонку.

— Нет, — наконец категорично выдал Игорь, сжимая кулаки так, словно он силился подстегнуть самого себя. — Так не пойдет! Мы с Евой лезем в подземелье, я Стаса не предам.

В универе нам читали краткий курс физиономистики, мотивируя это тем, что каждый хороший журналист просто обязан разбираться в подспудных душевных движениях своего собеседника или оппонента. Стоит упомянуть, что сей, отнюдь не бесполезный, предмет у нас вела именно та самая незабвенная Эмма Эдуардовна, всегда умевшая отлично разбираться в людях и сразу разглядевшая во мне бойцовский характер.

— Запомни, Ева, — неоднократно поучала меня мудрая академическая дама, — лгать способны все, причем многие — весьма виртуозно. Никогда не верь словам и интонациям, не верь слезам и клятвам, ибо они могут оказаться поддельными. Учись правильно понимать язык тела, и уж он-то не обманет тебя никогда!

Вот и сейчас, вовремя вспомнив науку любимого преподавателя, я внимательно следила за мельчайшими жестами своего врага. Распинаясь в истинной верности другу, Игорь гневно раздул крылья носа, а уголки его губ печально опустились вниз, образовав две глубокие морщинки, шедшие к подбородку. Мышцы шеи напряглись, кадык тяжело дернулся...

«Ба-а-а, — осенило меня, — вот это номер! Да тут дружбой даже и не пахнет! Ты его ненавидишь и боишься, причем боишься так сильно, как не страшился еще ничего в жизни!»

— Тогда не будем терять время, — я приглашающе махнула рукой, первой направляясь к провалу недостроенной станции метрополитена, — спустимся вниз.

— Ага! — даже растерялся от неожиданности Игорь. — И ты больше ни о чем меня не спросишь?

— Не-а, — иронично хмыкнула я. — На фиг мне твоё очередное враньё сдалось? Я уже поняла: этот ваш Ночной дозор — липа от начала и до конца. Впрочем, как там говорится: поехали на рыбалку, а поймали триппер? Вот-вот, и у нас примерно то же самое получается... — Я бестрепетно поставила ногу на первую ступеньку деревянного трапа, заменяющего лестницу и спускающегося в глубь выкопанного строителями тоннеля. «Не спорь с мужчинами, — мысленно воспитывала себя я, — все равно они никогда не бывают правы...»

— Я с вами, — обреченно взывала Галка, вцепляясь в мою руку и семена следом мелкими шажками нетрезвой гейши. — Не прогоняй меня, Ева!

А я и не собиралась этого делать, рассудив так: пока она находится рядом, мне легче за ней присматривать. Мало ли на какие еще хитрости пустится мой загадочный противник Стас. Но в то же время, попытавшись мысленно совместить все уже известные мне факты, я запуталась окончательно. Почему Игорек так панически боится Стаса? За какую такую неведомую Грань он собрался меня отвести? Что за артефакт мы ищем и при чем тут тот странный, окутанный снегом мужчина, повстречавшийся нам на дороге? И хотя все произошедшие со мной события пока упрямо не желали складываться воедино, напоминая

кусочки донельзя сложной, хаотически перемешавшейся головоломки, я твердо верила — каким-то образом они закономерно связаны между собой, являясь составными частями одной большой загадки. Мне нужно лишь проявить терпение и суметь разложить их правильно, пошагово восстанавливая ту логическую цепочку событий, в которую я оказалась вовлечена. Причем вовлечена целенаправленно и преднамеренно. И похоже, у меня и впрямь не оставалось иного выхода, чем последовать за диггером, потому что разгадка этой фантастической шарады кроется именно там — под землей.

Значительно опередившие нас парни давно уже скрылись из виду, когда наша отнюдь не дружная троица кое-как преодолела ступеньки наклонно уложенного на откос котлована трапа и спустилась в неправильной формы яму, от которой отходил широкий, отделанный бетоном тоннель. Его начало находилось прямо перед нами, а конец терялся в темноте где-то далеко впереди. Попав под землю и уже не опасаясь, что нас заметят снаружи, мы включили фонарики.

— Дилетанты, — снисходительно проворчал диггер, извлекая из своего рюкзака три резиновые ленты необычной формы, надевая одну из них себе на голову и протягивая нам остальные. — Это специально для фонариков. Вставьте их в крепление. — Он ловко проделал нужную процедуру и помог нам. — Ну вот, совсем другое дело. — Он довольно усмехнулся. — Великая штука — опыт, сын ошибок трудных... А теперь у вас и руки свободны, и полоса света правильно расположена...

— А опыт по части шантажа и плесень на совести у тебя тоже на практике приобретены? — не сдержалась от подколки я, в глубине души признав — задумка с лентами просто великолепна. Недаром умные люди утверждают, будто все гениальное — просто.

— Поговори еще, — брюзгливо пробурчал Игорь, бросая мне зажигалку и баллончик лака для волос. — Спрячь все это в нагрудный карман куртки, и предупреждаю, — он показал мне кулак, — не вздумай со мной спорить...

— О'кей! — неразборчиво бормотнула я, запихивая в карман жестяную тубу с «Прелестью». — Плесень распространяется спорами, поэтому спорить с ней — бесполезно.

— Умная шибко, как я погляжу! — блеснул зубами диггер, второй баллончик с лаком подавая Галке. — Сначала в оружии разбираться научись!

— Это оружие? — недоверчиво хихикнула мадам Ковалева, кажется уже отошедшая от последствий недавнего стресса. — Да это же просто гадость! Учти, если что, я эту дрянь не стану брызгать себе на волосы даже под угрозой расстрела!

— Ой, блин! — Парень страдальчески возвел глаза к округлому своду тоннеля. — Угораздило же меня связаться с блондинками! Если бы не этикет, предписывающий гуманное обращение с дамами, то я бы еще полчаса назад вам обеим морды набил...

— Пистолеты и захват заложников в правила этикета не входят! — ерничала Галка, оценивающе разглядывая глину, налипшую на тонкие каблочки ее щегольских сапожек, совершенно не подходящих для предстоящего нам похода. Я потратила немало времени, уговаривая подругу надеть что-нибудь поудобнее, но поиски, произведенные в недрах ее обувного шкафа, успехом не увенчались. По-моему, у Галки даже валенки были на шпильках.

— Если ты достиг совершенства в этикете, то попробуй съесть стакан семечек с использованием ножа и вилки, — с ехидством посоветовала я. — А когда...

— Молчать! — рявкнул бесповоротно выведенный из себя диггер. — Нет, я сейчас точно тебе по губам добавлю! Пошла... — Он развернул меня спиной к себе и наградил увесистым пинком по ягодикам.

Я проглотила вертевшееся на языке оскорбление и сделала первый шаг во тьму, нехотя расступаясь под напором трех лучей света, бьющих из наших фонариков...

Мы преодолели неровную серую полосу, в дальнейшем предназначенную стать пассажирской платформой, а пока представлявшую из себя всего лишь стальную, залитую бетоном сетку. Упрятанная под землю коробка новой станции оказалась не очень велика, но

от нее отходил укрепленный распорками коридор, по которому в будущем проложат рельсы и пустят поезда. Игорь уверенно вел нас за собой, продвигаясь по свежевыкопанному тоннелю, отпугивающему непрезентабельным зрелищем сочащейся по стенам влаги и обдающему нас волнами промозглого холода.

— Жуткое место. — Я зябко запахнула на груди воротник куртки, до самого подбородка застегивая молнию. — Окоченеем же...

— Ничего с тобой не сделается, неженка! — насмешливо сообщил диггер, оглядываясь на меня, шедшую на шаг позади него. — Глубже под землей температура намного выше. Вы, главное, держитесь у меня за спиной и вперед батьки...

— ...в пекло не лезьте! — язвительно отрапортовала я. — Теперь ясно, кто эту фразу придумал.

— Правильно, — довольно ухмыльнулся Игорь, игриво мне подмигивая. Похоже, к нему хотя бы частично, но вернулось прежнее балагурское настроение. — Вот видишь, при правильном подходе — дрессировке поддаются все без исключения, включая дурочек типа вас. А все-таки жаль, — он раздосадованно прищелкнул языком, — что мы с тобой не успели в койке покувыркаться...

— Перетопчешься! — негодуя фыркнула я, уклоняясь от свисающих со стены корней деревьев. — Ну и где твой проход? Далеко еще?

— Не нервничай, пришли уже. — Игорь махнул рукой, указывая вправо.

Я повернула голову, направляя в нужную сторону луч своего фонарика, тут же осветившего небольшой проем в стене, метра на полтора поднятый над уровнем пола.

— Они прокладывали шахту, предназначенную для движения поезда, — объяснял диггер, вскарабкиваясь вверх и подавая мне руку, — но случайно пробили стену и обнаружили за ней сеть заброшенных канализационных коммуникаций. — Он втоптал меня в провал.

— Фу, канализация! — брезгливо сморщила носик Галка, втянутая к нам. — Вот мерзость-то!

— Настоящие мерзости нас ждут дальше, — щедро пообещал диггер, расплываясь в ослепительной улыбке. — А пока, — он гостеприимно развел руки так, словно мы снова очутились у него в квартире, — наслаждайтесь ландшафтом!

Я заинтересованно вертела головой, оглядываясь по сторонам. Мы находились в довольно просторном высоком коридоре, сухом и тихом. Его стены выстилал растрескавшийся от старости бетон, под потолком шли толстые, оплетенные в гофрированный металл кабели.

— Где мы? — потрясенно спросила я, приоткрывая рот от изумления и, кажется, даже не дыша. — Вот это размах!

Игорь хохотал так восторженно, будто я сделала комплимент не подземелью, а ему самому. Видимо, он правда безумно увлекался этими своими диггерскими примочками, безусловно жутко опасными, а не посвященному в них человеку казавшимися совершенно непонятными.

— Это подземная часть Екатеринбурга, его нулевой уровень, главная артерия, клоака и нервная система одновременно! — Фанатик подземелий покровительственно ущипнул меня за щеку. — Добро пожаловать в город Зеро, блондинка!

Любой город является не только планомерным сочетанием мостов, улиц, домов и прочих архитектурных сооружений, но еще и неким самостоятельным организмом, живущим собственной, невидимой для людей жизнью. Возводя города, по мере их расширения и достраивания, человеческое сообщество всегда наслаивает один на другой новые пласты культуры, зачастую напрочь забывая о похороненных ниже тайнах, несущих в себе явственный отголосок пережитого им прошлого. И возможно, происходит так, что, стремясь изменить себя или открещиваясь от невыгодного для них темного прошлого, люди сознательно отсекают корни своей памяти, уходящие в глубину городского коллектора. Кто

сейчас вспомнит, сколь огромное количество роковых тайн, неблагоприятных поступков и угрызений нечистой совести безвозвратно погребено под тоннами строительного мусора, засыпавшего подвалы и подземелья каждого города? А тот факт, что свой нижний, подземный, уровень имеют все города без исключения, не вызывает сомнения ни у историков, ни у простых обывателей. Впрочем, его наличия никогда не скрывали ни люди, ни тем более сами города.

Наблюдательный, не страдающий предрассудками человек, с интересом относящийся к истории своих предков, всегда воспользуется возможностью получить как можно больше информации о том городе, в котором он родился, и, возможно, не только проживет всю жизнь, но и умрет, смиренно упокаясь на одном из принадлежащих ему кладбищ. Проблема состоит в том, что в своих познавательных изысканиях мы крайне редко выходим за пределы библиотечных полок, предпочитая замечать лишь внешнюю, глянцево-лубочную сторону существования города. Означает ли сей факт сознательное примирение со своей второстепенной ролью, да еще подсознательную боязнь узнать нечто грандиозное, начисто опровергающее идею нашего безусловного лидерства? Возможно, да! Ибо, как оказывается в итоге, все человечество, гордо именующее себя «царем природы», неприглядно мало и слабо по сравнению с мощью многовекового каменного монстра, снисходительно взирающего на жалкие потуги копошащихся в нем существ.

С самого момента своего зачатия и вплоть до скорбного мига погружения в кладбищенскую землю все мы по большому счету, представляем собой крохотную частицу города, связанную с ним как физическими, так и духовными узами. Мы ежедневно вносим свой посильный вклад в функционирование его зримой части, почти не задумываясь о навязанном нами симбиозе. Притом мы почему-то никогда не рассматриваем город как равноправного партнера в этом сложном нравственно-бытовом контакте, по аналогии с нами точно так же спящего, бодрствующего, поглощающего пищу и извергающего из себя отходы жизнедеятельности. И подобно тому как публично игнорируем мы некие низменные функции своего физического бытия, так не замечают люди и другие, абсолютно естественные процессы, ежеминутно происходящие в бездонном чреве города, в отличие от нас совершенно не стыдящегося быть безобразным, ранимым и прожорливым. Города не умеют лгать, манерничать и притворяться, в противовес людям всегда оставаясь только самими собой.

Столица Урала, город Екатеринбург, имеет полное право называться городом уникальным, воистину загадочным и неоспоримо замечательным во всех отношениях. Заложенный когда-то по указке Петра Первого как железоделательный завод, город, чрезвычайно удачно расположенный и в территориальном, и в стратегическом отношении, служил также дозорной крепостью, охраняющей рубежи России. Славился он и как центр золотых промыслов... Сейчас, спустя более двухсот восьмидесяти лет существования, Екатеринбург конечно же разительно изменился, похорошел, разросся, став огромным современным мегаполисом, в котором проживают более полутора миллионов человек. И хотя сегодня город застроен многоэтажными красивыми домами, офисами из стекла, стали и бетона, тем не менее, выросший на месте тех самых старинных редутов, бастионов и рвов, сокрытых под толщей земли, он хранит в своих подземельях многовековые тайны истории, которые только еще предстоит раскрыть.

Спустившись в подземелье под городом, мы очутились в совсем другом мире — непонятном и пугающем. Здесь не работал сотовый телефон, воздух был застоявшийся, фонарики светили куда более робко, чем на поверхности, и, кажется, даже время, неумолимый страж и судья наших поступков и мыслей, текло как-то иначе — медленно и не линейно. Ощущение реальности сместилось, властно подсказывая: «Величие города — незыблемо, а вы всего лишь жалкие людишки, слишком много мнящие о себе. Вы ничто пред лицом времени и вечности, и, если потребуется, я уничтожу вас, не задумываясь!»

Распростертый над нашими головами каменный монстр давил, будто могильная плита, заставляя испуганно ухаться сжавшееся от робости сердце и превращая учатившийся пульс в дикий перестук кастаньет. И вместе с городом на нас взирала сама вечность — небрежно, высокомерно, отрешенно...

Я растерянно передернула плечами и взглянула на свои наручные часы. Клянусь памятью деда, в тот момент я пребывала в состоянии твердой уверенности, что мы провели в этих богом забытых подземельях не менее суток, но, к моему безмерному удивлению, неторопливые стрелки отмерили всего лишь три часа с тех пор, как мы покинули внешний мир, кажущийся мне теперь таким родным и уютным. Все познается в сравнении.

Все это время мы передвигались по сравнительно сухому и чистому тоннелю, выглядевшему вполне современным и ухоженным. Никакой тебе мистики и ужасов в стиле романов Стивена Кинга — обычная городская канализация, конечно, немного подзапущенная, но отнюдь не заброшенная. В общем, ничего такого, что хоть смутно намекнуло бы на конечную цель нашего путешествия.

— Отдохнуть бы, — заканючила уставшая Галка, враскачку ковыляющая на своих каблуках, — ноги отваливаются!

Игорь неодобрительно покосился на ее белые лаковые сапожки и осуждающе покачал рыжей головой.

— Папочка, купи мне кроссовки, ведь лето уже на дворе, — тоненьким фальцетом пропел он, довольно правдоподобно имитируя жалобный голосок ребенка-попрошайки, — ну пожалуйста! — И тут же добавил наигранно басовито: — Нет, сынку, ты еще коньки не износил!

Не сдержавшись, я прыснула, оценив адекватность его юмора.

Галка обиженно надула губы.

— И че куксимся? — насмешливо осведомился диггер, одновременно заговорщицки подмигивая мне. — Ты бы, блин, еще лыжи надела!

— Так нет у меня другой обуви. — Галка подняла на него страдальчески распахнутые голубые глаза, набрякшие крупными слезами. — Не выпускают ее нынче без каблучков...

— Ох, бабы! — философски буркнул наш похититель, умудрившись вложить в эту короткую фразу целую массу противоречивых эмоций. — И с вами нехорошо, и без вас — плохо. Садись... — Он бросил на пол свой рюкзак и приглашающе взмахнул рукой. — Снимай сапоги и давай их мне...

Я посмотрела на диггера недоуменно.

— А ты чего вылупилась? — хмыкнул он. — Сами же привал просили. — Игорь чиркнул ногтем по голенищу моего сапожка — удобного, на устойчивой плоской платформе. — Ладно, хоть ты оказалась чуточку умнее своей товарки. — Он вытащил из рюкзака плитку горького шоколада и термос с горячим чаем. — Самая подходящая в походе еда! Да садись уже, клуша! — сердито прикрикнул он на нерешительно переминающуюся Галку, — Я, конечно, в моде ничего не смыслю, но кое-что исправить могу...

Он сунул мне термос, силой усадил Галину, мигом стянул с ее ног дорожные финские сапоги и вытащил из укрепленных на поясе ножен здоровенный армейский тесак, с вделанным в рукоятку компасом. Я с усмешкой следила за его действиями, уже догадываясь о том, что сейчас произойдет...

Игорь ловко пристроил Галкины сапожки на выступ бетонной плиты и двумя меткими ударами начисто оттаял им каблук.

— Злыдень! — шокировано взвыла подруга, прижимая к груди изуродованную обувку. — Да ты хоть понимаешь, сколько они стоят...

— На! — Диггер небрежно перебросил ей восьмисантиметровые кусочки белого каучука. — Потом сдашь в ремонтную мастерскую, чтобы тебе их обратно присопливили, делов-то...

Мы наспех перекусили шоколадкой, компанейски передавая друг другу латунный стаканчик с чаем и запивая импровизированный обед обжигающе горячим напитком.

Опытный диггер оказался прав — от подобного сочетания продуктов у нас сразу прибавилось сил, а по телу разлилась теплая волна бодрости и оптимизма. Мы немного посмеялись над вразвалку вышагивающей Галиной, вынужденной по-балетному расставлять в стороны задравшиеся кверху носки сапог, но тем не менее темп нашего движения возрос в разы, неумолимо приближая к искомой цели.

— А куда мы идем-то? — миролюбиво поинтересовалась я, подстраиваясь под размашистую походку неугомонного диггера.

Игорь, пару глотков хлебнувший из спрятанной на груди фляжки с коньяком и, видимо, потому заметно пообравший, ответил мне милостивой улыбкой.

— Сама скоро все увидишь, — ответил он. — Этот коллектор ведет к площади Тысяча девятьсот пятого года, до революции называвшейся Кафедральной. Сейчас мы находимся в безопасной части подземелий, именно в той, которую Они и называют городом Зеро...

— Они? — не поняла я. — Это кто?

— Скоро узнаешь! — повторно пообещал диггер, наслаждаясь моим любопытством. — А знаешь, — он поощрительно хлопнул меня по плечу, — ты вполне ничего! Из тебя мог бы получиться неплохой изыскатель. Не ноешь, умеешь держать темп и не дура. Да и симпатичная. При других обстоятельствах, — тут он вздохнул с неподдельным сожалением, — я бы и впрямь не отказался замутить с тобой романчик. Но, увы...

«Господи! — мысленно ахнула я. — Что за обреченность? Уж не на убой ли он меня ведет?» — Но внешне я постаралась ничем не выдать овладевшего мною страха, ибо паника самый верный путь к гибели.

— А зачем нам нужны эти Они? — как ни в чем не бывало продолжила расспросы я. — Я думала, ты и сам дорогу знаешь?

— Понимаешь, я за Грань никогда раньше ходить не отваживался, — нехотя признался Игорь, смущенно отводя глаза и краснея так, словно я уличила его в недостойной мужнины трусости. — Опасно там очень, — он помолчал, — ну да сегодня нам все равно туда сунуться придется...

— И?.. — выжидательно подначила я.

— Чего «и»-то? — назидательно хмыкнул он. — Вот сейчас придем на место, поговорим с Летописцем и визнаем, как за Грань попасть можно с минимальным риском для жизни...

— Слушай, — демонстративно обиделась я, — ты, похоже, меня совсем за дурочку держишь, да еще и брешешь не переставая. Город Зеро, Грань, Летописец, Они... — я драматично понизила голос, — еще хоббитов с эльфами ушастыми сюда приплети. Тоже мне, Толкиен недоделанный! Надеешься, я в твои сказки поверю? Так мне, чай, уже не десять лет...

— А мне фиолетово, согласишься или нет! — ответно огрызнулся обозленный моим скептицизмом диггер. — Да только не привираю я ни капли. Смотри сама. — Он протянул руку, выставленным пальцем указывая вперед. — Убедилась?

Я глянула в указанном им направлении, прищурилась и... увидела!

Тоннель заканчивался весьма просторным круглым помещением с высоким потолком, там и сям подпертым мощными четырехгранными колоннами. Подземный зал освещался мутным светом нескольких фонарей, установленных прямо на полу. Большую часть свободного пространства занимали хаотично разбросанные матрасы и одеяла, на которых вповалку лежали и сидели грязные, неряшливо одетые люди, а в стенах помещения я заметила глубокие ниши, занавешенные цветастыми драными занавесками. В спертом воздухе подземелья витал запах несвежей пищи и нездоровых, давно не мытых человеческих тел. Галка брезгливо зажала нос, изумленно разглядывая этот приют страданий, вместивший в себя отребье человеческого общества. Я же, наоборот, жадно разглядывала представшую перед нами картину, прикидывая, насколько шумный фурор способна произвести статья о нижнем ярусе нашего полуторамиллионного города. Да мой главред просто кипятком писать

будет! Трудно сказать, испытывала ли я тогда искреннюю жалость к этим людям, поправшим главный жизненный принцип — не сдаваться никогда и ни при каких обстоятельствах... Чаще всего случается так: каждый из нас лично отвечает за собственную судьбу и собственноручно кует свое счастье или несчастье.

«А ведь ясно, что те, кто комфортабельно проживает наверху, даже и не догадываются о творящемся у них под ногами кошмаре, — возбужденно думала я, наблюдая за Игорем, без малейшего смущения бродящим между подземными жителями, непринужденно с ними болтающим да раздающим сигареты и дешевые леденцы. — Здесь обитают злосчастные неудачники, не сумевшие противостоять необузданной мощи города-спрута, запутавшиеся в удушающих объятиях его щупалец и смирившиеся с ролью слабых жертв!» Я невольно содрогнулась, в полной мере постигнув неприглядную истину, представшую передо мной во всей своей катастрофичности: вот оно, последнее прибежище, ожидающее любого из нас — оступившегося и не сумевшего вскарабкаться по лестнице успеха. Или, как весьма образно говаривала мудрая Эмма Эдуардовна, от подиума до панели всего один шаг, а вот в обратном направлении — бездонная пропасть...

— Идем! — зычно скомандовал диггер, приглашающе взмахивая рукой и выводя меня из созерцательного состояния, — Летописец согласился нас принять...

Повинуясь его призыву, я медленно пошла вперед, вынужденная лавировать между растянувшимися на полу телами, полностью лишенными каких-либо комплексов, образующихся под влиянием морали или навязанных обществом социальных норм. Попутно я с любопытством заглядывала за мало что скрывающие занавески, каждый раз невольно поражаясь и ужасаясь жизненным сценкам, разыгрывающимся в глубине уединенных ниш. Голенький ребенок, едва ли более месяца от роду, сосал синюшную грудь полуголой, пьяно посапывающей бабищи, сплошь покрытой синяками и кровоподтеками. Два обнаженных тела, мужское и женское, распухшие, покрытые незаживающими чирьями, сплелись в однозначной позе, являющей собой омерзительную пародию на акт любви. Почти раздетая светловолосая женщина, еще довольно молодая и сохранившая следы былой привлекательности, тянула набухшую узловатыми венами руку навстречу закопченному шприцу с мутной жидкостью, а рядом уже торопливо расстегивал ширинку высоченный, покрытый татуировками бугай. И еще много чего, категорически отказывающегося укладываться в мое потрясенное сознание, увидела я. Большей глубины падения и худшего уровня деградации разумных существ, уже полностью утративших чувство собственного достоинства, я и представить себе не могла...

Таща за собой совершенно обалдевшую Галку и послушно следуя указаниям Игоря, я достигла дальнего конца зала, оказавшегося неожиданно чистым и даже уютным. Перегородка, сложенная из пустых картонных коробок, отделяла его от общей части, создавая иллюзию мнимой изолированности. Пол здесь устилали сносно чистые одеяла, а функцию мебели выполняли две заполненные книгами этажерки и положенная на кирпичи доска, заменявшая стол. На столе возвышался сильный автомобильный фонарь. Обклеенную журнальными картинками нишу занимал старенький скрипучий диван, на котором полулежал бедно, но опрятно одетый старик с длинной седой бородой и пронзительным взглядом подслеповато прищуренных глаз, испытующе разглядывающих меня из-под завесы кустистых бровей.

— Здравствуй, Летописец! — заискивающим тоном поздоровался Игорь, присаживаясь на одну из разбросанных по полу подушек. — А раньше ты и разговаривать со мной не желал...

— Не люблю мародеров, — презрительно заявил старик голосом, неожиданно оказавшимся очень внятным и благозвучным. — Вы похожи на крыс. Шарите по щелям, ищите, что плохо лежит, и мертвых беспокоите да обираете без зазрения совести.

— Не ворчи, старик, — возмущенно ощерил зубы диггер, протестуя нахохливаясь и становясь похожим на голодного сыча-падальщика. — Мы никому вреда не приносим...

— Так ведь и пользы тоже! — резонно парировал старик. — Шум от вас да хлопоты.

Диггер сердито дернул плечом, будто надеясь отместить предъявленные ему обвинения. Но его собеседник уже утратил всяческий интерес к проделкам подземных исследователей, переключившись на меня.

— А ну-ка подойди сюда, дочка, дозволю на тебя полюбоваться! — ласково позвал он, довольно поглаживая бороду. — Не, не подвело меня чутье, однако. Я знал, что рано или поздно ты к нам придешь...

— Здравствуйте, дедушка! — немного растерянно произнесла я, подходя вплотную к дивану и учтиво наклоняя голову. — А откуда вы про меня знаете?

— Ну не совсем про тебя, — улыбнулся старик. — По словам посвященных людей, тебя называют Светлой королевой из древнего рода, коей придется вступить в борьбу с жестоким богом и спасти Землю от гибели!

— А это, случаем, не сказка ли? — иронично спросила я, подчиняясь красноречивому жесту старика и усаживаясь возле его колен.

— Нет! — густо хохотнул подземный мудрец. — А вот и доказательства! — Он взял меня за руку, пальцем отслеживая линии на моей ладони. — Гляди, линия твоей жизни начинается сразу же под указательным пальцем, спускается вниз, трижды опоясывает запястье и, снова поднимаясь вверх, уходит к мизинцу. Готов подписаться под каждым своим словом — в мире не существует второго человека с таким же рисунком линий на ладони, свидетельствующим о врожденном сверхдолголетии и об ожидающих тебя приключениях. И еще... — Он положил руку мне на грудь и на мгновение прикрыл глаза, напряженно вслушиваясь. — Твое сердце, оно и правда особенное?

— Да, — нехотя призналась я, всегда избегавшая разговоров на эту тему. — Но прошу вас, не стоит сейчас обсуждать мои секреты...

— Хорошо! — согласно кивнул старик. — Как хочешь, королева!

— А что с ее сердцем? — влез в разговор Игорь, неотступно следивший за нами горящими от возбуждения глазами.

— Тебя это не касается! — сердито огрызнулась я.

Диггер недовольно насупился.

— Звать меня Василием Силантьевичем, а по-здешнему — просто Силычем, — степенно представился старик. — Я раньше, по молодости, в университете преподавал, а потом жизнь неудачно повернулась, покрутила, помотала — да и привела меня сюда...

«Так вот почему он так правильно разговаривает, — с жалостью подумала я. — И следит за собой в меру возможности. Старого интеллигента ничем не сломишь — ни нищетой, ни бедами».

— Ты бы, Силыч, нам про дорогу за Грань рассказал, — бесцеремонно потребовал Игорь, извлекая из своего рюкзака пару банок отличной тушенки, пачку галет, контейнер с одноразовыми пластиковыми стаканчиками и бутылку дешевой водки.

— А на поверхность вы выходите? — спросила я.

— А как же, — откликнулся старик, упоенно принюхиваясь к запаху мяса, исходившему из распечатываемых Игорем банок. — Есть у нас свои охотники да добычки, они всех и кормят.

Судя по худобе Силыча, кормились подземные жители отнюдь не досыта, скорее, жили впроголодь.

— И как же вы живете в этом аду? — пискнула Галка, капризно потыкавшая пальцем подушку и только после такой проверки решившаяся доверить ей свои драгоценные ягодицы.

— Э-э-э, милая моя, это место еще не ад! — благодушно хохотнул старик, с вожделением поглядывая на выставленную диггером выпивку. — Ад — это наша жизнь целиком минус водка и помноженная на бесконечность...

— Здорово сказано, недаром тебя летописцем выбрали! — подхалимски похвалил Игорь, разливая водку по стаканчикам. Нам с Галкой по чуть-чуть, а им с Силычем — почти до краев.

— Эх, хорошо! — Старик выцедил спиртное, даже не поморщившись, будто воду, и довольно захрустел галетой с положенным на нее ломтем тушенки. — Вот что есть водка, к примеру? Если разобраться, то просто мелочь. Мелочь, а приятно. Хотя если приятно, то, значит, уже не мелочь...

Я улыбнулась. Силыч мне понравился. Было в нем что-то привлекательное, этакое неистребимо жизнелюбивое и притягательное, не задавленное даже этими мрачными подземельями. Наверное, уважающие себя люди остаются людьми всегда, в том числе и в столь невыигрышной ситуации.

— Дедушка Силыч, поведай нам про Грань, а? — мягко попросила я.

— Э-хе-хе, — скорбно закрихтел старик, задумчиво разглаживая бороду. — Кому-то, кроме тебя, я бы посоветовал туда и нос не совать, но раз уж линия твоей жизни такова... — Он тяжело вздохнул, запустил руку в карман своих лохмотьев и вытащил засаленный, обтянутый кожей блокнот. — Слушайте. — Он уткнулся в блокнот и начал рассказывать: — Под обжитым нами уровнем подземелий скрывается еще один, куда более старый. А строить его начали не одну сотню лет назад, постепенно расширяя подвалы знаменитых купеческих домов — дворца лиходея Расторгуева, торговца «пьяным» товаром, да того самого заводчика Григория Зотова, коий Кыштымским зверем прозывался¹²...

— И почему он столь оригинально прозывался-то? — невежливо перебила я.

— Да уж дюже люто он с простыми работягами расправлялся, — напрямую пояснил Силыч. — Мучил их почем зря, издевался и голодом морил. Закрывал в своих подземельях и изводил десятками. А сильнее всего ненавидел он тех, кто супротив его устава старообрядческого выступал. Сказывают, выстроил он такую разветвленную сеть ходов под городом, что они на многие километры тянулись. И, мол, прятались в тех катакомбах святые мужи из подземного скита при горе Шунут. Дескать, переселились они туда и дали нерушимый обет — никогда здешние места не покидать. А мне рассказывали старожилы, будто и по наше время сохранились под городом их кельи да молельни заброшенные, самым великим старцем Дормидонтом, главой уральских раскольников, освященные. И якобы до сих пор хранятся в тех ходах иконы древние, чудотворные, еще Андреем Рублевым писанные, а потому — цену баснословную имеющие...

При упоминании об иконах глаза Игоря вспыхнули кровавым алчным блеском...

— Но мы-то тоже не просто так тут сидим, а надежно блюдем путь к люку, отделяющему наш жилой уровень от старого — окаянного, раскольниковьего, — вдохновенно продолжил старик. — И называем мы тот люк Гранью, что защищает мир жизни от мира смерти, реальность от страшного вымысла и не позволяет являться к нам призракам жутким, до сих пор водящимся в тех подвалах проклятых!

— Ох, ну и кошмарные же сказки ты нам поведал, дедушка! — Я нервно обняла себя за плечи, ибо от слов Силыча веяло настолько необузданной первозданной силой, что я почти поверила в эти зловещие байки из склепа.

— А ведом тот путь лишь несколькими нашим старейшинам. — добавил Летописец.

— А, это их наш диггер называл Они! — догадалась я.

Игорь кивнул.

— А почему вы Летописец? — робко встряла Галка.

— Вот, — Силыч экзальтированно потряс кожаным блокнотом, — записано тут все, Грани касающееся.

— И все-таки кто-нибудь за эту Грань ходил? — нетерпеливо вскрикнул диггер, впечатленный упоминанием о бесценных иконах. — И возвращался ли обратно?

— Да, находились глупцы, — сердито подтвердил старик, бойко шелестя страницами. — Вот, все у нас тут зафиксировано, потому что передается эта летопись из рук в руки уже сто лет!

¹² Реальные исторические сведения взяты из книги В. Слуккина «Тайны уральских подземелий».

Я восхищенно присвистнула.

— В одна тысяча девятьсот девяносто седьмом году, — читал Летописец, — ушли за Грань шесть изыскателей и не вернулись. До этого, в тысяча девятьсот восемьдесят втором, еще трое там сгинули, и в тысяча девятьсот семьдесят третьем — пятеро, а в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом — семеро...

— Ну а еще раньше, сразу же после войны? — вдруг неожиданно для самой себя выпалила я.

Старик хитровато прищурился:

— Ай, и знаешь же ты, дочка, к чему клонить нужно... Твоя правда, — он продемонстрировал мне листок, исписанный убористым, непонятным почерком, — описана тут зима тысяча девятьсот сорок восьмого года, коя шибко холодной и голодной выдалась. Подобрали тогда наши добытчики трех немцев беглых — обмороженных и полумертвых. Ну ясно дело, обогрели мы их да выходили. Али мы звери какие лютые, а не люди? Даже имена их диковинные запомнили: Шульц, Аксман и Зальц. Но вот только, едва оклемавшись, ушли те фрицы за Грань и не вернулись. А перед уходом рассказали они нам, будто имеют при себе вещь важную — древнюю и магическую, предназначенную для Светлой королевы, и повелели нам ее ждать, а когда она явится — помочь той девушке всем, чем сможем...

Я слушала старика молча, потрясенно вылупив глаза и по-дурачки отвалив челюсть. В сказки я не верила принципиально, в магию — тоже, но упоминавшиеся в летописи беглые немцы оказались именно теми, о ком говорилось в архивном документе, показанном нам Стасом...

Глава 7

Василий Силантьевич Мешеряков, в прошлом — профессор истории и заведующий кафедрой в университете, а ныне лицо без определенного места жительства, осоловев от выпитой натошак водки и чувствуя приятную тяжесть в желудке, вызванную жирной сытной тушенкой, подпер сухощавой рукой свою безудержно клонящуюся на грудь голову. Так плотно он не обедал уже недели четыре, а то и дольше. Минувшей осенью Силычу стукнул восемьдесят один год, и получается, что разменял он уже ни много ни мало, а, подумать страшно, аж девятый десяток, втихую сам удивляясь своей невероятной живучести. А ведь до подобного, более чем почтенного возраста редко кто дойти умудряется, даже из тех верхних — не в пример ему, старику бездомному, благополучных обитателей. Но у Силыча, глянь-ка, эка диво, и зубы почти все на месте, и сердчишко не барахлит, и суставы не пошаливают. Вот только в последние года три глаза подводить начали, не иначе как катаракта развивается...

Старик вздохнул философски-спокойно, пытаясь через застилающую глаза белесую пленку рассмотреть фигуры трех гостей, уходящих в подсказанном им направлении... Вроде бы теперь и умирать пора — свой долг он выполнил, дождавшись девушки, о которой около тридцати лет назад поведал ему прежний Летописец, на смертном одре передавая преемнику тайные знания и заветный блокнот с записями.

«Ан нет, — тут Силыч не смог отказать себе в удовольствии немного посмеяться над неизбывной противоречивостью непредсказуемой человеческой природы, — не мудрец он, а простой червь, копошащийся в чреве огромного города. Ибо сам ведь понимает, что жить ему уже незачем, но и умирать почему-то ой как еще не хочется...»

Ох уж и поизгалялась же над ним судьба-злодейка, погнула да поломала всласть. Вроде бы все имелось у солидного профессора — и работа престижная, и жена красавица, и сын умница, да вот только женился его наследник Петр неудачно. Вопреки увещаниям родителей взял он за себя девку из прижимистой деревенской семьи, скандальную да сварливую. А несколько лет спустя пришла в их дом беда страшная — мгновенно сгорела от рака ненаглядная Васина любушка — жена Алевтина. Вот и начала сразу же после похорон

сноха Силыча пуще пилы пилить да заживо поедом есть. Мол, у них с Петей уже трое детей подрастает, между прочим, мещераковских внуков родных, а живут они все в профессорской трехкомнатной квартире, чуть ли не друг у друга на головах. И так хорошо Марья мужа к рукам прибрала, что тот против нее и пикнуть не смел, лишь смотрел на отца виновато да натужно шеей багровел, будто боров перед забоем. Устал Силыч от их склок ежедневных, плюнул на имущество, да и, не мудрствуя лукаво, ушел из дому насовсем. Потом на работе неприятности случились в партийном плане, и по ложному доносу его с кафедры уволили. Сначала он по старым друзьям мыкался, а затем, поняв, что всем в тягость оказывается, принялся по подъездам ночевать да на улице милостыню просить. Документы у него украли какие-то лихие люди, и вскорости попал он к подземным обитателям. Те быстро признали Силыча за своего да прониклись немалым уважением к умному и доброму профессору. А тут и Летописец старый умер, оставив Силыча заместо себя. Так старик и зажил...

И следует признать, что не желал новый Летописец становиться обычным нахлебником, а потому, как мог, вносил свою скромную лепту в быт подземной общины. Кого лечил, некоторых — учил, скольких-то и на путь истинный наставил, отвадив от наркотиков и прочих гадостей. Да разве ж всем поможешь? Но все эти годы Силыч знал — он не имеет права умирать до тех пор, пока не приведет к нему судьба ту девушку, коей предначертано мир спасти да остановить страшного бога, несущего погибель всему живому. А потому до тех пор пусть и стоит смертушка костлявая у него за плечом, а тронуть Летописца — даже пальцем не смеет!

Вот так ждал-ждал он, да и дождался-таки...

Напророченная королева приглянулась Силычу сразу. И лицом хороша, и учтива, и умна. А уж какая сила душевная у нее в глазах светится — и не передать словами. Тотчас понятно становится — познала эта девушка и горе, и любовь, и потери, но не сдалась, не сломилась, сердцем не зачерствела. На прощание Силыч взял ее за руку и долго вслушивался в свои ощущения, пытаясь четко уяснить, что же подсказывает ему интуиция и маленький провидческий дар, сам собой откуда-то возникший за годы подземной жизни...

— Ох, дочка, — тихонько посетовал старик, осторожно заглядывая в черные девичьи глаза, доверчиво распахнувшиеся ему навстречу, — много чего тебя в жизни подстерегает: и опасности, и разочарования, и радости...

— А любовь? — серьезно спросила она, едва заметно улыбаясь уголками губ.

— И любовь! — согласно кивнул Летописец. — Но не простая и понятная, а та, которую ты сама в сердце взрастишь, выстрадаешь да выпестуешь...

— Чудны речи твои, дедушка! — добродушно усмехнулась девушка. — Но и на том спасибо!

Попытался заглянуть Силыч и в будущее рыжего юноши, но не увидел там ничего обнадеживающего, а только жадность, страх и приближение неизбежной гибели, коей суровый рок всех неправедных людей наказывает. Отшатнулся он недоуменно и промолчал. Брал он за руку и подружку королевы, разглядев в ней сомнение и нечестность...

— Не гнетет ли тебя предательство, девица? — тихонько намекнул старик, пытаясь вывести к свету эту заблудшую душу. Но в ответ Галка только мелко задрожала, уставившись на проницательного Летописца с таким мистическим ужасом во взоре, словно повстречала не обычного человека, а привидение.

«Что ж, чему быть — того не миновать! — с немалой долей фатализма внушал себе старик, вглядываясь в спины троих покидавших зал путников. — Немного им до Грани осталось, всего-то один неприметный коридорчик, поворот налево и спуск вниз. А уж Грань-то матушка всех рассудит по справедливости да покажет, кто чего на самом деле стоит. Лишь бы Неприкайнные им дорогу не преградили...» Но додумать старик не успел. Голова Силыча поникла, и он уснул...

Наверное, легче всего в нашем мире живет скептикам, не принимающим на веру

ничего, что нельзя пощупать своими руками, оценить на глаз и попробовать на вкус. Не постесняюсь признаться — еще полчаса назад я уверенно причисляла себя именно к этой категории здраво рассуждающих и мыслящих людей, не верящих ни в бога, ни в черта, ни даже в великого Гарри Поттера. Но вот ведь парадокс — рассказанная старым бомжом байка с лихо завернутым авантюрно-историческим сюжетом здорово подорвала мой ранее незыблемый скептицизм, заставив припомнить гениальную фразу Шекспира: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам!» Кстати, нашим — это каким — наземным? На том свете или на этом? Короче, теперь я запуталась окончательно, уже почти утратив способность различать, где заканчивается реальность и начинается вымысел? Где пролегает граница между сказкой и объективными, подтвержденными логикой фактами? Возможно, по той самой Грани? Ха-ха, ну и чушь первосортная мне в голову пришла! Хотя, если разобраться, похоже, нам скоро точно не до смеха станет...

Старый Летописец, как две капли воды похожий на настоящего Деда Мороза из моего еще не испорченного гламурными мачо детства, нежно облобызал меня на прощание, бессвязно лепеча что-то про слияние инь и ян, жрецов бога и парящего в небесах сокола. Кроме всего прочего, он еще нудно талдычил про каких-то противостоящих нам Неприкаянных... Но эту абракадабру я уже и вовсе пропустила мимо ушей, посчитав абсурдным бредом и старческим маразмом. Нет, милый, конечно, старикан нам повстречался — забавный и безобидный, но сразу видно, что с медицинским сервисом у них в подземельях никак — налицо прогрессирующая шизофрения, да, поди, они еще и грибы какие галлюциногенные выращивают, ибо всерьез рассуждать о призраках и моем королевском происхождении, вкупе с возложенной на меня миссией, с которой даже Том Круз не справится, — это уже вообще ни в какие ворота не лезет! Короче, не верю я во все это! Ну не верю, хоть тресни...

— Не верю! — эмоционально восклицала я, направляясь к неприметной двери, указанной нам Силычем, замаскированной горой жутко смердящих тряпок и скрывавшейся в одной из ниш. — И не хочу верить!

— Не можешь — поможем, не хочешь — заставим! — издевательски хохотнул Игорь, распиная беспорядочно сваленное у стены барахло. Местные жители никак не прореагировали на наше самоуправство, возможно всецело доверяя своему Летописцу, а вероятнее, просто не желая выплывать из хронически присущего им состояния всепоглощающего пофигизма.

— Нирвана! — убежденно констатировала я, оглядываясь на привалившегося к колонне оборванца, по неумытой морде которого расплылась широкая улыбка тотального счастья.

— А мы так девственниц называем! — в унисон мне откликнулся диггер, наконец-то освободивший небольшую, оббитую стальными полосами дверь и сейчас с пытанием пытающийся выдвинуть из заржавевших пазов массивный засов, толщиной с мою руку.

— Клево, — поддержала шутку я. — Вон Галка долго считала, что Богота — это не название столицы Колумбии, а финансовый статус состоятельных мужчин...

Галина посмотрела на меня так обиженно, словно я поведала диггеру некие постыдные подробности ее личной жизни. Впрочем, после встречи с Летописцем она вела себя как-то странно, искоса на меня поглядывая и виновато шмыгая носом. Ныть и жаловаться на усталость она перестала мгновенно, будто отрезало. Интересно, что же это такое волшебное, отлично прочищающее мозги, нашептал ей чудной старикан?..

Но в тот же миг мне стало не до анализа Галкиного поведения, ибо, налегая всем весом своего тела на упрямо сопротивляющийся засов, Игорь умудрился-таки сдвинуть его с места, издав при этом низкий утробный вой и чуть не надорвав себе пуп. Раздался громкий скрежет, на пол посыпались хлопья бурой ржавчины... Ведущая к Грани дверь призывно растворилась, впуская в зал струю жуткой вони, сумевшей перебить даже застоявшиеся миазмы пищевых отходов к человеческих испражнений.

— Теперь понятно, какие мерзости ты нам обещал! — недовольно процедила мадам

Ковалева, вытаскивая из кармана платок и обвязывая им нижнюю часть лица.

Я принялась. Из-за распахнутой двери тянуло чем-то гнилым, неживым и жестоким. Нет, конечно, запах не способен ассоциироваться с понятиями морали, но более точного определения я подобрать не смогла. Каким-то шестым чувством я ощущала — то, что притаилось вне этого зала, уж давно утратило абсолютно все человеческие качества, существуя лишь по своим безжалостным, сугубо звериным законам. И потому соваться туда было опасно, чертовски опасно. Но, едва пробиваясь сквозь могильный холод и первобытную жуть, из глубин заброшенных катакомб пришел короткий светлый импульс, схожий с призывом о помощи, и тогда я поняла — там находится нечто воистину потрясающее, предназначенное лишь для меня одной. И это сразу же стало важнее жизни и смерти — добраться до вожаемого чуда, зовущего меня к себе. И теперь я была готова идти к нему напролом, не страшась никого и ничего и невзирая ни на что... Я оттолкнула Игоря и первой шагнула в непроглядную чернильную темноту, разлитую за дверь.

— Ишь коза горная, прыткая какая! — вполголоса бормотнул диггер, торопливо догоняя меня и хватая за плечо. — А я велю, притормози, дура-коза. Не хватало еще, чтобы ты себе шею сломала. Вот тогда Стас точно с меня живьем шкуру сдерет... — И, что-то бубня себе под нос, он начал осторожно пробираться между валяющимися на полу каменными обломками, освещая наш путь светом своего фонарика.

— Слушай, ты, тварь корыстная, — с негодованием зашипела я, до глубины души возмущенная продажностью рыжего нахала, — у тебя хоть одна светлая мечта в жизни имеется?

— Ага, — иронично хмыкнул Игорь. — В семь лет я мечтал о велике, в семнадцать — о прекрасной принцессе и неземной любви. А теперь мне уже двадцать три, — он выразительно прищелкнул языком, — и я тупо хочу денег. Еще вопросы есть?

Как и обещал Летописец, шли мы недолго. К залу бомжовой лежки примыкал короткий коридорчик, разительно отличающийся от всех уже пройденных нами коллекторов. Бесследно исчез ранее покрывавший стены бетон, сменившись темным, поросшим плесенью камнем. Этот участок подземелья выглядел примерно лет на сто, а то и на все двести, старше предыдущего. По неровным выступам стен сбегали тонкие струйки воды, а из щелей между камнями торчали обломки каких-то деревянных креплений, источенные временем до состояния гнилушек и мерцающие синеватыми болотными огоньками. Тоннель заметно снизился и сузился, напоминая уже не городскую канализацию, а старую горнопроходческую штольню.

— Знаешь, куда мы попали сейчас? — спросила я настороженного диггера.

— Офигела, да? — злым шепотом ответил он, растерянно потирая лоб. — Тут никого из наших и не бывало никогда. Придется нам руководствоваться указаниями Силыча...

— Здорово! — саркастично фыркнула я. — Давай еще русские народные сказки вспомним: «Направо пойдешь — коня потеряешь, налево...»

Я растерянно моргнула и остановилась, потому что коридор неожиданно раздвоился, образуя два совершенно одинаковых прохода.

— Не станем рисковать конем и повернем налево, как Силыч советовал, — безапелляционно изрек Игорь. — Или у дам имеются иные альтернативные предложения?

Мы с Галкой молчали.

Выбрав левое ответвление коридора, мы очутились в крохотном тупиковом помещении, не имевшем ничего особенного, кроме круглого провала в полу, сразу под которым начиналась хилая лестница, сооруженная из стальных прутьев с редкими железными же перекладинами. Один за другим мы спустились в зев глубокого колодца, судорожно цепляясь за холодный металл.

Спуск длился бесконечно. Мои пальцы онемели, а ноги — затекли. Я отрешилась от любых мыслей, опасаясь лишь одного — закономерного возникновения судорог, способных заставить меня разжать руки и камнем упасть вниз. Где-то подо мной скабрено ругался Игорь, уговаривая нас потерпеть еще немного, а выше, словно заведенная, хныкала Галка,

пафосно желающая умереть во цвете лет, но зато немедленно избавиться от этого невыносимого мучения. Я безмолвно внушала себе мысль о невозможности существования подобной глубины, но факт оставался фактом — спуск не заканчивался...

Наконец, сами не поняв как, мы достигли дна колодца.

— Прошло ровно пятьдесят семь минут, — шокировано констатировал Игорь, глядя на часы. — Я засек время. Не знаю, с какой скоростью мы двигались, но, уверен, сейчас мы находимся на охрененной глубине...

— Неужто здесь больше тридцати метров набралось? — невольно ужаснулась я.

— Это всего-то с десятиэтажный дом получится, — рассудительно произнес диггер. — Нет, тут значительно глубже. Я как-то видел парня, сиганувшего с десятого этажа, так он недолго летел...

— И какой у него был мотив? — не в тему поинтересовалась любопытная, будто кошка, Галина.

— Какой еще, на фиг, мотив, дура?! — вспыхнул Игорь. — Не Кобзон, молча упал!

Я насмешливо фыркнула — все-таки чувство юмора, как и умение хладнокровно вести себя в экстремальной ситуации, присуще не каждому.

— Ладно, хватит уже на мне свое остроумие оттачивать. — Диггер с криканием потер натруженные колени. — Если верить указаниям Силыча, то сейчас мы впритык подошли к Грани. Вот только где же она?

— Уж не это ли? — Носком сапожка я указала на круглый люк, явственно различимый в центре той самой площадки, на которой мы и стояли в настоящий момент. Люк запирался огромным винтом в виде железного штурвала...

— Ого, — потрясенно крикнул диггер, — без вашей помощи мне с ним не справиться. А ну-ка налегли!

Мы дружно навалились на штурвал, пытаюсь повернуть его вокруг своей оси. Облившись потом и основательно измазавшись в липкой слизи, обволакивающей и стены, и люк, мы сумели-таки провернуть заржавевший винт и открыть почти неподъемную крышку. С мрачным грохотом она рухнула на каменный пол, являя нашим взорам уходящий вниз провал, заглянув в который я ощутила — идущий из подземелья светлый зов стал намного сильнее...

— Хотелось бы мне знать, кто такую машину соорудить сумел, — уважительно протянула Галка, пальцами измеряя толщину свороченной нами крышки. — Наверное, это сделано для того, чтобы никто вниз не лазил...

— Или чтобы снизу никто не вылез... — мрачно добавила я.

Галка выразительно постучала себя пальцем по виску, делая большие глаза и намекая: «Да оттуда только мокрицы вылезти могут. Ева, ты сошла с ума!»

— Так ты ведь вроде в мистику не веришь? — криво усмехнулся Игорь, специально наводя на мое бледное, измазанное грязью лицо свой фонарик и ожидая предсказуемой реакции. — Или как?

Но я сердито отвернулась, уходя от ответа. Ломка скептицизма — процесс долгий и болезненный, да к тому же еще и весьма интимный.

Принципы, вера и внутренний кодекс чести — вот, пожалуй, и есть все те немногочисленные движущие факторы, которые формируют наш менталитет, влияя на образ жизни, удерживая людей от падения в пучину безнравственности. Утративший их человек уподобляется зверю. И поэтому стоит пристально присмотреться к окружающим нас людям, чтобы удостовериться, сколь многие из них являются всего лишь животными, при малейшем удобном случае готовыми рвать и убивать. При этом некоторые умудряются довольно длительное время сохранять человекоподобную внешность, обманывая доверчивых людей, а другие, напротив, даже и не замораживаются обременительной проблемой маскировки той хищной твари, коя безудержно рвется на волю из недр их темной души.

Силыч спал, младенчески причмокивая губами и пуская вязкие ниточки слюны,

медленно скатывающиеся по его седой бороде. Ему снилась супруга Алевтина, скончавшаяся несколько десятков лет назад. Но сейчас она явилась к нему вновь молодой и цветущей, одетая в любимое, усыпанное крупными оранжевыми горошками, платье. Бегущая по летнему лугу жена призывно распахивала обнаженные руки, смеялась воркующим грудным смехом и звала: «Вася! Василек, пойдем со мной...» А в безбрежном голубом небе над ее головой постепенно скапливались набухшие дождевые тучки, предвещавшие приближение грозы. Поэтому Силыч ничуть не удивился, увидев интуитивно ожидаемую вспышку иззубренной сиреновой молнии и услышав близкие громовые раскаты...

— Аля? — Старый бомж растерянно завозился на разошедшемся диване, с трудом вырываясь из объятий сладкого сна и еще не вполне адекватно воспринимая реальную действительность. Уж слишком ярким и объемным оказался сонный морок, не желая отпускать опального профессора обратно в мир живых и властно напоминая: его время почти истекло. Силычу казалось, что он еще ощущает аромат прибитых дождем луговых цветов и слышит тот гром — почему-то такой оглушительный и настоящий...

Очередной громовой раскат гулко прозвучал под сводом подземного зала, переплетаясь с паническими воплями его растревоженных обитателей. Картонная стенка, отгораживающая уголок Летописца, не выдержала напора чьей-то бесцеремонной руки и рухнула, рассыпавшись, словно карточный домик. Испуганно моргающий и ничего не понимающий спросонья старик робко взирал на представшего перед ним человека, комкая край потертого пледа и беззвучно разевая рот. Дерзкий пришелец, ведущий себя с хозяйской непосредственностью, шагнул к дивану и схватил Силыча за грудки, обдавая жаром вонючего дыхания с резким запахом псины.

— Где они? — требовательно выдохнул мужчина, наклоняясь ниже и заглядывая старику прямо в глаза. — Куда они пошли?

Летописец внутренне содрогнулся, сразу подметив и нечеловеческие зрачки незнакомца, и его густые каштановые волосы, длинными бакенбардами переходящие на скулы, и сильные, покрытые бурой шерстью запястья.

— Ну? — нетерпеливо рыкнул мужчина, приставляя к виску бомжа дуло пистолета. — Ты хочешь жить, животное?

— Я не животное! — твердо ответил Летописец, чуть запоздало догадавшись, кто именно находится перед ним, но при этом не испытывая ни капли страха, а лишь гадливость и отвращение. — Меня предупреждали о тех, кто станет преследовать королеву. Можешь меня убить, но я не скажу тебе ничего, потому что я человек, в отличие от тебя, пес смердящий!

Пришелец гортанно расхохотался, к ужасу Летописца угрожающе посверкивая внезапно удлинившимися клыками. По лицу шатена прошла волна судороги, уши заострились, челюсти начали вытягиваться вперед, но усилием воли он успешно остановил едва набирающую темп трансформацию, возвращая себе прежний человеческий облик.

— А тебя не предупреждали о плачевных последствиях встречи со мной? — иронизировал полуживое, перемещая ладонь на горло старика. — Скажи мне, куда они ушли, и я подарю тебе милость безболезненной смерти. А иначе ты быстро пожалеешь о необдуманно проявленном упорстве, ибо познаешь мучения, способные сломить и более крепких, чем ты, людей...

— Ничего я тебе не скажу! — придушенно просипел Силыч, удивляясь собственной смелости. — Тебе ее не догнать.

Из-за спины звероподобного шатена выступили еще трое мужчин, одетых в камуфляжную форму и сжимающих в руках автоматы. Они напомнили старику матрешек — настолько однотипными казались их лица, грубые и равнодушные, словно вырубленные из гранита, с узенькими лбами прирожденных, привыкших не рассуждать убийц, с тяжелыми квадратными подбородками. «Не русские», — мгновенно понял Силыч, подметив явное сходство сопровождающих шатена боевиков с пленными немцами, виденными им когда-то давным-давно. Один из мордovorотов вскинул автомат к потолку и дал короткую очередь,

ранее принятую стариком за громовые раскаты.

— По бродягам стреляй! — безжалостно приказал шатен.

С захолонувшим сердцем Силыч наблюдал, как автоматчики беспощадно выкашивают его не успевших разбежаться собратьев, а бетонный пол подвала покрывался лужами свежей дымящейся крови.

— Говори! — продолжал требовать пришелец, крепче сжимая пальцы. — Или...

— Нет! — упрямо шептал старик, преодолевая разливающийся в голове звон, вызванный все нарастающим удушьем.

— Стас! — Громкий крик донесся с противоположной стороны подземелья. — Кончай эту падаль без промедления, я нашел открытую дверь. Они ушли туда... — Невидимый отсюда мужчина говорил с сильным иностранным акцентом, произнося русские слова слишком отрывисто и проглатывая мягкие согласные звуки.

Названный Стасом мужчина чертыхнулся, умело сдвинул пальцы, одним движением вывихивая Летописцу гортань, и бросил его на диван так небрежно, будто он сейчас и не человека убил вовсе, а просто раздавил никчемное старое насекомое. Мутная слезинка вытекла из правого глаза беспомощного старика, напоминая каплю смолы, выступившую на начавшей мироточить иконе, а полуживое ушел, не оглядываясь, предоставив профессору последнее право в жизни — медленно умирать, корчиться от боли, хрипеть изуродованным горлом и захлебываться пузырящейся на губах пеной. Сытые жестокие хищники просто убивают ради собственного удовольствия, стремясь причинить безответной жертве максимальные страдания, ибо милосердие зверям неведомо...

Милосердие всегда было, есть и навечно останется той наиглавнейшей чертой человеческой души, которая единственно способна настроить нас на проявление жалости и подвигнуть на оказание помощи любому попавшему в тяжелую ситуацию существу. Безвозмездная, идущая от чистого сердца потребность защитить слабого и поддержать страждущего является истинной сутью милосердия, тем самым, что и отличает человека от животного.

Торопливый топот жестоких пришельцев еще замирал вдалеке, когда в залитое кровью помещение беззвучно проскользнула высокая мужская фигура, облаченная во все белое. Новый посетитель небрежно откинул за плечо копну длинных серебристых волос и, сочувственно вздыхая, переходил от трупа к трупу, напрасно прикладывая пальцы к их шеям в надежде ощутить биение пульса. Все подземные обитатели оказались мертвы...

Внезапно до его острого слуха долетел едва различимый хрип. Светловолосый удивленно прислушался, а затем молнией метнулся к отдаленной нише, отгороженной неряшливым развалом картонных коробок. На продавленном диване в конвульсиях корчился седобородый старик, закатывая глаза и из последних сил хватаясь за свое горло. Добросердечный посетитель мягко отвел слабые морщинистые пальцы Летописца, с первого взгляда оценил нанесенную ему травму и двумя искусными нажатиями вправил на место хрящ гортани старика, восстанавливая нарушенное дыхание. А потом произвел несколько надавливаний на его грудь, запуская почти остановившееся сердце. Старик забулькал горлом, облегченно вздохнул и открыл глаза.

— Так-то оно лучше, отец. — Незнакомец заботливо приподнял Силыча, укладывая поудобнее. — Еще пара секунд промедления, и ты бы уже стучался во врата рая...

Старик признательно хлопал глазами, будучи пока еще слишком слабым для разговоров.

— Это тебя быстро на ноги поставит. — Светловолосый извлек из кармана своего белого плаща плоский флакон с дорогим коньяком и поднес к губам старика, принуждая сделать глоток.

Силыч глотнул, закашлялся и витиевато выругался вполголоса, недобрым словом помянув своего мучителя, на что его спаситель лишь весело рассмеялся и ободряюще похлопал Летописца по спине.

— Лечись, отец, и живи еще сто лет. — Он поставил коньяк возле дивана, а затем вытащил несколько крупных денежных купюр и вложил их в дрогнувшую ладонь старика. — На здоровье! — Он подмигнул, показав выразительным жестом: «Не нужно меня благодарить!»

— Ты, поди, ангел-хранитель какой али сам святой Лука — покровитель бедняков! — умильно просипел Летописец, смаргивая повисшие на ресницах слезы. — Весь в белом, говоришь по-нашему хорошо, но с иноземным пришепетыванием, на боку — меч...

— Ну уж нет, отец, ты мне нимб не пририсовывай! — еще пуще развеселился гость. — Родители нарекли меня Рейном, а жизнь дала прозвище Изгой! И не ангел я вовсе, а скорее — демон!

— Да ну?! — резонно усомнился Летописец, качая головой. — Почто себя оговариваешь, сынок? Демоны — они умирающих не спасают...

— Во всяком случае, не всех, — пытаюсь сдержать нервную судорогу, покривившую его щеку, невнятно пояснил Рейн. — Самых родных для меня людей я спасти не сумел. А теперь, — он выдержал скорбную паузу, — кое-кого и убить придется...

Но Летописец понял Изгоя по-своему и принялся сбивчиво рассказывать тому про приход Светлой королевы и про внезапное нападение неведомых злодеев, перестрелявших подземных обитателей. Рейн слушал старика внимательно, не прерывая его бессвязной речи и все сильнее мрачняя лицом, ибо разворачивающаяся перед ним цепочка событий совершенно не укладывалась в привитые ему принципы и правила...

Итак, мать Рейна, благородная ассони¹³ Ханна, происходила из рода лугару — солнечных волков-оборотней, детей бога Митры, способных по собственному выбору принимать облик человека или животного. По старинной легенде, первый лугару, князь Ласло Фаркаш, был внебрачным сыном красавицы Дагмары, родной сестры короля Матиаша Хуньяди, получившего от простого народа почетное прозвище Корвин, что значило — Справедливый. Именно он, владыка, имеющий в своем гербе изображение возвещающего победу Сокола, пользовался переходящей из поколения в поколение всеобщей любовью, положившей начало множеству необычайно прекрасных сказок о добром короле и его прелестной сестре. Личности обоих Корвинов так и остались окружены ореолом таинственности, не развенчанным за прошедшие века. Матиаш дважды сочетался браком: в первый раз с чешской принцессой Екатериной Падебрад, а затем с испанкой Беатрисой Арагонской из семьи кастильских королей, но, так и не сумев зачать наследника, умер бездетным. Свою единоутробную сестру, юную Дагмару, он насильно, в политических интересах, выдал замуж за валашского господаря — Влада Цепеша, которому та подарила двоих сыновей, но, узнав об их гибели, покончила жизнь самоубийством, бросившись с высокой башни в полноводную реку Арджеш. И казалось бы, что со смертью Корвинов навсегда пресекался род Сокола, людей, в чьих жила текла кровь законных правителей венгерских земель, но на самом деле все обстояло совсем не так...

С рождения посвященная богу Митре, принцесса Дагмара так и не приняла христианство, продолжая тайно служить тем алтарям, кои исторг из своего сердца ее дальновидный брат, желавший заключить союз с правящими домами Европы и посему продуманно отрекшийся от старой веры своих предков. Едва достигшая четырнадцати лет принцесса, славящаяся непревзойденной прелестью, отвергала всех искателей ее руки и сердца, неосмотрительно пообещав Митре свою душу и девственность. И предначертанное свершилось. На проезжавшую через лес карету Дагмары напали разбойники-душегубцы, но, услышав призыв плененной красавицы, к ней на помощь явился один из жрецов солнечного бога — Волк, принявший облик прекрасного юноши. Волк отбил девушку у злодеев и унес в потайную пещеру, врачуя полученные ею раны и даруя любовь. Через месяц Дагмара, к тому

¹³ Госпожа (венг.).

времени считавшаяся погибшей и оплаканная братом, вернулась под отчий кров, а спустя положенный срок родила сына, утверждая, будто он ниспослан ей самим богом. Дабы скрыть постигший принцессу позор, ее спешно выдали замуж за кровожадного румынского правителя, а принесенного Дагмарой бастарда воспитали в строгости, дав приличное образование, титул и земли. Так возникла фамилия князей Фаркаш, положив начало легенде, дошедшей до наших дней. Так появились лугару...

Рейн принципиально отказывался верить в старинные сказки, рассказанные ему венгерскими родственниками по материнской линии, но лишь до тех пор, пока собственными глазами не увидел удивительную трансформацию, доступную его родичам. Прекрасные в своей человеческой ипостаси, они легко принимали облик белых волков, священных животных бога Митры. Они называли себя лугару. Судьба явила Рейну чудо, повергшее в шок его развитый ум, привыкший мыслить совсем другими категориями. Его мозг, едва переживший испытанное потрясение, выздоравливал долго, а вот тело, попавшее во власть тяжелой болезни, так уже и не смогло восстановиться, проиграв борьбу с недугом. Лугару владели секретом долголетия, будучи почти бессмертными существами. Но, видимо, бог не пожелал одарить этим качеством полукровку Рейна, сына немца и девушки лугару, наказав неисправимым недугом — смертельной болезнью крови, ведь лугару не имели права вступать в брак со смертными людьми, обязавшись хранить чистоту своей расы. Дитя греха — юноша, не принадлежащий по-настоящему ни к одному из народов, медленно умирал, полностью утратив надежду на спасение.

Помощь пришла неожиданно-негаданно, причем оттуда, откуда ее совсем не ждали. Лишь позднее, не только выжив, но и полностью исцелившись в результате предложенного ему рискованного эксперимента, Рейн понял, что доктор Менгеле сумел где-то достать кровь подлинного лугару, вознамерившись с ее помощью создать бессмертных воинов — совершенное орудие убийства, способное повернуть вспять ход уже проигранной Германией войны. Но сумасшедший ученый просчитался, сотворив не сверхлюдей, а ужасных монстров — звероподобных чудовищ, совершенно утративших присущие обычным людям морально-этические рамки, высвобождая все самое мерзкое и кровожадное, дремлющее в глубине душ. И наверно, лишь двое из его «творений» — девушка Людвиг и абсолютно выздоровевший Рейн — сумели обуздать свою звериную сущность, оставшись людьми. Рейн слишком долгое время считал, что не сможет узнать, где и как сумел раздобыть Менгеле кровь солнечного народа, полагая, что эта тайна умерла вместе с безумным ученым, но он оказался неправ. Секретная информация всплыла намного позднее, ужаснув и обескуражив даже его. Недаром в Библии говорится: «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным...» Жаль только, что разоблачение великих тайн несет с собой не только постижение высшей мудрости, но и горечь разочарования...

Но зато Рейн прекрасно знал о расположенной на острове Маргитсигет могиле прародительницы рода лугару — принцессы Дагмары Корвин и о розовом кусте, выросшем из ее бранных останков. В развалинах храма Митры хранились золотые таблички с двумя пророчествами Заратустры. Первое из них гласило: «С возрождением наследницы рода Сокола на кусте распустится один бутон», а второе возвещало: «А если на кусте появится второй цветок, то это будет означать: новая мать лугару повзрослела и вступила в пору свершений». Жаль только, что упоминаемая в легендах третья пластина, несущая на себе знания о предстоящей гибели мира и возможности его спасения усилиями девушки из рода Сокола, оказалась утеряна...

Дав неосторожное обещание без раздумий выполнить любую просьбу помиловавших его жрецов, Изгой не мог и предположить, какое именно поручение он получит. Убить молодую чаладанью?! Но как это возможно, ведь вместе с ней погибнет и единственная надежда на избавление от грозящей миру угрозы?! Неужели ему предстояло в третий раз стать предателем своего народа, теперь совершив измену и в отношении благоволивших ему служителей Митры? Рейн страдал, путаясь в догадках и изнывая от отчаяния. Он послушно следовал за ведущей его судьбой, всецело положившись на ее промысел. И вот, попав в

указанный ему город, он успешно выследил ту девушку, убить которую ему приказал жрец, но защищать и охранять кою повелевали собственные разум и сердце, неспособные на компромисс и не идущие на сделку с совестью. Он ощутил — ее душа еще спит, не догадываясь о своей подлинной сущности. Он послал ментальный призыв, пытаясь достучаться до ее памяти, но так и не достиг успеха. Чаладанья равнодушно прошла мимо, не ответив своему рыцарю, по жестокой насмешке беспощадного фатума должного стать ее убийцей... Но, бдительно наблюдая за смертельной петлей случайностей, все ту же затягивающейся на шее дочери Сокола, Рейн продолжал колебаться, так и не разобравшись в себе и в том, как же именно ему следует поступать дальше. Чаладанью, даже не подозревавшую об истинной природе окружающих ее тварей, преследовали все: мерзкие мутанты и почему-то присоединившиеся к ним швабы, в прошлой жизни Рейна являвшиеся их непримиримыми врагами. Так что же на самом деле происходило в этом мире, таком чужом и непонятном?

— Слишком долго я спал! — печально шептал Изгой, внимая сумбурному рассказу спасенного им Летописца. — Все перемешалось и сместилось, утратив прежнюю ясность. Почему жрец Митры желает гибели той, появления которой они все ждали будто манны небесной? Почему объединились бывшие противники и что ищут все они в подземных катакомбах чуждого нам города? Кому можно верить и кого следует остерегаться?..

— Верь своему сердцу! — тихонько, но твердо подсказал угадавший его сомнения старик. — Оно не обманет. И помни, воин, Светлая королева неспособна нести миру зло и погибель, что бы там ни утверждали твои выжившие из ума жрецы...

Изгой задумчиво кивнул, поднимаясь с дивана и поправляя привешенный к поясу меч.

— Я никогда не обагрю свои руки кровью невинного и не убью беззащитного! — клятвенно пообещал он, почтительно кланяясь мудрому Летописцу. — Благослови меня на правое дело, отец!

— Бог с тобой! — растроганно напутствовал Силыч, пальцем начертав на лбу немца размашистый православный крест. — И не имеет значения, что ты веруешь в какого-то варварского Митру, а не в Господа нашего Иисуса Христа. — Он вздохнул по-стариковски снисходительно, отвергая бесцельную суету. — Добро, оно для всех едино...

Летописец долго смотрел в спину уходящего прочь Рейна, негодуяще трясая головой и что-то сварливо бормоча вполголоса. И если бы бог, неважно какой, хоть на мгновение снизошел к его словам, то он уловил бы странные, но, безусловно, здравые и справедливые рассуждения.

— Ишь ты, — хмуро ворчал старик, порицая неведомых ему судей, — и кто же это тебя так наказал-то бесчеловечно да Изгоем заклеил? Мои-то глаза хоть и плохо видят, но различают четко — душа у тебя чистая и светлая, аки у ангела небесного. Вот еще демон выискался... — Он сердито сплюнул на пол, потирая все еще саднящее горло. — Да пусть я напрочь ослепну, но и тогда истину-матушку различать не перестану...

Глава 8

— Молчание — первый признак ягнят! — убежденно изрек Игорь, на ходу вкусно чавкая шоколадкой и намеренно не оборачиваясь. — Так чего молчим, овечки мои? — Он сыто рыгнул, одаривая нас произвольной, но, безусловно, многозначительной реакцией принципиально не доверяющего бабам мужского организма.

Мы с Галкой брели нога за ногу, покачиваясь и едва не падая. Мои часы показывали, что время близится к пяти утра, следовательно, наше непрерывное блуждание по подземельям длилось уже почти шесть часов, вымотав нас до предела. Особенно измученной и истерзанной выглядела совершенно не привыкшая к пешим прогулкам Галка, едва ковыляющая в своих стойко перенесших варварскую экзекуцию сапогах с нелепо задранными кверху носами. Ни дать ни взять выбравшийся на берег пингвин. Теперь в этой

искалеченной и щедро перемазанной грязью обуви было весьма трудно опознать некогда раритетное произведение знаменитой фирмы, что, впрочем, распространялось и на их незадачливую хозяйку, в коей с трудом можно было узнать ту, в прошлом ухоженную и модную, платиновую блондинку, которая заинтриговано спускалась в подземный лабиринт, даже и не подозревая об ожидающих ее неприятностях. Хотя, думаю, сейчас я выглядела не намного презентабельнее Галки, держась лишь за счет силы характера и кое-каких мускулов, накачанных путем регулярных тренировок с ведром и шваброй. Вот уж чего я точно не ожидала, так это того, что мытье подъездов и многокилометровые выгулы чужих собак пойдут мне впрок.

Раскисшие, не предназначенные для подобных эскапад сапожки омерзительно хлюпали на моих ногах, предательски подрагивающих в коленках. Еще пару часов назад я выбросила свою мокрую наголовную повязку, пришедшую в негодность от падающих с потолка капель влаги, и сейчас волглые пряди волос настырно лезли мне в глаза, надоедая почище усталости и накопившегося раздражения. Лямки рюкзака натерли плечи даже через куртку, а треклятые стринги и правда по самое «не хочу» врезались между ягодиц, злорадно напоминая о моей легкомысленной шутке. Обещаю, я никогда и никому впредь не стану рыть яму — даже в переносном смысле, ибо уже сама сыта ямами по горло, на всю оставшуюся жизнь впечатлений хватит... На фоне всеобщего уныния один лишь диггер, непринужденно болтающий и посмеивающийся над нами, выглядел по-прежнему неутомимым и целеустремленным, резво вышагивая впереди. Он подчеркнуто не обращал ни малейшего внимания на наш кислый вид, насмешливо насвистывая какой-то незатейливый мотивчик и давая нам понять, насколько мы жалки и ничтожны. Ведь побеждают — сильнейшие.

— Игорек, ну сколько еще тебе повторять можно, — жалобным голоском проканючила Галка, хрипя громче загнанной ломовой клячи, — ничего тут нет, давай повернем обратно?! Умоляю!

— Не-а! — издевательски отмахнулся диггер, маршируя четко, будто на параде. — Счастье уже близко, поверь моей интуиции.

— Какое счастье? — не поняла отупевшая от изнеможения Галка.

— Денежки, — мечтательно пропел наш рыжий мучитель, совершая пальцами весьма красноречивое перебирающее движение, словно шелестел воображаемыми купюрами, — баксики мои ненаглядные, «зелень» моя гринписовская...

Галина обреченно разревелась в голос, душераздирающе завывая и размазывая по лицу остатки косметики.

— Не смей унижаться перед этим вырожденком! — негодуя рывкнула я, прожигая спину диггера ненавидящим взглядом. — Ему неведома жалость, он не умеет плакать...

— А вот и неправда ваша, мадам, — съязвил Игорь, так выразительно поводя лопатками, словно мой взор и впрямь причинил ему некий физический дискомфорт. — Я проронил пару слезинок во время просмотра фильма «Титаник».

— Погибшего героя жалко стало? — с надеждой всхлипнула расчувствовавшаяся мадам Ковалева.

— Бриллиант! — цинично парировал рыжий корыстолюбец. — Уму непостижимо, как посмела та, впавшая в маразм, бабка утопить столь дорогой камень?!

Я саркастично хмыкнула, на одно мгновение даже забывая о своей усталости. Может, счастье и не всегда зависит от количества денег, но наш диггер придерживался вполне обоснованного мнения — уж если плакать от несчастья, то лучше в лимузине, чем в автобусе. Короче, диалектика жизни проста: как всегда, все упирается не в наличие или отсутствие денег, а в их количество.

— А ты не боишься загонять нас до смерти? — ехидно осведомилась я и мстительно добавила с намеком: — Стас тебя за это не похвалит...

В ответ Игорь вздрогнул всей спиной, замедляя шаг.

— Что, страшно стало? — издевательски подначила я.

— Фигня, — наигранно бодро воскликнул парень, все-таки останавливаясь, — самое

страшное — это когда в пятницу тринадцатого черный кот, переходя улицу, пустым ведром разбивает зеркало в витрине магазина похоронных принадлежностей!

— Стас хоть и не кот, но морду разбить вполне способен, — откликнулась я, упирая кулаки в бока и с нескрываемым ликованием взирая на заметно растерявшегося диггера. — Не так ли?

— Если бы кот... — с дрожью в голосе протянул наш рыжий проводник, безмерно меня удивив. — Если бы...

Уж не знаю, на какие неприятные ассоциации натолкнули его мои слова, но Игорь внезапно побелел, будто полотно, и нервно сглотнул, похоже прогоняя отнюдь не случайно подкативший приступ панической тошноты. Видимо, он все еще скрывал от меня нечто важное, но всю его недавнюю самоуверенность как ветром сдуло.

— Ладно, — нехотя процедил он, отводя глаза, — устроим привал и отдохнем чуток. Вот только где? — Он немного поколебался, озираясь и пытаясь отыскать сухую площадку. — Ну и гадское же место, черт его побери...

Я мысленно согласилась со столь точным определением, ибо уже успела возненавидеть эти треклятые катакомбы сильнее всего на свете. Попав за Грань, мы пробирались узкими, сырыми и вонючими до невозможности, невероятно запущенными коридорами, выложенными потрескавшимся от старости камнем. Здесь в изобилии водились огромные серые крысы и росли слабо фосфоресцирующие грибы странной вытянутой формы. Диггер что-то неразборчиво пробубнил насчет этой оригинальной подземной флоры, подозревая, что из светящихся поганок можно сварганить дурь посильнее конопли. Кажется, он намеревался нарвать их на обратном пути. Иногда мы замечали криво начертанные кресты, украшавшие стены катакомб, и тогда я невольно вспоминала рассказ Летописца, особенно в той его части, которая касалась фанатиков-староверов, проживавших тут чуть ли не полтора века назад. Хотя, возможно, в те времена эти места выглядели немного поуютнее.

Но нынче старинное подземелье пребывало в ужасающе аварийном состоянии. Грунтовые воды, просачивающиеся сквозь почву, размывали основу стенной кладки, грозя в скорости вызвать обвалы и другие масштабные разрушения. Кстати, сей необратимый процесс уже начался, и несколько раз рухнувшие со свода глыбы преграждали нам дорогу, наглядно демонстрируя — катакомбы доживают свои последние годы, грозясь погрузить во мрак небытия скрывающиеся в них тайны, обреченные остаться так и не раскрытыми. Проход то расширялся до размеров небольших пещер, то вновь сужался до величины тесного лаза, вынуждая нас сгибаться в три погибели, а пару раз даже ползти. Теша свое любопытство, я увлеченно вертела головой, не пропуская ни углублений, похожих на вырубленные в стенах лавки, ни каменного алтаря, увенчанного архаичным медным распятием. Диггер восхищенно поцокал языком, объясняя — сия вещь, безусловно, немыслимо старая и антикварная, стоящая немалых денег, да вот беда — уж слишком она громоздкая, с собой ее не утащишь. А жаль, очень жаль!

Дальше меня ожидало страшное открытие. Некоторые из укромных ниш не пустовали — они были заняты какими-то бесформенными свертками, заботливо водруженными на вытесанные из известняка лежанки. Я настороженно протянула руку, приподнимая край грубой, непонятно из чего сотканной тряпицы, и с пронзительным визгом отпрыгнула на безопасное расстояние, ибо под сдвинувшимся покровом обнаружился скелет покойника. Его череп глумливо скалил на меня крупные желтые зубы. Но меня поразило не это примитивное захоронение — зубы неведомого покойника имели форму остро заточенных клыков, придававших черепу страшный нечеловеческий вид. «Зачем они это делали? — потрясенно размышляла я, спешно отходя в сторону. — Не вампирами же они себя мнили, в самом-то деле?» Но я не решилась рассказать о своей страшной находке ушедшей вперед Галке, остерегаясь за ее психику. Тут и без вампирских черепов есть от чего сойти с ума!

Природу происхождения ткани, из которой сделали саван для покойника, я в скорости расшифровала, обнаружив в паре пещер обширные заросли каких-то корней, завесой спускающихся с потолка и имеющих рыхлую, рассыпчатую структуру. Растрепав на нити

найденные мной корни, можно было и правда соткать некое подобие жесткой дерюги. Но ведь все это означало, что в пещерах и вправду кто-то обитал? Ну во всяком случае, лет сто назад точно! Придя к столь очевидному выводу, я почувствовала себя странно. С одной стороны, я, возможно, только что совершила величайшее открытие нашего времени, а с другой — предчувствие чего-то зловещего, надвигающегося на нас с неотвратимостью смерти, усилилось многократно, вызвав обильную испарину у меня на висках. Я протянула руку и подставила ладонь под тонкую струйку влаги, непрерывно сбегающей по стене. Набрала пригоршню воды и умылась, отгоняя суеверный трепет, холодными клещами сжимающий мое сердце. И, клянусь, в тот момент, когда моя склоненная голова приблизилась к воде, краем глаза я заметила некую смутную тень, промелькнувшую за поворотом коридора. Я недоверчиво фыркнула, чуть не захлебнувшись водой, чистой и невероятно вкусной. Возможно ли это, чтобы я заприметила низкорослого сгорбленного человека, крадущегося вслед за нами? Нет, мой скептически настроенный разум категорически отказывался принять такую совершенно абсурдную версию. Скорее всего, то была просто очередная крыса, силой моего страха увеличенная до невероятного размера... Я негодуя мотнула растрепанными волосами, отгоняя наваждение, и бегом устремила прочь, в глубине души понимая: я пытаюсь убежать от невозможного. Пытаюсь спрятаться от самой себя и четкого осознания — это не бред и не ошибка, я действительно видела человека!..

Но вот, когда мне уже начало казаться, будто мои силы иссякли полностью и я попросту упаду, пробуя сделать еще хоть шаг, мы неожиданно вышли в просторную пещеру, чистую и величественную. И если бы я верила в существование бога Пустоты и Хаоса, то я бы непременно поселила его именно здесь — настолько пугающе прекрасным выглядело это место, залитое смутным розоватым светом, струящимся из неизвестных мне камней, во множестве вмурованных в парные, подпирающие свод колонны.

— Это кристаллы кальцита и горного шпата, способные светиться в темноте, — авторитетно изрек Игорь, уважительно поглаживая колонну. — Одно из чудес природы. Не правда ли, они великолепны?

Я кивнула, почти оцепенев от изнеможения, готовая согласиться сейчас с чем угодно.

— Подходящее место для привала, — авторитетно разглагольствовал диггер, продвигаясь к центру пещеры. — Смотрите-ка, вот это да!

Я проследила за его пальцем, указывающим куда-то вниз. Посередине пола находилась массивная прямоугольная гранитная плита, частично занятая короткой надписью, заключенной в фигурный картуш.

— «Сей памятный камень заложен шихтьмейстером Михаилом Артузовым при Императрице Екатерине, 1726 года апреля 8-го дня», — потрясенные, хором прочитали мы на картуше, имевшем форму развернутого свитка.

— Здесь начинался Екатеринбург! — торжественно объявила я.

— Офигеть! — в тему уточнила Галка.

— Мы достигли самого нижнего слоя города! — уверенно провозгласил Игорь, ликуя хлопая в ладоши.

Но издаваемые им звуки немедленно отразились от стен, превращаясь в настолько уродливое эхо, что даже наш несгибаемый диггер гадливо передернул плечами и поспешно развел ладони, не осмелившись далее испытывать отнюдь не бесконечное терпение тишины.

— Что будем делать? — деловито поинтересовалась я, дабы замять неприятную паузу.

— Отдыхать! — хрипло буркнула Галка, опускаясь прямо на плиту. — Тут сухо, и крыс вроде нет...

— Ладно, — позволил уговорить себя Игорь, присаживаясь рядом с ней и расстегивая рюкзак. — Разрешаю ужин и два часа сна.

Я, не жуя, проглотила несколько галет и ломоть колбасного фарша, не почувствовав ни вкуса, ни запаха пищи. Единственное, еще способное радовать меня ощущение заключалось в том, что светлый зов, неумолчно звучащий у меня в душе, усилился многократно, подсказывая, что его источник находится где-то совсем рядом. Похоже, наши поиски

близилась к концу. Но мои веки смыкались сами собой, а голова отяжелела и ныла не переставая. И уже засыпая, я вдруг ощутила на себе чей-то настороженный взгляд — жадный, голодный, выжидающий...

Судя по ничуть не улучшившемуся самочувствию, спала я недолго. Меня разбудил тихий скребущий звук, почти шорох... С натужным усилием выплывая из гнетущего, похожего на обморок сонного марева, я продолжала удивляться коварным проискам злодейки-судьбы, сумевшей столь изящно и незаметно вовлечь меня в свои малопонятные игры. Чего хочет от меня эта сумасбродная устроительница наш их жизненных дорог? Какую особую долю припасла она для меня и через какие еще испытания мне придется пройти, прежде чем осознаю — я пришла в наш мир не просто так, а ради чего-то важного и серьезного? Тут я мысленно улыбнулась, снисходительно иронизируя по поводу своего ущербного самомнения и попутно коря себя за так ничем и не излеченную романтическую, всегда сопровождающую мечту о спасении мира.

«Да полно тебе бредить, фантазерка, — саркастично насмехался здравый рассудок, как обычно бессменно шефствовавший над беспокойной душой. — Куда тебе сейчас на заботу о мире замахиваться, саму бы кто спас...» И правда, в данной ситуации спорить с ним стало чрезвычайно трудно и бессмысленно, ибо разум желал мне добра. Но все равно — судьба представлялась мне в роли этакой искусной мастерицы, неустанно выплетающей сложное кружево нашей жизни, а все мы были лишь составными элементами задуманного ею узора. У меня в рабочем ежедневнике хранилась страничка из газеты со стихотворением какого-то неизвестного автора, строчки которого в точности соответствовали моему восприятию действительности. Я помнила это стихотворение наизусть.

Взяв в пальцы тонкую иголку,
Не ведая, что в том — волшба,
Сплетала кружево из шелка
Злодейка старая — Судьба.

Тая слезу в усталом взоре
И славы не ища в молве,
Сокрыла горести в узоре,
А все несчастья — в канве.

Любовь цветами обозначив,
Взялась основу проложить,
С коварным умыслом назначив,
Как нам придется дальше жить.

Вон в том ряду — следы невзгоды,
В том ромбике — семейный быт,
Стучат-плетут коклюшки годы,
Здесь все, никто тут не забыт.

Судьба с усердным вдохновеньем
Закрутит нашу жизнь в витки,
Ведь мы меж смертью и рожденьем
Тех кружев — просто узелки...

Внезапно до моего слуха повторно донесся непонятный шорох, ставший причиной

столь резкого пробуждения. Послушно пойдя на поводу у своей интуиции, властно приказывающей мне действовать как можно осмотрительнее, я чуть приподняла голову, напряженно вглядываясь в полумрак пещеры. На первый взгляд вокруг ничего не изменилось. От колонн струится все тот же приглушенный свет, рядом умиротворенно посапывает умотавшаяся до беспамятства Галка, а с другого бока прикорнул свернувшийся калачиком диггер, чьи длинные ноги неуклюже свисают с гранитной плиты. У меня в голове не укладывалось, как он исхитрился заснуть в столь неудобной позе? Ну точь-в-точь Буратино на верстаке у папы Карло! Нос нашего конвоира, и без того длинный и тонкий, заострился еще сильнее, а усыпанные желтыми веснушками щеки запали, подчеркивая крутую линию скул. М-да, следует признать: нелегко все же даются Игорьку денежки, обещанные за мои подземные мытарства. На мгновение мне даже стало его жалко, ибо сердце кольнуло нехорошее предчувствие — парень здорово смахивает на мертвеца, а подобное неуместное сходство не сулит еще живому человеку ничего хорошего. Вроде бы это связано с какой-то мрачной приметой. Хотя если верить во все суеверия, то так и чокнуться недолго... Не сбываются они никогда, ну или почти не сбываются! А уж если и сбываются, то в жутко извращенной форме... Вот лично я сама уже черт знает сколько раз подряд ловила букеты невесты на Галкиных свадьбах, а все равно замуж вышла поздно, кратковременно и крайне неудачно. Поэтому сейчас искренне верю: если я когда-нибудь рожу сына, то не быть ему известным голкипером, хоть и ловлю я свадебные букеты виртуозно, словно стрижу мух в полете... И уж если говорить откровенно, то самая страшная и неисправимая примета — это ехать в лес в багажнике чужой машины, по частям, в разных сумках... И тут шорох повторился снова, обретая куда большую уверенность и отчетливость. Все мои блондинистые размышления тут же выветрились у меня из головы, ибо я поняла — шум издают не Галка с Игорем, а кто-то посторонний...

Я проехала щекой по камню, опуская подбородок вниз и проклиная себя за легкомыслие — угораздило же меня лечь ногами ко входу в пещеру, ногами вперед! Брр, опять эти мерзопакостные предзнаменования, чтоб их! Но вдруг мои глаза расширились от ужаса, и я рефлекторно зажала себе рот рукой, дабы не завопить, потому что чуть дальше колонн я увидела несколько невысоких сгорбленных фигур, подкрадывающихся к нам мелкими нерешительными шажками...

— Игорь! — сдавленно зашипела я, борясь с паническим желанием вскочить на ноги и помчаться быстрее лани куда глаза глядят. — Просыпайся, у нас чепэ!

— Отстань! — душевно посоветовал диггер, подтягивая колени к груди и сладко причмокивая во сне. — Еще полчаса — и подъем... — Он заливисто всхрапнул.

— Сейчас! — ультимативно потребовала я, тихонько тормоша его за плечо и подмечая — подкрадывающихся к нам уродов набралось пятеро, и теперь они разделились, расходясь по флангам и образуя стягивающееся к центру кольцо. — На нас хотят напасть!

— Кто? — мученически простонал Игорь, пытаясь прикрыться локтем, чтобы удержать остатки ускользающего от него сна. — Ева, не дури!

Зря он так сказал, ибо я хронически не переносу несправедливых обвинений в глупости и дурости. И почему, спрашивается, если мужчины делают что-то не так, как нужно, то они тут же начинают искать для себя всевозможные оправдания, высокопарно ссылаясь на случайные ошибки и роковые стечения обстоятельств? Типа они-то сами умные-благоразумные, просто им иногда не очень везет. А вот если промах совершает женщина, то всё — туши свет, суши весла, нанимай адвоката, ведь тебя сразу же заклеят хронической дурой, не говоря уже об обидном термине «блондинка», давно ставшем именем нарицательным. Короче, куда ни глянь, кругом сплошной мужской произвол и дискриминация по половому признаку!

Но сейчас я не дурила. Крадущиеся к нам твари в точности подходили под определение «уроды», и у меня просто язык не поворачивался назвать их нормальными людьми. Низкорослые, тощие и ненатурально белокожие — они отдаленно напомнили мне пауков своими длинными, свисающими ниже колен руками. Их чресла обвивали рваные тряпки,

босые ступни беззвучно ступали по каменному полу. На сморщенных мордах сумеречных обитателей выделялись мутные глаза красноватого оттенка, ноздри сильно приплюснутых носов плотоядно раздувались, втягивая затхлый воздух подземелья. Шишковатые черепа неправильной формы были напрочь лишены волос. И теперь их отделяла от нашей плиты всего-то пара шагов. Неожиданно твари замерли, напружинивая жилистые ноги, и я поняла: сейчас они прыгнут на нас все скопом...

Дольше притворяться спящей уже не имело никакого смысла. С отчаянным воплем я вскочила, одновременно с этим выхватывая из кармана зажигалку и баллончик с лаком. Чиркнуло колесико, высекая искру, и струя горячей жидкости опалила морду ближайшего ко мне уroda. С истошным воем тварь отпрянула назад, омерзительно запахло горелым мясом.

Смелая спросонья Галина, еще ничего толком не соображающая, встала спиной ко мне, подпалив вторую тварь. Очухавшийся Игорь сделал пару выстрелов, отогнав выжившего уroda обратно ко входу в пещеру. Но, спрятавшись за обломком камня, подземный обитатель не уходил, очевидно поджидая подкрепления.

— Сколько у тебя осталось патронов? — поинтересовалась я, с замиранием сердца встряхивая изрядно полегчавший баллон и прислушиваясь. — М-да, негусто...

— Четыре! — хмуро отозвался Игорь, спешно собирая манатки. — Кто же знал, что мы нарвемся на этих... на это...

— А кто они? — с любопытством осведомилась Галка, пока что не успевшая в полной мере осознать всю плачевность нашего положения, а потому только не впадшая в истерику.

Диггер растерянно пожал плечами, неразборчиво прокомментировав: «А хрен их разберет!»

— Я полагаю, они и есть те самые Неприкаянные, о которых нас предупреждал Летописец, — виновато пояснила я. — Жаль, что я не приняла на веру его путаные пояснения. Думаю, это деградировавшие потомки тех прежних раскольников, кои переселились сюда с горы Шунут. Видимо, они сумели выжить и даже адаптировались к столь неблагоприятным условиям, питаюсь крысами, грибами и еще бог знает чем. Но ума у них явно нет...

— Они еще и размножаются, — пренебрежительно усмехнулся диггер. — Вот ведь твари озабоченные!..

— Выживание — главная забота любого вида. Наверно, среди них изначально находилось несколько женщин, — уверенно произнесла я, не сомневаясь в правильности своей версии. — Сюда бы ученых привести...

— Да пару пулеметов принести! — сквозь зубы процедил Игорь. — Но у меня только тесак и четыре патрона, а их... — Он посчитал глазами и мрачно присвистнул. Я обернулась в сторону входа.

Карауливший нас урод дождался-таки подкрепления, ибо рядом с ним нарисовалось не менее двадцати подобных тварей, возбужденно переговаривающихся высокими визгливыми голосами. На человеческую речь издаваемые ими звуки не походили даже отдаленно.

— А может, попробуем с ними договориться? — неуверенно вякнула Галка. — Ну не могли же они совсем одичать?

— Еще как могли, — убежденно хмыкнула я, вспомнив острые зубы черепа. — И боюсь, они тут каннибализмом балуются...

— Чем? — недоверчиво икнула Галка, выпучивая глаза, сейчас не уступающие размером бильярдным шарам. — Ты sdурела, Ева?!

Но Игорь поверил мне безоговорочно.

— Вот уж не ожидал, что целью моего путешествия станет миссия по внесению разнообразия в меню этой далекой и дикой страны! — похоронным тоном съязвил он.

— Это кто так сказал? — хлопнула ресницами моя платиновая подруга.

— Капитан Кук, мореплаватель! — саркастично хохотнул диггер. — Съеденный аборигенами, между прочим. А зачем они, по-твоему, еще на нас набросились, если не

созреть? У них же на мордах только одно и читается: очень хочется кушать! Ты, Галь, если хочешь, пойд и поговори с ними о пользе вегетарианского питания, а мы с Евой будем прорываться...

— Куда? — деловито осведомилась я, тоже не разделяющая наивного Галкиного оптимизма.

— Там, — махнул рукой парень, — за колонной, я заметил узкий боковой проход...

— А если он заведет нас в тупик? — резонно усомнилась я.

— Вот и проверим. — Он криво усмехнулся. — Иного пути у нас нет. Лучший способ защиты — это нападение, поэтому предлагаю не оставлять им времени на выработку стратегического плана, а первыми пойти в атаку. По моей команде. Готовы?

Я ответила ему хищным волчьим оскалом, Галка затравленно кивнула.

— Ура! — со всей мочи заорал диггер, разряжая в толпу мерзких тварей всю обойму и выхватывая из ножен тесак.

Мы поддержали командира слаженным залпом из импровизированных огнеметов, к нашему великому разочарованию истощившихся спустя десять секунд. Но главного мы добились — уроды испуганно отхлынули в обе стороны, образуя свободный коридор.

— Бегите! — диктаторским тоном распорядился Игорь, подпихивая нас в спины. — Бегите, дуры!

И мы побежали...

Ветер свистел у меня в ушах, глаза заливал едкий пот, а сердце колотилось как ненормальное, так и грозя выпрыгнуть из груди. Настолько быстро я не бегала даже на уроках физкультуры, во время сдачи норм ГТО, но Игорь, прикрывавший нас с тыла, совершенно не оценил наших усилий, непрерывно ругаясь матом и требуя поддать жару. Коридор петлял и извивался невообразимо, своими неровными стенами раздирая ткань наших курток, а свисающими с потолка плетями корней стараясь задержать упрямых беглецов. И мне казалось, что все здесь выступает против нас, ополчившись на чужаков да действуя заодно с мерзкими подземными жителями. Мой разум истошно вопил, внушая — мы загоняем себя в ловушку, выхода из которой нам уже не найти. О, теперь я прекрасно отдавала себе отчет в причине загадочных исчезновений отважных путешественников, дерзнувших отправиться за Грань и не вернувшихся обратно. Их путь оборвался здесь, в оголодавших желудках острозубых обитателей катакомб. И я обоснованно опасалась, что вскоре нас ожидает та же самая печальная участь...

Коридор закончился неожиданно. Мы ворвались в огромный круглый зал, залитый синеватым свечением ядовито-фосфоресцирующих грибов, разросшаяся колония коих сплошным покровом облепила стены сего монументального помещения. В центре пещеры возвышался огромный, вырезанный из алебаstra крест сказочной красоты, непревзойденным изяществом своего исполнения несравнимо затмевающий все прочие произведения искусства, виденные мной ранее. Куда уместнее это чудо смотрелось бы в музее Эрмитажа или даже Лувра. Но, увы, белоснежный символ христианской веры не производил впечатления дарующего жизнь знака, ибо от него веяло неизбывным холодом смерти, смешанным со сладковатым запахом могильного тлена. Нижняя часть распятия оказалась почти до половины завалена исполинской грудой человеческих костей, а на некоторых из них еще виднелись скудные останки гниющей плоти.

— Господи! — возмущенно выдохнул Игорь. — Это что еще за адский могильник?

Галка закатила глаза и беззвучно повалилась в обморок.

— Алтарь Неприкаянных, — брезгливо усмехнулась я, пытаюсь выровнять сбитое бегом дыхание. — А похоже, заодно и их главная пиршественная зала. Твари знали, что мы сами прибежим туда, куда требуется, ибо из этой пещеры нет выхода. Как я и предрекала, нас загнали в тупик.

— И что нам остается? — оробевшим голосом спросил диггер, наклоняясь к неподвижно лежащей на полу Галине и сострадательно похлопывая ее по щекам.

— Умереть! — прямолинейно и предельно доходчиво пояснила я. — У тебя есть нож. Прошу тебя, перережь нам горло, потому что это станет менее болезненной смертью, чем быть сожранными заживо...

Игорь посмотрел на меня восхищенно и согласно кивнул.

— Прости, — подавленно попросил он, не скрывая охватившего его раскаяния. — Это я один виноват во всем случившемся. Проклятый оборотень поманил меня деньгами, и я тут же потерял голову от жадности. Жаль, что из-за меня погибнет такая мужественная девушка, как ты...

— Оборотень? — изумленно переспросила я. — Это ты о Стасе говоришь? Я надеюсь, ты употребил просто фигуральное выражение, ибо поверить в подобную нелепицу я неспособна!

— Ну да, — невесело усмехнулся наш продажный конвоир, — я ведь уже и думать забыл о твоём непробиваемом скептицизме! Не грузись терминами, они сейчас не имеют никакого значения. Любого обманщика и лжеца можно назвать моральным оборотнем...

— Ах если так, — с долей непонятного самой себе облегчения вздохнула я, — то ладно... — Мне почему-то совершенно не хотелось обнаружить в словах диггера какой-то иной, более осязаемый и далеко не столь прозаичный смысл. — Поторопись!

— Хорошо! — печально откликнулся он. — Я постараюсь сделать это быстро. Хотя, видит бог, я бы предпочел тебя целовать, а не убивать... — Он пошарил рукой у себя на поясе, и вдруг его лицо начало стремительно искажаться, наливаясь чудовищной свинцовой бледностью. — Ева, — чуть слышно шепнул парень, взирая на меня с растерянностью и паникой во взгляде, — у меня нет тесака. Очевидно, я обронил его во время нашего безумного бега по коридору...

Я смеялась громко и звонко... Игорь возмущенно приоткрыл рот, намереваясь сказать что-то язвительное, но потом обреченно махнул рукой и промолчал, видимо благоразумно решив не связываться с впавшей в истерику женщиной. Впрочем, я его понимала. Для некоторых мужчин женская истерика — ещё та беда, пострашнее самой лютой смерти будет. Так зачем же трепать себе нервы напоследок?

Я уже давно поняла, чем именно мы, женщины, отличаемся от мужчин. Нет, конечно, не анатомией и физиологией, и даже не менталитетом. Мы кардинально несхожи объективным восприятием друг друга, и именно эта разница в жизненных позициях здорово осложняет наши межличностные отношения, полностью исключая возможность взаимопонимания. Мужчины уверены, будто все женщины разные, а женщины считают, что все мужчины одинаковые. Именно по этой банальной причине мужчина способен всю жизнь неустанно перебирать партнерш, стремясь отыскать необычный во всех отношениях экземпляр. А обычная среднестатистическая женщина, наоборот, предпочитает всю жизнь прожить с одним и тем же мужчиной, при этом чувствуя себя совершенно счастливой и пребывая в непоколебимой уверенности — у нее нет никакого резона менять шило на мыло, ведь следующий мужчина ничем не отличается от предыдущего. Но на самом деле все обстоит далеко не так...

Все женщины в мире — неважно, блондинки они, брюнетки или рыжие — имеют наиглавнейшее качество, делающее их неотличимо похожими одна на другую и превращая в абсолютно идентичные между собой клоны. И это качество выражается в следующем: все мы не желаем умирать до тех пор, пока не воплотим в жизнь свою самую заветную мечту, бороться за которую готовы зубами и когтями. Ради этой «идеи фикс» мы способны сидеть на диете и терпеть нечеловеческие муки эпиляции расплавленным воском, мы можем за ночь выучить английский язык и начисто забыть русский, мы способны стрелять глазками так, что разрушительная сила нашего визуального оружия запросто сровняет с землей три Хиросимы и четыре Нагасаки. Короче, недаром мужчины покорно отступают перед убойной силой женского желания и признают: чего хочет женщина — того хочет Бог! Вот только пресловутое сокровенное желание у каждой из нас свое. «Увидеть Париж и умереть! —

экзальтированно восклицает мадам Ковалева, уткнувшись носом в самоучитель французского языка и фанатично твердя: — Шерше ля фам, мон амур! Ах — Монмартр, ах — «Мулен Руж»!» Но, похоже, ее голубая мечта так и останется нереализованной... А вот моя...

Я неожиданно дико взвизгнула, оттолкнула опешившего от подобной наглости Игоря и рванулась вперед, прямо к подножию засыпанного костями алебастрового креста. Нет, фигурки, уж я-то точно не собиралась умирать вот так просто, не выполнив свое самое заветное желание. Я ощущала, что светлый зов, проведенный меня через добрую половину катакомб, шел именно из этой пещеры, сейчас став необычайно отчетливым и оглушающим. И я не соглашалась умирать, не подержав в своих руках источник этого зова!

Мне удалось сделать не больше четырех шагов, как пол вдруг ушел из-под моих ног, и я с воплем безотчетного ужаса полетела вниз. К счастью, падала я недолго, угодив, слава богу, не в бездонную пропасть, а в небольшую яму, глубиной мне по пояс. Я рухнула на колени, довольно болезненно ударившись обо что-то острое. Безотчетно зашарила пальцами по дну ямы, отыскивая то, что излучало теплый, страдающий от моего отсутствия зов. Под руку мне подвернулся начисто обглоданный череп, за ним второй...

— Там есть что-нибудь интересное? — спросил Игорь, заглядывая в яму и освещая ее стенки своим фонариком. — Золото, брюлики?..

— А зачем они тебе? — скептически хмыкнула я. — От людоедов откупаться собрался?

— Ну, — смущенно шмыгнул парень, улыбаясь белозубо и неисправимо помародерски, — интересно же!

— Тут есть нечто лучшее! — Я подала ему железную бляху от почти полностью сгнившего кожаного ремня, украшенную изображением нацистского орла. — Я нашла останки наших беглых немцев, улизнувших из лагеря военнопленных зимой сорок восьмого года. Как бишь их там звали? Кажется, Шульц, Зальц и Аксман. Так? — Я выложила на край ямы три черепа. — Все «три богатыря» в наличии!

— Батюшки-светы! — потрясенно ахнула подползшая к нам Галка. — Ева, ты их нашла!

— Невероятно! — прерывающимся от волнения голосом констатировал Игорь, боязливо трогая пальцем насмешливо скалящий зубы череп. — А ты точно уверена в их подлинности?

— Угу. — Я высыпала в его подставленную ладонь несколько пуговиц с фашистской свастикой и заплесневелый погон унтерштурмфюрера СС. — Уверена на все сто процентов — это они!

— Потрясающе! — благоговейно выдохнул диггер, судорожно сжимая пуговицы. — Стас не ошибся, ты нашла раритет!

— Да ничего здесь нет! — сердито пробурчала я, бестрепетно копаясь в костях. — Надеюсь, покойные фрицы на меня не обидятся...

— Ищи лучше! — требовательно прикрикнул на меня Игорь, весь дрожа, как в приступе лихорадки. — Вспомни документ Стаса и рассказ Летописца. Немцы имели при себе что-то важное, предназначенное лишь для тебя. И этот предмет не мог пропасть. Ищи его!..

Я невежливо уселась прямо среди разломанных скелетов, на ребрах которых четко просматривались следы чьих-то острых зубов, и задумалась. Внутри ямы зов ощущался очень сильно, вызывая у меня покалывание в кончиках пальцев и зуд в глазах, будто кто-то незримый подталкивал меня, требуя: «Достань, посмотри!» И этот зов шел откуда-то снизу. Неужели из-под земли? Я недоуменно сдвинула кости и на пробу, носком сапожка, вяло поковыряла почву у себя под ногами. Мягкая, податливая... Предположим, такой вариант развития событий немцев загнал в яму, они понимают, что обречены на гибель, и у них остаются считанные секунды для того, чтобы успеть спрятать священную для них реликвию. Двое защищают одного, а тот усиленно...

Я вскрикнула от негаданно снизошедшего на меня озарения и принялась

воодушевленно раскапывать дно ямы, разбрасывая комья земли и вздымая тучи пыли.

— Эй, ты чего, крыша поехала? — испуганно предположил Игорь, но в ответ я лишь пригрозила ему грязным кулаком, не прекращая захватившего меня процесса археологических изысканий.

— Свети сюда! — требовательно рыкнула я, и он послушно направил в яму лучик фонарика, растерянно пожав плечами и обменявшись с Галкой совершенно ошалелым взглядом.

Сначала я обнаружила тонкий ремень и, подцепив его, вытянула из земли кожаную командирскую планшетку, добротную и мало пострадавшую от многолетнего пребывания в подземелье. Игорь с Галиной таращились на меня восторженно выпученными глазами, не смея ни вздохнуть, ни моргнуть от напряжения. Я медленно расстегнула застёжку планшетки, и в руки ко мне выкатилось что-то небольшое, квадратное, бережно обернутое в лоскут черного шелка. Я развернула ткань, извлекая из нее глиняную, покрытую синеватой глазурью плитку...

— Ну вот, — разочарованно протянул диггер, — а где сокровище, золото, брюлики?..

— Тсс, — сердито зашипела Галка, зажимая ему рот своей мягкой ладошкой, — не видишь, что ли, ты мешаешь Еве!

Нет, он мне не мешал. А вернее, я напрочь позабыла сейчас о существовании своих спутников, пристально всматриваясь в загадочную пластинку и напрягая мозги. Я пыталась вспомнить: мне уже доводилось где-то видеть точно такие же клинообразные значки, складывающиеся в непонятную надпись. Причем видеть не так давно! Но, к сожалению, расшатанная усталостью и недосыпанием память никак не хотела пойти мне навстречу или дать подсказку, превратившись в темный безголосый провал. И тогда, подчиняясь идущему от плитки зову, я положила пальцы на ее поверхность, словно слепая, на ощупь, исследуя каждый значок, каждую черточку неведомого текста...

Свечение возникло само собой, зародившись в глубине пластины. Сначала оно напоминало крохотного светлячка, но потом усилилось и обрело форму четкого квадрата, занявшего всю плитку. Я потрясенно расширила глаза, намереваясь отбросить от себя этот непонятный предмет, но раритет словно прилип к моим пальцам, не желая расставаться с кем-то, проснувшимся в недрах моего сознания. Свечение плавно перетекло в мои ладони, наполняя их зудом и жаром. Мне казалось, вот я перестаю быть самой собой — скромной девушкой двадцати пяти лет от роду, круглой сиротой, покинутой мужем и до недавних пор считавшей себя неприметной серой мышкой. Сейчас я стала кем-то другим — сильным, умным, опытным. Перед моим воспаленным сознанием проносились удивительные картины, расшифровать которые я не могла. Я видела мощную крепость, возведенную на вершине высокой горы, и многочисленную когорту всадников, следующих за молодым мужчиной с благородным и умным лицом, ласково умиряющим гарцующего от нетерпения вороного жеребца. А рядом с ним юную смеющуюся прекрасную деву с королевским венцом на серебристых локонах. Я видела воина в белом плаще и ощущала на своих губах его горячие от страсти уста, целующие меня самозабвенно и иступленно. А затем вдруг изображение крепости поплыло, сменившись рядами марширующих солдат, вскидывающих руки в жесте преданности и восторженно скандирующих: «Хайль Гитлер!» Два пятна — черное и белое в середине ромбического рисунка, тварь с когтистыми лапами, обнимающая меня уверенно, будто личную собственность, летящие по ветру пряди длинных белых волос... Хотя нет, это не волосы, это снег, а точнее, огромная снежная равнина и ползущие по ней снегоходы, помеченные гербом, имевшим форму свободно распахнувшего крылья имперского орла, несущего в когтях лавровый венок, в центре которого находился полярный медведь со свастикой на спине... Не помню, какое государство имеет такой герб... Это не Норвегия, не Исландия... Но чей же он тогда? И вот это снежное величие внезапно перекрывает ослепительная вспышка, переходящая в волны всепожирающего пламени, катящегося по поверхности нашей планеты и уничтожающего все на своем пути: города, леса, людей...

Я закричала и открыла глаза...

— Что это было? — с заиканием спросил Игорь, стягивая со своей головы вязаную шапочку и утирая струящийся по вискам пот. — Ты сидела вся объятая светом, а твое лицо... — он посмотрел на меня вопросительно, — оно выглядело таким отрешенным, словно уже не принадлежало человеку. Что тебе открылось, Ева?

Я медленно перевела взгляд на свои ладони. Свечение потухло, втянувшись куда-то внутрь моего тела и сжавшись в малюсенькую точку, слабо тлеющую в области груди. Глиняная пластинка исчезла, рассыпалась, превратившись в горку пыли, тонкими струйками просачивающуюся у меня между пальцев.

— Я видела гибель нашей планеты, — почти равнодушно произнесла я. — И это произойдет скоро, очень скоро...

Глава 9

Мы слишком поздно начинаем задумываться о смысле жизни, обычно в тот самый момент, когда перед нами возникает реальная угроза эту пресловутую жизнь потерять. А интересно, что произойдет, если все люди узнают точную дату своей смерти? Скорее всего, они тут же начнут иступленно предаваться всевозможным плотским грехам, пустившись во все тяжкие. Хотя как посмотришь на некоторых из ныне здравствующих, так создается впечатление, будто они эту дату знают уже давно. Но в отличие от подобных счастливых у нас уже попросту не оставалось времени на какие-либо глупости, ибо мы понимали, что умрем в самое ближайшее время — здесь и сейчас...

Из ведущего в ритуальную пещеру коридора послышался приглушенный шум. Галка с Игорем тут же прыгнули ко мне в яму, изрядно потеснив бранные останки несправедливо уснувших немцев и настороженно поглядывая по сторонам. Впрочем, их бдительность не являлась излишней, ибо положение наше и впрямь оказалось незавидным: нам противостоял значительно превосходящий по численности противник, а из оружия у нас имелись лишь пистолет без патронов да собственные зубы с когтями. В общем, следовало признать откровенно — наши шансы на выживание практически равнялись нулю.

— Они идут! — сквозь зубы процедил диггер, сосредоточенно хмуря брови и сжимая в ладони пистолет. — Держитесь у меня за спиной. Уж пару-тройку черепов я точно проломить сумею...

— А что потом? — истерично взвизгнула Галка, под влиянием извечного женского инстинкта «Мужчина — мой защитник» хватаясь за его рукав и умоляюще заглядывая в глаза хорохорившегося парня. — Они задавят нас количеством, схватят и начнут обглаживать заживо, даже не потрудившись придушить... — Осознав, что наш спутник отнюдь не Терминатор, подруга отпустила горестно отвернувшегося Игоря и уткнулась лицом в ладони. Ее плечи мелко затряслись, словно хвост бродячего цуцика.

Я ласково обняла плачущую девушку, притягивая поближе к себе. Сейчас ее рыдания не казались неуместным проявлением слабых характеристик или трусости, а выглядели вполне логичными, ибо кому же хочется умирать в двадцать-то пять лет, когда жизнь еще только начинается, да к тому же столь страшной смертью? Поэтому ни у меня, ни у Игоря не возникло ни малейшего желания за что-то осудить мою неуравновешенную подругу. Сам диггер обильно потел от страха, в качестве адреналиновой подпитки вполголоса выдавая скабрзность за скабрзностью. А вот я сама, в противовес своим откровенно паниковавшим спутникам, почему-то не испытывала особого волнения, что, возможно, стало отнюдь не проявлением некоего бездумного пофигизма, а скорее, наоборот, показателем довольно высокой стрессоустойчивости. Мой хваленый скептицизм разошелся вовсю, подсказывая — ты не умрешь здесь и сейчас настолько нелепо и бессмысленно, ведь тебе еще предстоит совершить немало необычного! Хотя следует признать, что в данный миг я совершенно не представляла, какой же именно смысл вкладывается в это многозначительное слово —

«необычное»... Но, подозреваю, знай я тогда все наверняка, то, вероятно, добровольно предпочла бы умереть еще тут, в этой самой подземной пещере... К несчастью, подобные мысли пришли в мою голову намного позже, в совсем другом месте и при иных обстоятельствах. Ну что же тут поделаешь, если наша жизнь весьма непредсказуемая штука, и неожиданное в ней случается намного чаще, чем ожидаемое.

Приютившая нас пещера плавала в синеватом полумраке, неравномерно освещаемая скудным светом, источаемым фосфоресцирующими грибами. Внезапно на ближайшей к нам стене возникла уродливая тень — горбатая и зловещая, ритмично размахивающая когтистыми конечностями. Очертания тени все увеличивались и разрастались, принимая поистине немыслимые размеры. Враг приближался... И тогда наши нервы, и так уже напряженные до предела, не выдержали... Галка взвыла воплем голодной африканской гиены, вытаскивая из нагрудного кармана своей куртки что-то непонятное, а Игорь рванулся навстречу противнику, замахиваясь разряженным пистолетом. Я едва успела ухватить его за штанину густо извазюканных глиной брюк. Из ведущего в пещеру коридора вышла большая, тощая, донельзя шелудивая крыса и уселась на задние лапы, взирая на нас с обиженным неодобрением.

Галка облегченно всхлипнула и обмякла, не разжимая крепко стиснутых кулаков. Игорь вяло съехал обратно в яму, расслабленно роняя руки себе на колени и принимая полусидячее положение.

— Тыфу ты, черт, — устало буркнул он, — я чуть не обделался от испуга. Никогда не любил крыс...

— А может, эти твари занялись чем-то другим и забыли про нас? — с надеждой в голосе предположила Галка.

— Ага, как же, держи карман шире! — нехорошо усмехнулась я. — Вспомни, как тебе есть хочется, когда на диете сидишь... А эти уроды всю жизнь на диете...

— Оголодали небось, болезные? — фальшиво-небрежно подмигнул диггер.

— Голод — не тетка, — утвердительно кивнула я. — Голод — это злобный дядька с ножом и вилкой!

— Значит, живыми нам отсюда не выбраться! — пессимистично констатировал Игорь, задумчиво теребя свой небритый подбородок, успевший покрыться рыжей щетиной, — Блин, мы ведь даже никому не сообщили — куда и на сколько идем, поэтому нас и искать-то не станут...

— И никто не узнает, где могилка моя! — заунывно проныла я, старательно изображая на лице великое и искреннее сожаление.

— Это тоже Кук сказал? — приподняла бровь Галка.

— Не-а, фараон Хеопс, — назидательным тоном пояснила я. — Скромный такой правитель был, ничуть не помпезный, без малейшего намека на манию величия!

«Главное, не позволить им впасть в панику, — вертелось у меня в голове. — Потому что паника полностью подавляет волю и убивает желание сопротивляться».

Игорь покосился на меня удивленно. Его рот шокировано приоткрылся, глаза смешливо округлились. И правда, это выглядело совершенно невероятным — мы находимся на волосок от гибели, а я веду себя абсолютно невозмутимо, как ни в чем не бывало продолжая шутить и балагурить. Но тем не менее моя уловка сработала — Игорь ударил себя по ляжкам и расхохотался громко и заразительно, а спустя секунду к нему присоединилась и Галка, оглашая пещеру тонким залиvistым смехом. Я довольно улыбнулась, понимая: тот, кто смеется в лицо смерти, уже не боится практически ничего!

— Гляди, — резко прерывая смех, воскликнул диггер, пальцем указывая на пляску теней, пятнающих стену пещеры, — наверное, это наши каннибалы!

На этот раз приближающихся к нам теней было много, очень много...

— Это уже не крысы! — опасливо пискнула Галка. — Сюда идут Неприкаянные...

— Нет, — ожесточенно рявкнула я, упрямо поигрывая желваками, — они и есть самые настоящие крысы, и негоже нам отступать перед какими-то тупыми животными! Мы должны

бороться за свою жизнь!

— Согласен! — деловито кивнул Игорь, поудобнее перехватывая пистолет. — Без боя я не сдамся.

— Глаза выцарапаю! — угрожающе шипела мадам Ковалева, выставя вперед левую руку с длинными, наращенными в маникюрном салоне ногтями. — Пусть только сунутся, гады!

Я потеряла костяшки кулаков, попутно вспоминая все, что мне приходилось читать о драках или же видеть о них в кино. Жаль, что вместо изучения иностранных языков я не записалась в секцию карате. Жаль, что я не прихватила с собой дедушкин дамасский кинжал. Жаль, что я двадцать пять лет попусту коптила небо, не успев совершить ничего хорошего или благородного. Жаль...

И в этот момент Неприкаянные лавиной хлынули в пещеру, грозя заполнить ее всю...

Их бледные костлявые тела образовали безудержный поток, сразу накрывший, захлестнувший нас с головой. Я почти не запомнила этой короткой, но ожесточенной схватки, вместившейся в несколько быстротечных минут. Я ощущала беспрестанно впивающиеся в меня зубы — мелкие и острые, а в ответ сама кусалась не менее злобно и жестоко. Я, как умела, молотила уродов кулаками, распинывала их ногами и распихивала локтями. Где-то рядом на одной ужасной истошной ноте неумолчно визжала Галка, давая понять — она еще жива. Я слышала отрывистые вскрики Игоря и звуки его беспощадных ударов, словно гнилые орехи раскраивающих черепа мерзких мутантов. А потом чьи-то цепкие холодные пальцы обхватили меня за горло, мешая дышать. В голове зазвенело, во рту появился кислый привкус желчи, перед глазами поплыла кровавая пелена, и до меня дошло — все, это конец, сейчас я умру...

— Ева, ты где? — через вязкую пелену засасывающего меня небытия до моего слуха вдруг донесся громкий, смутно знакомый мужской голос. — Чаладанья, ты жива?

— Я здесь! — едва слышно прохрипела я, пытаюсь вспомнить, откуда мне известен этот богатый интонациями баритон, грубоватый, чуть порывающийся. — Помогите мне...

Под сводами пещеры грохнула раскатистая автоматная очередь, затем вторая. Издыхающие Неприкаянные выли дико и обреченно. Звуки выстрелов рождали переливчатое эхо, оглушая и в то же время радуя, превращаясь в победную песнь нашего освобождения. Сжимающие мое горло пальцы ослабели и разжались. Я надсадно закашлялась, пытаюсь самостоятельно выбраться из-под лежащих на мне тел, уже мертвых и неподвижных. Сильная рука легко смахнула трупы Неприкаянных и вытащила меня из ямы, поднимая на ноги. На мгновение ослепнув от яркого света в упор направленных на меня мощных фонарей, я болезненно зажмурила глаза, осмысливая произошедшее. Нас спасли в самый последний момент, не позволив стать пропитанием для жутких подземных обитателей. Но кем же оказались эти негаданные избавители?

Я медленно подняла веки, мучительно привыкая к сменившему тьму свету и сквозь повисшие на ресницах слезы вглядываясь в окружающих меня людей. Справа, припав на одно колено и неустойчиво пошатываясь, примостился Игорь — ободранный, грязный и злой, но почти не пострадавший. Слева, на земле, сидела Галка, сердито разглядывающая свои обломанные, перемазанные в крови ногти. Лицо девушки пересекали несколько неглубоких царапин, но в остальном она выглядела вполне здоровой. Я издала громкий вздох облегчения. Мы выжили!

— Мы выжили! — вслух произнесла я.

— Да, — вальяжно ответил все тот же смутно знакомый голос. — Я подоспел вовремя, чаладанья, и спас ваши невезучие задницы. А поэтому я требую ответной признательности и нужной мне услуги, так сказать, в качестве жеста доброй воли!..

Я возмущенно вскинула подбородок, наконец-то узнав этот самоуверенный баритон. Я не ошиблась — передо мной стоял Стас...

— Опаньки, — я иронично наморщила нос, сиюминутно подавить идиотский смех, так

некстати подступивший к горлу, — это вам не какой-нибудь замшелый хрен с горы, а некто покруче. Да никак у нас здесь сам хранитель секретных бумаг объявился?! А кто мне байки трехэтажные недавно втюхивал, рассыпался мелким бесом, внушая: мол, не шастаю я по подземельям, там и шею сломать недолго! — Я довольно удачно симитировала его интонации. — Выходит, ты нам врал?

Шатен, сейчас облаченный в удобные армейские ботинки с высокой шнуровкой и в камуфляж из какой-то непромокаемой ткани, уставился шокировано на меня, видимо весьма возмущенный моей развязностью и вопиющей неблагодарностью.

— Вот это номер, — наигранно сердито хмыкнул он, но в его взгляде читалось нечто серьезное, похожее на невольное уважение, — я тебе жизнь спас, куколка, а ты еще и хамишь! А ну-ка, — он требовательно повел дулом автомата, висевшего у него на груди, — будь хорошей девочкой и скажи мне спасибо...

— Пожалуйста! — издевательски передразнила я, быстренько ощупывая свои ноги и руки на предмет причиненного мне ущерба. Следует признать, что Стас с его бригадой и в самом деле подросли как нельзя вовремя — я отделалась сущей ерундой: несколькими ссадинами, поверхностными ранками и синяками на кистях рук. Seriously покусать меня не успели. — А не ты ли, обманщик, и втянул меня в эти неприятности, подставив под зубы Неприкаянных?

— Ну-у-у, — наш псевдоспаситель попытался скорчить виноватое лицо, но в лицедейском искусстве он не преуспел, и поэтому состроенная им гримаса получилась крайне неубедительной, — предположим, что про мутантов я не знал...

— Ой ли? — саркастично прищурилась я.

— Почти не знал, — огрызнулся Стас, неприязненно кривя рот. — Предполагал, конечно, что они существуют, но не был уверен полностью. Так ведь посему, для подстраховки, и полез я следом за вами, дабы оградить чаладанью народа лугару от любой неожиданной беды, а еще...

— Стоп! — Я резко оборвала его неловкие оправдания. — Никогда не слышала ни о каких лугару, а «чаладанья» в переводе с венгерского обозначает — многодетная мать семейства. Так что прекрати нести бред, и уж не знаю, к чему сводятся твои намеки, но я пока даже первым ребенком обзавестись не успела...

К моему огромному изумлению, Стас вдруг покачнулся, словно я ударила его под дых, и, повернувшись к Игорю, злобно гаркнул:

— Ты, козлина человеческая, немедленно отвечай — вы нашли раритет или нет? Чего она тут мне несознанку разыгрывает? За что я тебе деньги вперед авансом заплатил, мурло рыжее?

Измученный диггер вздрогнул и покаянно заблеял дрожащим голосом:

— Ты только не злись, ладно... Мы чего-то нашли, но вот чего...

— Ясно, — саркастично отрезал Стас, быстро возвращая себе прежний самоуверенный вид, — урок мне на будущее: никогда не связывайся с дураком!

Я внимательно выслушала их короткий разговор, но, к своему стыду, не поняла из него ничегошеньки, как будто они общались на каком-то тарабарском языке.

— Вы нашли останки беглых фашистов? — На сей раз Стас обращался непосредственно ко мне.

— Да! — оторопело подтвердила я.

— А раритетную вещь, упоминавшуюся в моих бумагах? — терпеливо допрашивал он.

— При них действительно имелась некая глиняная вещица, при первом моем прикосновении сразу же рассыпавшаяся в прах! — честно доложила я.

— Проклятие! — Стас обескураженно почесал в затылке, демонстрируя неподдельную растерянность. — А никакого устройства, упоминающегося в третьем пророчестве, или хотя бы намек, где его искать, у них не было?

— Третье пророчество? Не понимаю, о чем ты говоришь? — Я недоуменно развела руками. — Поясни, что вообще тут происходит?

— А ты сама разве так ничего и не вспомнила? — продолжил допытываться Стас, глядя на меня испытующе, словно пытаюсь распознать скрытый подвох.

— А о чем я должна вспомнить? — вопросом на вопрос ответила я, чувствуя себя совершенно запутавшейся.

— Ох ты, запахло-то какое! — в голос взвыл Стас, разъяренно потрясая сжатыми кулаками. — Да что же это за невезение... Крюгер меня убьет!

— Ого! — чуть не подпрыгнул рыжий диггер, сосредоточенно внимавший репликам своего подельника. — А как же поручение Логана — воспользоваться силами немцев и оставить их с носом? Ты же еще клялся и божился, уверяя меня, якобы не имеешь никакого отношения к замыслам подлых швабов. Ты, мол, убежден в их доверчивости, получил от них нужное — ценные документы — и теперь рассчитываешь обвести Крюгера вокруг пальца? Выходит, ты мне вра... — но договорить он не успел.

Стас взбешенно заскрежетал зубами, выхватил из кобуры на поясе пистолет и выстрелил прямо в лицо излишне болтливому диггеру. Я увидела, как в центре лба Игоря образовалось маленькое черное отверстие, из которого выплеснулся фонтанчик алой крови. Мертвое тело моего бывшего поклонника покачнулось и грузно рухнуло на спину, дополняя кучу небрежно сложенных трупов, еще недавно называвшихся зловещими обитателями подземных катакомб. Галка взвизгнула, закатила глаза и стала валиться, оседая мне под ноги. Потрясенная не меньше подруги, я затравленно озиралась по сторонам, пытаюсь найти путь к отступлению, но бежать оказалось некуда.

До настоящего момента я как-то не особо заостряла внимание на четверых других мужчинах, колоритных спутниках Стаса, сопровождающих сего прожженного афериста. Трое из них выглядели киношными персонажами из дешевого боевика, внешне абсолютно неотличимыми между собой. Эдакие примитивные «трое из ларца — одинаковы с лица», будто под копирку деланные, с топорными мордами, не отягощенными даже скудным проблеском мысли. Типичные наемники, привыкшие беспрекословно выполнять любой приказ командира. Вооруженные до зубов автоматами и пистолетами, они равнодушно — как сорную траву — выкосили Неприкаянных, а затем педантично сложили их тела в огромный штабель, словно в насмешку устроив его у самого подножия алебастрового креста. Но кроме белобрысой троицы возле Стаса отирался еще один тип — невысокий, смуглый и гибкий, производивший крайне отталкивающее впечатление. Проскальзывало в его облике что-то хитрое и недоброе, скорее присущее хладнокровной ядовитой твари, чем человеку. И вот сейчас пятерка этих лжеспасителей взяла нас с Галкой в кольцо, отрезая все пути к отступлению.

— Никуда ты уже отсюда не сбежишь, куколка, — мгновенно разгадав мои намерения, гадко хихикнул чернявый. — А ты, Станислас, — он назидательно выставил палец, упираясь им в грудь рослому Стасу, возвышавшемуся над ним на целую голову, — еще ответишь за свое предательство! Я так и подозревал, что ты продался Крюгеру! Логан тебе этого не простит...

Я ошалело хлопала глазами, уже даже и не пытаюсь вникнуть в суть их разговора, безнадежно ускользающую от моего понимания. Мои догадки оказались верны: Стас действительно не только подкупил Игоря, дабы тот отвел меня за Грань и помог отыскать старинный раритет, но и специально подсунил нам архивный документ, разбудивший мое злополучное любопытство. Вся тщательно продуманная операция концентрировалась лишь на мне одной. Впрочем, диггер и не скрывал своей материальной заинтересованности в успехе нашей экспедиции. Но вот в чем я ошиблась — так это в том, что посчитала, будто Стас владеет полной информацией, касающейся искомого раритета. Нет, он, видимо, тоже играл роль бесправной пешки, слепо следуя выданным ему инструкциям и притом изрядно опасаясь кого-то более сильного, возможно, как раз этих неведомых мне Крюгера и Логана. И, думается мне, наш предатель дерзнул взять на себя слишком много, вознамерившись действовать на свой страх и риск, подставив одного из боссов. И кажется, он прокололся...

— Нет, Айзек, ты неправ! — торопливой скороговоркой зачастил изворотливый шатен,

то багрово краснея, то бледнея аж до синевы. — Я и не собирался изменять Логану. Да как тебе вообще могла прийти в голову подобная нелепица? Я готов немедленно доказать ему свою преданность...

Айзек насмешливо наморщился, становясь похожим на подлого шакала, собирающегося исподтишка, за пятку, цапнуть попавшую в ловушку жертву.

— Мне твои слова ни к чему, подтверди их делом!

— Приказывай! — Стас вытянулся в струнку, демонстрируя безоговорочное повиновение.

— Ой, что-то не верю я в амнезию этой стервы лугару. — Айзек оценивающе обошел меня, рассматривая, словно выставленный на продажу товар, чуть ли не принюхиваясь и ненавидяще шуря свои и без того узкие, подозрительно бегающие глазки. — Полагаю, она нам врет. Выбей из нее признание...

— Но... — опешил Стас, глядя на меня с испугом, — она же лугару! Я не менее твоего не перевариваю их высокомерное племя, но оскорбить саму чаладанью...

— Исполнять, пес! — мгновенно взъерепенился Айзек, подпрыгивая и потрясая стиснутыми кулаками, брызгая при этом слюной. — Мне наплевать, как ты это сделаешь. Мне нужно ее чистосердечное признание, мне хочется знать — где следует искать устройство из третьего пророчества. От этого зависит наша жизнь, а поэтому делай что угодно, но выбей из нее правду. Можешь бить, пытаться, насиловать...

За спиной чернявого шакала одобрительно хрюкали три мордоворота, не сводя с нас наставленных автоматов.

Стас нерешительно подошел ко мне и схватил за руку, болевым приемом выворачивая кисть.

— Лучше расскажи нам все по-хорошему, — неуверенно потребовал он, горячо дыша мне в лицо, и я опять ощутила этот уже и ранее привлекавший мое внимание резкий запах, исходивший от его кожи. Но только сейчас я поняла — от Стаса пахнет вовсе не потом, а псиной. — И тогда я не причиню тебе никакого вреда.

— Но я же ничего не знаю! — искренне ответила я, недоумевая и теряясь в догадках. — Хоть намекни, о чем ты хочешь знать...

— Намекни?! — яростно взревел Стас, швыряя меня на землю и наваливаясь сверху. — Ты еще и издеваешься над нами, сука! Намекать чаладанье на величайшие тайны ее народа... Да это верх цинизма!

Я сопротивлялась и вырывалась, насколько хватило сил, но он оказался гораздо сильнее и тяжелее меня. Рядом возбужденно хихикал мерзавец Айзек, предвкушающе потирая ладони, да тяжело сопели его мордовороты, распаленные видом моего беспомощно распростертого на земле тела. Раззадоренный осознанием своего превосходства, Стас разорвал мою куртку, а затем и джемпер, жадно целуя и кусая оголившуюся грудь. Его пальцы рванули пояс моих брюк, забираясь под них. Придавленная его мощной тушей, я не могла даже кричать, а лишь сдавленно хрипела и отворачивала лицо, пытаясь избежать мокрых губ насильника, похотливо скользивших у меня по шее...

Меня спасла всеми позабытая Галка, тихонько пришедшая в себя. Отбежав к входу примыкающего к пещере коридора, она истошно завопила диким голосом: «Помогите, тут немцы!» Уж не знаю, на чью помощь она рассчитывала и кого призывала — ангелов ли, бесов ли, но подруга повела себя совершенно правильно, интуитивно вспомнив давнишние школьные уроки самообороны, внушившие нам следующее: в момент опасности нужно кричать что-то неординарное, ибо оно всегда привлекает гораздо большее внимание. Вот почему Галка не закричала банальное: «Караул!» или «Горим!», а заполошно вопила сухую правду: «Помогите, нас немцы насилуют!»

Рейну едва удавалось контролировать переполнявший его гнев, размеренным шагом преодолевая извилистые коридоры подземных катакомб. Он сердито поводил плечами и периодически хватался за рукоять верного фламберга, отлично понимая, что выказывает

этим свою растерянность и недопустимую для воина несобранность. Но сейчас он действительно запутался во всем произошедшем за последние дни, а более того — в самом себе... Из сбивчивого рассказа спасенного им старика он сделал однозначный и вполне четкий вывод: два извечных врага — мутанты-ликантропы и недобитые фашисты — почему-то объединились, создав единый боевой тандем. Изгой долго привыкал к подобному парадоксальному открытию, на его взгляд не имевшему никакого логического обоснования. Впрочем, вскоре он понял — подобное определение касалось лишь его личной логики, всегда основывавшейся на понятиях чести, справедливости и милосердия. Но похоже, его моральные принципы безвозвратно канули в прошлое, умерли вместе с тем старым миром, в котором он родился и вырос, коему служил, как умел, верой и правдой, не щадя себя самого. Служил вплоть до момента своего погружения в долгий искусственный сон.

Его разум не нуждался во сне, но его телу, сохранившему слишком много человеческого, требовался отдых, а поэтому, попав за Грань, Рейн выбрал достаточно сухое место, где и провел пару часов, свернувшись в клубок, дабы сохранить тепло. Закрыв глаза, он раз за разом мысленно перебирал доступные ему факты и вновь ужасался разверзшемуся перед ним тупику. Он напрочь отказывался принимать этот новый мир с его суматошными городами-спрутами, на многие километры раскинувшими щупальца улиц и автострад, цепко держащих людей в своих смертельных объятиях. Он отчетливо слышал жадное чавканье и хлюпанье, доступное лишь его тонкому слуху охотника. Эти города досуха высасывали своих беззаботных обитателей, будто ненужную шелуху отбрасывая их опустошенные оболочки. Мир стал хищником, озабоченным только процессом собственного выживания, и беспощадно мстил людям, изуродовавшим его ранее чистый облик. Горестно воя от отвращения к своему новому «я», мир заживо пожирал самого себя, приближая неизбежный конец. Пророки оказались правы, предрекая гибель детей Аримана, погрязших в плотских соблазнах и начисто позабывших о душе. Такой мир не стоил того, чтобы его спасали...

Тогда, в городе, Рейн с омерзением взирал на серые лица и пустые глаза прохожих, уныло бредущих вдоль засыпанных снегом домов. Он привык считать себя зверем, отверженной тварью, утратившей право называться человеком. Но насколько же глубоким оказалось его потрясение, когда на лицах встречаемых людей он совсем не обнаружил признаков человечности, а увидел только неприкрытую алчность, неумную жажду власти и примитивные плотские инстинкты. Изгой брезгливо отшатывался от этих бездушных кукол, бездумно тратящих свои скоротечные жизни. Впрочем, они и не ведали, что значит настоящая жизнь, потому что являлись мертвыми с самого рождения.

Рейн безоговорочно отвергал эту жалкую имитацию бытия, выражавшуюся в сиянии неоновых вывесок, в заваленных безвкусыными вещами витринах дорогих магазинов, в синтетической пище и напитках, в вульгарно размалеванных доступных самках, за деньги продающих свои тела. Он гадливо выбросил в урну толстый глянцевоый журнал, с каждой страницы которого на него взирала очередная ухоженная, умело обнаженная девица, в бессмысленной улыбке которой читалась главная мысль, ставшая девизом этого жуткого мира живых мертвецов: «Не думай, не мечтай, не верь. Потребляй!» И они действительно потребляли всё — деньги, секс, жизни. Потребляли самих себя...

Прибыв в указанный жрецом город, Изгой напряженно вслушивался в отвратительный единый гул, создаваемый грязными, непрерывно жующими, спаривающимися и убивающими друг друга людьми, надеясь услышать что-то необычное. Он рыскал среди пьяной, тупо веселящейся толпы, легко прикрываясь ментальным щитом и не привлекая лишнего внимания. Он шел среди них, но люди его не видели, как не замечали красоты падающего снега, рисунка изморози на стекле, пронзительного молчания темного ночного неба и волшебного сияния далеких звезд. «И они называют себя людьми? — печально изумлялся Рейн, бесшумно скользя в невменяемо беснующейся человеческой своре, окружившей изукрашенную фонариками елку. — Да они не более чем сытое эгоистичное стадо, послушно идущее на убой...» Но внезапно, среди сотен тысяч черных пятен,

недостойных называться живыми душами, он почувствовал одну — чистую, безгрешную, изнывающую от одиночества и непонимания... И тогда он обессиленно осел в снег, радуясь и скорбя одновременно, ибо нашел ту, которую искал, поклялся убить, но так хотел защитить...

— Создатели мира, — иступленно молился Изгой, на коленях стоя в рыхлом сугробе и не ощущая источаемого им холода, — зачем вы покинули нас, своих детей? Прошу вас — просветлите мой разум, откройте мое сердце, направьте мою руку... Укажите мне путь к истине и свету, ибо я уже устал от тьмы и злобы, в кои оказался втянут против собственной воли и желания. Я всего лишь крохотный узелок в бесконечном кружеве судьбы. — Он и сам не понимал, откуда взялось это случайное сравнение, тем не менее показавшееся ему очень точным и образным. — Помогите мне, Создатели, не дайте запутаться в паутине лжи и предательства...

Рейн не знал, как и почему попала Она в этот засыпанный снегом город, очутившись настолько далеко от своего родового гнезда, от чалада Чистых, терпеливо ждущего ее возвращения. Семья Фаркаш, несущая в себе кровь рода Сокола, делилась на несколько ветвей, имеющих не менее пяти наследников. И хотя главный из них, Бела, погиб двадцать пять лет назад, дать жизнь будущей чаладанье могли и другие его братья. Именно она — золотая роза лугару, первая девушка, родившаяся спустя много сотен лет после многочисленной череды воинов-мужчин, являлась напророченной хранительницей, пришедшей в этот мир для того, чтобы спасти его от гибели и научить жить по совести, отвергая темную сторону бытия. Всей своей исстрадавшейся от несправедливости сущностью, всей израненной душой Рейн свято верил в возможность свершения третьего пророчества, раз уж второе, предвещавшее ее рождение, сбылось. И это ее он должен убить? Зачем, за что? Изгой увидел эту девушку в кричаще яркой мчащейся на него машине и позвал, пытаясь докричаться до ее спящей памяти, но чаладанья не услышала. Он не сумел разглядеть лицо своей госпожи, ослепленный нестерпимым сиянием ее внутреннего мира — чистого и безбрежного, несущего всепрощение и сострадание ко всему живому... Создатели, да что же такого страшного случилось с этим миром, если исконное добро вдруг стало злом, а давешнее зло окрепло и ополчилось на новорожденное добро? И Рейн судорожно обнимал руками согнутые колени, еще плотнее прижимая их к своей груди, сознательно стараясь занимать как можно меньше места в этом мире, таком чужом и жестоком. В мире, отныне замкнувшемся для него на одной душе, одной девушке, зовущейся золотой розой лугару.

«Возможно ли, чтобы жрец, поручивший мне убийство чаладаньи, ошибался? — Рейн цеплялся за эту маловероятную идею так же настойчиво, как утопающий хватается за соломинку, за последнюю возможность спасения, ища оправдания для себя и для служителя Митры, всегда олицетворявшего неподкупную справедливость. — Или же он преднамеренно перешел на территорию зла, отвернувшись от возможности искупления? Нет, — Изгой содрогнулся всем телом, устыдившись чудовищности выдвигаемого им обвинения, — это невозможно! Зачем же тогда жить мне, всеми отвергаемому и презираемому, если самые мудрые и великие становятся на сторону Аримана, приближая кару небес?» Но все эти выпендренные мысли вдруг разом выскочили у него из головы, потому что тишину подземелья внезапно взорвал отчаянный зов о помощи. «Немцы!» — услышал Рейн истошный девичий крик и стремглав бросился вперед, всем сердцем ощутив смертельную опасность, угрожающую ей — его звезде, его розе...

Изгой ворвался в круглую пещеру, освещенную бледным светом каких-то грибов, и на миг растерялся, увидав немыслимую сцену, бесчеловечную и святотатственную: у стены истошно вопила чумазая, немного вульгарная девица, слабо трепыхаясь в руках удерживающих ее здоровяков, а прямо на полулежала Она, придавленная телом бесстыжего насильника. Не отдавая себе отчета в совершаемых поступках, Рейн одним коротким ударом вырубил изверга, посмеявшегося посягнуть на госпожу, и отбросил в сторону его ставшее неподвижным тело, освобождая девушку. Она испуганно села, судорожно пытаясь прикрыть

грудь, но порванная одежда не давала ей этого сделать, а Рейн вдруг снова почувствовал себя мужчиной, увидев ее прекрасное нагое тело, белеющее в прорехах. Кровь быстрее заструилась в жилах, приливая к щекам, рукам и пробуждая те сладостные желания, кои, как думалось ему ранее, безвозвратно умерли вместе с потерей любимой. Но сейчас его сердце замерло и дыхание сбилось с ритма, ибо Изгойхватило одного взгляда, чтобы опознать и ее серебристые волосы, волной рассыпавшиеся по плечам, и точеный носик, и нежную линию скул, не раз являвшуюся ему во сне...

— Людвиг! — потрясенно воскликнул он, не смея поверить в чудо, вернувшее ему незабвенную возлюбленную, погибшую двадцать пять лет назад. — Ты ли это?

Девушка подняла ресницы, являя Рейну благодарный взор прекрасных миндалевидных очей, оказавшихся не голубыми, а почти черными. И Изгой тут же задохнулся повторно, обнаружив загадочное сочетание знакомых черт, представлявших собой настоящую насмешку судьбы. Каким-то непонятным образом случилось так, что темные глаза Белы Фаркаша будто переместились на нежное личико его Людвиги... Озарение пришло мгновенно. Так вот кто она на самом деле — его чаладанья! Дочь умерших друзей, та новорожденная черноглазая малютка, которую он столь недолго держал на руках и поклялся защищать до последней капли крови!

— Не бойся, моя госпожа! — Рейн ласково улыбнулся, благоговейно, самым кончиком пальца дотрагиваясь до ее грязной щеки. — Пока я жив, тебя никто уже не посмеет обидеть! — Он извлек из ножен меч с волнистым лезвием, и долы на клинке мелодично запели, требуя крови. — Вы, мерзавцы, покажитесь мне! — Воин шагнул вперед, носком сапога переворачивая корчившееся от боли тело несостоявшегося насильника. Брови Рейна удивленно поползли вверх: — Станислас? — Он повернулся ко второму человеку, замершему у креста: — Айзек?!

— Изгой! — вдруг тоненько, совсем по-бабьи, завизжал Айзек, падая на четвереньки и резво отползая подальше. — Идущий сквозь дождь убийца! Но тебя же нет в нашем мире! Сгинь, призрак, изыди... Тебя же осудили, заточили в пещеру, упрятав там на веки вечные?!

— Как видишь, я уже есть! — холодно усмехнулся Рейн, угрожающе поигрывая клинком. — И, клянусь Митрой, я намереваюсь немедленно разобраться в истинной подоплеке всех творимых вами злодеяний!

Окружающий мир обрушился на меня мускулистым мужским телом, придавив к земле... Жесткие пальцы пытались настырно сорвать с меня брюки, уголки его квадратных, коротко подстриженных ногтей больно царапали мою кожу чуть ниже живота, а приникшие к уху губы торопливо нашептывали разные непристойности, доходчиво объясняя, что именно собирается сделать со мной сам Стас, а потом и все четверо его подельников. И они готовы повторять свои развлечения до бесконечности, а вернее, до тех пор, пока я не расскажу им, куда подевалось то раритетное устройство, о котором говорилось в третьем пророчестве...

В моей душе вскипела волна протеста, придав мне небывалую силу.

— Даже если бы я про него и знала, то все равно не сказала бы! — просипела я и, извернувшись, при этом чуть не сломав себе шею, умудрилась укусить Стаса за ухо.

— Ах ты, шлюха! — взбешенно взревел он, а я радостно зарычала, ощутив во рту вкус его крови. — Да я тебя...

Над нами мелькнула какая-то светлая тень, и лежащая на мне туша мгновенно обмякла, закатив глаза и пуская слюни. А затем я стала свободна, и первой моей заботой были разорванная одежда и собственная нагота.

— Людвиг! — Судя по всему, это эмоциональное восклицание относилось ко мне, но произнесенное имя, хоть красивое и благозвучное, оказалось для меня совершенно незнакомым. — Ты ли это?

Я удивленно подняла ресницы...

«Значит, он мне не привиделся, тот слившийся с пургой незнакомец, едва не сбитый

нами, когда мы с Галкой неслись по дороге к строящейся станции метро! Как много времени прошло с тех пор, наверное, лет сто... Хотя нет, сейчас мне кажется, будто все это произошло совсем не здесь, а в какой-то иной, предыдущей жизни! — отрешенно думала я, разглядывая склонившегося надо мной мужчину. — Возможно, это всего лишь эффект «дежавю»... Но мне смутно припоминается, что я его уже когда-то видела, касалась этих сильных пальцев, целовала сурово сжатые губы, играла прядями длинных белых волос...»

Я глубоко вздохнула, отгоняя наваждение, но вместе с тем умоляя всех богов Вселенной — только бы он не исчез снова, превратившись в полуночный сон, в прекрасную зимнюю сказку...

Незнакомец рассматривал меня столь же пристально и внимательно, как и я его. Он был необычайно высок, наверно, метра под два ростом, светлокот и гибок. Не слишком накачан, но притом очень жилист и стремителен, как молния. Густые белые волосы красиво спускались ниже лопаток, удивительно сочетаясь с его одеянием — тоже безупречно белым. Легкие сапоги с острыми носами, шелковая рубашка с кружевом на груди, распахнутый кожаный плащ... И он не мерз? Узкое лицо, губы — тонкие, красивые, бледные, безупречной формы, как и аристократичный нос с горбинкой. И весь он, удивительно неземной, похож на ледяную статую, на прозрачные струи холодного дождя. В его светло-серых, нереально серебристых глазах промелькнуло поочередно узнавание, разочарование, непонимание, затем быстро все сменившееся облегчением, всепоглощающим восторгом... Его зрачки расширились, засияв словно звезды. Я несмело улыбнулась, потянувшись навстречу знакомому незнакомцу, открывая ему свою душу и помыслы, отныне навечно связанные с ним безраздельно. Наши сердца встретились и соединились, заново обретая Богом данную, но некогда потерянную половинку. Светлый рыцарь бережно коснулся моей щеки и проникновенно произнес:

— Не бойся, моя госпожа! Пока я жив, тебя никто уже не посмеет обидеть!

И я поверила ему сразу же, так, как не доверяла еще никому в жизни. Никому, даже самой себе...

— Айзек! — Голос Рейна щелкнул обжигающим ударом бича. — Как посмел ты покуситься на чаладанию народа лугару, зная, что все мы ждем ее появления, словно манна небесной? А Логан, неужели он в курсе твоего самоуправства?

Чернявый шакал поднялся на ноги, кривя верхнюю губу в несмелом подобии злобной усмешки. В его крохотных глазках зажглись кровавые искры застарелой ненависти.

— Ты забываешься, выродок! — высокомерно бросил Айзек, задирая подбородок повыше, дабы скрыть овладевший им страх. — Теперь ты уже не спаситель Избранного народа, и даже не сын Чистых, а просто Изгой и предатель. А ведь когда-то Логан считал тебя своим братом и покровителем тех, кого ты вывел из нацистских застенков. Считал, вплоть до той поры, пока ты не нарушил закон и не встал на защиту преступных любовников, осмелившихся смешать кровь двух родов...

Рейн небрежно оперся на меч и язвительно хмыкнул прямо в лицо Айзеку:

— Вижу, тебя не изменили даже пропущенные мною двадцать пять лет. Ты остался тем же трусом, коим выказал себя еще там, в лаборатории Менгеле. По-прежнему живешь лишь тем, что лижешь Логана по шерсти, а не против нее?..

— О ком он говорит? — шокировано прошептала я, подползая к Галке. — Неужели о том самом чудовищном нацисте, докторе Менгеле? Но ведь он давно умер...

Тройка наемников, совершенно позабывшая о нас с Галиной, переместилась поближе к Айзеку, выстроившись у него за спиной, что и стало очевидной причиной столь наглого поведения последнего. Стас же по-прежнему не приходил в себя, неподвижно валяясь чуть поодаль.

— А я знаю? — расширила глаза подруга, выказывая полнейшую неосведомленность в любых биографических подробностях, кроме своих собственных. — Да я даже имени моего первого мужа не помню...

Я уселась на землю, уже не обращая внимания на свою растерзанную одежду. В пещере творилось нечто совершенно невероятное. Подобные диалоги — про доктора-изувера, Избранный народ и шерсть какого-то Логана, вполне вписались бы в сценарий Ночного дозора, но отнюдь не в реальную жизнь... Я мучительно застонала, хватаясь за голову и ощущая себя в последнем шаге от безумия. Земной мир, ранее столь простой и понятный, стремительно утрачивал границы объективной действительности, все больше перемещаясь в сферу галлюцинаций, где двигались и разговаривали невероятные персонажи, вооруженные мечами, и витали туманные пророчества. Но мой упрямый мозг все еще продолжал судорожно цепляться за явь и уповать на скептицизм, а потому усиленно противился вовлечению во всю слышимую и видимую бредятину, достойную воображения пациента психиатрической клиники...

— Вы можете называть себя Избранными, — между тем насмешливо продолжал Рейн, — но мы-то с тобой знаем, кем являетесь вы на самом деле по своей сути и происхождению. Всего лишь Падшими, Порченными, плодами жуткого генетического эксперимента. Мутантами, ликантропами, случайно заполучившими несколько капель чистой крови лугару...

Чернявый оскорбленно взвыл, указывая подельникам на Изгоя:

— Чего вы ждете, стреляйте в него!

Один из наемников выхватил пистолет и трижды нажал на курок, но, не долетев до Рейна, продолжавшего стоять в небрежно-издевательской позе, пули с мелодичным звоном упали на каменный пол пещеры, откатившись обратно к стрелявшим.

— Эх, Айзек, Айзек, — с укоризной произнес Изгой, удрученно качая головой, — ты, кажется, совсем позабыл о моей способности управлять электромагнитными полями? Огнестрельное оружие бессильно против меня, если, конечно, у вас нет с собой чего-нибудь по-настоящему мощного...

Я почти отстраненно наблюдала за этой нереальной сценой — пули отскакивали от беловолосого незнакомца, будто горох от стены, не причиняя ему ни малейшего вреда. И одному Богу ведомо, что могло бы произойти дальше, но тут в ход событий вмешалась Галка, похоже окончательно рехнувшаяся от пережитых невзгод...

С криком бросающегося на амбразуру дота красноармейца, она вдруг каскадерским прыжком взвилась в воздух, прыгнула на ближайшего к ней наемника и вогнала ему точно в глаз что-то тонкое, длинное, белое, до этого момента зажатое у нее в руке. Смертоносный предмет легко пробил глазное яблоко и вошел в мозг белобрысого мордоворота, подобно поваленной колонне с шумом рухнувшего на Айзека. И лишь сейчас мне удалось рассмотреть, что сразившим громилу оружием стал... каблук Галкиного сапога, в самом начале пути отрубленный нашим предприимчивым диггером...

Почти не соображая, что делаю, я метнулась ко второму мордовороту и со всего маху пнула его в пах. Мужчина жалобно охнул и согнулся пополам, прикрывая руками безнадежно травмированные гениталии. Нас поддержал беловолосый спаситель, одним взмахом меча снесший голову последнему боевику. А затем он повернул ко мне свое лицо, испачканное брызнувшей кровью убитого, и закричал, взывая к моему благородию:

— Беги отсюда, спасайся, моя госпожа!

— Никуда я без тебя не пойду! — строптиво огрызнулась я, замороженно расширившимися глазами наблюдая за Айзеком, выбирающимся из-под свалившегося на него труп. Руки чернявого мерзавца начали странно трансформироваться, удлиняясь и превращаясь в гибкие щупальца, схожие с конечностями осьминога или спрута... Я моргнула, внушая себе, что это просто иллюзия, обман зрения, но наваждение не пропадало, обретая пугающую реальность... А рядом с ним, пошатываясь, поднимался некстати очухавшийся Стас, скаля жуткие волчьи клыки и простирая к нам лапы, оканчивающиеся двадцатисантиметровыми когтями...

— Ликантропы? — лепетала я, сбиваясь и заикаясь. — Они и вправду — ликантропы?

— Уходи! — умолял меня светлый рыцарь, своей спиной заслоняя нас с Галкой от двух ужасающих тварей, еще минуту назад выглядевших обычными людьми. — Я приду к тебе, я тебя найду! Обещаю...

— Уходим! — Галка клещом впилась в мой локоть и, словно бульдозер, потащила меня за собой прочь из пещеры...

— Итак... — Привычно разминая кисти, Рейн несколько раз недвусмысленно перебросил из руки в руку верный старинный фламберг, уже несколько сотен лет подряд передающийся в их семье по наследству от отца к сыну. Ибо согласно легенде род фон Бергов основал вовсе не дворянин, а один удачливый наемник, сумевший этим самым клинком добыть себе и титул, и жену, и поместье. — Господа, как вы отнесетесь к предложению провести для меня небольшую политинформацию? — Он полоснул кончиком клинка по горлу травмированного чаладаньей мерзавца, спокойно, без угрызений совести, добивая наемника.

— Сдохни, тварь! — невнятно прорычал Стас, чьи раздавшиеся челюсти мало подходили для ведения разговоров.

— А знаешь, — лениво протянул Изгой, с истинно немецкой педантичностью вытирая клинок об одежду убитого, — по идее я должен действовать заодно с вами...

— Как это? — недоверчиво буркнул Айзек, ударом мощного щупальца высекая каменное крошево из стены пещеры.

— А вот так. — Изгой неопределенно пожал плечами, из-под полуопущенных ресниц внимательно наблюдая за тактическим маневром противников, сейчас слаженно обходивших его по широкой дуге и выжидающих удобного момента для нападения. — Меня разбудил один из жрецов и направил сюда, приказав найти и убить молодую чаладанью...

— Дыхание Аримана! — забористо выругался Стас, с облегчением опуская лапы и начиная обратную трансформацию. — Так чего же ты нам тут мозги пудришь и корчишь из себя благородного паладина? Знаешь, такая слащавая роль совсем не подходит столь опытному убийце... Логан и сам давно общается с кем-то из прислужников Митры, получая от него ценные сведения...

«Создатели, — с печальным разочарованием подумал Рейн, пытаюсь ничем не выдать своего отчаяния, — как могли вы допустить подобное? Итак, невозможное все-таки случилось — жрец бога действительно перешел на сторону тьмы!»

— С которым именно? — наигранно-безучастно поинтересовался он, умело скрывая свою заинтересованность под маской фальшивого равнодушия.

— Не знаем, — примирительно всплеснул щупальцами Айзек, — нам это безразлично. Главным его достижением является то, что Логан сумел примирить нас с людьми, которые теперь снабжают стаю деньгами. Конечно, не безвозмездно, а в обмен на некоторые специфические услуги с нашей стороны. А кроме того, сами немцы по-прежнему питают надежду овладеть секретом завидного долголетия ликантропов и повторить опыты Менгеле. Желательно на ином, более совершенном уровне. Кстати, совместной операцией по захвату чаладаньи руководит человек по имени Адольф фон Крюгер. Вот только выяснилось, что этот идиот, — он иронично мотнул головой в сторону Стаса, — решил передать девчонку не Логану, а немцу...

— Я не идиот! — с чувством нескрываемого превосходства усмехнулся шатен, отражая ехидный выпад оппонента. — Это вы выставили себя недальновидными простофилями. Логан давно задурил вам головы и управляет всеми нами будто марионетками, преследуя личную выгоду. Если бы я сдал шлюху лугару не ему, а Крюгеру, то получил бы сумму, достаточную для того, чтобы покинуть стаю и основать собственный род...

Рейн задумчиво слушал переругивающихся соперников, хорошо зная и помня обоих мутантов еще со времен тех страшных дней, проведенных ими в лаборатории доктора Менгеле. Ни чех Станислас, ни еврей Айзек никогда не отличались выдающимися умственными способностями, зато безудержно рвались к власти, жадно подбирая любые ее

крохи, выпавшие из загребуших рук Логана.

— Почему жрец сливает информацию и ликантропам, и немцам одновременно? — спросил он, прерывая затянувшийся спор.

Ликантропы уставились на него с таким растерянным видом, что Изгой сразу понял — подобные мысли никогда не приходили в их тупые головы.

— Слушай, — вдруг дошло до Стаса, — если тебя отправили нам на подмогу, то почему это ты тогда девку отпустил?

— Я разберусь с ней сам, — холодно отчеканил Рейн, не без основания полагая, что его ответ не устроит никого, кроме него самого, — вас это не касается. И поэтому предлагаю вам по доброй воле убраться с моего пути...

— Нет, так не пойдет, — заворчал Стас, вновь выпуская когти, — мне нужны деньги Крюгера!

— Еще чего, — возмутился Айзек, — я обещал Логану добыть сведения об осуществлении третьего пророчества...

Рейн тяжело вздохнул, незаметно напрягивая мышцы ног и готовясь к прыжку. Итак, многое прояснилось — на пороге грядущей гибели выжить захотел каждый: и люди, и ликантропы. Именно поэтому они и объединили свои усилия, направленные на поиски молодой чаладани и раскрытие тайны третьего пророчества Заратустры. Да вот только играли они нечестно. Конечно, можно временно позабыть взаимную ненависть и вступить в боевой союз, но долго ли он продержится? Скорее всего, лишь до тех пор, пока извечные соперники не достигнут желанной цели, после чего они немедленно перегрызут друг другу глотки, ибо бывшие враги никогда не станут настоящими друзьями, а вот бывшие друзья запросто превращаются в злейших врагов! Следовательно, теперь перед Изгоем стояла сложнейшая задача: требовалось спасти госпожу от охотящихся за нею людей и ликантропов, увезти в безопасное место — к лугару и рассекретить жреца-предателя, заодно выяснив его истинные планы и намерения. А значит, ради своей ответственной цели он имел право воспользоваться любыми, пусть даже самыми низменными, средствами... Рейн тяжело вздохнул, напоминая самому себе — единожды встав на путь предательства, уже трудно остановиться... Впрочем, это его не удивило, ведь он уже привык приносить себя в жертву чужим интересам, нисколько не заботясь о собственном благополучии. Тем более что на этот раз речь шла о жизни и свободе его госпожи...

Рейн уже неоднократно сталкивался с великолепной реакцией своих соплеменников, а поэтому решил не играть в благородство и не рисковать попусту... Уловить удар его фламберга, скоростью превосходящий вспышку молнии, не помогла даже невероятная координация ликантропа. Отрубленная голова Айзека покатила по полу пещеры, продолжая рефлекторно моргать вытаращенными глазами.

— Ах так! — яростно взревел Стас, выпуская когти. — Ты настоящий предатель, Изгой!

— Кто бы еще в этом сомневался! — хмуро ответил Рейн, до совершенства отработанным блоком парируя замах мохнатой лапы. — Мне настолько часто об этом говорят, что я уже сам себе не доверяю...

Глава 10

Мы с Галкой мчались наперегонки, будто две испуганные лани, спеша воспользоваться весьма кстати открывшимся вторым дыханием. Впрочем, обратная дорога, ведущая домой, всегда кажется намного короче. Никаких особых препятствий, не считая темноты и крыс, на нашем пути не встретилось. С лихвой посрамяв ловкость любого корабельного юнги, мы вихрем взвились вверх по лестнице, с облегчением покидая страшный, расположенный за Гранью мир и вслух клянясь не соваться в подобные кошмарные места ни ныне, ни присно, ни во веки веков. Аминь!

— Как ты думаешь, кто он такой? — спросила я на бегу, обращаясь к маячившей передо мной Галкиной спине и подразумевая конечно же нашего колоритного спасителя.

— Если судить по тому, какими влюбленными глазами ты на него смотрела, то он и есть не кто иной, как сам бог Купидон — симпатичный, голозадый и ко всем пристающий со своей романтической любовью! — ехидно выкрикнула подруга, шустро переставляя ноги в изуродованных сапогах. — Признайся, ты в него втюрилась?

— Еще чего! — слишком бурно возмутилась я, тем самым выдав себя с головой, — И он не голый...

— В подобной эротичной одежке более чем голый! — авторитетно настаивала сексуально озабоченная мадам Ковалева. — Но ему все прощается, ибо хорош, чертяка, — просто спасу нет! Зачетный соблазнитель, еще почище твоего Вадички.

— Ну ты сравнила. — Я немедленно встала на защиту положительного имиджа своего героя. — Изгой — порядочный!

— Все они одним миром мазаны, — язвительно хихикнула подруга, обобщая всех мужчин разом. — Начиная с приличного болвана и заканчивая порядочной скотиной... Уж ты мне поверь!

Я сердито засопела, вполне возможно — от усталости, но еще вероятнее — из-за несогласия с неутешительными выводами Галки, весьма многоопытной в подобных вопросах. Вот так всегда и случается: только встретишь мужчину своей мечты, как сразу, пожалуйста, всегда найдется завистливый доброхот, желающий лишить тебя приятного самообмана. Уж и помечтать не дадут...

В ускоренном темпе, одним мощным марш-броском мы преодолели зал Летописца, сейчас почему-то совершенно пустой, но залитый многочисленными лужами крови. Я подозревала, что причиной тому стала преследовавшая нас банда наемников, и не питала радужных иллюзий относительно судьбы несчастных бомжей, угодивших к ним в лапы, но решила не акцентировать внимания на этом прискорбном факте. Инстинкт самосохранения взял верх над жалостью, немного виновато нашептывая: «Ты им уже ничем не поможешь, попытайся выжить сама». В конце концов, в каждом из нас живет закоренелый эгоист, причем умирать раньше времени ему отчего-то совсем не хочется...

Мы лишь приблизительно запомнили нужный нам маршрут, а поэтому шли наугад, уповая на слепое везение, всегда благоволившее к дуракам и блондинкам. Кстати, учитывая тот факт, что блондинок в нашем случае набралось аж две, не вижу ничего удивительного в скором появлении тонкого лучика света, робко забрезжившего среди серой полумглы подземелья и привлекшего наше внимание.

— Пришли, — с облегчением всхлипнула Галка. — Слава тебе господи! Скорее бы оказаться дома, забраться в джакузи, вымыть голову, выпить сто грамм коньяка и забыть весь этот ужас...

Насчет дома и коньяка я была с ней полностью солидарна, но зато сильно сомневалась в своей способности легко забыть пережитые нами испытания. К тому же интуиция мне подсказывала: «Не обольщайся, Ева! Ваши проблемы не закончились, они только начинаются!»

Мы по-пластунски подползли к тому самому знаменитому пролому в стене строящейся станции метро, ставшему отправной точкой нашего многотрудного путешествия. Пытаясь оставаться в маскирующей тени кирпичной кладки и чуть приподняв головы над краем дыры, мы напряженно всматривались и вслушивались в царившую снаружи суету, абсолютно не понимая, чем она вызвана. Темноту котлована рассеивал яркий свет нескольких фонарей, повсюду сновали люди в костюмах службы спасения, а издали доносился истошный вой милицейской сирены. Все стало более-менее понятным лишь после того, как мы увидели нескольких мужчин в белых медицинских халатах, торопливо тащивших на носилках большие черные мешки.

— Так это же... — вполголоса шокировано протянула Галка, от растерянности чуть не поднимаясь на ноги, но я своевременно уложила ее на пол, многозначительным жестом

приказав заткнуться.

— Трупы! — скорбным шепотом подтвердила я. — Полагаю, это те самые мальчишки, которые не пожелали пойти с нами и сформировали собственный отряд. Похоже, им повезло куда меньше, чем нам...

«Вот черт, — расстроилась я, терзаясь угрызениями нечистой совести, — так и знала, что мое участие в Дозоре принесет несчастье ни в чем не повинным людям...»

— И какая же беда с ними приключилась? — с заиканием спросила жалостливая Галка, смахивая набежавшие на глаза слезы сочувствия.

— Не знаю, да и знать не хочу. — Я философски пожала плечами. — И не сочти меня черствой, но скорбеть о погибших мы начнем намного позже, когда сами выкарабкаемся из этой передраги. Возможно, это наши ликантропы их попутно угрохали или, может, бомжи, а есть немалая вероятность того, что они попросту свалились в какую-нибудь шахту и разбились насмерть. Наверное, нам не суждено узнать подробности, но меня это не очень напрягает. Сейчас важнее другое...

Галина взглянула на меня непонимающе.

— Нам нужно каким-то образом ухитриться и выбраться отсюда незамеченными, — доходчиво пояснила я. — Не попав на глаза милиции. Не хочу очутиться в ближайшем отделении и отвечать на дурацкие вопросы. Все равно нам никто не поверит, а вот неприятностей мы в этом случае огребем выше крыши.

Подружка согласно кивнула.

— Так что давай-ка отползем мы отсюда куда подальше и поищем другой выход на поверхность, — распорядилась я. — Проторенный путь нам, увы, заказан.

— Знаешь, Ева, — после нескольких минут молчания непривычно серьезно произнесла Галка, топая по пяткам за мной, — я и сама до сих пор не могу поверить в реальность всего произошедшего. Ощущаю себя такой невезучей Алисой в Зазеркалье, из сказки Льюиса Кэрролла... Как думаешь, на этом все и закончится?

— Сомневаюсь, — бесшабашно заявила я, уже понимая — хоть печалься, хоть радуйся, а витиеватое кружево судьбы оплело нас настолько туго, что без посторонней помощи нам из него уже не выпутаться. — Полагаю, выпадет на нашу долю еще и Затумбочье, и Закроватье, и Зашторье...

— Тьфу, тьфу, не дай-то бог! — суеверно переплонула через левое плечо подруга.

— Застолье, запой и замуж... — почти шепотом закончила я, не сомневаясь — так оно и случится...

Если кто-то умный придумал понятие «адово терпение», то обязательно должен существовать и противоположный по смыслу термин, звучащий как «райский нетерпеж». Именно этими словами я могла бы описать наше нынешнее состояние, заключавшееся не только в огромном желании поскорее покинуть проклятые катакомбы, но также в ничуть не меньшем нежелании попасть в районное отделение милиции, чтобы на манер сказочниц «сестер Гримм» пространно живописать про свои похождения, изрядно смахивающие на сценарий к фильму ужасов. Говорят, качественно переданный бред больного воображения становится хорошей сказкой, но вот парадокс — мы почему-то совсем не горели желанием испытать на себе справедливость сего мудрого высказывания. Мы просто хотели домой...

Немного пройдя обратно и свернув в неприметный боковой коридорчик, ответвлявшийся от уже изученного нами тоннеля, мы обнаружили ржавую железную лесенку, круто уходящую вверх и заканчивающуюся обычным круглым канализационным люком. Изрядно побряхтев и попотев, мы все-таки изловчились своротить его с места, заодно подняв всю немалую массу наметенного на него снега. Железный диск с негромким скрежетом отошел вбок, впуская в подземелье порыв колючего ветра, показавшегося нам милее теплого летнего бриза, веющего над Черноморским побережьем в самый разгар купального сезона. Стрелки моей наручной «Чайки» замерли на трех часах, а судя по встретившей нас темноте, на улице стояла глухая ночь. Без сомнения, наше путешествие

затянулось более чем на сутки. Я вылезла из люка и, распластавшись на снегу, затравленно осмотрелась по сторонам.

Мы находились метрах в трехстах от основной строительной площадки, плотно оцепленной милицейскими патрульными машинами. Чуть в стороне спокойно покуривали несколько стражей общественного порядка, бурно обсуждая последние события. Я мысленно возблагодарила свои благоразумие и предусмотрительность, благодаря коим и сумела уговорить Галку не светиться рядом с метро, а припарковать ее красный «феррари» в укромном дворике, скрытом между несколькими ничем не примечательными пятиэтажками. Следовало признать — если бы наша машина оказалась припаркована чуть ближе, то мы бы ни за что не смогли подобраться к ней незаметно. «Кабы знать, где упадешь, так соломки бы подстелил!» — частенько говаривала признанный кладезь народной мудрости — усатая дворничиха Глафира, являвшаяся культовым персонажем моего сурового детства. Однако на сей раз я показала себя ее достойной ученицей и с соломкой точно не промахнулась!

Мы еще немного отползли прочь от люка, животами и коленками беспощадно пропахивая снежную целину, и лишь метров через сто осмелились подняться во весь рост, вытряхивая набившийся в рукава снег. К несчастью, наши разноцветные курточки слишком ярко выделялись на однообразно белом фоне окружающего пейзажа, тут же попав в предательскую полосу света от включенных сейчас прожекторов, установленных на территории стройки. Громкий свист, свидетельствующий о том, что нас заметили, подхлестнул сильнее выстрела из дробовика, заряженного солью, а в беге с препятствиями на длинные дистанции мы уж точно за прошедшие сутки насобачились до уровня олимпийских чемпионки. Галка, не останавливаясь, вытащила из кармана тщательно сбереженный ключ от машины и с разбегу рыбкой нырнула в насквозь выстуженный салон автомобиля. А позади нас всюду заливались тревожные сирены.

— Держись! — предвкушающе заорала подруга, заводя двигатель и резким рывком чуть не выламывая из автоматической коробки рычаг переключения скоростей. — Сейчас такая гонка «Формулы-1» начнется...

Но то, что произошло дальше, не снилось даже знаменитому Михаэлю Шумахеру, причем в его самом кошмарном сне...

Сначала девочек интересуют куклы, а мальчиков — машинки, но уже лет этак через пятнадцать они фанатично меняются увлечениями, достигая в своих хобби уровня маниакальной одержимости. Поэтому стоило ли удивляться несколько противоестественной, но, безусловно, взаимной любви, накрепко связывающей платиновую блондинку Галину Ковалеву и ее красный «феррари»? Каждое утро, спустившись в расположенный под домом гараж, Галка, как и положено опытной автомобилистке, нежно протирает лобовое стекло, дергала «дворники» и любовно пинала заднее колесо своей бесценной «ласточки», пребывая в стопроцентной уверенности — сей глубокомысленный ритуал положительно сказывается на скоростных способностях ее ненаглядного транспортного средства. В ответ «феррари» восторженно повизгивал отключаемой сигнализацией, кокетливо подмигивал фарами и, с готовностью услужить, призывно распахивал свое кожаное, пропахшее духами, нутро, принимая легкомысленную хозяйку. На мой взгляд, обе они обладали идеально пропорциональным количеством мозгов — эта гламурная блондинка и эта роскошная машинка, образуя на редкость гармоничную парочку. Недаром опытные психологи считают, будто любая вещь несет на себе неискоренимый отпечаток личности своего хозяина. Я с ними согласна.

Взревев мотором, «ласточка» бодро рванулась с места, вздымая клубы рыхлого снега. В этот момент она почему-то напомнила мне голливудскую звезду шестидесятых годов, легендарную Мэрилин Монро, одетую в красное платье и с наигранной скромностью испуганно придерживающую взметнувшийся на ветру подол, обнаживший плотные белые ляжки. Невзирая на угрожающую нам опасность поимки, автомобиль буквально упивался собственной красотой и резвостью, торопясь продемонстрировать себя в самом выигрышном

ракурсе — скрипя протекторами и поблескивая ладными обводами корпуса. Удирать с шиком, господи, как же это по-бабски!

Каждый автомобилист уверен: на дороге есть только один нормальный водитель — ты сам! Все остальные и в подметки тебе не годятся, являясь либо лихачами, либо «тормозами». Не знаю, чего уж там вообразила о себе моя экзальтированная подруга-автогонщица, но мчалась она как наскипидаренная, похрюкивая от возбуждения и до предела вдавив в пол педаль газа. Стрелка спидометра болталась в районе двухсот двадцати километров в час, а меня — едва успевшую накинуть ремень безопасности, вдавило в кресло так, словно я находилась не в салоне автомобиля, а, по меньшей мере, на борту ракеты, форсированно стартовавшей с космодрома Байконур. Мимо мелькали темные стены зданий и повороты плохо освещенных улиц. Проигравшие нам по времени менты безнадежно отстали где-то позади, хрипло матерясь в мегафон и взбудоражив все округу.

— Куда?! — поморщилась я, заметив, что Галка норовит вырулить напрямик на центральный проспект имени Ленина, сейчас полупустой и не расчищенный от снега, и чесать по нему до самого дома. — Мы там как на ладони окажемся. В переулочек сворачивай...

Галка недовольно скривилась, но, признавая мою правоту, послушно вывернула руль, направляя «ласточку» на тихую Театральную улицу, слабо освещенную редкими тусклыми фонарями. До рассвета было еще далеко, а на дворе стояла непроглядная темень, кажущаяся еще более густой и плотной по причине внезапно усилившегося снегопада. Мы проскочили рядом со зданием резиденции губернатора, в котором не наблюдалось ни одного светящегося окна, и чья изящная ажурно-белая отделка напомнила мне о виденных в подземелье скелетах. Я вздрогнула от неприятного воспоминания и поспешно отвернулась в другую сторону, краем глаза заметив столь же неприязненную Галкину реакцию, ничуть не отличавшуюся от моей. Но, увы, наша не вовремя проявленная щепетильность сыграла на стороне судьбы, немедленно поспешившей воспользоваться удобно подвернувшейся возможностью и отомстить глупым беглянкам, уже почти уверовавшим в свое везение. Машину слегка подбросило, а мы лишь недоуменно хлопнули ресницами, так и не поняв, что проехали по запрещающему проезд знаку, поваленному разбушевавшейся непогодой и присыпанному слоем свежесыпавшего снега...

Все последующие события безнадежно перемешались у меня в памяти, превратившись в сумбурную пляску ярких, безумных по смыслу и сути, картинок, сменяющихся быстрее, чем россыпь цветных стекляшек в трубке калейдоскопа... Из-за угла вычурного дворца Альфа-банка, расположенного сразу же за резиденцией сильных мира сего, неожиданно выползла громоздкая снегоуборочная машина, сильно смахивающая на старую толстую курицу-наседку. Галка едва успела затормозить, чудом избежав столкновения, и съехала на обочину.

— Дура слепешарая! — возмущенно заблажил смурной, за километр благоухающий ядреным сивушным перегаром мужичок, высовываясь из кабины и грозя нам кулаком в рваной рукавице. — Ох уж эти мне новые русские! Понакупят, понимаешь, своим бабам машин заграничных, а водить их как следует-то и не научат!.. Тьфу на тебя, чувырла стремная!

— Чего? — рассерженной скунсихой вызверилась Галина, опуская боковое стекло и показывая похмельному пролетарию презрительно оттопыренный средний палец. — А это видел?!

— Ах ты, шалава! — не остался в долгу мужик, выпрыгивая из кабины. В руке он сжимал увесистую монтировку. — Ща я тебя раком-то поставлю...

Но тут в переулочке нестерпимо засияли россыпи синих огней, установленных на крышах зачуханных милицейских авто, а тишина взорвалась от истошного воя сирен. Мужик растерянно застыл на полдороге к нашей «ласточке», увидев на бортах машин угрожающую надпись ГИБДД и мучительно соображая — по чью же это душу пожаловали неподкупные

рыцари полосатых жезлов. Связываться с милицией ему не хотелось категорически, ибо он прекрасно знал, что обозначают четыре многозначительные буквы, переводимые в народе не иначе как: «Гони Бабки и Дуй Дальше».

На его лице нарисовалась сосредоточенная работа мысли, вызванная непосильным напряжением единственной мозговой извилины, и то образовавшейся от давления старой пыжиковой шапки.

— А ну стой! — Придя к какому-то выводу, он решительно шагнул наперерез «ласточке», заноса над ее капотом тяжелую ржавую монтировку. — Чегось за вами милиция-то гоняется? Да вы, поди, рецидивистки злостные...

Обнаружив плебейски-ржавую железяку, грозящую прийти в немедленное соприкосновение с сияющим лаковым покрытием ее нарядной машинки, Галка оскорбленно взвыла и, выжав сцепление, взяла с места в карьер, отбросив в сугроб совершенно обалдевшего мужика. Повернув голову, она ликующе показала ему высунутый язык, упиваясь осознанием собственного превосходства и совершенно не следя за дорогой.

— Галка, тормози! — истошно заорала я, с ужасом разглядев то, что перегораживало узкий проулок.

Но было уже поздно...

Исходя из мерок закоренелого русского лихачества, реальным запрещающим знаком для наших автолюбителей является только массивный бетонный блок, уложенный поперек проезжей части. Все остальные знаки — предупреждающие. Очевидно, отчаявшись искоренить первую нашу беду — дураков, городское руководство рьяно взялось за ремонт дорог, как обычно раскопав все, что можно и нельзя перед затяжными новогодними праздниками и тем самым изрядно снизив проходимость и без того узкой улочки. А если учесть феноменальный Галкин талант к вождению машины, то и «проходимец» из нее получился никакой.

— Галка, тормози! — громче милицейского мегафона призывала я, широко разевая рот и закрывая глаза, уstraшенная очертаниями надвигающейся преграды. — Разобьемся же на фиг!

Моя подруга чуть не прикусила высунутый язык и честно нажала на тормоз, но искалеченный, лишенный каблука сапог с задраным носком неустойчиво соскользнул с маленькой педальки, видимо решив отомстить за учиненное над ним надругательство. Я испуганно зажмурилась... Бетонный блок приближался со скоростью света...

Я на мгновение открыла глаза, ахнула и зажмурила их снова, судорожно пытаюсь вспомнить хоть какую-нибудь молитву. Галина материлась так, как не снилось даже преследовавшей нас милиции, безуспешно дергая ногой в коварном сапоге, своим кончиком застрявшем под педалью тормоза. «Феррари» подбросило вверх, и я почувствовала — мы птичкой взмываем в небо и летим, без крыльев возносясь над смертельно опасной преградой...

— О-о-о! — восхищенно выдохнула мадам Ковалева, отпуская руль и молитвенно складывая ладони на груди. — Верую!

— Ах! — поразила я, уже мысленно попрощавшаяся с жизнью. — Однако!

Оказалось, что мы с разгону въехали на сваленные перед блоком деревянные щиты, развалившиеся под тяжестью нашей машины, но успешно сыгравшие роль подбросившего нас трамплина. Блондинкам повезло в очередной раз.

Сердито бахнув, машина успешно приземлилась по ту сторону блока, заодно преодолев и выкопанную за ним яму.

— Ой, мама родная, роди меня обратно! — выразительно выдавала Галка, квели морщась от дискомфорта во рту. — Как ты там однажды написала: «Плавайте поездами Аэрофлота», кажется? Блин, почти в точку...

За нашими спинами послышался ужасающий грохот. Это первая милицейская машина не смогла повторить наш воздухоплавательный демарш, смачно врезавшись в бетон, а

вторая, пытавшаяся отвернуть в сторону, страстно поцеловалась с неповоротливой снегоуборочной техникой, лишившейся своего водителя. Мы с Галкой весело переглянулись и звонко ударили друг друга по ладоням, празднуя победу. Но в следующую секунду выяснилось — радовались мы преждевременно...

Третья милицейская «Лада» успешно объехала дорожные раскопки и, трактором пропахивая девственную снежную равнину, упрямо продолжила преследование.

— Водитель машины номер Б999ДН, прижмитесь к обочине и остановитесь! — требовательно разносилось на всю улицу. — Иначе мы будем вынуждены открыть огонь на поражение!

— Щаз, раскатал губы на халяву, — многозначительно пообещала Галка, насупленно всматриваясь в темный переулок. — Так я вам и разбежалась останавливаться!

— Галь, — нервно хихикнула я, чувствуя странный жар в области солнечного сплетения и покалывание в ладонях, — а чего тебе такой номер странный дали? Ну ладно 999, фиг с ними, я не суеверная, да и в эзотерику не верю. Но БДН — точно расшифровываются как: «Блондинка Дура Набитая...»

Галка сердито зыркнула в мою сторону, возмущенно шевелящимися бровями намекая: «И ты, Брут!»

— Ладно, это всего лишь шутка юмора, — я обезоружила обидчивую подругу заискивающей улыбкой, — поднажми еще, и мы от них оторвемся. Едем ко мне, а там что-нибудь придумаем...

Галина согласно кивнула, но выдумщица-судьба, похоже изрядно уязвленная нашим неистребимым оптимизмом, уже все продумала за нас, подготавливая очередной подлый сюрприз...

Неожиданно в глубине примыкающего к улочке парка вспыхнули две пары автомобильных фар и взревели мощные моторы...

— А это что еще за хрен с горы? — неприятно изумилась Галка, со смешанным выражением страха и восхищения на лице наблюдая за огромными черными джипами, преградившими нам путь. — Им-то чего надо?

Мое сердце заняло от нехорошего предчувствия, а непонятный жар в груди усилился, став почти нестерпимым.

Боковое стекло первой машины опустилось, и оттуда выдвинулся ствол автомата.

— Сдавайтесь! — с сильным иностранным акцентом приказал широкомордый белобрысый мужчина, на вид — родной брат-близнец тех самых наемников, которые гонялись за нами в подземных катакомбах. — И тогда вам не причинят никакого вреда!

— Едрить через коромысло! — разочарованно простонала Галина, останавливая «ласточку». — Так это же опять те самые немцы гребаные. Какого черта они все на одну морду уродились, будто покемоны из японского мультика? Клонировать их, что ли? Откуда они здесь взялись?

— Ну и дура же я! — уничижительно констатировала я, дуя на свои ладони. Ощущение было таким, словно я прикасалась ими к раскаленному железу, хотя внешне моя кожа оставалась безупречно белой и здоровой. — Как же я не подумала, что нас не отпустят просто так, за спасибо живешь, а подстрахуются и устроят засаду на пути нашего предполагаемого отступления, на тот случай, если мы все же сумеем вырваться из лап Стаса. Ведь это самая короткая дорога, ведущая к моему дому. Умные, сволочи...

— Западлянская ситуация! — уныло вздохнула Галка. — Хотя, может, лучше они, чем наши тупорылые менты отечественного производства, а? Наши-то вона, даже водителей асфальтоукладочных катков за лысую резину штрафуют!..

Я скептически пожала плечами, здраво полагая: выбор невелик — хрен редьки не слаще.

— Сдавайтесь! — повторно предложил немец в джипе. — А не то... — Автомат в его руках коротко, но весьма злобно рявкнул, а выпущенные пули выбили фонтанчики снежной пыли из сугроба возле правого переднего колеса нашего «феррари».

— Ладно, ладно! — примирительно выкрикнула Галина, высовываясь в окно. — Ева,

давай вылезай. — Она открыла дверцу, вышагнула из салона автомобиля и потянула меня за рукав куртки. Как ни странно, но в этот момент она не показалась мне испуганной или удивленной, а скорее, наоборот, чем-то довольной и поразительно спокойной. — Мы выходим, только не стреляйте больше.

— Погоди немножко, — жалобно попросила я, тоже перевешиваясь через опущенное стекло и жадно вдыхая свежий морозный воздух. Я чувствовала себя больной. Голова кружилась, меня подташнивало, а грудь и ладони полыхали таким жутким внутренним жаром, что больше всего на свете мне сейчас хотелось просто захватить пару горстей снега, надеясь на их охлаждающий эффект. Мне казалось — еще чуть-чуть, и я расплавлюсь от этого неизвестно откуда взявшегося огня, превращусь в обугленную головешку или же шумно взорвусь, словно канистра с напалмом. Не зная, как еще облегчить свои страдания, я выставила обе ладони в окно, случайно их сблизив. Между моими руками немедленно проскочила яркая искра, а сами ладони до запястий охватило бурное оранжевое пламя...

Галка уставилась на меня безумно вытаращенными глазами и пронзительно завизжала...

Мне конечно же доводилось читать о ритуальных самосожжениях, чаще всего практикуемых в Индии и Бирме, когда овдовевшая супруга всходит на погребальный костер вместе с телом своего усопшего мужа, желая поскорее отправиться на небеса вслед за ним. Но даже если считать Вадима символически скончавшимся, я отнюдь не ощущала себя женой почившего в бозе набоба, да и буденовкой, тьфу ты, буддисткой, то бишь ярой последовательницей культа великого Будды, никогда не являлась. А поэтому я ошалело посмотрела на свои горящие руки, сдавленно охнула и совершенно автоматически встряхнула ладонями, намереваясь сбить пожирающее их пламя...

Два аккуратных огненных шара, размерами ничуть не уступающие футбольным мячам, сорвались с моих рук и со свистом устремились в сторону черных джипов. Мощным энергетическим импульсом меня вытянуло из открытого окна машины и швырнуло в снег. Первый шар впечатался точнехонько в лобовое стекло ближайшей машины, а второй вскользь задел бок дальней, расплавив и погнув металл корпуса.

— Ё-моё! — тихонько выдала Галка и с размаху села на пятую точку. — Вот это фокусы, в цирк ходить не надо...

Громыкнуло так, что у меня заложило уши. Первый джип расцвел сгустком алого взрыва, разлетаясь на тысячу обломков, перемешанных с кусками горелой человеческой плоти. Рядом со мной шлепнулась оторванная мужская ступня огромного размера, обутая в добротный зимний ботинок, а по крыше «ласточки» забарабанил град из мелких фрагментов раскуроченного джипа. Отброшенная ударной волной, Галка на спине проехала с десятков шагов и воткнулась в высоченный сугроб, прикрываясь рукавами куртки от проносящихся мимо нее осколков стекла и железа. Ощущая сухость во рту и звон в висках, я кое-как привстала на колени, руками обнимая свою раскалывающуюся от боли голову. При этом краем глаза я подметила — мои ладони обрели безупречно обычный вид, абсолютно ничем не выдавая признаков зловещей метаморфозы, произошедшей с ними буквально минуту назад.

Из второй горячей машины вывалились три пошатывающиеся, видимо оглушенные, фигуры, волокущие за собой автоматы. Водитель тут же споткнулся и рухнул на четвереньки, ошалело мотая головой, а затем с жутким отрыванием изверг в снег содержимое своего желудка. С его губ свисали вязкие ниточки перемешанной с кровью слюны. Похоже, его контузило, и от одного вида корчившегося в сугробе мужского тела мне стало еще хуже. Перед глазами у меня все поплыло, я осела на снег и начала неуклонно проваливаться в темное обморочное небытие...

Но выбравшийся с заднего сиденья боевик почти не пострадал. Он вскинул оружие и выдал длинную очередь, пробившую колеса третьей милицейской машины, остановившейся впритык за нашей «ласточкой». Из подстреленной им «Лады» немедленно выкатились облаченные в бронежилеты бойцы, залегшие за обледелым кустом и открывшие ответную

стрельбу. Пара наемников отбивалась довольно вяло, отползая от горящей машины. Всем сразу же стало как-то не до нас.

Остатками мутящегося рассудка я засекала, как, кряхтя от натуги и ругаясь на чем свет стоит, Галка выкарабкалась из сугроба, обхватила меня за талию, с трудом приподняла и носом вниз, бесформенным кулем, загрузила в салон «феррари», заботливо подгибая мои свешивающиеся наружу ноги. Затем она запрыгнула на водительское место и, уже не обращая ни малейшего внимания на свистящие вокруг пули, рванула вперед, чуть не зацепив остов горящего автомобиля. На этом мое сознание благополучно расслабилось и отключилось, позволив мне погрузиться в исцеляющий сон — глубокий и черный, как покинутые нами катакомбы.

Светало. Проклиная всех и вся оптом, Галина упрямо жала на газ, проводив сердитым взглядом повстречавшуюся ей пожарную машину, с воем мчавшуюся к месту ночного происшествия. Заспанное, донельзя помятое солнце нехотя, как-то боком, выползло из-за серых снеговых туч, дивясь творящемуся на земле бардаку. Гирлянды на деревьях, горевшие через одну лампочку, больше всего смахивали не на праздничные украшения, а на вереницу полудохлых, измученных затяжной пьянкой светлячков. Двое опухших с перепою грузчиков вяло, без особого энтузиазма, разгружали длиннющую продуктовую фуру возле складского помещения супермаркета. Галка припарковалась на полупустой стоянке перед Евиным домом и пару секунд лениво размышляла, не зайти ли ей в магазин, поскольку весь пережитый стресс почему-то вылился не в истерику или бестолковые бабские слезы, а в жуткое желание хлебнуть холодного молока, причем прямо из картонного пакета. И чтобы пить его не просто так, а обязательно вприкуску со свежим мягким батоном, похрустывающим на зубах аппетитной золотистой корочкой... Сглотнув горькую голодную слюну, до полусмерти уставшая Галка кулем вывалилась из машины, оценивающе покосилась на сладко посапывающую подругу и удрученно вздохнула.

«М-да, до квартиры мне ее точно не допереть, — озабоченно констатировала она, объективно оценивая свои весьма скромные физические возможности. — Чего бы такого придумать-то?..»

Она самонадеянно развернулась на пятках изуродованных сапог и сразу заметила понуро бредущего по двору дворника — дядю Пашу, первого колдыря во всей округе, еще довольно подтянутого и крепкого мужика неопределенного возраста. Решение созрело тут же.

— Павел, да ты никак за опохмелом в магазин направляешься? — игриво поинтересовалась блондинка, строя сочувствующую мордочку.

— Дык не на что опохмеляться-то, милушка моя! — плачущим голосом пожаловался алкаш, страдальчески выворачивая пустые карманы потертого ватника. — Ить все до копейки пропи-и-ил...

Галка понимающе хмыкнула.

— Дай займы на пиво, красавица! — просительно заныл дворник, прожженной интуицией опытного попрошайки уловив некую прибыльную заинтересованность, явственно читавшуюся во взоре и интонациях девушки. — Я верну, я мужик надежный...

— И сильный? — хитро подмигнула Галка, улыбаясь светло и наивно.

— А то ж! — Бахвалясь, Павел колесом выпятил грудь, почти на полголовы возвышаясь над пухленькой блондинкой. — Глянь, какой я еще орел! Ну дай займы стольник, а?

— Не дам! — категорично отрезала Галка, сварливо поджимая губы, — И не проси!

Плечи дворника уныло обвисли.

— А ты заработай! — деловито предложила Галка, открывая заднюю дверку «феррари» и указывая на продолжающую мирно дрыхнуть Еву. — Видишь, дядя Паша, погуляли мы с подружкой знатно. Одной мне ее до квартиры не допереть. А раз ты у нас такой орел... — Она полезла в карман курточки и подала радостно округлившему глаза алкашу новенькую

пятисотенную бумажку, — то вот и будь добр, транспортируй девушку до дивана...

Подрагивающими от волнения пальцами дворник выхватил купюру из руки своей нежданной благодетельницы, засыпая ее десятками благодарных, уменьшительно-ласкательных эпитетов, происходящих от названий всех известных ему животных, легко поднял так и не проснувшуюся Еву и бережно понес ее к подъезду. Галка звонко прищелкнула языком, восхищаясь собственной сообразительностью, вытащила из сумки ключ от квартиры, заперла машину и вальяжно отправилась следом за дворником, несущим ту, которая сейчас стала безмерно важна и нужна для всего мира в целом. Да, чего уж греха таить, и для самой Галины тоже...

Освобожденная от грязной одежды и укрытая теплым пледом Ева спала на диване. Закутанная в халат Галка еще немного постояла над ничего не подозревающей подругой, настороженно вглядываясь в ее бледное лицо. Неслышно наклонилась и невесомо прикоснулась губами ко лбу вымотавшейся девушки, безмятежно дышащей. Она не знала, хотела бы оказаться на месте Евы или нет. С одной стороны — да, потому что с детства мечтала о славе и всеобщем поклонении. А с другой — нет, особенно с тех пор, как узнала, кем на самом деле является эта худенькая высокая блондиночка, лишь благодаря Галининым стараниям обретшая настоящую женскую привлекательность. Мадам Ковалева долго не могла поверить в полученную информацию, поначалу склонная считать ее глупым розыгрышем или корыстной аферой, затеянной для того, чтобы отобрать у Евы квартиру, доставшуюся той от деда. Все эти рассказы о лугару, жестоком боге и отчеканенных на золотых пластинках пророчествах казались ей красивой сказкой, не имеющего ничего общего с суровыми трудовыми буднями, заключающимися в бесконечной погоне за деньгами и мужчинами. Да и как тут поверишь, что эта бесцветная девочка, знакомая ей с детства, вдруг оказалась потомком древних венгерских королей, долгожданной спасительницей, призванной уберечь наш мир от чего-то неведомого, но, безусловно, страшного и смертоносного. А Галке так хотелось жить...

И вот сегодня страшная сказка внезапно обрела видимую реальность, вспыхнув двумя огненными шарами, сорвавшимися с рук ее подруги. Нужно ли говорить, насколько сильный шок испытала Галина, собрав в кулак всю силу воли и стараясь вести себя естественно. Сколько труда приложила она ранее, знакомя Сокольскую с нужными людьми и втягивая в опасную игру... Черт побери, как же некрасиво звучит это гадкое слово — предательство! А предательство по отношению к подруге — гаже вдвойне, хотя женская дружба выражается всего лишь в том, что женщины завидуют друг другу молча... И все же, если Ева только догадается, какую подлую змею пригрела у себя на груди, она ведь немедленно испепелит ее на месте!..

Галка наполнила ванну водой, влила туда же изрядную порцию ароматической эссенции и со вздохом наслаждения по самый подбородок погрузилась в благоухающую розмарином пену, воображая себя небожительницей, эротично блаженствующей в неге белого облака. На краю ванны, прямо под рукой, стоял стакан, наполненный мартини пополам с апельсиновым соком, а на тарелочке лежал бутерброд с ветчиной и оливками. Галка расслабленно закрыла глаза, вновь проникаясь вкусом и запахом жизни.

Брр, — она с неприязненным отвращением передернула плечами, вспоминая пакостную сырость и сумрак, царившие в подземных катакомбах, — если бы не категорический приказ, то фиг бы она туда полезла. А ведь пришлось косить под дурачку, терпеть выходки безмозглого диггера и усиленно делать вид, будто она не в курсе замыслов Стаса. Но поначалу все шло нормально, ибо они сто раз репетировали и договаривались, как ей придется себя вести. И лишь в тот момент, когда этот невменяемый идиот Айзек сорвался с катушек и приказал изнасиловать Еву, Галка не выдержала... Нет, так они не договаривались, это уже чересчур...

Неожиданно зазвонил заботливо пристроенный на зеркальную полочку телефон. Галка

приподнялась, с неохотой покидая пенное облако, протянула мокрую руку и кончиками пальцев осторожно взяла свою модную розовую трубку. Вполголоса чертыхнулась, увидев высветившийся на дисплее номер...

— Да! — ответила она, раскрывая телефон-раскладушку.

— Здравствуйте, Галина, — вежливо поздоровался ее собеседник, твердо выговаривая трудные русские слова. Пожалуй, даже излишне твердо. — Наша операция сорвалась...

— Это не моя вина! — перебивая его, сердито буркнула Галка.

— Я вас ни в чем не обвиняю, уважаемая фрау, — отстраненно отчеканили на другом конце. — Это все наши недоработки. И новые досадные недоразумения. Мы примем их во внимание и сделаем соответствующие выводы.

— Это вы Изгоя называете «недоразумением»? — обидно хохотнула чуть захмелевшая Галка. — М-да, такого красавца без внимания точно не оставишь.

— Нас мало интересуют ваши личные впечатления, фрау Галина, — злобно прошипел невидимый собеседник. — Мы платим вам вовсе не за это.

— Чего вы хотите на этот раз? — устало процедила Галка, проклиная тот час и день, когда она согласилась на эту окаянную сделку, принесшую с собой не только деньги, но и огромный риск, вкупе с постоянными угрызениями нечистой совести.

— Нужно повторить операцию по захвату искомого объекта, — доступно объяснил холодный мужской голос. — Ваша задача состоит в том, чтобы вывезти завтра фрау Еву в удобное нам место. Запоминайте адрес. — Ей продиктовали координаты популярного в городе развлекательного центра, — Наша оперативная группа легко затеряется в толпе посетителей, и все пройдет незаметно. Вы меня поняли?

— Да! — обреченно подтвердила Галка. — Поняла.

— Отлично. — В ранее бесцветном теноре ее начальника проскользнула едва уловимая нотка убаютования. — Герр Логан продолжит прикрывать вас своим ментальным щитом. До свидания, дорогая фрау Галина.

— До свидания, герр Крюгер, — елеинным голоском ответила она, отключаясь.

Галка еще пару минут просидела неподвижно, задумчиво покачивая в руке дорогой телефон, а потом вдруг громко выругалась, скабрезно пояснив, в какое такое весьма неприличное место следует отправиться Адольфу фон Крюгеру вместе с его деньгами, безликой любезностью и далеко идущими честолюбивыми планами. Она широко размахнулась и мстительно швырнула сотовый на кафельный пол ванной комнаты, с мрачным злорадством наблюдая за вдребезги разбившимся аппаратом, так и брызнувшим во все стороны веером мелких осколков.

Развлекательный центр «Луна-2000» находится в самом начале Сибирского тракта, сразу же за Центральным парком культуры и отдыха. Изначально его устроители обоснованно полагали, что, расположенный не в центре, а на окраине города, он ничем не обеспокоит жильцов тихих спальных районов, а следовательно, своей масштабностью и шумихой привлечет немало жадной до показной пышности молодежи. Следует признать, что их грандиозный замысел увенчался оглушительным успехом, быстро сделав «Луну» одной из самых одиозных и популярных достопримечательностей Екатеринбурга. Под здание центра был выкуплен гигантский, давно заброшенный двухэтажный авиационный ангар, в дальнейшем тщательно отремонтированный и обновленный. При этом умные дизайнеры предпочли частично сохранить его первоначальный вид, придав ему утрированный облик чего-то среднего между байкерским гаражом и гламурным загородным рестораном. Издалека это стеклянное, подсвеченное лампочкам и изукрашенное железными деталями заведение производило воистину сногшибательное впечатление, обещая явить зачарованным зевакам сотни чудес, более подходящих волшебной стране Оз, а не промышленной уральской столице. Но куда больше радовало то, что хозяин «Луны», мнящий себя кем-то вроде мага Гудвина, великого и ужасного, и в самом деле постарался на славу, ни в чем не обманув ожидания своих избалованных посетителей. На втором этаже

развлекательного центра разместились офис Федерации боулинга, бар с рестораном и внушительный танцпол, за честь выступать на котором боролись лучшие диджеи области. А первый этаж целиком занимали исполинский каток с искусственным льдом и зал для боулинга аж с пятьюдесятью игровыми дорожками. Подобного размаха в Екатеринбурге еще не видывали. Стоило ли удивляться тому, что народ валом валил в почти круглосуточно работающее заведение, заполняя его до отказа. Даже в самые обычные будние дни в «Луне» не тускнела яркая атмосфера праздника, заставляя посетителей буквально терять головы от обилия впечатлений и массы предлагаемых им соблазнов. Однако этот январский день намного превосшел все предыдущие, превратившись впоследствии в одну из тех городских легенд, кои никогда не фиксируются в официальных документах, но зато неустанно передаются из уст в уши, обрастая все новыми, совершенно неправдоподобными деталями и подробностями.

Я, отмытая до блеска и скрипа, немного скованно угнездилась за стареньким столиком в своей крохотной кухоньке, поверх литровой кружки с горячим кофе благодарно косясь на Галину, изящно восседавшую аккурат напротив меня. Намеренно игнорируя мое умильное подмаргивание, она обводила давно требующее капитального ремонта помещение покровительственным взором своих голубых глаз, продолжительно обласкивая им каждый предмет — будь то расшатанная табуретка или современная кофеварка, казавшаяся здесь совершенно неуместной. Ни дать ни взять сама английская королева вкушает утренний кофе в парадной столовой своего Букингемского дворца. Впрочем, сегодня Галка заслуживала и более пышного сравнения.

— Спасибо! — в сотый раз проникновенно произнесла я, подтягивая к себе пятый бутерброд с вареным языком, зеленым луком, голландской редиской и майонезом, сооруженный заботливой Галкой. Уж чего-чего, а поесть вкусно и обильно она умела всегда. — Ты мне жизнь спасла!

— Пустое! — небрежно махнула рукой царственная мадам Ковалева, уже изрядно уставшая от моих бесконечных благодарностей. — Мы ведь подруги! Верю, если возникнет необходимость, ты сделаешь для меня то же самое!

Я усиленно закивала, чуть не подавившись кусочком редиски.

— Даже не сомневайся, я твоя должница до гроба!

Уголки розовых Галкиных губ довольно поползли вверх.

— А ты сама-то до какого момента помнишь наш побег? — спросила она, пододвигая ко мне вазочку с печеньем.

— Хм, — задумалась я, не переставая жевать и глотать обалденно вкусное курабье. — Кажется, до похмельного ковбоя на снегоуборочной машине...

Галка вежливо хихикнула, одобряя мой юмор.

— А дальше? — Сейчас ее лицо выглядело испытующе настороженным.

— Хм-м-м, — непрерывно работая челюстями, повторно выдала я, растерянно пожимая плечами. — Смутно. Ты загружала меня в машину, что-то там горело, кто-то стрелял... Может, мне это только приснилось?

— Хм... — неопределенно отреагировала подруга, опуская взгляд. Видимо, мое косноязычие оказалось заразным. — Боюсь, то был совсем не сон...

Я застыла с приоткрытым ртом, из которого немедленно вывалился не дожеванный кусочек печенья и прицельно плюхнулся в кофе. Но я этого не заметила.

— Ч-ч-чего? — с заиканием спросила я, напряженно усилием воли отгоняя навязчивое видение своих горящих ладоней. — К-к-как? — Мои пальцы, безупречно чистенькие и здоровенькие, смиренно лежали на потертой столешнице, намного превосходя ее белизной и свежестью.

— А вот так, — лукаво ухмыльнулась Галина. — Немцы нас пострелять собирались, но ты, фьють, — она изобразила небрежный щелчок, — плюнула, дунула — и пустила их в расход!

— Я? — шокировано выдохнула я. — Че, правда?

— Ага! — ликующе хохотнула подруга. — И даже не чихнула!

Я опешила, машинально отпила остывший кофе, поперхнулась плавающими в нем крошками и закашлялась.

Галка вскочила со своего места, обежала вокруг столика и похлопала меня по спине.

— Та-а-ак, — меланхолично протянула я, восстановив дыхание, — и что нам теперь делать?

— А ничего. — Галка покопалась в моем убогом допотопном холодильнике и извлекла с полки плитку белого шоколада. — Отдыхать и развлекаться. Обязательно выбраться в людное место и послушать, какие в народе сплетни ходят, касающиеся наших ночных подвигов...

— Хм... — заезженной пластинкой промычала я. Предложение подруги показалось мне не таким уж глупым. — А почему бы и нет?

Галка просияла и, упоенно прижмурившись, положила в рот сладкий белый квадратик.

— А кто доказывал, будто сладкое вредно для фигуры? — воскликнула я, отламывая сразу полплитки.

— Из глубины меня рвется стройная девушка, — с наигранным покаянием вздохнула Галина, заговорщицки мне подмигивая. — Но мне удастся вовремя заткнуть ее прекрасный ротик шоколадом...

Я откинула голову и громко расхохоталась. В конце концов, возможно, все еще не так плохо и моему спонтанному самовозгоранию тоже найдется какое-нибудь логическое и вполне научное объяснение. Скорее всего, Галка права — нам срочно требуется недостающая информация. А найти ее можно, лишь пообщавшись с людьми...

— И куда мы поедем? — поинтересовалась я, решительно вытирая губы салфеткой и отодвигая от себя кружку с испоганенным кофе.

— Доверься мне, — снисходительно улыбнулась подруга, — я знаю одно клевое место!..

Заплетя волосы в две спускающиеся ниже пояса косы, попышнее взбив челку и вызывающе накрасив глаза, я сочла себя вполне готовой к встрече с любыми неожиданностями, как приятными, так и не очень. Из нарядов мы с Галкой, не сговариваясь, выбрали удобные и демократичные джинсы, правда, довольно красивые, изукрашенные блестящими стразами. Господи, благослови того прозорливого модельера, который додумался вознести на высшую ступеньку модного пьедестала эти штаны из прочной хлопковой ткани, длительное время считавшиеся исключительно рабочей одеждой. Нынче их шьют такими симпатичными, что в некоторых эксклюзивных моделях не стыдно и на курортах Куршавеля показаться. Как говорится, не зазорно и в пир, и в мир, и в добрые люди выйти. Наши с Галкой джинсы принадлежали именно к этой универсальной категории. Разбавив джинсовое однообразие яркими свитерками, мы со спокойной совестью загрузились в «ласточку» и отбыли в направлении Октябрьского района, заранее предвкушая увлекательное времяпровождение. Как выяснилось немного позднее, скука нам сегодня совсем не грозила...

Посетители развлекательного центра «Луна-2000» продолжали фанатично отмечать Новый год. Причем делали они это старательно, с максимально возможным усердием и поистине русским размахом. Среди огромного количества празднично настроенных людей, собравшихся в гигантском здании из стекла и железа, вряд ли нашелся бы хоть один более или менее трезвый человек, не горевший желанием немедленно продолжить так удачно начатый банкет. Попав в шикарно обставленный холл «Луны», я восхищенно вертела головой, пытаюсь рассмотреть все сразу, пока хорошо ориентирующаяся в этом царстве музыки и веселья Галка сдавала в гардероб наши курточки. За несколько минут одиночества я успела получить карточку на скидку в баре, с шутливым поклоном презентованную мне

забавным клоуном, бесплатный пробник духов, выданный милой девицей, одетой в наряд Снежной королевы, а также поймала на себе не без удовольствия десятков заинтересованных мужских взглядов. Короче, от моего ранее плохого настроения не осталось и следа, а жизнь забурлила ключом, требуя немедленной реализации самых смелых желаний и капризов. Жизнь продолжалась...

— Нравится? — показывая в счастливой улыбке все свои великолепные тридцать два зуба, вполне достойные рекламного плаката пасты «Бленд-а-мед», торжествующе осведомилась Галка, так широко распахивая руки, словно она являлась, по меньшей мере, финансовым директором сего потрясающего заведения. — Каково, а?

Вместо ответа я экзальтированно затрясла косами, имея весьма неплохие шансы одновременно заработать трясучку, косоглазие и сиюминутный инфаркт, настолько сильно поразило меня это сказочное место. Взяв на себя почетную функцию гида, Галка неторопливо повела меня сначала вдоль игровых дорожек для боулинга, облепленных шумными компаниями ухоженных молодых людей, встречающих победным улюлюканьем каждый удачно брошенный шар, а затем к катку, залитому светом разноцветных прожекторов. Но кататься на коньках я не умела, а роскошный танцпол напугал меня рокочущими раскатами экзотической латиноамериканской музыки, поэтому мы выбрали столик в ресторане, скромно прикорнувший у самой стены, уселись в мягкие кресла и заказали себе по порции коктейля «Мохито». Неторопливо потягивая чуть терпковатый напиток из высоких запотевших бокалов, я разглядывала зал. В ресторане царила самая непринужденная обстановка, а моя интуиция молчала как убитая, видимо притупившись от обилия впечатлений и расслабляющего вкуса спиртного.

За одним из соседних столиков веселилась шумная компания молодых людей. Девушки и юноши были наряжены в разнообразные карнавальные костюмы. Я с интересом разглядывала яркую пару: девицу в старинном испанском одеянии и парня в костюме морского разбойника, чей широкий пиратский пояс украшал кортик, сильно смахивающий на настоящий. И поэтому, когда к нашему уютному убежищу вдруг неожиданно приблизилась высокая мужская фигура во всем белом и с мечом в ножнах, на нее мало кто обратил внимание, посчитав этого гостя всего лишь еще одним любителем вычурных нарядов.

Галка сдавленно охнула, увидев его первой. По ее лицу пробежала короткая судорога разочарования и страха, немало меня озадачившая. Проследив за взглядом подруги, я изумленно вскрикнула. В пустующее кресло за нашим столом раскованно уселся Изгой, безукоризненно элегантный и спокойный, ничуть не напоминающий сейчас того забрызганного кровью бойца, встреченного нами в подземных катакомбах. Я же на миг разучилась дышать и начисто утратила дар речи, замороженная гипнотическим взглядом его серебристо-серых глаз...

— Можно мне с вами немного посидеть? — вежливо спросил Изгой, приветствуя нас галантным поклоном.

— Немного — не получится, — сбивчиво буркнула я, чувствуя себя глупее некуда и до самых ушей заливаясь предательским багрянцем смущения. — Со мной сидят сразу на всю голову...

Изгой рассмеялся звонким смехом ничем не озабоченного человека, ведущего себя с искренней открытостью. Я с любопытством рассматривала его поразительный облик, выгодно подчеркнутый светом многочисленных люстр. Мне сразу же бросилось в глаза, как мало походил он на обычного человека — в своем белом плаще он казался сказочным эльфийским принцем из какого-нибудь голливудского фильма. Длинные белоснежные волосы, разделенные пробором над высоким лбом, приподнимались красивыми волнами и пышным каскадом сбегали на широкие плечи, опускаясь ниже лопаток. Его выразительное узкое лицо, хоть он сейчас и смеялся, показалось мне все же печальным. Его необычайные серые глаза продолговатой формы, в которых плескалась волной затаенная боль, навевали

мысли о каком-то страшном несчастье, несомненно когда-то пережитом этим странным мужчиной и наложившем отпечаток на всю его сущность. Настоящие брабантские кружева у него на груди, массивный серебряный перстень, плотно сидящий на фаланге указательного пальца левой руки, — всё говорило о том, что он не принадлежал к нашему суматошному сумасшедшему сегодня. Он не вписывался в нашу суетную действительность, как не могла музыка Вивальди, созвучная, по моему мнению, его душе, слиться с обертонами современного мира. В нем всего было слишком — физической привлекательности, утонченного благородства и отменного достоинства. За всю свою жизнь мне еще никогда не приходилось встречать подобного мужчины...

В свою очередь, Рейн сквозь полуопущенные ресницы жадно, но деликатно разглядывал эту девушку, ставшую смыслом его унылой жизни. От его внимания не укрылся счастливый румянец, окрасивший ее щеки. Значит, она не осталась равнодушной к его словам и поступкам, проникшись если не любовью, то хотя бы симпатией и доверием. Она производила впечатление неуверенного в себе человека, но это не удивило Изгой ничуть. Он еще слишком хорошо помнил собственную реакцию на противоестественную трансформацию, показанную ему одним мужчиной из племени лугару. И поэтому он решил (насколько это представлялось возможным) не торопить ее становление, предпочитая не форсировать события, а предоставить им идти своей чередой. Ведь она была так разительно похожа на свою мать, прекрасную Людвигу, но еще сильнее — на мраморное изваяние своей далекой прародительницы принцессы Дагмары, возведенное над ее могилой на острове Маргитсигет. Смущаясь, боясь признаться в том даже самому себе, в глубине души он надеялся, так мучительно надеялся, что однажды она вспомнит прошлое, все поймет, рассудит все по справедливости и полюбит его — лишь его одного.

Полюбит его заново...

— А я уже и не чаяла свидеться с тобой снова! — Я постаралась произнести эту фразу абсолютно будничным тоном, но голос сорвался в самый ответственный момент, выдавая овладевшее мною волнение.

Изящные дуги бронзово-золотистых мужских бровей удивленно поползли вверх:

— Почему?

— Ну... — я так боялась обидеть его своими нелепыми сомнениями, оскорбительными для любого мужчины, — ты ведь остался там один против двоих монстров... — Я виновато опустила голову и покраснела еще беспомощнее. — Прости, наверное, я несу чепуху...

Он мягко улыбнулся, накрывая мои пальцы своей прохладной рукой:

— Ты боялась за меня, моя госпожа?

Я шумно выпустила воздух через неплотно сжатые зубы, не понимая, какого ответа он ждет.

Но Изгой отлично понял меня и без слов. Нажим его пальцев усилился, перейдя в благодарное пожатие. Мое сердце камнем ухнуло вниз, проваливаясь до самых пяток. Он не только обладал талантом ценить истинное значение сказанного, но и молчать умел, как никто другой.

— Как ты сумел выбраться из подземного лабиринта? — грубовато поинтересовалась Галка, разглядывая беловолосого воина с плохо скрытой враждебностью. — Как ты нас нашел?

«Да что это с ней такое? — подивилась я. — Белены она объелась, что ли?»

— Я чувствую чаладанью на расстоянии. Из подземелья я вышел без каких-либо особых усилий, — сдержанно пояснил Изгой. — Я умею создавать ментальный щит и отводить глаза простым смертным. Меня не заметили...

— Смертным? — потрясенно вскрикнула я, подпрыгивая в кресле. — Так, значит, сам ты...

— Да! — иронично кивнул он. — Увы, я безропотно несу свой крест...

— Ничего себе крест! — с издевкой усмехнулась Галка. — Да за бессмертие каждый из нас готов душу дьяволу продать!

— И зря! — печально вздохнул наш собеседник, — Поверьте мне, уважаемая госпожа, душа стоит куда дороже...

— Ну-ну, — язвительно бормотнула Галка, очевидно ничуть им не убежденная. — Тебе легко говорить...

— А Айзек и Стас? — нетерпеливо перебила я, горя желанием немедленно разобраться во всем, что произошло уже без нас в подземелье. — Они тебе не помешали?

— Нет! — просто ответил он, равнодушно пожимая плечами. — Пытались, конечно, но не смогли.

— Что ты с ними сотворил, душегуб? — ахнула Галина, широко распахивая глаза. — Ты их убил?! Моего Стасика?

Изгой не ответил ничего, лишь многозначительно прикоснулся к эфесу своего меча...

Я ошеломленно приоткрыла рот, а Галка, наоборот, криво прикусила нижнюю губу и тяжело осела в кресле, глядя на него с затравленным выражением лица.

— Расскажи мне все! Немедленно! — ультимативным тоном потребовала я, тщетно пытаясь высвободить из его ладони свои пальцы, которыми он завладел с рвением ревнивого собственника. — Подробно и с самого начала. О себе, о лугару и про эти маловразумительные байки, связанные со мной...

Изгой лучезарно улыбнулся, не сводя с меня любящего взора.

— Колись, парень, — нехотя поддержала Галина, сердито елозя в кресле. — А то мы совсем запутались.

— Госпожа хочет услышать красивую сказку? — В голосе беловолосого проскользнула ядовитая ирония, совершенно мне непонятная. — Разве Станислас не успел их ей с три короба насочинять?

— Нет, блин, — в тон ему парировала моя подруга, вызываяще встряхивая волосами, — я не сказку, а мужика хочу.

Причем конкретно того, которого ты погубил. Круче него я еще никого не встречала. Я ведь понимаю, что в двадцать пять лет выходить замуж за принца уже поздно, а за кого попало — еще рано...

— Но Стас на принца уж точно не тянул, — хмыкнул Изгой. — Так что...

— Хватит пикироваться. — Я требовательно стукнула стаканом по столу, чуть не разбив дно хрупкой посуды. — Рассказывай. Я полагаю, хоть ты-то у нас не принц, а?

Галина саркастично кашлянула.

— Нет, я не принц, — не обратив ни малейшего внимания на ее явную иронию, спокойно начал Изгой. — Меня зовут Рейнгольд фон Берг, и я родился...

Затаив дыхание, я внимала его неторопливому повествованию, по какой-то неведомой причине находя его и совершенно чуждым и в то же время удивительно знакомым для себя. Мне почему-то казалось, что все, о чем говорил Рейн, я уже слышала когда-то раньше, а возможно, даже видела...

— М-да-а-а! — только и смогла выдавить я, наблюдая за пьющим воду Рейном. У него пересохло в горле, и он немного охрип, а большая стрелка моих наручных часов успела сместиться на час вперед. — Странно это все, но я тебе верю!

Галка увлеченно стучала вилок по тарелке, отдавая должное заказанному нами ужину и благоразумно наплевав на мои душевные переживания. В конце концов, на полный желудок и нервничать куда приятнее.

Из всех предлагаемых в ресторане кухонь различных народов мира Рейн уверенно выбрал русскую, как самую непредсказуемую и непривычную для него. Похвалив блинчики с красной икрой, он несколько секунд шумно дышал открытым ртом, попробовав уху из ершей, щедро заправленную водкой.

— Воды! — Изгой залпом выдул полный стакан и восхищенно прищелкнул языком. —

Однако...

— Русскую кухню не запивать, а закусывать нужно! — метко пошутила я, — Привыкай к нашим традициям...

— Не вижу смысла привыкать! — небрежно отмахнулся он, налегая на тушенное с грибами и сметаной мясо. — Ум-м-м, потрясающее блюдо!

— Почему? — Я осторожно положила нож и вилку на салфетку, обескураженная его репликой.

— Мы едем в Будапешт, — не терпящим возражений тоном заявил Изгой, накалывая что-то на свою вилку и поднося к моим губам. — Хочешь грибочек?

Я машинально съела крепенький маринованный подберезовик и задумчиво подперла щеку кулаком, не зная — возмущаться мне или соглашаться.

— Но зачем? Как? Когда? У меня и документов-то нужных нет...

— Лишь там, с помощью воинов лугару, я смогу обеспечить твою безопасность. Нам нужно раскрыть тайну третьего пророчества. Как можно скорее. С документами — разберемся. — Его глаза смеялись. — Будешь протестовать — упакую в чемодан и увезу силой...

— Изувер! — презрительно прочавкала Галка, отрываясь от ухи. — Садист, маньяк, убийца и предатель!

— К вашим услугам, госпожа! — любезно откликнулся Рейн.

— Я тебя с ним не отпущу без присмотра, — заботливо проворчала подруга. — Сама с вами поеду. Хоть Будапешт и не Париж, но все-таки...

Я благодарно чмокнула ее в щеку.

Галка сложила из пальцев весьма красноречивую фигуру, адресованную Рейну и должную означать: «Ну что, съел?»

— Вы мне не доверяете? — наигранно изумился Рейн, провоцируя Галку на новый выпад в свой адрес. — А как же моя непоколебимая мужская сила и железная логика? Разве они — не самая надежная штука в мире?

— Угу, твоя логика намного лучше нашей, женской, — подхалимски мурлыкнула я, подтверждая главенство его авторитета, и поднесла ко рту Рейна ломтик мяса, густо намазанный злющей, будто соседка по коммунальной квартире, горчицей. — Потому что мужчины любят сами создавать себе трудности — таким образом они специально закаляют свою волю и характер...

— Ага, сушая правда! — Изгой послушно прожевал мое угощение. Его глаза медленно полезли на лоб... — Что это было?

— Трудности! — хихикнула я.

— Нет, это еще фигня! — вдруг по слогам отчеканила Галка. — Трудности — вон они... — Ее палец обличающе указал в центр банкетного зала.

Мы с Рейном одновременно вскинули головы. В ресторан входили не менее двадцати вооруженных автоматами мужчин, возглавляемых кем-то непонятным, больше всего смахивающим на облаченного в смокинг волка, поднявшегося на задние лапы...

Я панически взвизгнула и запрыгнула на колени к Рейну, пытаюсь спрятаться у него под мышкой...

Глава 11

В женском нашем понимании — красивым мужчиной принято любоваться, умного — необходимо уважать, с добрым — можно дружить, а вот выходить замуж нужно непременно за надежного. Да причем обязательно за такого, у которого только спрячешься за плечом — и тебе сразу же станут не страшны ни финансовый кризис, ни пустой холодильник, ни обкуренные скинхеды. А если скажешь своему защитнику «фас», так он тут же за тебя любого обидчика в клочья порвет, как Тузик грелку. Ибо именно в этом и состоит то самое

вожделенное трудноуловимое женское счастье!

Однако не всегда выпадают бабам два горошка на ложку — наличие подобного мужчины почему-то действует на прекрасный пол весьма расхолаживающе. Как ни крути, но пресловутая баба, леди, мисс, синьора, донна или мадемуазель — создание само по себе странное и противоречивое, в рамки обычной логики никаким боком не вписывающееся. Вот и получается, что, покуда ей надеяться не на кого, она вполне благополучно живет своим умом: фигуру от постоянной погони за самцами имеет спортивную и подтянутую, повадки — ловкие и умелые, а натуру — крепкую и даже в чем-то солдафонскую. Другими словами, все у нее хорошо складывается, пока мужика в хозяйстве нету. То есть не то чтобы совсем хорошо, конечно, а, откровенно скажем, нормально. Потому что от осознания, что никому она в общем-то и не нужна со своей комнатухой в общаге, дедушкиным «Запорожцем» и вечерними курсами фэн-шуй, у одинокой дамы развиваются здоровая самостоятельность и оптимистичная сила духа, характер закаляется, а в душе зарождается некая неприкаянная свобода. Словно у бродячей кошки в марте. А уж после оногo наша баба, как сказал великий русский поэт, слона на скаку остановит, в горящий мужской туалет зайдет, и если партия прикажет, то хоть на Марсе десантом высадится. И идет она по жизни летящей походкой, якобы только что из мая вышла, да каблучками цокает — независимая, уверенная в себе и гордая, будто воин-победитель. Поскольку чем же ей еще гордиться-то, если не энтим самым?

Ясен пень, что при виде этакого бесхозного чуда природы всё, способное гореть и скакать, останавливается и тухнет само собой. А мужики в первую очередь. Нет, наша доморощенная пожарница-укротительница, конечно, далеко не на первого попавшегося мачо ведется и отнюдь не сразу, она ведь и без мужика уже своей судьбой рулить насобачилась. Но вот в итоге наступает неизбежное, и в жизни нашей закоренелой суффражистки появляется Он, тот самый долгожданный герой ее романа — офигенный, как Киану Ривз, умный, будто все члены клуба «Что? Где? Когда?» в полном составе, с лицом смазливoго Купидона и косой саженью в плечах а-ля Илья Муромец и так далее по тексту... В общем, замечательный во всех отношениях экземпляр. А далее что? Правильно — дальше случается любовь...

И вот на этом веселенькая сказка про царевну Несмеяну заканчивается, а начинается чистейшая — колющая глаза — правда и неудобоваримая бытовая проза, поскольку ейный мировоззренческий базис (то есть понимание своей актуальной «нафигникомуненужности») внезапно начинает вступать в противоречие с видимой частью действительности. Баба думает: «Ну ведь не нужна же, не нужна я ему, нутром чую!» А мужик в ответ: «Нет, нужна, нужна, как зайцу велосипед!» И ведь не врет он ни на йоту, подхалим этакий. Она ему и в самом деле нужна. Да и впрямь — это же форменный подарок судьбы: умная, словно Герострат, красивая, почище Афродиты пенорожденной, работающая, больше чем взвод узбекских гастарбайтеров, сильная, будто Терминатор, и независимая... как гиппопотам!..

Баба, понятное дело, дура от рождения — поскольку она баба. Расслабляется тут же. И естественно, тотчас становится собственно бабой, каковой ей и положено быть по задумке матушки-природы: слабой, глупой и чувствительной. Помимо бодрости духа и суровой выдержки прорезаются у нее вдруг страдания да капризы, вместо гордого оптимизма и улыбки от уха до уха — тоска и слезы горячие. А закоренелые проблемы, кои она обыкновенно засовывает в энное место и без жалоб переживает под корягой по причине своей тщательно взлелеянной «нафигненужности», вдруг спонтанно показываются на свет божий. Как говорится — «силь ву пле»!

И что же делает мужик при виде данной неожиданной метаморфозы? А он включает свою доминирующую логику и сопоставляет факты. «Значит, так, — с грохотом ворочает пудовыми мозгами он, — на упаковке было написано: «Тяжелый танк сопровождения пехоты «Клим Ворошилов» — 1 штука. Бронирование: лоб и борт — 75 мм листовой стали, корма — 60–70, башня — 75, крыша и днище — 30–40. Вооружение: пушка калибра 76 мм и 4 пулемета на 7,62 мм. Боекомплект: 135 выстрелов, 2772 патрона, скорость 34 километра в

час, запас хода — 250 км». И представляете, все это оказывается наглым враньем. Ибо внутри-то — баба: мягонькая, беленькая, с бантиками и прочими разными финтифлюшками!

Ну и что это, как не беспардонный обман потребителя?! И действительно, форменный обман. Он-то думал — она такая вся из себя неповторимая, уникальная и особенная. Да он, может, такую все жизнь искал, чтобы без проблем, без соплей этих розовых и без наполеоновских планов на будущее. Ему хочется четкости и простоты, все дисциплинированно и по уставу: жесткий секс на подоконнике, пара взаимных комплиментов, сдержанные признания в любви к Родине и футболу, обсуждение общих интересов к последним достижениям рыбалки и пивоварения. В два часа уложились — и пока, до пятницы! А она — нате вам! Ей, оказывается, не нравится жесткий секс на подоконнике. Она, видите ли, мечтает проснуться со своим драгоценным в одной кровати и на работу не пилить. А то вдруг совсем неприличное удумает: проблемы свои личные на него вывалит да настроение мужику и испортит. Такими темпами и оглянуться не успеешь, как она, подобно последней мещанке, еще и замуж захочет. А там квартира в ипотеку, картошка на даче, теща, дети... Кошмар!

Так, и что несчастному мужику с такими трехъярусными выкрутасами делать прикажете? Ведь он же ее любит, так какого рожна ей еще надобно? А ей, по правде-то говоря, никакого рожна, типа мармелада с птичьим молоком, и не нужно. И замуж ей в принципе не уперлось, и проблемы свои она успешно решать умеет. А хочется ей одного — чувствовать, что мужику нужна именно она сама: без макияжа, купюр и притворства, а не очередной приятный способ проведения досуга. Ибо все еще не верится ей в эту неземную любовь, придурочными поэтами выдуманную. Да и кто ее в жизни-то видывал — эту любовь?

Мужику же требуется, чтобы все по-честному было — чего снаружи, то и внутри. И без подделки! То бишь никаких там баб — а вынь да положи ему КВ-1 согласно комплектации. Логика, блин!

Ну тут наша баба, конечно, стремительно обратно умнеет. Понимание «нафигненужности» мгновенно возвращается в прежние рамки, тоска и сопلي пересиливаются под корягой, а жизнь начинает уверенно двигаться в правильном направлении. И вот уже идет баба по своей судьбе все такая же, как и раньше: снова уверенная, гордая и сильная, будто воин-победитель! А мужики находятся там, где им и положено находиться по задумке матушки-природы, — у ее ног...

Мне хватило буквально пары секунд, чтобы проанализировать все эти мысли, вихрем промелькнувшие у меня в голове, сделать правильные выводы и выработать верную тактику поведения. Я горделиво шмыгнула носом, слезла с колен Изгоя и пересела обратно в кресло, напуская на себя донельзя царственный вид. Правильно, не фиг мне соплю распускать и у мужчины за спиной прятаться. Вот оставайся я по-прежнему — просто Евочкой Сокольской, то, может, и сошло бы мне это с рук, и выглядело бы вполне естественным. Да только Рейн во мне не глупенькую блондинку видит, а чаладанию народа лугару и потенциальную спасительницу всего мира в придачу. А значит, некуда мне отступать, впереди — Будапешт...

Рейн понимающе улыбнулся и глянул на меня уважительно. Я еще выше задрала щедро напудренный нос, демонстрируя полнейшее отсутствие страха, на самом деле — так и свербящего у меня внутри. Впрочем, к состоянию испуга примешивалось и какое-то слабое тепло, медленно растекающееся у меня по рукам. Я насторожилась. Да никак это и есть то самое странное состояние, несколько минут назад старательно описываемое мною вслух, с помощью Галкиных подсказок...

— Понятно! — похвально кивнул Рейн, выслушав мой сбивчивый рассказ. — Природный пирокинез!

— Чего? — некрасиво приоткрыла рот я, возмущенная его обычной, уже ставшей привычной для меня лаконичностью.

— Происходящие в организме биохимические процессы, — все так же немногословно пояснил воин. — Ты аккумулируешь огромное количество внутренней энергии, выплескивающейся наружу в виде огня. И чем сильнее твоё волнение, тем больше твой кинетический потенциал. Учись им управлять.

— Воспламеняющая взглядом! — понятно хмыкнула Галка. — Помнишь, как в романе у Стивена Кинга девочка всех глазами сжигала?!

— Глазами — маловероятно, — усомнился Рейн. — Все-таки склера и сетчатка — слишком уж хрупкие органы для проведения подобных фокусов. Можно ослепнуть. А вот через ладони огонь извергать — самое то...

Я скептически посмотрела на свои руки, даже потерла ладонь об ладонь, как две сухие палочки, и ничего тогда не добились... Зато сейчас мои пальцы начинали потихоньку нагреваться пропорционально охватившему меня волнению, становившемуся все более напряженным...

Между тем ввалившаяся в ресторан бригада уже пересекла половину зала, уверенно продвигаясь к нашему столу. Их появление встретили шквалом восторженных аплодисментов и громкими одобрительными выкриками, адресованными предводителю отряда, обряженному в столь экзотический костюм.

— А где ваша Красная Шапочка? — со смехом осведомилась одна женщина, обращаясь к тому, смахивающему на волка.

Тот натянуто улыбнулся.

— Простите, мадам, — безупречно галантно приложил руку к берету второй мужчина, высокий и блондинистый, — но мы ищем своих подружек. Хотим пригласить их на бал-маскарад!

— Ах, как я им завидую! — усиленно за кокетничала изрядно подвыпившая посетительница. — Такие шикарные мужчины, в таких оригинальных костюмах!.. Настоящая новогодняя сказка!

«Сказочники» наигранно раскланивались во все стороны, крепко сжимая отнюдь не бутафорские автоматы. А меня в очередной раз неприятно поразила доверчивость и недалёковидность наших обывателей, тупо заиклившись на извечном желании «хлеба и зрелищ». И как они не видели, что все это происходит на самом деле?

Сопровождаемый наемниками волк подошел к нашему столу, с открытой неприязнью взирая на выпрямившегося в кресле Рейна, тоже не сводившего с него настороженных глаз.

— Госпожа чаладанья, попрошу вас без сопротивления проследовать за нами! — Он немного склонил голову, оказывая мне знак уважения. — Поверьте, я являюсь вашим другом, и первоочередная моя задача — сохранность вашей драгоценной жизни! — Он говорил немного невнятно, но на безупречном немецком языке и при этом обращался только ко мне одной, намеренно игнорируя моих спутников. Они для него просто не существовали.

— Дама не танцует, Рихард! — холодно отчеканил Изгой, красноречиво опуская руку на рукоять своего меча. — Она останется со мной!

— Уж не ведаю, как ты здесь очутился, Рейн, — язвительно усмехнулся волк, — но лучше не вмешивайся. Не вынуждай меня сражаться с тем, кто некогда был для некоторых из нас ближе родного брата...

— Видимо, Логан крайне заинтересован в моей госпоже, если послал за ней свою самую главную ищайку! — презрительно ухмыльнулся Изгой, обнажая белые зубы. — Неужели не нашлось никого пониже рангом? Или ты стареешь, Рихард?

Волк гневно наморщил нос, сдерживая рвущееся из груди рычание. Я пристально вглядывалась в его поразительную фигуру, подмечая и человеческие пальцы, поросшие бурой шерстью, но оканчивающиеся огромными когтями, и пропорциональный торс с отнюдь не животными очертаниями, и умные зеленые глаза — совсем не звериной формы, сейчас — возмущенно прищуренные. Рихард выглядел весьма опасным противником, связываться с которым мне совсем не хотелось.

— А еще мне очень хочется узнать имя жреца, сумевшего близко свести ликантропов и

немцев, а также предоставившего им секретную информацию об украденном из храма Митры артефакте, попавшем к «Аненербе» и позднее скрытом в катакомбах этого города! — нехорошо усмехнулся Рейн. — Не поделишься ли со мной знаниями, а, давний друг?

— Помолчал бы ты лучше, несчастный безумец! — отрывисто рыкнул оборотень, извлекая из укрепленных на спине ножен две изогнутые сабли. — Не лезь в дела Следящих! Если, конечно, не порываешься снова попасть на объединенный суд чаладов и получить повторный смертный приговор...

— Что мне суд и приговор? — горько хохотнул Рейн. — Что мне ваши стаи? Я ведь и так никогда не считался своим ни у лугару, ни у вас — ликантропов. А теперь я сознательно отрекаюсь от всего мира, от дома и родины и посвящаю свою жизнь ей, — он нежно мне улыбнулся, — моей госпоже!

— Значит, не отдашь мне ее по-хорошему?! — с ноткой усталости в голосе уточнил Рихард.

— Не отдам! — почти весело кивнул мой воин. — А отбирать силой — ой как не советую!

— Плевал я на твои советы! — яростно взревел ликантроп, мощным ударом ноги в щепы разнося уставленный блюдами стол, отделяющий его от меня. — Ублюдок проклятый!

Одним гибким движением Рейн вскочил со своего места, и, певуче лязгнув, их клинки встретились, высекая сноп огненных искр, а я ощутила, как по моим пальцам побежало горячее покалывание, грозя перейти в нечто страшное и смертоносное...

Представители каждой нации от рождения наделены ярко выраженными и испокон веков присущими лишь им одним особенностями менталитета, сказывающимися на их мышлении, характере и манере поведения. Причем масштабность этих качеств напрямую зависит от количества людей, вовлеченных в ту или иную ситуацию. Один немец всегда ассоциировался у меня исключительно с определением «пивная бочка» (конечно, до знакомства с Рейном), если их двое — с концерном, а трое — с мировой войной. Француз — любовник, два француза — дуэль, трое — революция. Англичанин — джентльмен, два англичанина — бокс, трое — парламент. Как понятно из этих примеров — аналогии слишком очевидны. Но перешеголяли всех, безусловно, мы, русские. Даже будучи уже осведомленной о тайне своего происхождения, я продолжала принципиально считать Россию своей родиной. Ведь недаром же проверенная жизнью мудрость гласит: не та мать — что родила, а та — что вырастила. А поэтому искоренять из своего характера взрывные, типично славянские черты поведения я не собиралась сознательно. Возможно, это и стало моей главной ошибкой, ибо каждый русский сам по себе — дурак, двое русских — это обязательно пьянка, а трое — традиционный мордобой. И можно себе представить, что происходит, если русские встречаются с немцами!.. А посему я безоговорочно уверена: Ледовое побоище, сражение при Мазурских озерах и Сталинградская битва стали далеко не случайными баталиями. Против судьбы — не поперешь...

Заполняющие ресторан посетители с воплями бросились врассыпную. На выходе из зала немедленно возник шумный и чрезвычайно бестолковый затор, образованный подвыпившими завсегдатаями развлекательного центра. Оглушительно визжали зажатые в дверях женщины, решившие, будто обряженные в военную форму гости оказались, по меньшей мере, чеченскими террористами. С другой стороны, из коридора, в ресторан пытались прорваться прибежавшие с первого этажа охранники, правда пока еще мало что понимающие во всем происходящем. Кто-то названивал по мобильнику и пробовал вызвать наряд ОМОНа, неся такую околесицу, что диспетчер службы спасения категорически отказывался поверить в вываливаемую на него информацию, насмешливо советуя истерично блажившему абоненту пойти домой и проспаться. В общем, в ресторане царила настоящая неразбериха...

Успевшие обменяться несколькими ударами противники переместились на середину опустевшего зала, выжидательно кружа один возле другого, словно пара голодных

хищников. Но сейчас, наперекор всей неправдоподобности происходящего, такое сравнение уже не казалось мне излишне пафосным или преувеличенным, вызывая лишь ужас и растерянность. А хуже всего было то, что по какой-то непонятной для меня причине Рейн перемещался теперь довольно тяжело, неуклюже и медлительно, заметно проигрывая своему умелому сопернику. Что с ним произошло? Куда подевались его прежние молниеносные грация и ловкость? Этого я не понимала.

Мохнатую морду Рихарда перекосила довольная ухмылка. Сабля в его правой руке сверкнула сияющим росчерком, обманным выпадом отбивая атаку Изгой, а второй клинок (как мне показалось) лишь мимоходом задел ногу Рейна чуть выше колена. Но, увы, нанесенный ему порез оказался довольно глубоким, тут же набухая алой кровью. Рейн сдержанно зашипел сквозь стиснутые зубы.

— Отступишь! — снова предложил ликантроп, проявляя милосердие, совсем неожиданное в столь зловещей твари. — Клянусь Митрой, я не хочу тебя убивать. Во имя нашего совместного прошлого.

— Нет! — возмущенно рыкнул Изгой, презрительным наклоном подбородка отменяя щедрое предложение оборотня. — Я чувствую, у тебя имеется нечто, действующее на меня будто энергетическая ловушка. Эта штука замедляет мои движения и высасывает из меня силы. Но я все равно не отступлю!

— Глупец! — неодобрительно вскрикнул Рихард, нанося бывшему другу второй удар — в грудь. Брабантские кружева на рубашке Рейна тут же запятнала россыпь кровавых брызг. — Признайся, ты ведь не ожидал, что жрецы найдут управу даже на тебя — доселе непобедимого? Смирись. Отдай мне девушку и отступи...

— Нет! — почти простонал Изгой, едва успев отбить новую атаку. — Умру, но не отдам...

«Ох уж мне эта мужская логика, — скептически фыркнула я, вместе с Галкой спрятавшаяся за перевернутым столом. — Если мужчина готов на безумные поступки ради женщины, то не спешите делать свой выбор в его пользу. Возможно, он просто идиот! Он разве не понимает — если он умрет, то я немедленно попаду в руки врагов...» Но додумать я не успела.

— Ну тогда умри, упрямец! — взбешенно взревел Рихард, ураганом обрушиваясь на Рейна...

По-видимому, зуд в моих руках достиг своей критической точки. Ногти покраснели, наливаясь рубиновым свечением, а весь жар сконцентрировался в области сложенных чашечками ладоней, заполняя их незримо, но ощутимо и плотно, будто вода. Понимая, что сейчас Рейн падет под ударом разъяренного ликантропа, я неловко взмахнула левой рукой, стремясь направить бросок точно в Рихарда. Это было невероятное зрелище! С моих пальцев сорвался шарообразный сгусток пламени величиной с теннисный мяч, падающей звездой пролетевший через половину зала, опаливший морду оборотня и вдребезги разнесший зеркальную барную стойку у него за спиной. Осколки винных бутылок так и брызнули до самого потолка, осыпая наемников, с молчаливым одобрением взиравших на разворачивающийся перед ними поединок. Рихард вздрогнул и отшатнулся, неосторожно открываясь для нападения...

С резким хакающим звуком Рейн чуть ли не до самой рукояти вогнал свой меч в грудь ликантропа, уж не знаю, случайно или преднамеренно, попав конкретно в сердце. Острие клинка вышло из спины оборотня, продолжающего стоять на ногах и, опустив глаза, с недоверчивой улыбкой взирая на гарду вонзившегося в него меча.

— Ты, ты... — кровавая пена пузырилась на морде Рихарда, — предатель... — Он громоздко рухнул назад, медленно соскальзывая с волнистого клинка Изгой.

Рейн равнодушно пожал плечами и натужно перевел дух, а затем широко взмахнул мечом и одним ударом отрубил голову уже мертвого противника. Морда, торс и руки убитого ликантропа тут же начали стремительно трансформироваться, принимая нормальное человеческое обличье. Через пару секунд перед нами лежал мужчина зрелых лет,

черноволосый, скуластый и отнюдь не лишенный грубоватой, но, безусловно, импозантной привлекательности. Я потрясенно присвистнула. Похоже, сказки не врут — мертвые оборотни действительно превращаются обратно в людей!

— Взять девушку живой! — выкрикнул приказ командир наемников, первым вышедший из ступора и вспомнивший о моем существовании — Остальных — убить!

— А вот фиг тебе, фашист проклятый! — нехорошо усмехнулась я, замахиваясь правой рукой. — Получи, фашист, гранату! — Этот бросок получился куда более удачным, угодив в живот ретивого наемника и попутно зацепив еще двоих его подопечных. Ошметки их разорванных тел разлетелись веером. Паркетный пол покрылся слоем копти вперемешку с лужами крови. Омерзительно воняло горелой человеческой плотью. Галка зажимала ладошкой свой ошеломленно перекошенный рот, борясь с рвотным позывом и таращась на меня боязливо выпученными глазами. Один из испуганных наемников рефлекторно выпустил длинную автоматную очередь, легко пропоровшую поверхность нашего ненадежного укрытия. С паническим писком мы с Галкой плашмя распростерлись на полу, усиленно вжимаясь в лакированные деревянные квадратики. С утробным воем Рейн метнулся к автоматчикам, вскидывая свой испачканный кровью меч... Те слаженно отступили к стойке и укрылись за ее дубовой поверхностью, по-видимому чего-то ожидая. Один из них говорил по телефону, но из-за удаленности от наемника я так и не смогла разобрать произносимые им реплики. И в этот момент мы получили неожиданное подкрепление в лице нескольких охранников развлекательного центра, пусть с некоторым запозданием, но сумевших таки пробиться внутрь ресторана.

— Помогите! — прохрипел Рейн, опускаясь на колени и роняя меч на пол. — Это бандиты...

Высокий охранник в черной форме понимающе кивнул и что-то торопливо заговорил в прикрепленную к плечу рацию.

— Сдавайтесь, — предложил второй, невысокий крепыш с нашивкой «Луна» на стеганом жилете. — Сейчас сюда подъедет группа захвата, и вам крышка!

— Нет, — на ломаном русском прилетело из-за барной стойки, — отдайте нам девушку, и мы уйдем!

— Иностранцы? — удивился высокий охранник.

— Международный терроризм! — лаконично пояснил Рейн, ощупывая свою раненую ногу. — Немцы, нацисты.

Светлые брови крепыша изумленно поползли на лоб, он протяжно присвистнул, до глубины души потрясенный словами Изгоя.

— С вами тоже, на всякий случай, разобраться не мешало бы, — ультимативно потребовал высокий, чья властная манера держаться выдавала в нем привыкшего командовать офицера. — Уж больно необычно вы выглядите, да и меч у вас — отнюдь не сувенирный. У меня в таких вопросах глаз наметанный. Предъявите ваши документы!

Рейн порылся в нагрудном кармане и протянул ему пластиковые корочки.

— Второй помощник посла Венгрии на Урале?! — Охранник вздрогнул, козырнул и поспешно вернул Изгоя его удостоверение личности. — Простите, господин Берг! — Дипломатическая неприкосновенность Рейна произвела на бойца огромное впечатление. — Сейчас сюда придут медики, и вам окажут первую помощь.

— Пустое! — отмахнулся Рейн, пряча насмешливую улыбку. Прозорливый жрец и правда весьма постарался с поддельными документами, обезопасив своего посланца от многих возможных неприятностей. — Благодарю вас за помощь и проявленный профессионализм.

Охранник польщено поклонился.

— Слушай, подруга, — вполголоса поинтересовалась я, на карачках выползая из-под обломков стола, потирая отбитый копчик и оценивающе поводя носом, — ты тут, случаем, с перепуга воздух не испортила?

— Ну и что, если даже и?.. — мстительно буркнула Галка, по-турецки сидя посреди разбитых тарелок и придирчиво разглядывая свои ногти. — Вот немцы чертовы, сначала в подземелье половину маникюра по их милости угробила, а остатки — здесь... — Она подняла на меня горящий возмущением взор. — Да, испортила! Так на то она и отдушинка, чтобы не болело брюшенько. Я ведь тебе не самурай — у меня нервы не железные...

— М-да, — примирительно вздохнула я, — в Японии-то все красиво, аж на зависть: гейши, саке, харакири...

— Зато у нас вместо восточной экзотики — сплошная суровая проза жизни, — закончила за меня Галина, с отвращением принюхиваясь к своему залитому ухой джемперу, — шлюхи, водка, поножовщина!

— Полагаю, все уже закончилось. — Я поднялась на ноги, оглядывая устроенный в ресторане разгром, причем следовало признать честно — устроенный не без моего посильного участия. — Сейчас сюда понаедет куча милиции и военных. Предлагаю смотаться потихоньку, пока наши персоны никого не заинтересовали... — но я внезапно замолчала на полуслове и шлепнулась обратно, придавив сердито крякнувшую Галку, потому что наемники, видимо, пришли к какому-то конкретному решению и строем поднялись из своего укрытия, оцетинившись стволами автоматов. Громыхнули выстрелы...

Высокий охранник, буквально изрешеченный пулями, нелепо взмахнул руками и упал вперед лицом. Среди штата «Луны» появилось еще несколько убитых и раненых, а выжившие бойцы мгновенно рассредоточились по залу, залегли за мебель и вступили в перестрелку с наемниками, превосходящими их как по количеству, так и по уровню вооружения.

— Плохо дело, — констатировал Рейн, ползком прокрадываясь к нашему столу. — Нужно уходить, пока нас охранники прикрывают. Через несколько минут их перебьют, и наше положение станет совсем безвыходным.

Мы с Галкой послушно закивали.

— Ползем к выходу из зала, — продолжил командовать Рейн, — а там наша первоочередная задача — слиться с толпой и незаметно покинуть центр.

— Хорошо! — процедила я, по-пластунски пробираясь к дверям ресторана следом за Изгоем. — Задницу-то не отключивай так сильно! — посоветовала я Галке. — Еще не хватало потом из тебя пули выколупывать!

— Ой, как же мне все это надоело, — плаксиво жаловалась мадам Ковалева, вытирая собой грязный паркет. — Когда же все это закончится?

«Хороший вопрос! — мысленно хмыкнула я. — Мне кажется, что теперь всякие и всяческие неприятности будут преследовать нас до скончания веков!» Тогда я еще не знала, что случайно выдуманная глупость может нести в себе невероятно глубокий смысл, став пророческой...

Человеческая психика всегда была и остается для меня чем-то загадочным, невыразимо противоречивым, постоянно тянущим нас сразу в несколько противоположных сторон, подобно впряженным в телегу Лебедю, Раку и Щуке из басни Крылова. Зачастую мы говорим одно, думаем — второе, а делаем — третье, но воз — и ныне там. Вот они — Лебедь, Рак и Щука в действительности. И лишь тот, кто сумеет уравновесить свои слова, мысли и поступки, научится разумно управлять собственной жизнью, успешно достигая поставленных целей.

В тот вечер в центре собрались разные по характеру и интеллекту посетители. Среди них попадались люди слова и люди дела, но, пожалуй, все они оказались просто заложниками непонятной ситуации, не сумев вовремя разобраться в царящей вокруг суматохе или же, под влиянием нездорового любопытства и собственной самоуверенности, бросаясь в самую гущу столпотворения. А кроме того, среди подвыпившей публики нашлись и бизнесмены со своими охранниками, в противовес хозяевам бывшими трезвыми и вооруженными. Поэтому слова, мысли и поступки взрывоподобно столкнулись на уровне

эгоистичного самовыражения, а еще — на уровне первого этажа развлекательного центра, образовав мощный круговорот.

«Спасайте свои жизни! — приказывали слова, обычно отражающие лишь внешнюю сторону любого явления. — Даже если ради этого придется пройти по чужим трупам». «Ой, а что это там происходит?» — с любопытством подзуживали беспокойные мысли, давая сильнейший отправной толчок к чему-то глупому и сумасбродному. «Нужно непременно вмешаться!» — настойчиво требовали действия, наглядно иллюстрируя особое свойство нашей натуры — потребность самостоятельно творить свою судьбу.

Лобовое столкновение этих трех психологических составляющих чрезвычайно опасно, ибо оно порождает панику, разбавленную всплеском аномального героизма. Таков избитый сценарий каждой катастрофы и любого чрезвычайного происшествия.

«Я попала в ад!» — таковой стала самая первая мысль, произвольно возникшая у меня после того, как я очутилась за пределами ресторана, в стенах которого еще гремели выстрелы. Эскалатор, соединяющий между собой первый и второй этажи центра, застопорился. Мне отчетливо запомнился дурной вой молодой, шикарно одетой девушки, чей высоченный каблук застрял между железных пластин остановившейся лестницы. Ей нужно было просто наклониться и расстегнуть сапог, но захлестнувшие эскалатор люди сдавили ее со всех сторон, превратив в беспомощную жертву нелепой западни. В какой-то момент ее вой оборвался, и девица упала, боюсь затоптанная насмерть. И наоборот, несколько вооруженных мужчин в гражданской одежде уверенно двигались наперерез бестолково беснующемуся людскому потоку, мечтая поучаствовать в перестрелке.

«Рембо недоделанные!» — гневно подумала я, пропихиваясь в толпе и крепко держа за руку надоедливо канючившую Галку. В паре шагов впереди я постоянно видела беловолосую голову Рейна, благодаря своему внушительному росту заметно возвышающегося над всеми. Я не сводила с нее глаз, воспринимая его как маяк, освещающий нам путь к спасению. Наверно, сейчас я больше всего боялась отпустить Галкину руку и потерять ее в этом бардаке, да еще переживала за сильно прихрамывающего Рейна, чья кровопотеря давала о себе знать, а поэтому его лицо — и ранее бледное да узкое — осунулось сильнее обычного. Остававшиеся в холле центра охранники пытались навести хоть какое-то жалкое подобие прежнего порядка, но все их усилия пропадали втуне, ибо осаждающие гардероб дамочки не желали бросать на произвол судьбы свои норковые шубы, истерично гоняя трех одуревших гардеробщиц. По части напора жадные модницы изначально дадут сто очков форы любому террористу.

«Да пропади она пропадом, моя куртка, — безмолвно усмехнулась я, осуждающе косясь на вульгарно размалеванную, словно ирокез, шатенку, вцепившуюся сразу в два шикарных норковых палантина, по крайней мере, один из коих ей явно не принадлежал. — Рейн, глянь-ка, что бабы творят! Это, кажется, уже мародерством называется. Не ведают дуры, что каждая приличная женщина должна сделать в жизни три вещи, а не заикливаться на шубе...»

— Какие три вещи? — спокойно улыбнулся Рейн, подхватывая меня под локоть.

— Я говорю вслух? — не поверила я.

— Нет. — Он посмотрел на меня с восхищением. — Ты мысленно меня позвала, причем настолько сильно, что я чуть не оглох от твоего ментального крика. Ты становишься все сильнее...

— Неправда, — буркнула я, загораживая Галку от беснующихся баб. — После тех двух огненных шаров я чувствую себя выжатым лимоном.

— Ты мне жизнь спасла, — Рейн благодарно прикоснулся пальцем к моей щеке, — моя госпожа...

— Значит, счет один-один. — Мне так хотелось, чтобы это прикосновение длилось целую вечность, но оно стало обидно коротким, ибо Изгой смутился и быстренько отдернул руку.

— Так какие три вещи должна сделать женщина? — Он шаловливо подмигнул, становясь похожим на бесшабашного мальчишку.

— Спасти мужчину, — в тон ему нахально заявила я. — Сохранить мир и родить сы...

— Смотрите, — вдруг пронзительно закричала Галка, прерывая наш увлеченный разговор, — там... — Ее рука нервно дернулась, указывая вверх.

Рейн отвлекся от меня, поднял глаза на лестницу и гневно нахмурился. На площадке между этажами появились наемники, очевидно окончательно разделавшиеся с удерживавшей ресторан охраной.

— К выходу. — Одной рукой он жестко схватил меня, а второй — Галку, разворачивая нас к стеклянной входной двери, ведущей на улицу. Но в этот самый момент створки главной стеклянной двери развлекательного центра медленно разъехались, пропуская внутрь «Луны» еще два десятка бандитов.

Мы очутились в ловушке...

Наемники не церемонились. Кто-то из стоящих на лестнице немцев заметил светловолосую голову Рейна и гортанным выкриком обратил на нас внимание вновь прибывших, красноречивым жестом показывая — взять их. Рейн витиевато выругался, нехорошими словами поминая зловредные происки Аримана, и, увлекая нас с Галкой за собой, стремглав кинулся бежать в сторону ледового катка. Расчищая себе дорогу выстрелами, наемники последовали за нами, игнорируя ни в чем не повинных людей, попадающих под их пули. Шум стоял просто оглушительный, слившийся в чудовищную какофонию из криков нескольких сотен перепуганных до невменяемого состояния людей, автоматной канонады, проклятий и стонов раненых. А ужаснее всего было то, что из динамиков под потолком, не умолкая, лилась развеселая бравурная музыка, контрастно оттеняя безумный разгул смерти, собирающей обильную жатву. Издалека, словно слабая надежда на спасение, доносились тревожные трели милицейских сирен, намекая — помощь близится...

Мы засели за высоким бортиком ледовой арены, по-прежнему залитой праздничным светом разноцветных прожекторов.

— Черт бы побрал этих психов! — негодуяще потрясая ободранными кулаками, в сердцах выкрикнул притулившийся рядом со мной поджарый лысоватый мужчина средних лет в красивом, но не слишком дорогом деловом костюме.

«Чиновник или финансист, — определила я, разглядывая случайного соседа. — Нет, скорее бизнесмен, привыкший отвечать за свои поступки, и к тому же — хороший стратег, вон как он благоразумно укрытие выбрал».

Из пореза на его лбу стекала тоненькая, уже подсыхающая струйка крови, но на его лице я не заметила ни капли испуга, а только злобу и азарт. Хозяина прикрывали двое мускулистых парней, видимо, телохранители, вооруженные какими-то грозными на вид пистолетами.

Мужчина подвинулся, уступая нам наиболее безопасное место, и посочувствовал:

— Эка вас угораздило-то, девоньки...

Я хотела ответить, что причина всех бед кроется именно в нас, а всем остальным просто не повезло, но предпочла промолчать, справедливо полагая — нам просто не поверят.

— А вас? — парировала я, сворачиваясь в клубок. Рейн, сдержанным жестом поприветствовавший охранников бизнесмена, пристроился рядом и тоже вытащил пистолет.

— Да вот, так получилось, — улыбнувшись отнюдь не наигранно, а открыто и добросердечно, пояснил мужчина. — Я сам-то из городской думы. Решили мы с друзьями в узком кругу мой день рождения отметить, а тут... — Он обиженно шмыгнул носом и вдруг рассмеялся отважно и задиристо: — Подарочек, мать его...

Не обращая внимания на эти слова, Рейн высунулся из-за борта и метким выстрелом снял зарвавшегося бандита, подставившегося под пулю. Видимо, не желая отставать от обряженного в вычурный наряд незнакомца, один из охранников рискованно выглянул следом за Изгоем и подстрелил второго наемника.

— Молодец, Леха! — Депутат восхищенно похлопал бойца по плечу. — Быть тебе при ордене. — Польшенный парень, молодой, фигуристый и востроглазый, зарделся как маков цвет, — Но больше так не блефуй, сынок! — Лицо хозяина посуровело. — Ты у матери единственный кормилец!

Депутат мне понравился. Решительный прищур темных глаз, красивый породистый нос, четкая линия подбородка... Я протянула руку и коснулась крови, выступившей у него из пореза на лбу.

— Брось, девонька, — улыбнулся мужчина, — на мне все как на собаке заживает...

Я ощутила нечто, похожее на кратковременный удар электрическим током, и перед моим внутренним взором промелькнул ряд расплывчатых образов...

— Берегите себя, Андрей Дмитриевич, вам еще губернатором области работать, — тихонько посоветовала я.

Мужчина даже не удивился, лишь пристально всмотрелся в мое лицо.

— Экстрасенс никак! — уверенно заключил он. — Спасибо, девонька.

— Ясновидящая! — поправил его Рейн, метким выстрелом снимая еще кого-то по ту сторону катка. Охранник Алексей показал ему одобрительно оттопыренный большой палец.

— Ребята, охраняйте эту девушку, — попросил депутат, ласково поглаживая меня по волосам. — Чую, есть в ней что-то особенное, важное...

— Нам бы дальше прорваться, в обратную сторону, туда, где народу мало, — признался Рейн, вопрошающе глядя на Андрея Дмитриевича. — Очень нужно...

— Поможем, — с готовностью кивнул депутат. — Так, сынки?

Алексей и его напарник синхронно вскинули сжатые кулаки.

— Молотки! — оживленно одобрил будущий губернатор. — Ребятки, уходите крадучись, мы вас прикроем. А ты, дочка, — он нежно ущипнул меня за щеку, — если возникнет потребность, найди меня в мэрии. Рогозин моя фамилия.

Я поблагодарила его признательной улыбкой, впрочем сама мало веря в необдуманно брошенное пророчество. Вот еще, Ванга новоявленная выискалась!

Мы по-пластунски ползли вдоль бортика ледовой арены. Чуть приподняв голову, я заметила растерянно озирающихся немцев, вышедших на лед катка. Не зная, что еще можно предпринять, я зашарила руками возле себя и натолкнулась на небольшую полочку, на которой ровными стопками хранились аккуратно уложенные тяжелые хоккейные шайбы. Наверно, в тот день во мне спонтанно прорезалось какое-то не изжитое вовремя ребячество, поэтому я приподнялась над бортиком и хулиганисто свистнула. Захваченный врасплох наемник обернулся в мою сторону... Брошенная мною шайба с оглушительным треском врезалась ему точно в лоб...

— Не стрелять, брать ее живой! — наперебой кричали несколько голосов.

Вскочивший на ноги Рейн бил почти в упор из своего пистолета, а мы с Галкой забрасывали противников шайбами, пока те не закончились. К последнему броску я прибавила огня, обрушив на лед целую волну оранжевого пламени. Раздалось громкое шипение, к потолку помещения взлетели осколки льда и плотные клубы белесого пара, образовавшегося от испаряющегося катка. Нас окутал непроницаемый туман...

— Бегом, — скомандовал Рейн, и мы бросились бежать, минуя каток. Мы не останавливались до тех пор, пока не достигли задней стеклянной стены развлекательного центра, в которую уперлись ладонями, тяжело переводя дыхание и умиряя заполошный стук сердец.

За толстым стеклом, образующим сферически-наклонную поверхность «Луны», уже вовсю сгушался вечерний полумрак, изредка разрезаемый яркими лучами автомобильных фар. Здание центра оцепили машины ОМОНа и выстроившиеся в цепочку бойцы. Полагаю, до финального штурма всех помещений оставалось не более нескольких скоротечных минут.

— Нам нужно как-то выиграть время, чтобы успеть уехать из города, — сказал Рейн, бережно обнимая меня за талию и притягивая к себе. Его теплое, еще прерывистое после беготни дыхание ворошило завитки волос у меня на виске и щекочущим ветерком сбегало

вниз по щеке, к шее. — Обмануть врагов, сбить их со следа... — Бледные мужские губы почти вплотную приблизились к моим губам. — Спасти тебя, моя госпожа, моя звезда...

Я томно прикрыла глаза, с волнением предвкушая — сейчас он меня поцелует. Но Рейн неожиданно замер, внимательно вслушиваясь в льющуюся из динамика песню. Низкий грудной женский голос наполовину пел, а наполовину декламировал, идеально вплетаясь в печальный рокот бас-гитары:

Стрелой пронзивши мрака тучи,
Презрев пространство и года,
Легко взошла на неба кручи
Лихая, черная звезда.

Кроваво-красная от горя
И непрозрачная до слез,
Несла грехи людской юдоли,
В судьбу уверовав всерьез...

Едва прикрывшись лунной дымкой,
За нас сгорая от стыда,
Мечтая: «Стать бы невидимкой,
Чтоб не заметила беда,

Прошли бы пусть напасти мимо,
Да миновал суровый рок...»
А сердце ныло нестерпимо,
И отдавало в левый бок...

Без поцелуев стыли пальцы,
Обида плавилась в душе,
Шепча: «Несчастные скитальцы,
Не быть вам нынче в барыше!»

И, хладным светом обтекая
Земной, заблудшей жизни нить,
Звезда — наивная такая —
Наш грех решила отмолить.

Из чистоты сплела молитвы,
Писала радугой стихи...
Остановились тут же битвы,
И люди стали — не плохи...

Исчезла вмиг из жизни злоба,
Ушла звезду лихую грызть,
Чтоб нас с рожденья и до фоба
Не беспокоила корысть...

Не стало также смерти лютой,
Не стало зависти людской,
Теперь не меряют валютой
Тут счастье, радость и покой...

Уже давно здесь кровь не льется,
Не слышно криков и угроз,
Ребенок радостно смеется,
Не признают фальшивых поз.

А что звезда, что с нею случилось
Под спудом собранных грехов?
Какая участь ей досталась
Помимо боли и стихов?

Отяжелев от бед и горя,
Сложив души своей крыла,
Звезда скатилась за три моря
И там тихонько умерла...

Но каждый, кто свободой дышит,
Кто защищал ее не раз,
Тот непрерывно в сердце слышит
Лихой звезды призывный глас...

— Звезда, — задумчиво шепнул Изгой, — ты моя лихая звезда...

Я нетерпеливо приоткрыла правый глаз, устав ждать поцелуя, но Рейн немного отстранил меня от себя на расстояние вытянутых рук и хищно усмехнулся:

— Теперь я знаю, как мы сможем на недолгое время обмануть наших врагов!

— Как? — раздосадовано спросила я, обманувшись в своих затаенных надеждах.

— Мы должны умереть, — без подготовки брякнул он, пристально наблюдая за моей реакцией.

— Ага! — насмешливо кивнула я, строя хитрую мордочку. — Типа — понарошку?!

— Нет! — Он извлек из ножен меч и вдребезги разнес толстое стекло, прорубая для нас выход на улицу. — По-настоящему!

Я испытала мимолетное, но едва сдерживаемое желание придержать рукой шокировано отваливающуюся нижнюю челюсть, а Изгой потянул меня за рукав джемпера и вывел в утопанный снег хозяйственного двора, скрытого на задворках центра. Краем потрясенного его идеей сознания я заметила бегущих к нам людей — военных и медиков.

— Решайся, — с нажимом потребовал от меня Рейн, — еще миг — и станет поздно...

Я всегда это знала — больше всего на свете нас пугает нечто неизведанное, то, чему еще не было места в нашем личном опыте, то, что еще не встречалось нам раньше и потому всегда кажется непреодолимым. А посему я, не раздумывая, согласилась бы на любое его предложение, но умереть...

— Ты мне доверяешь? — вкрадчиво, с подкупающей откровенностью спросил Изгой, обнимая меня снова, еще ласковее и крепче. — Да или нет?

— Да, — искренне ответила я, завороженная блеском его серебристых глаз. — Да, ангел мой!

Второй рукой он бережно приподнял мой подбородок, и его бледные уста прижались к моим призывно раскрывшимся губам, отвлекая от мыслей о жизни и смерти. Будто во сне я видела — вот он простирает ладонь вперед, направляя ее на стену задания, и тянет на себя так, словно пытается сдвинуть с места все эти немислимые тонны стекла и стали... А затем от второго этажа «Луны» отделяется огромный кусок облицовки и падает прямо на нас... Я чувствую удар по голове и жуткую боль, но не могу кричать, потому что мои губы плотно зажаты его ртом... А боль все усиливается и усиливается, вскоре резко обрываясь и сменяясь

холодом, темнотой и пронзительной тишиной...

Сергей Самочернов, дежурный врач машины «Скорой помощи», прикрепленной к горбольнице № 56, сгорбившись, сидел на железном турникете, ограждающем развлекательный центр «Луна», почти не соображая, где и зачем он сейчас находится. Совершенно не замечая кусачего ночного холода, настойчиво пробирающегося за его тонкую синюю блузу (под которой Сергей носил только белую трикотажную майку), дрожащими от пережитого шока руками он пытался раскурить помятую полураскрошенную сигарету, правда пока весьма мало преуспев в сим привычном действе. Молодой врач работал на «скорой» уже три года и успел насмотреться всякого, но с подобным кошмаром столкнулся впервые...

— Что, Серега, до сих пор потряхивает? — Толстая фельдшерица Наталья Борисовна, низенькая смуглая дама с армянской фамилией и черными волосками над верхней губой, мягко забрала зажигалку из его подрагивающих пальцев, чиркнула колесиком и поднесла крохотный огонек к честерфильдине, судорожно зажатой между нервно стиснутыми зубами доктора. — Привыкай, в нашей работе еще и не то встречается.

— Привыкать? — сипло выдохнул Сергей, роняя сигарету в снег. — Привыкать?! — Светящаяся точка канула в сугроб и потухла, точь-в-точь как та молодая жизнь, только что угасшая на руках у врача... — Ну знаете, Наталья, при всем моем уважении к вам...

Медицинская дама заботливо взгляделась в остекленевшие глаза молодого травматолога, огорченно всплеснула пухлыми ручками и надрывно заголосила, призывая медсестру из второй машины, столь же многоопытную и хладнокровную, как и она сама. Молодому доктору немедленно вкололи лошадиную дозу успокоительного и, сострадательно завернув в теплое одеяло, уложили в салоне «скорой», предусмотрительно прикрывая дверцы и отгораживая Сергея от печального зрелища — ряда уложенных на снегу пакетов с трупами.

— Не откачал, значит? — будничным тоном спросила медсестра, выбрасывая использованный шприц. — Жаль, красивая девушка... была... — Ее равнодушный голос не отражал ничего. В отличие от Сергея, медсестра давно привыкла к виду смерти, научившись воспринимать ее как неотъемлемую и обязательную часть нашей жизни.

— А парня еще жальче, — в унисон подруге добавила фельдшерица, с целью конспирации зажевывая выкуренную сигарету пластинкой мятного «Орбита». — Лицо незаурядное и одет потрясно... Поди, сыночек олигарха какого-нибудь...

— Может, вертолет вызвать стоило? — предположила медсестра, методично протирая руки ваткой, смоченной раствором антисептика.

— А смысл? — пожала плечами Наталья Борисовна и раскрыла криво исписанную страницу блокнота. — Ума не приложу, как это на них так неудачно часть стены обрушилась-то? Причем именно в ту минуту, когда они уже из самого побоища выбрались и целовались на радостях...

— Ох, и не говори, — поддакнула медсестра. — Вот горе-то. И романтично, хоть в сериале показывай...

Услышав про романтичность, Наталья возмущенно покривилась. В ее понимании смерть никогда не была романтичной, а наоборот — несла с собой жестокость и разочарование. А уж сегодня... М-да, даром Сергея так задела гибель этих влюбленных...

Она еще раз пробежала глазами скупые строчки протокола, зафиксировавшего примерное время и причину смерти. Впрочем, хотя на вскрытии все уточнится более досконально, но ей и так стало понятным — у них не было ни малейшего шанса выжить. Высокий светловолосый мужчина, наряженный в парадное одеяние эльфийского принца, скончался практически сразу же от попадания в живот острого осколка железа, который, пронзив печень, селезенку и задев позвоночник, почти разрубил его тело пополам. А вот девушка, не уступающая ему внешней привлекательностью, жила еще несколько минут, отчаянно борясь с обширным кровоизлиянием в мозг, вызванным ударом тяжелого куска

железного стенового каркаса. Умерла красавица прямо на руках у Сергея, хватаясь за его рукава и умоляюще шепча: «Не хочу, не хочу...»

Фельдшер сочувственно вздохнула и захлопнула блокнот.

«Понятно, что не хочу, — подумала она, — а кто же умирать-то хочет?» — Она сунула протокол в карман халата и усталой походкой побрела к своей «скорой», в кабине которой взхлеб рыдала под завязку напичканная таблетками Галка.

— А этих куда? — окрикнул Наталью седоусый Михалыч, водитель труповозки, намекая на тела погибших влюбленных.

— Ну ты прямо как маленький, Михалыч! — сердито фыркнула медицинская дама. — Первый раз будто возишь...

— Таких красивых — в первый! — Водитель жалостливо утер повлажневшие глаза. — Ить ангелочки вылитые оба...

— В морг! — хрипло рыкнула Наталья, хлопнув по боку машины и чувствуя — вот сейчас она точно не выдержит и разрыдается. — Куда же еще... — А потом добавила вслед отъехавшему автомобилю: — Да не растрясси ты деток, олух царя небесного, тебе только дрова возить! — И совсем тихо: — Все там будем...

В Вене шел снег...

«Чего и следовало ожидать! — обращаясь то ли к погоде, то ли к самому себе, вынес приговор герр Крюгер, нервно комкая в руке компьютерную распечатку с только что полученным донесением. — К черту! — Бумажный шарик полетел в корзину, неловко стукнулся об ее край, отскочил и покатился по ковру, насмешливо подпрыгивая, словно живое существо. Адольф разгневанно зарычал, догнал бумажного беглеца и с удовольствием наступил на него ногой, сожалея, что не может поступить подобным образом и со своими нерадивыми подчиненными, провалившими столь тщательно спланированную операцию. — Подумать только, ведьма сбежала! — беззвучно вопила его мечущаяся в панике душа, — Причем сбежала туда, где ее не смогут достать даже все военные силы АНШ. Сбежала на тот свет! А это уже конец... Конец всему: карьере самого Адольфа, Новому Швабеленду, миру...»

— Как отреагирует на наш провал главная база? — Герр штурмбаннфюрер испуганно взъерошил свою обычно безупречную прическу. — Как отреагирует на него сам герр Зауберкюнстлер? — От этой мысли фон Крюгеру стало плохо... Он, задыхаясь, рванул воротник узкого кителя, судорожно хрипя и дергая кадыком...

Марча Ган, практически незаметная в окутывающем кабинет полумраке, неслышно поднялась со стула, налила стакан воды и подала его боссу. Адольф выпил воду тремя шумными глотками и благодарно кивнул, глядя на свою ассистентку с растерянной доверчивостью, сигнализируя: «Мне срочно требуется твоя помощь!» Марча самодовольно улыбнулась, ибо именно этого она и ожидала.

— Ну-ну, — ее широкая ладонь успокаивающим жестом легла на затылок шефа, привлекая голову Адольфа к себе на грудь, — все поправимо...

— Как? — встрепнулся штурмбаннфюрер, но, повинувшись сильному нажиму, снова уткнулся носом в белую блузку ассистентки, вдыхая исходящий от нее запах химчистки, отдающий морозной свежестью. Ранее он казался Адольфу омерзительно не сексуальным, но сейчас... Сейчас все изменилось...

— Помоги! — униженно пробормотал герр Крюгер, обнимая любовницу за талию и целуя ее в шею. Да, теперь он был готов пообещать Марче все, что угодно. Даже себя. Всего — целиком и полностью. — Помоги мне, родная, любимая, единственная...

Запрокинув голову и наслаждаясь его поцелуями, фрейлейн Ган победно улыбалась, прекрасно понимая — на сей раз она победила. Победила благодаря той, незнакомой ей девушке, которую наемнице полагалось бы ненавидеть, но к которой она испытывала невольную симпатию и чувство искренней благодарности. И все же — она уже готовилась ее предать ради личной выгоды и собственного счастья...

— Послушай, — серьезно произнесла телохранительница, отстраняя пальцы Адольфа, расстегивающие ее блузку. — Почему ты решил, будто все пропало?

— Издеваешься? — Герр Крюгер, будто ужаленный, отпрыгнул от любовницы и уставился на Марчу безумно вытаращенными глазами, — Они же погибли! Ведьма и ее воин — покойники! Мне прислали фото их трупов...

— И ты поверил? — снисходительно хмыкнула фрейлейн Ган. — Поверил в этот вздор?

Штурмбаннфюрер взволнованно прошелся по кабинету, полы его неряшливо расстегнутого кителя смешно развевались.

— Ты полагаешь, они живы? — с дрожью в голосе спросил он, обращая к Марче горящий надеждой взор.

— Нет, они мертвы! — еще ироничнее хмыкнула та. — Стопроцентно!

— Я тебя не понимаю, — застонал Адольф. — Ты меня совсем уже запутала...

— Все элементарно, дорогой! — Фрейлейн Ган остановила растерянно мечущегося мужчину и собственнически притянула его к себе. — Живучих тварей лугару не так-то легко убить. Вспомни, чему нас учили: их смерть может наступить лишь от ран определенного свойства... И значит, они...

— ...оживут! — озарено ахнул фон Крюгер. — Точно! И как я не догадался сразу? Да это же просто...

— ...хитрая уловка, — кивнула Марча. — Попытка обвести нас вокруг пальца. И, следует признать, это у них почти получилось...

Герр штурмбаннфюрер сардонически хохотнул и уселся в свое рабочее кресло, ощущая себя преступником, получившим помилование за минуту до начала казни.

— Что мы предпримем? — спросил он, призывно трогая Марчу за коленку.

— Первым делом нужно разлучить проклятую венгерскую ведьму с ее не в меру ретивым охранником...

— Он от нее не отцепится! — кисло буркнул Адольф. — Откуда он вообще появился, этот Изгой? Его давно уже считали бессрочно осужденным предателем, надежно изолированным от всего мира, и поэтому не принимали в расчет.

— Да, — рассудительно признала Марча, — сам он ее не бросит. Но мы способны сделать так, что госпожа чаладанья элементарно перестанет доверять своему телохранителю...

— Хм... — скептически хмыкнул мужчина. — С чего бы это?..

— Тайна его происхождения, — туманно намекнула фрейлейн Ган, — вот наш главный козырь...

— И как нам следует его разыграть? — оживился штурмбаннфюрер. — Ведь чертов Изгой и сам пока не знает всей правды о себе...

— А вот это и есть наш шанс. Мы возьмем инициативу в свои руки, — прикрыв глаза и размышляя, предложила наемница. — Хватит плясать под чужую дудку. Мы выманим чаладанью на свою территорию, причем таким беспронимным способом, от которого она не сможет отказаться...

— В Будапешт? — догадался мужчина. — О, я так мечтаю взять реванш у старого пройдохи Калеба, сумевшего надуть нас двадцать пять лет назад!

— Нам представится приятная возможность отыгаться! — тонко улыбнулась Марча.

— Как? — повторно осведомился фон Крюгер. — Каким образом?

— Мы пошлем письмо одному человеку, — тоненько хихикнула его хитроумная ассистентка. — Честолюбивому, деятельному и крайне падкому на сенсации...

— Замечательно! — похвалил штурмбаннфюрер. — И нашу новую операцию мы назовем?..

— «Фурор»! — уверенно произнесла фрейлейн Ган. — Конечно же «Фурор»!

— Гениально! — Герр Крюгер извлек из тумбочки бутылку первоклассного коньяка и разлил напиток по стаканам. — Это именно то, что нам и нужно... — Он намеренно не

уточнил, что конкретно имеет в виду — коньяк или находчивость своей напарницы.

Впрочем, и то и другое было просто великолепно...

Часть вторая КЛЫКИ И КОГТИ БУДАПЕШТА

Глава 1

Абрам Соломонович Шухерман спустился по трапу прилетевшего из Хайфы самолета и, кисло поморщившись от бьющего прямо в лицо холодного январского ветра, сунул свой увесистый нос в поднятый воротник пальто, оказавшегося слишком легким для студеной уральской зимы.

«М-да, видимо, подзабыл я традиционное не гостеприимство своей суровой родины, — саркастично хмыкнул пожилой еврей, — недооценил ее коварство, не рассчитал, что стелют тут мягко, да спать жестко приходится...»

Последнее показалось ему особо обидным — так позорно проиграть тяжбу с погодой! — ибо Абрам Соломонович совсем неспроста считался одним из самых ухватистых и оборотистых адвокатов Хайфы, невзирая на его весьма почтенные шестьдесят два года.

Взлетно-посадочную полосу екатеринбургского аэропорта Кольцово заметала легкая поземка. Изрядно озябший Шухерман нетерпеливо покрутил головой, высматривая стеклянные двери международного терминала и мысленно благословляя заботливую супругу Сару, настоявшую на предвыездной покупке теплых американских ботинок на меху. Предпринятая женой мера предосторожности стала совсем не лишней. «Сколько же лет я уже не посещал Россию — двадцать, кажется? Да, да, именно двадцать! — Абрам Соломонович важно, как и полагается иностранному гражданину, проследовал в здание аэровокзала и предъявил заученно улыбающейся девушке свой израильский паспорт. — И еще бы двадцать лет ее не видеть! Дикая страна — тут ведь ни мацу приличную, ни халу не купишь!» — сердито, про себя, посетовал он, надев налицо маску вежливой любезности. Впрочем, к подобному лицемерию ему тоже было не привыкать...

Досмотр багажа обошелся без инцидентов, ибо все самое ценное — то, ради чего господин Шухерман и прибыл в Екатеринбург, — хранилось в давно забронированной ячейке банка. Причем прижизненно забронированной еще самим Львом Казимировичем. И если бы не священная обязанность выполнить функцию душеприказчика своего покойного дорогого друга и спасителя, поручившего Абраму Соломоновичу столь щекотливое дело, то старый адвокат вряд ли когда-нибудь собрался по собственной доброй воле еще раз навестить бывшую родину, некогда обошедшуюся с ним столь несправедливо. Хотя все это тоже осталось в прошлом. А сейчас следовало побыстрее разыскать негодную девчонку, даже не потрудившуюся сообщить ему о смерти уважаемого деда — Льва Казимировича Сокольского, случившейся более года назад, и ввести ее в курс событий. Ах да, и еще — отдать ей уникальный семейный раритет...

Господин Шухерман поймал такси и назвал водителю адрес некоего частного лица, у которого ему следовало забрать изготовленные для Евы документы. А затем он намеревался опустошить заветную банковскую ячейку и нагрянуть домой к пресловутой Евангелине Львовне, кою он помнил еще несуразной пятилетней девчонкой, дерзко потряхивающей тощими, словно крысиные хвосты, белобрысыми косицами. Спокойным характером сия юная особа не обладала никогда, ни за что не скажешь, что на самом деле она является законной наследницей великих венгерских королей! Абрам Соломонович натянул поглубже на уши теплую шапку из меха ламы и закрыл глаза, своим горбоносым профилем сильно напоминая старого задремавшего канюка. Мелькающие за окном машины городские пейзажи его ничуть не интересовали.

Последний раз они виделись в беспокойном тысяча девятьсот девяностом году, когда Лев Казимирович помогал ему оформить выезд из России. С тех пор они обменялись всего лишь парой-тройкой писем, в которых ничего не говорилось об ухудшившемся здоровье старого энкавэдэшника. О его смерти Абрам Соломонович узнал только несколько дней назад — совершенно случайно, из третьих уст. Он тут же засобирався в Россию, торопясь поскорее покончить с моральным долгом и выполнить завещанное ему поручение. Притом он с немалым испугом гадал — не успела ли шепотная воспитанница Сокольского, по-настоящему никогда не приходившаяся ему родной внучкой, натворить чего-нибудь непоправимого, пребывая в опасном неведении относительно своего истинного происхождения. Выработанная долгой адвокатской практикой интуиция безостановочно терзала Абрама Соломоновича на протяжении всего перелета, в итоге растревожив застарелую язву желудка и вызывая крайне неприятную изжогу. Ему не помогли ни мятные леденцы, ни порция отличного виски, предложенного заботливой стюардессой. И наплевать на то, что виски было явно не кошерным. И лишь мысли о дорогой его сердцу Хайфе немного отвлекли адвоката от горестных размышлений, спровоцированных досадными воспоминаниями о прошлом...

Ах, Хайфа — безмятежная и прекрасная жемчужина у моря, всегда славившаяся своей широко известной атмосферой дружелюбия и религиозной терпимости. Это вам не претенциозный Иерусалим, с его шизанутыми таксистами. Вот, подумать только, впервые попав в Иерусалим, Абрам Соломонович взял такси и с благоговейным придыханием попросил отвезти его туда, где все настоящие евреи рвут на себе волосы, заламывают руки и бьются головой! И куда, спрашивается, его привезли? Нет, отнюдь не к знаменитой на весь мир Стене Плача, а... к зданию налоговой инспекции! Так что совсем не зря, ох не зря из всех израильских городов Шухерман выбрал для своего проживания именно ее — эту утопающую в виноградниках жемчужину, вольготно раскинувшуюся на берегу ласкового Средиземного моря. Закрывая глаза, он словно воочию видел ее изящные дома, усеивающие подножие библейской горы Кармель — места, где родился пророк Илия, родину ордена монахов-кармелитов. Ее узкие улочки, затененные от солнца полосатыми полотняными навесами, и поднимающийся над жилыми кварталами золотой купол храма общины Бахаи, окруженного прекрасными садами, будто сошедшими со страниц арабских сказок. Мирно соседствующие между собой стены гробницы пророка Яху-Бабы и выложенные голубым кафелем величественные арки главной синагоги... О, конечно, господину Шухерману доводилось слышать известное выражение: «Всяк кулик свое болото хвалит!», но даже оно ни в коей мере не повлияло на его субъективность. Куда там до этих красот чопорному Лондону, игривому Парижу, пасхально-разукрашенной Москве и разжиревшему, спесивому богатею Нью-Йорку. Нет, все-таки с Хайфой не способен сравниться ни один город мира!

Господин Шухерман забрал подготовленные для Евы документы, но, стесняясь позвонить доверенному банковскому служащему, имеющему ежедневный доступ к сейфовому хранилищу даже невзирая на еще не закончившиеся новогодние праздники, предпочел переночевать в третьесортной гостинице. Сердито бурча сквозь зубы и сдержанно поругивая неудачно составленное расписание авиаперелетов по маршруту Хайфа — Екатеринбург, Абрам Соломонович долго ворочался на тощем матрасе дешевого номера, взятого им сугубо из соображений бережливости. Ох, забыл он уже, как сильно отличаются российские клоповники экономкласса от своих зарубежных аналогов. Абрам Соломонович никогда не принадлежал к числу транжир, познав и худшие времена, и пору относительного финансового благоденствия. «Денежки — они счет любят, — лукаво улыбаясь, любил ввернуть он и тут же авторитетно добавлял: — А шекель — доллар бережет!» Правда, иногда его расчетливость принимала форму уродливой мании, доходя до скопидомства и откровенной жадности. Недаром же он даже порнографические фильмы обожал смотреть с конца в начало, уж больно нравилось ему видеть, как проститутка отдает обратно клиенту

все честно отработанные деньги.

Старый адвокат пребывал в состоянии ничем непоколебимой уверенности — в этой жизни лучше всех устраиваются пробивные и непробиваемые. А единственной его слабостью было самозабвенное потакание всем прихотям жутко избалованного младшего сыночка — Самсончика, родившегося уже после эмиграции в Израиль. Дочь Дорочка, сейчас солидная тридцатилетняя дама, пошедшая в мать и крикливыми повадками добропорядочной еврейской женщины, и мощными габаритами, давно имела собственную многодетную семью и справедливо считалась у Абрама Соломоновича отрезанным ломтем. Но долгожданный наследник Самсон — сейчас трогательно романтичный со своими юношескими угрями, долговязый и абсолютно беззащитный в неловкости наивных шестнадцати лет — стал воистину единокровной плотью от адвокатской натуры господина Шухермана и подавал большие надежды. Умильно вспоминая собственный переходный возраст, когда он и сам не понимал, чего ему хочется сильнее: пива или мороженого, Абрам Соломонович втайне безмерно гордился подкупающим обаянием и изворотливой сообразительностью младшего Шухермана. С показным смущением поглаживая остатки седых волос, адвокат мысленно посмеивался, выслушивая гневные жалобы преподавательницы из гимназии, где обучался его сын.

— Посмотрите, какую похабщину он написал! — Красная, как перезрелый помидор, Иза Модестовна с размаху бросила на стол тетрадь Самсона. — В ответ на вопрос: «Где у женщин самые кудрявые волосы?»... Да еще, смотрите, что нарисовал!..

— А что, разве неправильно? — искренне изумился господин Шухерман, оценивающе рассматривая вопиюще эротический рисунок. И, кстати, совсем неплохо выполненный рисунок...

— В Африке! — возмущенно завопила учительница, феминистски топая ногами. — В Африке у женщин самые кудрявые волосы!

— У мальчика нестандартное мышление, а вы в нем талант на корню убиваете, — осуждающе покачал своей катастрофически лысеющей головой Абрам Соломонович. — А гимназия, между прочим, на деньги родителей содержится...

Иза Модестовна осеклась и растерянно замолчала...

«Вырос мальчик, — печально констатировал отец, скорбно вздыхая. — Как быстро время-то летит — не остановишь...»

Да, следовало признать, что время и впрямь летело так стремительно, будто куда-то опаздывало. Немало воды утекло с тех пор, как в страшном тысяча девятьсот восемьдесят пятом году опытный кадровый военный предпенсионного возраста помог Абраму Соломоновичу выбраться из одной чрезвычайно опасной передрыги. С тех пор успели состариться и сам Шухерман, и его Сарочка, а их благодетель — так и вовсе скончался. А ведь именно в том же году и произошла эта удивительная история со спасением Евочки... «Интересно, какой стала наша девочка теперь, спустя двадцать пять лет?» — уже засыпая, рассеянно думал Абрам Соломонович, убаюканный неумолкающим шорохом стучащего в оконное стекло снега. Но сия мысль была скорее риторической, чем по-настоящему актуальной. Ведь он все равно увидит Еву утром, а утро, как всем известно, намного мудренее вечера...

Это невзрачное серое здание смущенно притулилось на одной из окраинных улиц города, стремясь казаться как можно скромнее и незаметнее. Всем своим внешним видом: потрескавшимися и облупившимися стенами, окнами с наполовину закрашенными серой краской стеклами, щелястым крыльцом о трех ступенях и ржавыми, но хорошо смазанными воротами — оно как будто говорило: «Меня здесь нет. Вернее, я, конечно, есть... но меня словно бы и нет». Вот такое лицемерное притворство...

Но жители города почему-то ни в коей мере не стремились оспаривать мнимую невидимость этого странного дома, предпочитая не нарушать их нигде не зафиксированного соглашения об анонимности, больше смахивающего на заговор. Проходя мимо серого

здания, они невольно ускоряли шаг и как-то виновато отводили в сторону глаза, своим поведением четко поддерживая проводимую домом политику — его тут нет сейчас, не будет завтра, да и вообще никогда и в помине не было. Вот такое трусливое притворство...

На самом же деле в здании, столь усиленно старающемся произвести впечатление заброшенного и необитаемого, вовсю кипела жизнь. Можно сказать, била ключом, если, конечно, подобное сравнение не покажется чересчур циничным применительно именно к этому дому. Ибо работающие в сим загадочном учреждении люди называли его фамильярно и донельзя панибратски — Местом Отдыха Разочарованных Граждан, а справа от входной двери виднелась неброская квадратная табличка, гласившая: «Городской морг № 8», делающая совершенно бессмысленным любое притворство, лицемерие и трусость. Тут начинались законные владения смерти.

Нынешняя ночь выдалась на редкость авральной. Машины с покойниками подъезжали с интервалом в пять минут, не давая работникам морга ни секунды на передышку. Столы в комнатах передержки заполнились до отказа, а молоденький стажер Пашка, подрабатывающий в морге на полставки после учебы, ударился в наглый саботаж, разглядев выгружаемых из машин «клиентов». Там обнаружились молодые и красивые женщины, одетые в крикливые вечерние наряды и увешанные отнюдь не дешевыми побрякушками, парни в форме охранников развлекательного центра, непонятные боевики в камуфляже и солидные мужчины в деловых костюмах. Общим чохом аж целых пятьдесят восемь трупов. Целых, потому что напоследок из машины давнего Пашиного знакомого — Михалыча — бережно выгрузили чуть ли не напополам перерубленного парня в белом плаще и обворожительную блондинку, взирающую на весь мир черными, никак не желающими закрываться, обвиняюще распахнутыми глазами. Близко взглянув на бескровное лицо этой девушки, Паша понял — его трудовой энтузиазм закончился бесповоротно, раз и навсегда, ибо смириться со смертью такой девушки он не может. Сдав красавицу на руки восхищенно ухнувшему гориллоподобному санитару Геннадию, пошатывающийся от потрясения практикант побрел в подсобку, намереваясь использовать по прямому назначению наемной заныканную бутылку со спиртом, выдаваемым моргу для сугубо производственных целей. Впрочем, воровство алкоголесодержащих жидкостей являлось для тутошних работников деянием привычным и практикуемым почти ежедневно. Ведь спирт — он живым всегда нужнее, а мертвые — они не капризные, им и одного формалина достаточно.

Изрядно приняв на грудь, закусив бутербродом с ливерной колбасой и немного захмелев, Пашка вышел в коридор, примыкающий к запасной прозекторской, чаще используемой не по прямому назначению, а для проведения различных, не санкционированных начальством, сабантуев, призванных снять нагнетаемое работой напряжение. Приободрившись в результате стимулирующего действия высоко-градусного напитка, юноша намеревался, во-первых, еще раз взглянуть на усопшую девушку, чей необычный облик глубоко врезался ему в память. А во-вторых, стажеру весьма не понравились неприкрыто похотливые взгляды дюжего и волосатого, словно Кинг-Конг, Геннадия, адресованные все тому же прелестному объекту. Среди сотрудников морга ходили активные, но ничем не подтвержденные слухи, якобы Геннадий в компании парочки своих закадычных дружков оказывает нездоровые знаки внимания некоторым самым привлекательным из поступающих в морг покойницам. Хотя следовало упомянуть — обычно сами жертвы сего разнузданного произвола молчали, как набравшие в рот воды рыбы. И не то чтобы дамам это нравилось, скорее, наоборот... Однако безропотность перенесших надругательство покойниц устраивала всех, и в первую очередь начальство. Ну не жалуются и не жалуются, так на то они и мертвые... Короче, испытывая вполне обоснованную тревогу за будущее обворожительной покойницы, Павел подошел к дверям импровизированного банкетного зала и тихонько притаился за неплотно закрытой створкой, напряженно прислушиваясь к доносящемуся до него разговору...

В прозекторской дым стоял коромыслом. Философски дымящий беломориной

Геннадий восседал на краю стального стола для вскрытий, задумчиво покачивая ногой в резиновом сапоге. Свободное резиновое голенище размеренно шлепало по синей сатиновой штанине, способствуя мыслительному процессу. В голове санитара бродили весьма оригинальные соображения... Два небритых бугая — Васька и Ванька, с которыми Геннадий был дружен до состояния «не разлей водой, а тем паче — водкой», оба имеющие в прошлом судимости и не отличающиеся особо высоконравственным моральным обликом, — нетерпеливо поглядывали на своего заводилу, ожидая команды к действию. Выпитый спирт изрядно раззадорил их исконные половые инстинкты, побуждая к общению с нежным, мягким и теплым прекрасным полом. Ну пусть уже не очень-то нежным, мягким и теплым, но зато прекрасным, безусловно.

Еще двое санитаров — пожилой благообразный Денис Спиридонович и молодой косноязычный заика Митенька (юродивый недоумок, принятый в морг из жалости), — занимали расставленные вокруг стола табуретки и налегали на консервированную ветчину. В углу тихонько хрипел раздолбанный магнитофон, голосом покойного, но незабвенного Владимира Высоцкого вопрошая: «Где мои семнадцать лет?..», что в данном аспекте псевдобытия выглядело совершенно уместным. Кесарю — кесарево, слесарю — слесарево, а моргу — мертвый певец. В общем, все чин чинарем...

— А Пашка-то где? — до ушей стажера долетел неразборчивый фальцет Митеньки. — Али устал и спать лег?

— Ага — жди! — смачно сплевывая на пол, издевательски отозвался Ванька. — Он у нас влюбился, в блондиночку ту черноглазую...

— Наверно, забился куда-нибудь в угол и грустит о ней, — в тон ему подхватил пошляк Васька.

Пашка разгневанно скрипнул зубами, уязвленный неуважительным отношением к погибшей девушке, в его воображении почему-то ассоциирующейся с чем-то незапятнанно-светлым и чистым.

— Иван, на пол-то хоть не плюй, — укоризненно протянул Денис Спиридонович. — У нас же Митя сегодня дежурный, ему мыть придется.

— Угу, — хмуро поддакнул убогий заика.

— А мы сами вымоем, — заговорщицки подмигнув друзьям, вдруг предложил Геннадий. — Вы, как смена закончится, идите себе спокойненько на боковую, а мы тут сами все приберем. Так, парни?

— Приберем, отчего же не прибрать! — быстро поняв, откуда ветер дует, услужливой скороговоркой поддержал Васька. — Нам не в лом.

— Приберем! — согласно кивнул Ванька, натужно дергая кадыком.

Денис Спиридонович посмотрел на них с недоверием, с одной стороны явно что-то подозревая, а с другой — принципиально не желая связываться со здоровенными молодыми мужиками и наживать неприятности на свой слабый организм. Митенька придурочно улыбался и пил газировку «Буратино», даже не подозревая о наличии столь далекой от него стороны интимной мужской жизни.

Павел шепотом выматерился, призывая божий гнев на голову распутной троицы, и решительно потопал назад, намереваясь провести остаток ночи в карауле подле мертвой красавицы, а если придется, ценой своей жизни охраняя ее честь и покой. Но не успел он дойти до нужной ему комнаты, как внезапно в неярком свете тусклой, находящейся при последнем издыхании лампочки, болтающейся на перекрученном проводе с растрескавшейся изоляцией, увидел высокую мужскую фигуру, неподвижно стоящую посередине коридора. Едва не впавший в ступор стажер мгновенно узнал того самого, чуть ли не надвое разрубленного беловолосого парня, привезенного вместе с черноглазой девушкой. Парадоксально, но сейчас давешний покойник выглядел абсолютно живым и здоровым. Под его бледной кожей перекачивались жгуты упругих мускулов, серебристая шевелюра красиво струилась по плечам, а бедра прикрывала сдернутая с какого-то стола простыня. Пашка так и замер с открытым ртом, потрясенно разглядывая воскресшего парня, изрядно смахивающего

на эльфа из книг Толкиена и, по причине чрезвычайно завидного роста, возвышающегося над ним почти на две головы. Недавний мертвец почти ласково сгреб стажера за отвороты синего халата и, легко приподняв над полом, приблизил к нему свое узкое, надменно-безразличное лицо.

— Где она? — коротко осведомился беловолосый, поразив Павла жесткими интонациями властного голоса. — Где госпожа Ева?

— Мама-а-а! — с придыханием, отчаянно взвыл практикант, вываливаясь из разорвавшегося халата. — Mamочка! — Не помня себя, он рысцой чесанул по коридору и с грохотом вломился в прозекторскую, изрядно напугав оставшихся в ней Дениса Спиридоновича и Митеньку. — Там!.. — Паша отчаянно тыкал пальцем себе за спину, не находя нужных слов: — Там!..

— Да что такое с тобой стряслось-то? — встрепнулся пожилой санитар. — Не тани, парень!

— Покойник воскрес! — наконец нервно выпалил Павел, судорожно ловя воздух широко раскрытым ртом. — Ходит и разговаривает!..

— Эвон оно что! — понимающе усмехнулся Денис Спиридонович, поглаживая свои длинные усы. — Я то уж, грешным делом, решил, будто директор к нам с проверкой нагрянул... А ты много ли выпил сегодня, сынок?

— Я... — возмущенно начал оправдываться Пашка, но тут же покачнулся и чуть не упал, отодвинутый сильной рукой.

В помещение невозмутимо шагнул все тот же оживший гигант и первым делом сгреб со стола початую консервную банку с бельгийской ветчиной. Он в три жевка опростал немалую посудину, запил еду томатным соком прямо из пакета и вежливо улыбнулся:

— Доброй ночи! Мне нужны мои вещи и госпожа чаладанья!

— Святая Богородица, заступница обездоленных, спаси и помилуй нас, грешных, — сдавленно бормотал Спиридоныч, ошалело вытаращившись на незваного гостя, — настал конец света...

— Ничего подобного, отец! — весело хмыкнул беловолосый, отламывая себе половину батона и с аппетитом его поедая. — Как там в вашем русском стишке про убитого зайчика написано: «Привезли его домой, оказался он живой»? Правильно? Так вот, считай, что я — тот самый зайчик!

Первым доступным Рейну чувством стал голод. Немного кружилась голова, мышцы слегка покалывало, а во рту ощущался горьковатый привкус желчи. Несколько минут Изгой продолжал лежать неподвижно, не открывая глаз, но внимательно прислушиваясь к окружающей тишине, нарушаемой лишь редким стуком капель, падающих в жестяную раковину. Под своей спиной он ощущал холодную гладкую поверхность, над собой — нечто чуть менее холодное, но легкое, ритмично поднимающееся в такт тяжелому колебанию его едва восстановившихся легких, заново учившихся дышать. Убедившись в том, что процесс регенерации прошел успешно, о чем недвусмысленно свидетельствовали все усиливающиеся голод и жажда, Рейн взмахнул рукой, сбрасывая на пол свой загадочный покров, оказавшийся клеенкой, и медленно сел, преодолевая приступ слабости да недовольным морганием прогоняя мечущиеся перед глазами черные точки. Все правильно — тело восстановилось за счет внутреннего ресурса, почти полностью исчерпав доступные ему запасы энергии, которые следовало восполнить как можно скорее. Изгой провел рукой по своему животу, придирчиво исследуя полностью заросшую рану, от коей остался только тонкий шрам, обещавший в будущем исчезнуть без следа. Он обнаружил, что сидит на высоком стальном столе, лишенный всех своих вещей и голый — будто в миг рождения. Впрочем, это и был миг его нового рождения, очередного воскрешения бессмертного воина лугару. Рейн спрыгнул на пол и с ироничным смешком оторвал бумажную бирку, привязанную к большому пальцу его правой ноги. Он не стал рассматривать нанесенные на нее данные, и так догадавшись о том, что там написано — дата и время его смерти. Теперь

он уже не сомневался в том, куда попал. Конечно же в морг...

Он с интересом прошелся по обширному помещению, не освещенному ни единым лучиком света, хотя потребности в нем отлично видящий в темноте Изгой не испытывал никогда. Он приподнимал простыни и клеенчатые чехлы, укрывающие его многочисленных соседей, и сосредоточенно всматривался в мертвые лица лежащих на прозекторских столах людей. Возле шестого или седьмого по счету трупа он задержался чуть дольше, довольно прищелкнув языком, ибо в этом покойнике Изгой узнал собственноручно убиенного им оборотня Рихарда.

— Больше не оживешь, — безапелляционно констатировал Рейн, скользнув пальцем по красной полосе на месте соединения головы и шеи ликантропа, недавно разрубленных, но аккуратно приложенных обратно. — Недаром я тебе башку снес, дружище... Ты уж извини, — он мстительно усмехнулся, сдергивая простыню с тела бывшего товарища и обматывая ее вокруг своих бедер, — что лишился из-за нее головы... Я тоже из-за этой девушки голову потерял, хотя — не настолько буквально... — Изгой равнодушно отвернулся от ничего не ответившего ему трупа и, открыв дверь покойницей, вышел в коридор, почти сразу же натолкнувшись на молодого, чуть ли не до смерти перепуганного парнишку...

В три жевка умяв половину «подмосковного» батона и приличного размера кусок колбасы, Рейн допил еще остававшийся в пакете томатный сок и, подумав, отхлебнул глоток спирта из водруженной в центре стола бутылки. По его телу разливались сила и животворящее тепло, возмещающая энергию, затраченную на регенерацию мышц, костей и внутренних органов. Теперь следовало позаботиться о чем-то более насущном. Изгой поднялся с табуретки, бесцеремонно сгребая со стоящего рядом шкафа плитку шоколада и бутылку шампанского, по всей видимости поднесенные санитарам кем-то из благодарных родственников их безмолвных пациентов. Денис Спиридонович продолжал разглядывать Рейна широко распахнутыми, осоловелыми от спиртного и шока глазами, а Митенька все так же невозмутимо потягивал газировку, пребывая в своем обычном состоянии благодушного умиротворения, свойственного лишь идиотам да философам.

— Ты, — Изгой ультимативно хлопнул Пашку по плечу, от чего тот покачнулся и чуть не упал, — веди меня туда, где наши вещи сложены...

— Вы, вы... — бледнея и заикаясь, начал стажер, едва ворочая одеревенелым от ужаса языком, — меня убьете?

— А что, нужно? — саркастично усмехнулся Рейн, наклоняясь к парню и заглядывая в его панически выпученные глаза. — Полагаю, это уже лишнее, ведь вам все равно никто не поверит. Я просто заберу свою собственность и спокойно уйду. Договорились?

Павел поспешно закивал, мелко крестя себе пуп судорожно подрагивающей рукой, но чужак заметил этот облегченный жест и гортанно хохотнул, а затем схватил санитаря за шиворот и доходчиво подтолкнул к двери, требуя не тянуть время.

— А если у тебя с дикцией проблемы, — насмешливо посоветовал он, — то почаще заходи в аптеку и спрашивай циклопентапергидрофенантрен... Вот тогда все твое косноязычие как рукой снимет, гарантирую!

Стараясь сдерживать брезгливость, Рейн копался в грудe рваной одежды, сваленной на полу небольшого подсобного помещения. Он с радостью констатировал — его любимые сапоги и щегольской белый плащ не пострадали ничуть, а вот брюки и залитую засохшей кровью рубашку требуется поменять при первом же удобном случае. Но пока сойдут и эти. Он оделся и разыскал одежду Евы.

— Теперь оружие, драгоценности и личные вещи! — холодно потребовал Изгой, выразительно прищуривая глаза. — Быстро!

Второго намека не потребовалось. Шустро перебирая полусогнутыми от услужливости ногами, Паша привел беловолосого гиганта в комнату, таящую в себе маленький сейф. Здесь складировалась вся доставшаяся моргу добыча.

Рейн извлек из груди несправедливо присвоенного нечистыми на руку санитарями добра свой меч, пистолет, документы и пачку денег, а также отцовские золотые часы, фамильный перстень и серьги Евы. Но того, что он искал столь тщательно, здесь не оказалось...

— Мне нужна еще одна вещь. — Рейн демонстративно передернул затвор пистолета. — Самая ценная... — Он не знал, на что именно должна быть похожа та штука, но ощущал ее присутствие всем своим телом.

— Забирайте, ради Христа, — робко проблеял Паша, — все забирайте, только уходите... — Он порылся в сейфе, открывая еще одну внутреннюю дверцу, и протянул Рейну странный предмет, имевший форму золотого египетского жука-скарабея, спина которого была инкрустирована крупным светло-зеленым изумрудом. Изгой бережно принял амулет в подставленную чашечкой ладонь и чуть не выронил его на пол, словно молнией пронзенный идущей от скарабея энергией — странной, но мощной.

«Гнев Аримана! — беззвучно ругнулся он, восхищенно разглядывая реликвию. — Такую вещь мог дать Рихарду лишь кто-то из жрецов бога Митры. Именно она действует на меня, как сонное зелье, лишая скорости и способности сопротивляться. Да это же частица антиматерии, заключенная в драгоценный камень, настоящая «черная дыра», аннигилирующая любое электромагнитное поле. Кажется, он настоящий мерзавец, этот разбудивший меня Следящий! Истинный предатель — не чета мне! Подумать только, жрец отправил меня на поиски чаладаньи и тут же подстраховался, вручив ликантропам то единственное, способное победить меня оружие. Он предусмотрел все, но, к счастью, мне повезло немного больше, чем Рихарду. Откуда же взялось подобное чудо. — Он осторожно повертел скарабея в пальцах, хотя его рука почти онемела от исходящего артефактом холода, — Практически полностью нейтрализует мое силовое поле, парализуя мои нервные окончания. Вероятнее всего, сия вещь имеет неземное происхождение и принесена Ормуздом и Ариманом с их далекой родины. Где же хранилась она столько веков, прошедших мимо нас, — в Египте или в Атлантиде, так и не сумев изменить судьбы великих, но все же павших государств?.. Возможно, она нам еще пригодится...»

— Мне нужен защитный сосуд, — потребовал Рейн, — сильный диэлектрик, для этой вещи...

Павел понимающе кивнул:

— Вот. — Он извлек из соседнего стола маленький стальной ящичек, — контейнер для перевозки трансплантатов. Железо, эбонит, а внутри — латексная подкладка...

Изгой милостиво улыбнулся. Скарабей идеально уместился в контейнер, а закрыв расположенную на крышке ящичка защелку, Рейн уже несколько не чувствовал губительного воздействия амулета. Он убрал контейнер во внутренний карман плаща и требовательно воззрился на вымотанного впечатлениями стажера:

— И последнее — где находится госпожа Ева?

— Госпожа? — Пашка недоуменно пожал плечами. — А кто она?

— Высокая, темноглазая, светловолосая, — терпеливо описывал Изгой. — Моя благородная чаладанья. Где?..

— Та самая мертвая красавица? О черт! — Павел подпрыгнул и догадливо хлопнул себя по лбу. — Как же я мог забыть?! Пока мы тут прохлаждаемся... страшно подумать, что с ней могли сделать...

— О чем ты? — Рейн непонимающе нахмурился. — Что может с ней случиться?

— Ну... — Павел смущенно кашлянул и, будучи не в силах вымолвить неприличное слово, на пальцах воспроизвел некое омерзительное и скабрзное действие, означающее акт плотской близости между мужчиной и женщиной, правда, при том мало надеясь, что оживший гигант поймет его точно!..

Но Изгой понял. Его лицо страшно исказилось, принимая вид кровожадной гримасы жаждущего расправы убийцы, а губы приподнялись, обнажая хищно оскаленные зубы...

— Где, — прорычал он, — где она? — В воздухе повеяло свежим дуновением озона, а по волосам опешившего человека побежали синие искры электрических разрядов.

Павел охнул и попятился...

— Где она? — повторил беловолосый, взбешенно саданув кулаком по стене, мгновенно покрывшейся толстым налетом серебристой изморози. — Веди меня к ней!

И такая нечеловеческая злоба отразилась в его бесцветных глазах, что Пашка сейчас же, не чуя под собой ног, пулей рванул вперед по коридору, осознав — по следам за ним идет сама смерть, беспощадная, неумолимая и неотвратимая...

Мне казалось, будто я — сплю. Я не могла пошевелить ни рукой ни ногой, но при этом отчетливо понимала все происходящее возле меня. Я помнила боль от удара по голове и сменившую ее темноту, а затем немного отвлеченно, как бы со стороны наблюдая за своим телом, следила: вот надо мной суетится молодой врач, вот меня везут в машине и выгружают во дворе темного дома. Вот меня заносят в какую-то комнату, раздевают и укладывают на стол, прикрыв грязной простыней. А мне холодно, одиноко и тоскливо, хотя почему-то совсем не страшно... Но я быстро засыпаю, ощущая странный зуд в разбитой голове и жжение в области груди, причиняющие мне скорее неудобство, чем страдание. И мне хорошо, мне совсем не хочется просыпаться...

Мысли об очаровательной покойнице не покидали Геннадия ни на минуту. Закончив некогда, в отдаленном прошлом, два курса медицинского училища, он считал себя намного образованнее своих закадычных собутыльников и соучастников — Васьки с Ванькой, а посему являлся признанным лидером их маленькой шайки. Необременительная работа в морге, не требовавшая от исполнителей ничего, кроме физической выносливости и крепких нервов, приносила неплохой доход, позволяя жить в относительном достатке. С учетом незаконно экспроприированного у покойников имущества, средств Геннадию хватало не только на ломоть белой булки и кусок «докторской» колбасы — скопив денежек, он купил небольшую однокомнатную квартиру, расположенную в удобной близости к месту работы. Он действительно любил не какую-нибудь другую, а именно «докторскую» колбасу, усматривая в этом некую извращенную насмешку над своей крайне специфической профессией, а также водку, папиросы «Беломорканал» и красивых женщин. Самая бессмысленная вещь в мире — это реклама водки.

В отличие от своих практически не просыхающих друганов пил Геннадий не много, точнее, весьма умеренно, нахватавными по вершкам основами медицинских познаний убеждая себя в том, что спиртное не только не вредно, но даже полезно для здоровья — дескать, выводит оно из организма шлаки всякие и тяжелые металлы. А в то, что от водки можно умереть или деградировать, санитар не верил принципиально, чего бы там ни утверждал демонстративно игнорируемый им Минздрав. Васька и Ванька не в счет, они дебилы от рождения. А читая надписи на похоронных венках, привозимых к моргу скорбящими по усопшим родственниками, Геннадий лишь еще больше укрепился в своем бесхитростном убеждении, ибо предназначенные для умерших траурные ленты утверждали: «От жены», «От коллег», «От любящей тещи». Вот и выходило: «от водки» — еще никто и никогда не умирал. От чего и от кого угодно — да, но только не от нее, родимой!

Вскоре Геннадий понял, что кроме двух первых основополагающих факторов в жизни любого здорового мужчины — денег и спирта — морг способен обеспечить его еще и третьим вожделенным товаром, а именно — женщинами. С живыми дамами у недоучившегося медика складывались крайне неровные отношения — то цветы им подари, то в кафе своди, то на трамвае за свой счет прокати. В общем, сплошные капризы, расходы и хлопоты, а пользы — фиг да маленько. Каждая так и норовит пожрать и выпить за счет распаленного страстью кавалера, а потом его же и продинамить, то бишь — ему отказать. Ишь недотроги! И только поступающие в морг мертвячки не просили ничего, не ломались и не строили из себя бог весть кого. Да и не отказывали они никому и никогда — уж это стопроцентно. И вскоре Геннадий привык к их холодным неподвижным и негибким телам... Словом, жизнь сияла всевозможными радужными красками, не обещая в будущем ничего

непредсказуемого или неприятного. Впрочем, так обстояло только до сегодняшней ночи...

Мысли об очаровательной покойнице не покидали Геннадия ни на минуту. Он сам заносил ее в морг, раздевал и укладывал на стол, заботливо прикрыв самой чистой простыней из всех имеющихся в наличии. Тело девушки не имело на себе следов постигшего ее несчастья, и лишь кровь, пятная ее длинные серебристые волосы, ненавязчиво напоминала — красавица насильственно покинула сей бранный мир, лишив его своей непревзойденной прелести и обаяния. Да, следовало признать откровенно, даже будучи мертвой, эта девушка оставалась настолько хороша собой, что при первом же взгляде на нее у Геннадия перехватило дух, а в глубине его давно очерстевшего сердца родились сочувствие и сожаление: «Надо же, какую красоту загубили!» Он с восхищением разглядывал ее стройные бедра и длинные ноги, тонкие пальчики с миндалевидными розовыми ноготками, нежный очерк губ и маленькую грудь, как раз помещающуюся у него в ладони. Однако черные, упрямо не желающие закрываться девичьи глаза вызывали у него смутный страх и неявное сомнение в ее безжизненности. Будучи далеко не дураком, Геннадий отлично усвоил все симптомы клинической и биологической смерти, позволяющие точно установить факт гибели человека. Однако, вопреки всем непреложным законам природы, тело прекрасной блондинки оставалось гибким и чуть ощутимо теплым, хотя он так и не смог уловить звуков биения ее сердца или прощупать пульс на ее сонной артерии. У девушки напрочь отсутствовало дыхание. Но вот ее зрачки, почти сливающиеся с темной, будто ночь, радужкой, даже при нажатии отказывались удерживать щелевидную форму, хотя именно этот «эффект кошачьего глаза» и являлся вернейшим признаком наступления биологической фазы смерти, уже необратимой вспять никакими реанимационными процедурами. Пребывая в полной растерянности, Геннадий уложил раздетую догола блондинку на стол в покойницкой и отправился пить с напарниками, осознанно предпочтя на неопределенное время отложить разрешение сей парадоксальной проблемы. Но притом в его голове почему-то беспрестанно вертелись строчки из прочитанной в детстве сказки о мертвой (а на самом деле совсем не мертвой) царевне, спящей в своем хрустальном гробу и ждущей прекрасного принца...

Выпив спирта и набравшись смелости, Геннадий вскоре пришел к выводу, что ни мускулистостью заросших рыжей щетиной плеч, ни охватом мощного торса, ни завлекательно выступающей вперед нижней челюстью он ничуть не уступает расхваленным экстерьерам модных заграничных актеров, а следовательно, на роль принца подходит идеально. Захватив с собой «группу поддержки» в лице изрядно набравшихся, а потому не боящихся ни бога ни черта Васьки и Ваньки, новоявленный герой-любовник шумно ввалился в комнату передержки неопознанных трупов, намереваясь немедленно «посвататься» к мертвой красавице. Все произошедшее далее навсегда отбило у него как желание, так и реальную возможность домогаться благосклонности каких-либо женщин — хоть живых, хоть мертвых...

Отбросив укрывающую покойницу простыню, Геннадий разоблачился и, подбадриваемый скабрёзными репликами ожидающих своей очереди товарищей, вскарабкался на стол, всей массой своего отнюдь не хилого тела навалившись на прелестную девушку. Ощущая нарастающее желание, горячей волной бьющееся в его чреслах, Геннадий наклонился к слегка приоткрытым губам очаровательного объекта своего нечестивого вожделения, намереваясь совершить то, чего не проделывал никогда ранее. А именно — взасос поцеловать покойницу... Но едва лишь его слюнявые, воняющие спиртом губищи прикоснулись к алым и нисколечко не холодным губам девушки, как красавица вдруг еще шире распахнула свои и до этого раскрытые глаза, протестующе мотнула головой и громко заявила откровенно возмущенным тоном:

— Ни фиги себе наезды! А ну-ка, скотина, слезай с меня немедленно!

И тогда, испытывая жутчайший ужас, подействовавший на него результативнее, чем беспощадный нож палача, Геннадий разинул рот и отчаянно заорал на весь морг, срываясь на жалобный визг бесповоротно кастрируемого борова...

Глава 2

Люди, по сути своей, самые непредсказуемые и парадоксальные создания в мире. Например, если зайти в переполненную читателями библиотеку и громко крикнуть во все горло, то тебя не поддержат и не поймут, а только одарят крайне недоуменными и осуждающими взглядами. А вот если ты закричишь в переполненном трупами морге, то к тебе сейчас же присоединятся все остальные живые экземпляры, еще обладающие хотя бы минимальной способностью кричать...

Мне снился странный эротический сон. Будто нахожусь я, совершенно раздетая, почему-то на глыбе льда... И тут из ниоткуда появляется Рейн, который ложится прямо на меня и прикасается ко мне своими холодными губами... Странно, но губы прекрасного воина оказались неприятно мокрыми, а от его горячего дыхания нестерпимо разлило противным сивушным перегаром... Я вздрогнула от омерзения, глубоко вздохнула и... проснулась...

Придя в себя, я обнаружила, что вместо беловолосого красавца на мне самым нахальным образом распластался какой-то совершенно незнакомый тип — толстый, красномордый, до самых пороссячих глазок заросший неопрятной рыжей щетиной. Я возмущенно мотнула головой, стремясь избежать прикосновения его жутко смердящей пасти, и потребовала:

— А ну-ка, скотина, слезай с меня немедленно!

В ответ наглый тип завизжал так пронзительно, будто его лишали самого дорогого мужского достоинства — кошелька. Ему согласованно вторили еще два бомжеватых на вид персонажа, раскорячено, наподобие лабораторных лягушек, прижавшихся к стене полутемной комнаты, заполненной непонятными предметами. К своему немалому удивлению, я вдруг выяснила, что вполне прилично вижу в темноте, легко различая даже самые мелкие детали интерьера и обстановки. А следующим неожиданным сюрпризом стала моя абсолютная нагота, бесстыдно выставленная напоказ этому голосистому трио.

Внезапно я услышала негромкий звук удара, и возлежащий на мне нахал вяло обмяк, закатывая глаза и роняя голову на мое плечо. Над его макушкой тут же нарисовалось сердитое лицо Рейна, сжимающего в руке свой меч, перевернутый рукоятью вперед. Первым движением он сбросил с меня впавшего в бессознательное состояние мужика, а вторым — молниеносно накрыл меня какой-то тряпкой.

Я благодарно моргнула и с трудом села, чувствуя себя весьма непривычно. У меня болело все сразу, так, словно меня переехали трехколесным велосипедом, ну тем, специфическим, которым асфальт укладывают... К тому же мне страшно хотелось есть и пить.

— С возрождением, моя госпожа! — Изгой всунул в мою ладонь развернутую плитку шоколада и заботливо придержал за днище раскупоренную бутылку шампанского, помогая мне поднести ее ко рту. Еле приладившись к горлышку нервно дергающимися губами и дробно стучащими зубами, я сделала несколько больших глотков, ощущая, как вино теплыми струйками побежало вниз по пищеводу, возвращая мне нормальное самочувствие. Закусив шоколадкой, я и вовсе оклемалась, а потому решительно завернулась в тряпку, оказавшуюся не первой свежести простыней, и уверенно слезла со своего помоста, заодно сделав открытие, что лежала на железном, водруженном на колесики столе. Шокированным взором я медленно обвела помещение, подмечая и другие столы, идентичные моему, занятые чьими-то телами, и стеклянные шкафы с какими-то сосудами... Да это же...

— Морг! — развеял последние сомнения Рейн, протягивая мне свернутую в узел одежду и тактично отворачиваясь.

Я неторопливо оделась, под защитой Изгоя ничуть не опасаясь ни валяющегося в отключке небритого нахала со спущенными до колен штанами, ни его напарников,

сбежавших в неизвестном направлении.

— Так твой план все-таки удался и мы — умерли? — спросила я Рейна, недоверчиво косясь на его изорванную и залитую кровью рубашку.

— Угу. А затем — воскресли! — Он улыбался уголками губ, показавшись мне сейчас чрезвычайно гордым собой. — Лугару практически бессмертны. Их можно убить лишь парой способов — отрубив голову или пронзив сердце. В противном случае мы впадаем в затяжной период клинической смерти, постепенно регенерируя пострадавшие органы. На это я и рассчитывал. Мы оба непременно ожили бы — рано или поздно, в зависимости от резервов наших организмов и температуры окружающей среды...

— М-да, — язвительно хмыкнула я, пытаюсь свыкнуться с феноменальным фактом нашего воскрешения и попутно пихая ногой неподвижное тело своего несостоявшегося насильника, — ну и намучились же в крематории с птицей феникс!..

Рейн запрокинул беловолосую голову и звонко расхохотался:

— Точно! Теперь ты понимаешь, какой стресс испытал этот человек, намеревавшийся полюбить покойницу... Прикажешь его добить?

— Одна из божьих заповедей гласит — не убий... — задумчиво бормотнула я. — А ты можешь гарантировать, что если мы оставим его в живых, то он никому уже не причинит вреда?

— Я же не дилетант, я бил в нужную точку, — солидно пояснил Изгой. — Поэтому полный паралич нижней части тела ему обеспечен всерьез и надолго.

— Ну и черт с ним тогда, — успокоившись, махнула рукой я. — Полагаю, он тоже посчитает — лучше гипсик и кровать, чем могилка и ограда...

Изгой сардонически ухмыльнулся, одобряя мое справедливое решение.

— Пойдем домой, а? — попросила я его, прикасаясь к своим склеившимся от крови волосам. — Я в душ хочу, кофе хочу, мяса хочу. Хватит с нас на сегодня приключений и заупокойной экзотики...

Электронный будильник со светящимся циферблатом, всегда стоящий на полочке над телевизором, показывал десять часов утра. Завернувшись в теплый байковый халатик, вольготно распустив по плечам мокрые волосы, я с ногами сидела на диване да пришивала бережно выстиранные и высушенные утюгом кружева к новой рубашке Рейна, заказанной им через Интернет и только что доставленной из магазина. Сам же Изгой, невольно смущающий меня своим голым мускулистым торсом, увлеченно орудовал компьютерной мышкой, щелкая по сайтам и разыскивая себе подходящие брюки, удовлетворившие бы его взыскательный вкус. Интернет и многочисленные виртуальные магазины привели воина в полный восторг, идеально вписавшись в его врожденную немецкую педантичность и привычку не тратить время попусту. В кресле рядом со мной полулежала Галка, судорожно вцепившаяся обеими руками в бокал с коньяком и ошеломленно вззирающая на меня вытаращенными глазами. Похоже, наше сверхъестественное воскрешение до сих пор плохо укладывалось у нее в голове. В комнате явственно пахло валерьянкой и корвалолом, использованными Галкой аж дважды. Первый раз — по причине ее стопроцентной убежденности в нашей с Рейном гибели, а во второй — из-за нашего эффектного появления на пороге квартиры. Ну да, звучит совсем как название фильма ужасов: «Иногда они возвращаются»!

— Это все ты накаркала, ведьма венгерская, — склочно брюзжала подруга, бултыхая наполовину опустошенный флакончик из темного стекла, — когда нарисованный мною флаг высмеяла!

Я иронично изогнула бровь, не переставая орудовать швейной иглой:

— Так нам не стоило оживать?

— Ой, — Галина снова поднесла флакончик с корвалолом ко рту и глотнула прямо из него, запивая успокоительное коньяком, что, на мой взгляд, напрочь перечеркивало его лечебный эффект, — ну ты и скажешь... Я конечно же рада, просто к этому еще привыкнуть

нужно...

— К моим способностям? — уточнила я, перекусывая нитку и бросая готовую рубашку на колени Рейна. — Надевай, воин в кружевах.

— К ним, — подтвердила мадемуазель Ковалева. — И почему мы раньше не замечали за тобой ничего необычного?..

Услышав ее последнюю фразу, Изгой так и застыл с рубашкой в руках, глядя на меня отрешенно и постепенно бледнея лицом. А я в это время откровенно любовалась его мускулистым гладким торсом, совершенно лишенным волос на груди, частенько присущих среднестатистическим смертным мужчинам.

— Моя госпожа, — словно колеблясь в своих выводах, он прищелкнул пальцами, — разве ты не замечала за собой ничего необычного?

Я неопределенно пожала плечами:

— Да нет вроде бы. Мне то везло, то не везло... Хотя больше не везло, особенно в последний год...

— Так, — Рейн аккуратно приподнял мой подбородок, испытующе вглядываясь в глаза, — если на тебя и ставили ментальный блок, то после воскрешения он пропал. Но полагаю, в непосредственной близости от тебя постоянно находился мощный экстрасенс, намеренно подавляющий твои возможности...

— Экстрасенсов не существует! — враждебно парировала Галка.

— Оборотней — тоже! — лукаво ухмыльнулся Изгой. — Не так ли?

Галина обиженно насупилась.

— Твой муж — кто он? — чуть вкрадчиво осведомился Рейн, намекая на мою недавнюю откровенность, касающуюся некоторых подробностей моей личной жизни и совпавшую с неумеренным поглощением пищи, сочетающим элементы завтрака и ужина. — Что ты о нем знаешь?

Я сосредоточенно покопалась в памяти и, к своему безмерному удивлению, обнаружила — на самом деле мне мало чего известно о прошлом Вадима. Кем являются его родители? Чем занимался он до появления в Екатеринбурге? А его родной город... Он, кажется, называется Верхним Урюпинском, или нет?

— Ясно, — констатировал Рейн, выслушав мое невразумительное бление, — информация или стерта из твоего сознания, или изначально была ложной, внушенной тебе специально.

— Но зачем? — не поверила ему я.

— Сейчас узнаем, — помрачнел он. — Покажи мне ваши фотографии...

Я поспешно извлекла из шкафа толстый альбом с семейным фотоархивом, но вот чудо — почему-то не обнаружила в нем ни одной фотографии Вадима. Они попросту испарились, исчезнув самым загадочным образом...

— Та-а-ак... — повторно, и на сей раз намного многозначительнее, изрек Изгой, — а вот это уже становится интересным. Как выглядит Вадим?

Мы с Галкой принялись наперебой описывать моего распрекрасного муженька, замечая гримасу ужаса, разливающуюся по обычно невозмутимому лицу Рейна.

— Ключи от дома на месте? — задал новый вопрос он.

Я кивнула. Убегая после нанесенного мною удара кинжалом, Вадим забыл свой комплект ключей на тумбочке в прихожей, а дверной замок не носил на себе никаких следов взлома. Выслушав меня, Изгой встал со стула и начал методично, метр за метром, обследовать всю квартиру, а минут через двадцать показал мне отпертую задвижку на кухонном окне.

— Открывали снаружи, — убежденно прокомментировал он. — Просунули лезвие ножа в щель между рамами, отодвинули щеколду, распахнули оконные створки и влезли внутрь. Тот, кто это проделал, и забрал все фото, не желая раскрывать личность твоего мужа.

— Ты меня разыгрываешь? — криво улыбнулась я. — Как можно залезть по наружной стене дома и проникнуть в окно, расположенное на седьмом этаже? И кто способен на такой

подвиг, человек-паук?

— Не скрою, знаю я одного подходящего кандидата, — преодолевая прорывающуюся в голосе неприязнь, признался Рейн. — Его зовут... — Но договорить он не успел, потому что в его слова неожиданно вклинилась курлыкающая трель домофонного звонка...

— Это не твои ли штаны прибыли? — предположила я, бросаясь к двери и принимая позу готовящегося к поединку боксера. Мои ладони медленно нагрелись. — С посыльным из магазина?

— Слишком быстро, — отрицательно дернул плечом Рейн. — Открывай дверь подъезда, посмотрим, кто к нам пожаловал...

Мы заняли оборонительную позицию в коридоре: я с простертыми вперед и уже основательно раскалившимися руками, Изгой с обнаженным мечом и Галка, наподобие гранаты сжимающая в кулаке недопитый пузырек с лекарством. Ни дать ни взять реальный прототип картины «Три богатыря» работы выдающегося живописца Васнецова. А потом Рейн облегченно рассмеялся и опустил клинок:

— Это не враг. Там находится обыкновенный пожилой человек, я слышу сбивчивое биение его изношенного сердца...

Я подула на ладони и распахнула дверь...

Испуганно замершего на лестничной площадке человечка вряд ли можно было назвать совсем уж обыкновенным, но ничего экстраординарного в нем тоже не наблюдалось. Невысокий сухонький мужчина довольно преклонного возраста, с таким огромным носом, что я мысленно подивилась — и как это он не перевешивает все тело. Из-за этого носа наш гость походил на унылого недокормленного индюка, но из-под лохматой меховой шапки на меня оценивающе смотрели маленькие карие пронизательные глазки, недвусмысленно свидетельствующие — сей странный недотепа на самом деле весьма умен и проницателен. В мозгу у меня что-то щелкнуло, включая бездействующую ячейку памяти, отвечающую за детские воспоминания, и я узнала этого человека! Широко улыбнувшись, возвестила сиплым от волнения голосом:

— Да это же дядя Абрам — друг моего дедушки! Сколько лет, сколько зим!

— Евочка! — Пожилой еврей по-бабьи всплеснул руками и расчувствованно шмыгнул носом. — Как ты выросла и похорошела! Сказочно похорошела! Ну прямо превращение Гадкого утенка в прекрасного лебедя...

— Звучит оптимистично, — не очень-то приветливо отрезал Изгой. — А чего вам здесь, собственно, понадобилось-то, уважаемый?

— Разве так встречают дорогих гостей? — поддел его хитрый еврей. — Я к вам, между прочим, по поручению пришел, а не мацу с рыбой-фиш кушать. Хотя отобедать — не откажусь...

— Ишь ты, пройдоха, рыбу ему подавай! — Изгой растянул губы в больше смахивающей на оскал улыбке и вальяжно привалился к двери, своими широкими плечами начисто перегораживая проход в мою квартиру. — Евреи — самая оптимистичная нация в мире. Еще не знают — насколько это вырастет, а уже обрезают...

Услышав подобную фривольную фразу из уст обычно невозмутимого и безупречно серьезного воина, я не сдержалась и фыркнула. Галка шокировано уронила на пол флакончик с корвалолом. По прихожей поплыл резкий навязчивый запах.

— Таки шо? — театрально изумился Абрам Соломонович, стаскивая с головы шапку и являя нам забавную лысинку. — Что вы имеете против сынов Израилевых, молодой человек?

— Много чего! — решила подыграть Рейну я. — Например, еврей убил легендарную персидскую княжну, возлюбленную разбойничьего атамана Сеньки Разина...

— Ы-ы-ы-ы? — ошеломленно вылутился на меня Абрам Соломонович. — Как это?

— «Изя Борт ее бросает в набежавшую волну!» — дурашливо пропела я, лукаво подмигивая господину Шухерману. — Во!

Адвокат нерешительно кашлянул, переводя совершенно обалделый взгляд с меня на

Рейна и обратно. Кажется, у него возникли нешуточные сомнения в нашем благополучном умственном здравии.

— Так, значит, фамильный артефакт народа лугару, доверенный мне Львом Казимировичем Сокольским, вам уже не нужен, а, молодые люди? — злорадно поинтересовался он, поворачиваясь к нам спиной и делая вид, будто собирается уходить. — Или вы брезгуете получить его из рук еврея?

У меня возникло такое ощущение, словно меня ударили по голове обухом топора. А дядя-то Абрам каким еще боком замешан в моей истории?

— Э-э-э, не уходите! — взмолилась я. — Простите нас, меня и Рейна! Да к тому же никакой он не молодой, ему вот-вот сто лет стукнет...

— Ну что ж, — невозмутимо парировал Абрам Соломонович, неожиданно юрко проныривая под локтем Изгоя и проникая в квартиру, — как говорится: у каждого свои недостатки!

Мы вчетвером сидели у меня на кухне и пили чай с малиновым вареньем. Варенье, правда, было не домашним, а магазинным, но все равно пошло на ура. Абрам Соломонович умильно шмыгал носом и жаловался, что в Хайфе подобного деликатеса днем с огнем не сыщешь. Впрочем, как и настоящей русской водки, копченого сала и запашистого ржаного хлеба с поджаристой корочкой, посыпанной коричневыми зернышками тмина. Короче, у старого эмигранта наблюдалась бурно прогрессирующая ностальгия по некогда оставленной им России...

— Нет, хорошим же конспиратором оказался твой покойный дед, если препоручил величайшую тайну нашего времени этому диссиденту, этому фискалу! — вполголоса возмущался Рейн, не забывая наворачивать бутерброды с ветчиной.

— Не судите человека по его друзьям, у Иуды они были безупречны! — наставительно хмыкнул господин Шухерман. — В наши времена дикой инфляции ни один уважающий себя еврей уже не продается за тридцать сребренников.

Изгой скептически pokrивился.

— В чем тогда фишка? — уже куда вежливее поинтересовался неизвестно когда успевший нахвататься модных словечек воин, извиняющимся жестом наливая адвокату еще одну рюмку водки.

Абрам Соломонович благосклонно кивнул, выпил, со вкусом закусил маринованным огурчиком и ласково погладил меня по непросохшим волосам.

— В Еве! — торжественно сообщил он. — В нашей последней надежде...

— А дедушка мне все врал! — обиженно пожаловалась я. — Почему, зачем?

— Лгут, прежде всего, тем, кого любят, — утешил меня мудрый господин Шухерман. — А он любил тебя больше всех на свете...

Мы снова замолчали и чокнулись рюмками, безмолвно поминая покойного Льва Казимировича, сейчас, казалось, незримо присутствующего среди нас. Негромко тикали старинные настенные ходики с росписью под хохлому и гирьками в форме еловых шишек, за окном методично шуршал снегопад, и вся эта мирная семейная обстановка шла в такой вопиющий разрез с довлеющей над нами тайной, что мне хотелось проснуться завтра на своем продавленном диванчике и сказать: «Долой страшный нелепый сон...»

— Хватит! — Я требовательно шлепнула ладонью по столу, заставляя подпрыгнуть разложенные на нем вилки и ложки. — Хватит с меня секретов, пророчеств, оборотней и смертей. Пусть все закончится немедленно, а я вернусь к своей прежней, спокойной жизни...

— Не получится, — как-то слишком уж обыденно опротестовал мое заявление господин Шухерман. Он торжественно извлек из кармана своего пиджака какой-то предмет, высвободил его из складок чистого носового платка и положил передо мной: — У тебя это уже не получится...

Я нерешительно протянула руку и подрагивающим от волнения пальцем погладила золотой кулон в виде распахнувшей крылья птицы, подвешенной на цепочку...

— Что это такое? — оторопело спросила я.

— Знак твоего рода, знак Сокола, — вместо Абрама Соломоновича мне неожиданно ответил Рейн. — Символ королевского происхождения! Порази меня стрела Аримана, полагаю, лугару десятилетиями искали наш утерянный раритет, но так и не смогли его найти...

— А до того, как попасть к деду, кому он принадлежал? — Я надела кулон себе на шею, ощущая исходящее от него тепло, возникшее сразу же после того, как Сокол коснулся моей кожи.

— Твоему отцу — Беле Фаркашу, — печально произнес Изгой. — Наследному князю народа лугару, потомку принцессы Дагмары Корвин — законной правительницы Венгрии!

Я тихонько икнула от потрясения. Итак, все услышанное от Рейна и подземного Летописца оказалось правдой, а не досужим вымыслом. Древние сказки начинали обретать плоть и кровь, неуклонно воплощаясь в реальность!

Чайник закипел и выключился автоматически, небрежно выплюнув из носика белесое облачко горячего пара. На тарелке призывно розовели ломтики сочной ветчины, красиво гармонируя с желтыми кругляшками тонко нарезанного лимона и хрустальной розеткой, наполненной малиновым вареньем. Любимые дедушкины ходики невозмутимо тикали, а в прорезях глаз нарисованной на них кошки безостановочно мелькали зрачки, подчиняясь размеренному движению маятника: туда-сюда, туда-сюда. Квартира как квартира, кухня как кухня... Все здесь выглядело настолько привычным и обыденным, что мне даже не верилось в непреложный факт, гласивший — отныне в моей квартире поселилась тайна. Величайшая тайна нашего мира, способная погубить или спасти всех живущих на Земле...

Абрам Соломонович откинулся на спинку кухонного диванчика и принялся рассказывать:

— Евочка, ты, наверное, уже и сама догадалась, что твоего дедушку звали вовсе не Львом Казимировичем Сокольским. Я не стану раскрывать его подлинное имя, уж чересчур громко прозвучало оно в шестидесятые — семидесятые годы, и со слишком многими событиями, имеющими государственный резонанс, оно так или иначе связано. Лев пожелал унести секрет своего инкогнито с собой в могилу, так уважим же его право на покой. Родился он в тысяча девятьсот двадцать девятом году в семье потомственного чекиста и пошел по стопам отца, став кадровым военным. После войны он работал на Лубянке, где занимался делами, доставшимися нашей стране в наследство от фашистской Германии.

В частности, Лев возглавил специальный отдел, расследовавший деятельность группы «Аненербе». Он много знал о разработках доктора Менгеле и его опытах над людьми, направленных на формирование устойчивых мутаций, связанных с приобретением различных сверхспособностей. Скажу прямо, твой дед сумел получить доступ к особым документам и проводил собственное расследование, заведшее его очень далеко. Он неоднократно посещал Будапешт и встречался там с некими высокопоставленными личностями, посвятившими его в приватные детали своей жизни. Мы с твоим дедом познакомились в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году. В то время я случайно оказался втянутым в один грязный судебный процесс, а Левушка помог мне выйти сухим из воды, сохранив свободу и репутацию. А спустя пять лет он весьма способствовал моему отъезду за границу...

— Я помню, — мило улыбнулась я. — Смутно, но помню. И вас, и тетю Сару, и вашу дочку Дору. Надеюсь, они здоровы?

У господина Шухермана даже нос покраснел от удовольствия — настолько лестными показались ему мои слова.

— У нас все в порядке, спасибо Иегове! — пылко воскликнул он. — А еще...

— Вернемся к делу, — требовательно перебил его Рейн. — Что еще произошло тогда, в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году?

Абрам Соломонович вытер платком вспотевший лоб и продолжил:

— Я оказался косвенно связан с наемными бандитами, охотившимися за некими людьми, а точнее, за прибывшими в Россию иностранцами. Выслеживаемых звали Бела Фаркаш, Людвиг Логан и...

— Рейнгольд фон Берг, — спокойно дополнил Изгой. — А кроме того, с ними была новорожденная девочка...

— Невероятно! — потрясенно воскликнул старый еврей. — Так, значит, вы и есть тот самый выживший Рейн?

Изгой хмуро кивнул.

— Левушка тоже интересовался передвижениями этих загадочных иностранцев и с небольшой группой своих агентов сумел вмешаться в их судьбу, причем в самый драматичный момент. Из его рассказов я понял, что в тот день произошла ужасная перестрелка, в ходе которой Бела и Людвиг погибли. Лев Казимирович осмелился вклиниться в общую суматоху и забрал ребенка. После этого он сразу же скрылся из Москвы, уехал на Урал, сменил имя и зажил по поддельным документам, оформив выкраденную девочку как свою внучку и дав ей фамилию Сокольская, видимо, в качестве напоминания об ее истинном происхождении.

— И он молчал все эти годы! — удрученно произнесла я. — А ведь если бы я узнала обо всем этом намного раньше...

— Нет, — вдруг протестующе фыркнул Рейн. — Очевидно, твой дед располагал точными сведениями о трех пророчествах Заратустры и священной розе, растущей на могиле принцессы Дагмары. Одному Ариману известно, как смертный сумел получить доступ к секретной информации, составляющей собственность народа лугару. Он ждал, пока тебе исполнится нужное число лет и ты войдешь в пору свершений, а до той поры заботливо оберегал и скрывал от врагов нашу долгожданную чаладанию. Он поступил мудро и осмотрительно!

— Он мне врал! — в голос закричала я, обиженно потрясая сжатыми кулаками.

— Нет, — упрямо повторил Изгой, успокаивающим жестом опуская на мое плечо свою прохладную ладонь. — Он намеренно готовил тебя к тому, что могло преподнести непредсказуемое будущее. Ты изучала немецкий и венгерский языки, а благодаря ему ты отлично разбираешься в планировке Будапешта. Да и к тому же если поискать получше, то я уверен — мы обязательно найдем в этой квартире какие-то намеки...

— Точно! — озаренно воскликнула я, срываясь с табуретки и вытаскивая из-под шкафа дедушкину коробку с газетными заметками. — Вот...

Рейн довольно кивнул, вертя в пальцах золотой дукат. Действительно, многое из того, что оставалось непонятным мне ранее, сейчас логично встало на предназначенное ему место, выстраиваясь в целостную картину событий и фактов. Теперь-то я уже уразумела, какая именно связь существует между золотой монетой и статьями, заботливо сохраненными дедом.

— Между вами, безусловно, наблюдается определенное фамильное сходство, — подметил наблюдательный Абрам Соломонович, поочередно вглядываясь то в мое лицо, то в вычеканенные на дукате профили. — Ты очень похожа на своих коронованных родичей, дорогая моя девочка...

— А надпись? — спросила я, поглаживая шероховатую надпись, состоящую из клинообразных палочек и идущую по краю монеты. — Кстати, видите, на кулоне тоже имеется нечто подобное...

— Позвольте! — Господин Шухерман достал из нагрудного кармана своего пиджака старомодные очки в толстой роговой оправе и церемонно водрузил их на нос. — В молодости я увлекался мертвыми языками. Собственно, именно поэтому я и удостоился внимания тех бандитов, охотившихся за твоими родителями, — перевел для них некий музейный манускрипт, связанный с культурой южноамериканских индейцев майя... Там говорилось о прелюбопытнейших вещах... А сам раритетный документ, — он почему-то хмыкнул, как мне показалось, немного сконфуженно, — М-да-а-а...

— А это тоже написано на языке майя? — нетерпеливо поинтересовался Рейн. — Вы можете перевести надписи на монете и кулоне?

— Попробуюсь. — К очкам немедленно добавилась мощная лупа, а ноздри внушительного адвокатского носа победно затрепетали, как у взявшей след гончей. — Это древнеиранская клинопись, восходящая к культуре шумеров. Причем оба этих текста составляют одно целое и звучат примерно так... — Он прокашлялся и с выражением продекламировал:

Когда прервется ход веков,
То гнев богов с небес нахлынет,
Жар Митры выйдет из оков,
Зажжется, но потом — остынет.

Враг, затаившийся во льдах,
Хранит от бед заслон старинный,
Лишь только в праведных руках,
Он остановит жар лавинный...

— Прошу прощения за корявую интерпретацию, никогда не увлекался стихами! — Абрам Соломонович снял очки и подмигнул нам: — Друзья мои, вы что-нибудь поняли из всей этой абракадабры?

— Не-а! — отрицательно взмахнула челкой Галка. — Бред какой-то! Меня прямо клинит от вашей клинописи...

— Хм, — задумался Рейн. — Табличка с третьим пророчеством Заратустры утеряна, но жрецы Митры считают, что в ней упоминается о надвигающейся катастрофе, способной погубить все живое на Земле. И еще там недвусмысленно указано — спасти нас всех способна лишь молодая чаладанья, наследница рода Сокола!

— Нечто подобное и Левушка утверждал, — в унисон поддакнул Абрам Соломонович.

— Ева, — окликнула меня Галка, — а ты чего это пригорюнилась?

Но я лишь вяло отмахнулась, намекая — не мешай! Я изо всех сил напрягала память, вспоминая видения, посетившие меня в подземелье, в тот самый момент, когда я взяла в руки глиняную плитку, принадлежавшую погибшим сотрудникам группы «Аненербе». Я была уверена — в тот миг мне пригрезилась огромная снежная равнина и ползущие по ней снегоходы, помеченные гербом, имевшим форму свободно распахнувшего крылья имперского орла, несущего в когтях лавровый венок, в центре которого находился полярный медведь со свастикой на спине... Я тогда еще подумала, какое государство имеет такой красивый герб... Это не Норвегия, не Исландия... Но чей же он тогда? И вот это снежное величие внезапно перекрывает ослепительная вспышка, переходящая в волны всепожирающего пламени, катящегося по поверхности нашей планеты и уничтожающего все на своем пути: города, леса, людей...

— Госпожа моя, — тревожно тронул меня за плечо Изгой, вырывая из мира неясных образов и туманных грез, — что с тобой?

— Я уверена, что теперь правильно понимаю суть надвигающейся на нас угрозы. Это нечто природное, нерукотворное, не имеющее отношения к каким-либо конкретным объектам или месту, — медленно произнесла я. — А спасение от нее скрыто на севере и хранится у неких сильных и опасных людей...

— Вот это фокус! — восхищенно ахнула Галина. — Откуда тебе стали известны такие подробности?

«Фокус? — напряженно размышляла я, потирая свои раскалывающиеся от боли виски, ибо внезапно нахлынувшая, буквально из ниоткуда, информация вызвала резкий приступ

мигрени. — Или — фокусник? Но при чем тут фокусник? И почему это безобидное слово кажется мне таким важным?..»

— Мне нужно срочно попасть в Будапешт и поговорить со жрецами! — категоричным тоном потребовала я. — А потом я отправлюсь на север, искать нечто... В общем, сама пока еще не знаю что...

— О, а я тебя куда звал! — исступленно возликовал Рейн. — Поедем к лугару!

— И Левушка этого же самого хотел, — радостно хмыкнул господин Шухерман, протягивая мне загранпаспорт, клочок бумаги с адресом и ключи. — Это он приказал изготовить для тебя, ключ открывает двери его будапештской квартиры, вернее — уже твоей...

— Боюсь, — скептически вздохнула я, раскрывая документы и обнаружив в них свою, вполне актуальную на настоящий момент, фотографию, — мне еще предстоит узнать о деде много необычного...

— Я закажу билеты на поезд! — восторженно воскликнул Изгой. — Едем завтра же!

— Послезавтра, — поправила его я. — Новогодние праздники закончились, завтра мне нужно выйти на работу. Позволь, я хотя бы отправлюсь в редакцию и уволюсь...

— Я тоже, — пискнула Галка. — И даже не думайте, будто сумеете уехать без меня... А еще нужно сапоги новые купить, куртку... Как там сейчас с погодой в Венгрии обстоит? Ева, тебе тоже вещи для поездки нужны, немедленно идем в магазин... Ой, а у меня денег нет...

— Деньги, так уж и быть, я вам дам, — осуждающе проворчал Рейн. — Только умоляю — не ходите по магазинам слишком долго, времени у нас в обрез!

— Я не поеду за границу оборванкой! — возмущенно взвилась гламурная мадам Ковалева. — Я себя уважаю!

Изгой скорчил постное лицо, я рассмеялась...

Пользуясь поднявшимся шумом и гамом, господин Шухерман потихоньку оделся и крадущейся походкой выскользнул из квартиры. На душе у него разливались умиротворение, тишь да благодать. Он безупречно выполнил последнюю волю покойного друга и теперь мечтал только об одном — поскорее оказаться дома, у себя в Хайфе, рядом с Сарочкой, Дорочкой и Самсончиком!

Но жестокая судьба распорядилась иначе...

Время едва приблизилось к трем часам пополудни, но вопреки сему непреложному факту на улице царил почти вечерний полумрак, густой и пугающий. Январский ветер завывал свирепее сотни голодных волков, бросая в прохожих пригоршни колючего снега. Вроде бы было не очень-то и холодно, зато зарядивший со вчерашнего дня снегопад значительно усилился, превратившись в непроницаемую белую стену, не позволяющую рассмотреть что-либо далее пары шагов. Разгулявшаяся вьюга заглушала любые звуки, превратившись в однообразную монотонную мелодию, не признающую никчемных изощрений и скучно выводящую одно и то же неумолкающее: у-у-у...

«Хоть режь меня на кусочки, но не люблю я эту невозможную страну! — злорадно констатировал Абрам Соломонович, поправляя шарф и повыше поднимая воротник пальто. — Вот уж точно, умом Россию не понять... Для парадоксального благоволения к ее неуживчивому характеру и отвратительной погоде нужно являться фанатиком данных мест, причем — слепым и глухим от рождения. Да еще и морозоустойчивым, как полярный медведь... Короче, Россия — это страна для ненормальных!»

Произведя столь хитрое логическое умозаключение и тем самым убедив себя в собственной стопроцентной адекватности, адвокат свернул в крытую арку, соединяющую улицу и внутренний двор Евиного дома, предвкушая — сейчас он поймает такси и поедет в аэропорт. Его дела в Екатеринбурге закончены, и черт побери, если он задержится в этом холодном городе еще хотя бы на одну лишнюю минуту. Да он готов не только на самолете, а даже на крыльях отсюда улететь...

Внезапно господин Шухерман испытал, как последняя безрассудная мысль буквально претворяется в жизнь, потому что его ноги вдруг оторвались от земли и беспомощно забили в воздухе. Он хотел вскрикнуть, но не смог, ибо его рот оказался зажат мощной ладонью какого-то высокого человека, почти неразличимого в полумраке арки. Огромные когти, выпирающие из пальцев незнакомца, больно впились в его кожу, а сам Абрам Соломонович видел только пару плавающих посреди сумрака глаз, горящих красным демоническим огнем. У него не было ни единого шанса вырваться и убежать, ведь еще в детстве он был таким слабаком, что его избивали даже в музыкальной школе. А сейчас старому еврею стало страшно, страшно как никогда...

— Ты жить хочешь? — проскрежетал рокочущий голос, резанувший по нервам острее смертоносного кинжала. — Отвечай, старик.

— Хочу! — придушенно просипел пожилой адвокат, к своему немалому ужасу и стыду ощущая, как по его ногам сбегают тонкие струйки теплой жидкости и скапливаются в заботливо выбранных женой ботинках. — Хочу!

— Ты к ней приходил? — Голос не спрашивал, а уточнял. — Так!

Зависший в полуметре над землей Абрам Соломонович бессильно задрыгал испорченными ботинками, послушно подтверждая: да, у нее. Человек, совершенно сливающийся с фоном грязных каменных стен, довольно хохотнул, чуть ослабляя свою железную хватку и позволяя старику говорить. — Как она?

— Хорошо! — лебезящим тоном поспешил выдохнуть адвокат. — Умница и красавица...

— Она здорова и не ранена? — продолжал допытываться его мучитель.

— Да!

— Хорошо! — передразнил незнакомец. — Значит, на нее снизошла сила, и теперь моя девочка готова выполнить предназначенную для нее миссию.

— Какую? — осмелился спросить Абрам Соломонович.

— Молчи, смертный червяк, — негодуяще прошипел черный человек, продолжая легко удерживать его на весу. — Это не твое дело. Для чего ты к ней приходил?

— Отдать знак Сокола и документы для поездки в Будапешт, — откровенно выложил пытаемый, будучи не в состоянии соврать или схитрить под гнетущим огнем этих страшных глаз, словно выжигающих его душу и убивающих малейшее желание сопротивляться.

— Замечательно! — сытым тигром рыкнул палач. — Именно это мне и требовалось. Рассказывай подробности...

И тогда Абрам Соломонович без утайки поведал обо всем произошедшем у Евы в квартире, и даже о переведенном им тексте, отчеканенном на монете и кулоне.

— Гнев Аримана! — возмущенно ругнулся незнакомец. — Я так и знал, что Крюгер меня обманывает и прячет в рукаве крупный козырь. За истекшие после окончания войны годы эти проклятые швабы ничуть не изменились, они все такие же лгуны и подлецы, недостойные моего доверия. Но ничего — я отомщу... — Адвокат уловил страшный звук возмущенно скрежещущих зубов. — Я отомщу!

— Отпустите меня, ради моих детей! — униженно взмолился Абрам Соломонович, готовый целовать руки своего мучителя, лишь бы без потерь выбраться из этой ужасной передраги, в которую он оказался втянут исключительно по причине собственной доброты и чувства благодарности к умершему другу. — Я тут ни при чем, я никому ничего не скажу...

— Конечно, не скажешь, — холодно отчеканил черный человек и медленно сжал пальцы, с удовольствием наблюдая за агонией своей жертвы. — Закон жизни гласит — выживает сильнейший! Жажда убийства является одной из главнейших потребностей каждого высокоорганизованного существа. Мы все — хищники. А если хищника не насытить вовремя, то он озверевает и начнет убивать много, беспорядочно и бесконтрольно. Ты же не хочешь, червяк, чтобы я вырезал половину этого милого городка? — Невидимый в темноте хищник гортанно расхохотался и разжал ладонь, выпуская мертвое тело, тяжело упавшее в снег. Еще минуту он стоял неподвижно, наслаждаясь видом своей бездыханной

жертвы — ее выпученными глазами с полопавшимися от удушья сосудами и выступившей изо рта пеной. — Считай себя героем, спасшим сотни людей! — иронично добавил он и вышел из-под арки, на ходу преображаясь и трансформируясь. Бесследно исчезли выпирающие между губами клыки, когти втянулись обратно в пальцы, принимая форму изысканного маникюра. Его звериная морда утратила отталкивающие очертания, становясь лицом красивого молодого человека, одетого в элегантную дубленку и идеально отглаженные брюки со стрелками. Он шел и улыбался всем прохожим, спиной ощущая призывные взгляды женщин, зачарованно таращившихся ему вслед. Он чувствовал себя великолепно, мелодично насвистывая какую-то навязчивую песенку. Он непогрешимо верил в собственные обаяние и неуязвимость, делающие его настоящим царем этого шумного мира, не умеющего отличать фальшивку от подлинника. Мира, неспособного разглядеть в нем демоническую тварь с обликом ангела, готовую обмануть кого угодно. Мира, не властного остановить его — высшее звено в длинной цепочке, ошибочно созданное чудовищным гением доктора Менгеле...

Глава 3

«Все мы являемся не кем иным, как людоедами, взаимосвязанными звеньями одной длинной цепочки, непрерывно пожирающими друг друга! — критично размышлял Николай Владимирович Зимин, рассеянно передвигая по столу хрустальную, предназначенную исключительно для гостей пепельницу. — Слабый рано или поздно попадает на зуб к сильному, а сильный — к сильнейшему. Но чтобы стать сильнейшим, мало обладать деньгами и властью, нужно владеть еще и временем, и информацией...» И вот, увы, именно избытком двух последних из вышеперечисленных факторов в редакции «Тайн Урала» как раз похвастаться и не могли.

А ведь еще год назад дела обстояли просто замечательно. За пять прошедших лет, проведенных на посту главного редактора самого покупаемого и популярного из всех издаваемых в уральской столице журналов, господин Зимин успел добиться многого. Уже только один непреложный факт, что в возрасте сорока лет он сумел занять столь высокую должность, говорил сам за себя. Николай Владимирович, будучи неплохим журналистом, умеющим с первого взгляда распознавать предпосылки будущего успеха, обладал не только врожденным нюхом на горячие новости, но и тем мистическим чувством меры, которое не позволяло ему переступить тонкую грань, отделяющую эпатажность от вульгарности. Мастерски балансируя на стыке скандалов и внятных аргументов, он умудрялся не только привлекать сиюминутное внимание читателей, но и завладевал им надолго. Эти последние пять лет стали для Николая Владимировича периодом нескончаемых побед и достижений. Тираж и без того популярного журнала «Тайны Урала» увеличился втрое. Из старого, расположенного на окраине здания офис редакции переехал в престижный центральный район города, заняв целый этаж новенького дворца из стекла и алюминия, к слову сказать слишком холодного зимой и слишком жаркого летом. Однако подобные мелочи приходилось терпеть, ибо, как известно, жажда — ничто, а имидж — все!

Новый главный редактор, сумевший поднять престиж журнала на ранее немыслимую высоту, значительно расширил и реструктуризировал штат, изменил тематику и формат журнала и добился того, что о его издании заговорили все и вся: гламурная тусовка, серьезные политики и, что самое главное, падкие на шумиху рядовые обыватели. Все они просто обожали «Тайны Урала», запоем поглощая каждый выходящий номер. Господин Зимин выбился в группу респектабельнейших и влиятельнейших жителей города, походя проглотив своих конкурентов, занял лидирующее положение в длинной людоедской цепочке нашего всеядного общества. А закономерным апофеозом проделанной им работы стала статуэтка бронзовой богини Ириды, вручаемая за выдающиеся достижения в области журналистики, которая украсила стол его кабинета в прошлом году. И казалось, теперь уже

можно было снизить темп в выматывающей гонке за успехом, отдышаться и спокойно почитать на лаврах, если бы на горизонте не маячило одно внезапное и чрезвычайно неприятное «НО»! И это «но» имело страшное имя — кризис...

С наступлением кризиса в Екатеринбурге сильно возросла безработица. Цены на продукты взлетели до астрономических величин, часть предприятий обанкротились и закрылись. Покупательная способность населения упала ниже плинтуса, и, как следствие, значительно снизились и продажи журнала «Тайны Урала». Озабоченных проблемой выживания горожан уже ничуть не привлекали вожаки олигархов, застигнутых беспринципными папарацци в самые интимные моменты их сладкого бытия. Обнищавшие люди уже не торопились выкладывать немалые деньги за сомнительные статьи о замеченных над Челябинском НЛО и тараканах-мутантах. Чтобы удержаться на плаву, журналу срочно требовалась новость. Причем новость не избитая, а нечто феерическое, скандальное, сногшибательное и феноменальное. Короче, господину Зимину срочно требовалась настоящая сенсация!

Окончание затяжных новогодних праздников обычно сопровождается ленью, плохим настроением и глухим недовольством самим собой за бездарно прожитые деньги.

«Еще неделю в нормальную колею войти будут!» — сердито думал господин Зимин, наблюдая за вяло ползающими по офису подчиненными. Криво покрашенная секретарша Елена с медитативно-неузнающим видом косилась на свой компьютер, подозрительно тыча пальцем в кнопки клавиатуры и наотрез отказываясь признавать его за родной. Отдел рекламы в полном составепил томатный сок и благоухал таким термоядерным водочным перегаром, вызвавшим непроницаемое запотевание стекол в их кабинете, что датчики пожарной сигнализации недоуменно помигивали и потихоньку нагревались. Двое хронически небритых программистов, Алик и Гелик, и в обычные-то дни сознательно исповедующих принцип: «Ты, работа, нас не бойся, мы тебя не тронем», спали в креслах, небрежно водрузив нижние конечности на компьютерные столы. Причем на ногах Алика красовались самокатанные валенки, а на ногах Гелика — китайские сланцы, открыто демонстрирующие канареечно-желтые носки.

Программисты спали, исходя из принципа: сколько ни паши — все равно найдется козел, который работает меньше тебя, а получает больше. Здоровый же сон не только значительно продлевает здоровье, но и заметно сокращает рабочий день. Впрочем, и по всем остальным направлениям сегодняшний день также ознаменовался тотальным саботажем... Посланные на задание репортеры звонили на сотовый и несли бред пополам с ахинеей. Куллер с питьевой водой печально булькнул и сломался, автомат с кофе явно возомнил себя рэкетиром, нагло глотая десятки, но в ответ не выдавая ничего, в бухгалтерии перегорел тостер, а в туалете внезапно закончился пипифакс. А если охарактеризовать в целом, то атмосфера в редакции «Тайн Урала» царила отнюдь не рабочая. И, подумать только, все это за какие-то три дня до верстки нового номера журнала! Николай Владимирович еще раз окинул оценивающим взглядом окружающий его бардак и обреченно запустил обе пятерни в свои густые черные волосы. Дефицит времени и информации приобретал воистину катастрофичный размах!

Многоопытный главный редактор совсем недолго предавался панике и унынию. Прищурив волевые карие глаза, Зимин решительно вздернул свой тяжелый квадратный подбородок и привел в порядок прическу, возвращая ей всегдашний безупречный вид. Синий костюм-тройка в тонкую серую полоску придавал ему идеально респектабельный вид, а жемчужно-серый галстук поверх бледно-розовой рубашки вносил в облик Николая Владимировича едва уловимую нотку стильной небрежности. Он слыл завзятым сердцеедом и втайне чрезвычайно гордился своей интригующей репутацией. Ему едва исполнилось сорок пять, и он находился в том благодатном возрасте, когда каждый преуспевающий мужчина пребывает в непоколебимой уверенности — его личные харизма и красота способны сражать наповал, брать женщин и города, доводить врагов до смерти от зависти

или, по меньшей мере, до инфаркта. О да, красота — это страшная сила. Она требует выносливости и жертв. Она спасет твой банковский счет и весь мир в целом. Хотя если вдуматься, ну как может страшная сила, которая постоянно требует жертв, спасти мир? Парадокс... Итак, господин Зимин поправил свои золотые, инкрустированные черным ониксом запонки, встал с кресла, подошел к двери и, сложив губы в безмятежную улыбку, выглянул в приемную.

— Елена! — окликнул он свою секретаршу. — Труби общий сбор! Время дислокации — пять минут. Позови Ирину, пусть она принесет кофейник и бутерброды. Это — надолго!

Белокурая Ирочка, личный ассистент главного редактора — счастливая обладательница ног от ушей, губ бантиком и бюста пятого размера, помчалась выполнять указания босса. Под общим сбором в офисе редакции всегда подразумевалось отнюдь не собрание всего персонала, а приватное совещание четырех лиц, собирающихся в подобном составе лишь в минуты крайней трудности или спонтанно возникшей финансовой опасности и принимающих самые ответственные решения. В список этого импровизированного штаба входили помимо самого господина Зимина три его любимые пассии, в офисе «Тайн Урала» называемые не иначе как «триумвиратом заслуженных гарпий». К числу гарпий принадлежали: пресс-ассистент Ирина — томная блондинка, хитрая и гордая на интриги, финансовый директор Марина — знойная брюнетка с формами восточной красавицы, умная и экономная; а также начальник отдела продаж — тощая рыжеволосая Алина, гибкая, будто змея, и настолько же коварная. Именно три эти девицы, отлично дополняющие друг друга как внешне, так и профессионально, но постоянно борющиеся за благосклонность своего шефа, и составляли движущую женскую силу журнала, способную разрушить дом, выдать замуж дочь и сломать дерево. Между собой три заслуженные гарпии не ладили никогда, хотя на публике лезли вон из кожи и бюстгальтеров, старательно демонстрируя видимость самой сердечной дружбы. Они тратили немало сил на уничтожение соперниц, по приказу начальника вынужденные ограничиваться только мелкими подлянками, но не доходя до откровенного травматизма и членовредительства. Они блестяще справлялись со своими прямыми обязанностями и способствовали росту популярности журнала. В общем, они были настоящими женщинами! Ведь за каждым умным мужчиной стоит еще более умная женщина. А зачастую — даже не одна...

Ровно через пять минут три пунктуальные красотки, одетые в деловые костюмы, чинно расселись вокруг стеклянного конференц-стола, вооружились блокнотами, карандашами, чашками с кофе и выжидающе воззрились на своего обожаемого шефа. Николай Владимирович вежливо кашлянул и заговорил...

К утру снегопад прекратился, а небо прояснилось, приобретя оттенок прозрачной, ничем не замутненной голубизны. Точь-в-точь как Галкины глаза, не обремененные избытком серьезных мыслей. Я бодро шагала по чисто разметенной трудолюбивыми дворниками асфальтовой дорожке, огибающей мой дом. Наручная «Чайка» показывала ровно восемь, и, следовательно, у меня имелся целый час в запасе, коий я намеревалась употребить с толком. Прогуляюсь, подумаю, проанализирую свое сумбурное житье-бытье, потому что спонтанно пробудившаяся интуиция подсказывала — этому часу суждено стать последним спокойным моментом в моей жизни, причем стать таковым на весьма долгий срок.

Я прошла мимо еще не открытой парикмахерской и проигнорировала полупустую автобусную остановку, на которой отсвечивало несколько откровенно не выспавшихся личностей. С сочувствием глянула на опухшие, одутловатые лица едва отошедших от новогодней пьянки горожан и понимающе хмыкнула: ничего удивительного тут нет, просто привык народ за праздники спать чуть ли не до обеда. А первый рабочий день, внезапно наступивший после двухнедельного загула, можно справедливо приравнять к тяжелейшему эмоциональному и физическому стрессу. Чем мы, русские, всегда удивляем педантичных и скрупулезных иностранцев — так это нашей широкой, ни в чем не знающей удержки натурой.

Пьем — так до дебоша, гуляем на свадьбе — до драки, на похоронах тещи — три баяна порвем, воюем — исключительно до победы, а любим — всегда до гробовой доски... Ну и само собой: едим — не досыта, спим — без просы... Гм, хронически недосыпаем, короче... А что касается кризиса, так, похоже, он тут ни при чем, да и людям нашим — нипочем. И не такое видывали! Придя столь бесхитростным образом к закономерному выводу, что физиономии торопящихся на работу обывателей можно разделить на две категории: «кто здесь?» и «где это я?», я миновала остановочный комплекс и потопала дальше, ведомая умопомрачительным ароматом свежей выпечки, струящимся от хлебного ларька. Кстати, именно здесь продают так понравившиеся Рейну слоеные булочки. Я весело помахала мелькнувшей в окошке ларька тете Гале, на пальцах показав «четыре». Булочница согласно кивнула. Отлично, заберу оставленные для меня булочки на обратном пути — побалую Рейна. Полагаю, сегодня я в издательстве долго не задержусь, а стоять в одной очереди с вздорными и крикливыми, будто черноморские чайки, бабками — удовольствие сомнительное.

Вот по телевидению все трезвонят — ах, мировой терроризм, ах, угроза благополучию нации! А я считаю — фигня это несущественная, пропаганда и провокация! Настоящий мировой терроризм — это отнюдь не ирландские головорезы или приснопамятный Усама бен Ладен, а наши отечественные бабульки (которые запросто любому ваххабиту прикурить дадут), вместо пояса шахидок обмотанные расписными посадскими платками и вооруженные бездонными авоськами, куда более вместительными, чем знаменитая «бочка данаид». Спрашивается, и какого черта они ошиваются по магазинам именно в то самое время, когда у всех работающих людей наступает обеденный перерыв? Или точно после окончания работы? Они что, не могут посетить магазин в десять часов утра или в три пополудни? Не-э-эт, я абсолютно уверена — наши бабки все делают не просто так, а специально, намеренно создавая сутолоку, шум и ажиотаж. И никаких нервов уже не хватает стоять в очереди за каким-нибудь «божьим одуванчиком», чтобы купить булку хлеба и ждать, пока бабусечке взвешивают: «сто грамм барбарисок, тридцать грамм «Морских камушков» и пять сушек». Нет, я, конечно, понимаю, что бабушке на ее крошечную пенсию ничего другого и не достается, но зачем ходить за покупками в самое горячее для работающих людей время? Да не иначе как от вредности! А когда наши телевизионные, буквально лопающиеся от сытости либерасты и псевдогуманисты начинают в очередной раз бурно осуждать преступление студента Раскольниковца, по версии Достоевского, зарубившего топором старуху-процентщицу, то мне нередко хочется вернуть наболевшее: «И поделом бабке!»... Ибо забодали уже!

Я опасливо обошла толкущихся у ларька террористок районного масштаба, шумно раскупающих свежие сайки с таким воинственным видом, будто они затаривались не булками, а гранатами, и философски усмехнулась: «М-да, нация, которая даже макароны ест с хлебом, — непобедима!» Не уставая дивиться алогичному менталитету своих соотечественников, миновала офис строительной фирмы «Кладем на совесть!» и кабинет пирсинга, на дверях которого красовалось вежливое объявление: «Ветеранам войны и пенсионерам — скидки». Следуя далее, я удовлетворенно обзрела стоянку, находящуюся возле фирменного салона автомобильной компании «Форд».

Перед безвкусно-вычурным павильоном красовался прикованный стальными цепями и хорошенький, будто игрушечка, джип, под ветровым стеклом коего броско давил на психику прохожих яркий рекламный лозунг: «Хочешь себе такую?» Но, как всем известно, наша голь на выдумку хитра, и посему шибко сердитые на жирующих олигархов обыватели четко понимают — красиво жить не запретишь... Однако помешать — можно! А поэтому, революционно контрастируя с рекламной заманухой, на капоте роскошной машины выделялась нахальная надпись, нацарапанная чем-то острым: «А вы с какой целью интересуетесь?» Очевидно, владельцы салона с этим безобразием еще не ознакомились... Я проказливо хихикнула и в самом радужном настроении проследовала дальше, к столь популярной среди городского населения улице Блюхера, являющейся не только объектом

регулярного высмеивания (по причине вопиющей двусмысленности своего названия), но и по совместительству — крупной транспортной развязкой.

Заметив болтающую по телефону девушку, я тут же вспомнила Рейна и наш вчерашний урок по освоению мобильного. Недовольно морщась, Изгой критически изрек, что, мол, подобный вид связи могли придумать лишь нечувствительные к телепатии люди, но вопреки своему замшелому ретроградству довольно быстро оценил удобство мобильной связи. Уже перед сном, справедливо поделив спальные места, я просительно прикоснулась к плечу разместившегося на диване мужчины:

— Рейн, расскажи, пожалуйста, какими они были — мои родители?

Изгой задумчиво обхватил руками подтянутые к груди колени и болезненно прикусил нижнюю губу. Его лицо омрачилось — похоже, подобные травмирующие воспоминания давались ему нелегко.

— Я плохой рассказчик, — после долгого молчания сказал он. — Разреши, я лучше спою...

Я изумленно приподняла бровь: «Так он еще и поет!» Но мой скептицизм мгновенно испарился, уступив место восторгу и потрясению, когда он вполголоса запел, выводя нежные, наполненные любовью и горем слова:

По сугробам из чистого снега,
Через белую ночь и метель,
Задыхаясь от быстрого бега,
Пробирался измученный зверь.

А с другой стороны мироздания,
Сквозь безумие прошлых времен,
Источая инстинкт и желанья,
Продирался такой же, как он.

И шарахнулась сонная птица,
И бежали охотники прочь
В то мгновенье, как волк и волчица
Поделить вдруг задумали ночь.

На рассвете когтями вцепились
В замерзающий снег января
И в природу безмолвную влились,
О желанье своем говоря.

Друг на друга они осторожно
В тишине молчаливой пошли,
Может, волки подумали: «Можно...»
Может, волки решили: «Нашли...»

Одиночество злое, как голод,
Затухало в усталой душе,
И смягчался пронзительный холод,
И метель не мела в камыше.

На поляну не сыпались клочья,
Чистый снег не окрасила кровь,
Значит, есть эта верная, волчья,

Непонятная миру любовь...

«Любовь... — зачарованно мечтала я, находясь под завораживающим воздействием красоты и смысла песни. — Значит, мои родители сумели найти друг друга, пойдя наперекор судьбе и смерти. Любовь... — Я никак не могла выбросить из головы тот страшный поцелуй, соединивший нас в миг смерти, на заднем дворе развлекательного центра «Луна». — А полюбили ли мы с Рейном, полюбили ли так же сильно и преданно?..»

— Ой! — Я шокировано вскрикнула, случайно взглянув на часы. — Половина девятого... — и требовательно замахала рукой, останавливая попутную машину. Ничего, шикану разочек, поеду на частнике. В конце концов, я ведь все-таки не каждый день по собственному желанию с работы увольняюсь!

— Ситуация у нас сложилась аховая, — с похоронными интонациями признал Николай Владимирович, являющийся для сотрудников журнала «Тайны Урала» царем, Богом и Святым Духом в одном лице, — мы медленно идем ко дну. И спасти нас способно только нечто совершенно новаторское, авангардное и сенсационное. То, что поразит наших читателей в самое сердце, солнечное сплетение, а желательно — и ниже (не путать с мочевым пузырем). Короче говоря, нам срочно требуется убойная информация!

— Сверхубойная! — поддакиваяще мурлыкнула рыжая Алина, начальник отдела продаж.

— Барышни, вы со мной? — на всякий случай уточнил шеф, явно не желающий тонуть в одиночку.

— Да куда мы теперь денемся с подводной лодки-то! — лениво протянула роскошная брюнетка Марина.

— На глубине пятисот километров! — в унисон ей хихикнула блондинка Ирина.

Господин Зимин горделиво улыбнулся. В рядах его маленькой, но чрезвычайно боеспособной армии царил идеальная согласованность.

— Тогда начнем! — Он отхлебнул великолепно сваренный кофе и откинулся на спинку кресла, придавая своему холеному лицу озабоченное выражение. — Какие идеи для главной статьи номера предложат мои музы?

— Секс в доперестроечном СССР! — обольстительно улыбнулась нимфоманка Ирина. — Невероятная экзотика: контрацепции нет, аборты запрещены, вместо эротического белья — байковые панталоны до колен и безразмерные атласные лифчики фабрики «Воронежская ударница», убивающие либидо наповал. Как вам? По-моему, идея — блеск!

— Глупости! — брезгливо поморщилась самоуверенная Алина. — В СССР секса и в помине не было. Он в те годы в Китае свирепствовал.

Обиженная блондинка ненавидяще зыркнула на соперницу, но не смогла придумать достаточно едкой ответной реплики и промолчала. Николай Владимирович прятал довольную улыбку — размах коллективной фантазии начинал набирать обороты.

— А что, если нам совместить инопланетян и происхождение человека? — в свою очередь предложила интеллектуалка Алина. — Ну типа: на самом деле человек вовсе не потомок обезьян, а результат экспериментов высшего разума. А теорию Дарвина придумали для отвода глаз...

— Фигня! — с чувством выдала реалистка Марина, решительно рубанув ладонью по воздуху. — На самом деле вся теория Дарвина шита белыми нитками и совершенно неспособна объяснить многочисленные парадоксы эволюции. Например: как размножались дождевые черви до того, как появился человек с лопатой...

Остальные дамы шокировано прикусили языки. Марина единственная из всех окончила университет и посему считалась непререкаемым авторитетом в любых научных вопросах.

— Напишем об экстремальных и опасных видах спорта! — подал голос сам босс. — Это сейчас модно — стритрейсеры всякие, паркур, дайвинги, рафтинги...

— Самый опасный вид спорта — это шахматы! — глубокомысленно выдала Ирина. — Можно заснуть над доской, упасть и выколоть себе глаза об фигуры...

Господин Зимин сконфуженно опустил ресницы и виновато покраснел безупречно выбритыми щеками. Похоже, процесс генерации идей зашел в глухой тупик. И в этот момент в плотно запертые двери его кабинета вежливо постучали...

— Входите! — громовым голосом разрешил шеф. — Кого там нелегкая несет?

В святая святых редакции «Тайн Урала» осторожно просунулась всклокоченная голова дежурного охранника.

— Вам важный пакет принесли, Николай Владимирович, с курьером, — испуганно бекнул он. — Велели передать вам лично в руки...

— Раз велели, значит, давай, — небрежно подставил ладонь шеф. — А кто принес-то?

— Да паренек какой-то несовершеннолетний! — туповато пожал плечами дюжий охранник. — Самой обычной внешности, без особых примет.

— Ладно, спасибо, — заметно подобрел главный редактор, заинтересованно вертя пакет из плотной серой бумаги, не имевший ни единой надписи. — Свободен.

Охранник торопливо ретировался.

— Ну-с, посмотрим, что здесь у нас такое, — скептически бурчал господин Зимин, разрывая упаковку загадочной корреспонденции. — Тайна для «Тайн Урала» — это звучит интригующе...

Внутри первого пакета оказались еще два конверта, белых и глянцевых. На одном была выведена жирная красная цифра «1», а на втором — «2». Правильно истолковав значение столь лаконичных указаний, главный редактор вскрыл первый конверт и едва успел подхватить выскользнувший из него компьютерный диск.

— Надеюсь, что это не вирусы! — нервно усмехнулся он, вставляя диск в дисковод. — В противном случае, я... — но тут он осекся, потрясенно икнул и ошеломленно уставился на экран монитора вытаращенными глазами...

Сентиментальная ассистентка Ирина изумленно пискнула и попыталась упасть в обморок. Далеко не глупая Марина, которая оказалась морально крепче своей впечатлительной товарки, тяжело дышала, как после секса на диване начальника, пристально вглядываясь в разворачивающееся на экране действие восхищенно поблескивающими темными глазами и навалившись на стол огромной грудью. И лишь интриганка Алина вела себя на удивление спокойно. Она чиркнула зажигалкой, прикурила дорогую сигарету и облегченно произнесла, выпуская кольца ароматного дыма:

— Бог все-таки существует! Он снизошел к нашим проблемам и послал нам сенсацию!

Со стороны вполне могло показаться, будто в кабинете шефа журнала «Тайны Урала» неожиданно разразилась вспышка ужасной эпидемии, вызывающей сильнейшее умопомрачение. Но на самом деле все обстояло совсем по-другому...

Итак, Николай Владимирович осторожно вставил в дисковод странный DVD-R, извлеченный из конверта с цифрой «1», и выжидательно приткнулся к монитору. Его глаза начали медленно вылезать из орбит, а нижняя челюсть — отвисать, будто у покойника. И ведь было с чего...

Воспроизводимая на экране запись оказалась не очень качественной, сразу видно — любительская. Камера запечатлела пустую, отлично освещенную комнату, а в ней — красивого молодого мужчину, мускулистого, высокого, белокожего, почти как альбинос, но при этом — темноглазого и черноволосого. Незнакомец обаятельно улыбнулся и начал непринужденно раздеваться...

Поначалу господин Зимин даже брезгливо поморщился, ибо на дух не переносил мужского стриптиза, но потом мужчина остался в чем мать родила и начал творить такое, что главный редактор «Тайн Урала» и думать забыл о своем недавнем невнимании...

Голый красавец упал на четвереньки: его лицо вдруг странно исказилось, приобретая вытянутую звериную форму, позвоночник выгнулся, а спина покрылась серебристой

шерстью. Руки и ноги изменились, превратившись в лапы, вырос пушистый хвост, а уши приподнялись и заострились... И вот, спустя какую-то пару минут, вместо человека в комнате сидел крупный белый волк, в довершение ко всему издевательски-преднамеренно запрокинувший красивую морду и мелодично завывший... На этом запись оборвалась...

— Ик! — потрясенно выдал Николай Владимирович. — Он, ик, оно, ик... Что это?

— Сенсация! — насмешливо прокомментировала рыжая Алина, единственная из всех собравшихся в кабинете не утратившая выдержки. — Та самая, которую мы и искали!

— А если это розыгрыш или фальшивка? — вполне обоснованно усомнился ее босс. — Никогда не слышал о подобных трансформациях...

— Неправда, — укоризненно опровергла пришедшая в себя Марина, — Мы все о них слышали, просто не верили или... — она таинственно понизила голос, — не хотели верить!

Скептическое выражение лица господина Зимина немного смягчилось.

— Хорошо! — вынужденно согласился он, прислушавшись к мнению начитанной девушки. — Возможно, конверт под цифрой «2» содержит какие-нибудь объяснения. — Он с треском порвал пакет и достал листок, заполненный несколькими скупыми строками. Надпись гласила: «Если вам требуется дополнительная информация о воинах-лугару, то пожелавший остаться неизвестным доброжелатель ждет госпожу Евангелину Сокольскую на мосту Маргит 18 января сего года, в десять часов вечера. Пусть девушка приходит одна».

— И как прикажете воспринимать подобную чертовщину? — возмутился господин Зимин. — Я ничего не понял! Какие такие лугару, какой мост?

— Лугару — это мифические венгерские оборотни, имеющие два облика: человека и волка, — четко пояснила Марина. — А мост Маргит является известной достопримечательностью венгерской столицы Будапешт и соединяет две его части: старую — Буду и новую — Пешт.

— А Сокольская — это та самая невзрачная уродина, которая работает у нас в отделе коррекции, — мстительным голосом добавила ревнивая Ирина, решившая отменить номер с обмороком, раз уж он не произвел должного впечатления.

— А восемнадцатое января наступит всего через неделю! — подытожила сообразительная Алина. — До Будапешта еще добраться нужно, так что придется поспешить...

— Там точно сказано — восемнадцатое? — поспешил проверить господин Зимин, но записка сияла девственной белизной. Все написанные на ней слова исчезли сами собой, будто испарились...

Чуть не сталкиваясь лбами, «триумвират гарпий» гурьбой бросился изучать безупречно чистый листок бумаги.

— Мне померещилось? — с сомнением Пробурчал главный редактор, чуть ли не обнюхивая злополучный листок бумаги и пробуя его на зуб. — Я сплю?

— Нет, — повторно вмешалась умница Марина, — Письмо написали симпатическими чернилами, исчезающими при контакте с воздухом. Точь-в-точь как в шпионских фильмах...

— Гелий, хватай ноги в руки и бегом ко мне! — скомандовал шеф, поднимая трубку внутренней связи. — Срочно требуется твоя консультация.

Благодаря профессионализму главного сетевого администратора журнала «Тайны Урала», сердито бормотавшего: «Вот только сядешь поработать, так обязательно кто-нибудь сразу же разбудит...», удалось установить — записанный на диск видеоролик является самым что ни на есть подлинником, ни о какой подделке здесь и речи не идет. Хотя даже после проведения экспертизы Гелий так и продолжал заторможенно таращиться в монитор, повторяя недоверчивым шепотом: «Это невозможно!»

— Где Сокольская? — вкрадчиво спросил шеф, хватая за руку дрожащую словно осиновый лист секретаршу Леночку. — Я вас спрашиваю, где мое сокровище, где мой самый ценный работник?

— Не знаю! — робко проблеяла та, рискуя навлечь на свою пергидролевою голову неистовый гнев босса. — Она всегда такая незаметная...

— Дура! — свирепее, чем медведь гризли, взревел Николай Владимирович. — Звони ей, ищи ее...

Леночка усердствовала, своим сыщицким энтузиазмом превзойдя весь штат знаменитого Скотланд-Ярда, но искомая Ева как сквозь землю провалилась. Ее не обнаружилось ни дома, ни на работе, а сотовый телефон неуловимой помощницы младшего корректора беспрестанно выдавал равнодушное: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети...» Начальник все больше мрачнел лицом, а его сотрудники забились по своим комнатам и старались не показываться без особой на то надобности. Еву разыскивали на всех этажах, но безрезультатно...

В офисе журнала «Тайны Урала» воцарились хаос и паника...

Понедельник — день тяжелый! Сия элементарная истина является непреложной и неоспоримой, на собственной шкуре выстраданной целыми поколениями замордованных непосильной трудовой эксплуатацией пролетариев. Особенно если этот понедельник выпадает на одиннадцатое января и становится первым рабочим днем после почти двухнедельного новогоднего отдыха. Во всем этом я убедилась немедленно, едва перешагнув порог редакционного офиса.

Первым делом я чуть не довела до оргазма нашего штатного охранника, наотрез отказавшегося признавать в прекрасной незнакомке, улыбающейся ему с откровенным дружелюбием, прежнюю скромную и серенькую Еву Сокольскую из отдела корректуры. Он с подозрением уставился на предъявленный ему пропуск, переводя недоверчивый взгляд с моей расфранченной фигуры на пластиковый квадратик и явно отказываясь верить собственным глазам. Если перед ним все-таки, правда, стоит Ева, то что за чудесное такое преображение произошло и не выйдет ли она за него замуж?

«Нет, не пойду!» — кокетливо покачала головой я и почти бегом взбежала по лестнице на второй этаж, прекрасно понимая: это еще цветочки, ягодки меня впереди ждут!..

Офис журнала «Тайны Урала» выглядел так, будто по нему прошелся смертоносный тайфун или ураган наподобие знаменитой американской Катрины, полностью затопившей город Новый Орлеан. А выражаясь более образно, рабочие помещения редакции вполне могли бы сойти за живописный триптих: царь Иван Грозный убивает сына, сносит дом и пилит дерево... Ну или что-то столь же грандиозное и в этом же эпическом жанре!

Все способное разбиться — оказалось разбито. Ожидающие правки бумаги ровным слоем неожиданно выпавших осадков устилали пол, припорошили столы и даже свисали с люстры. Наш обычно невозмутимый сетевой администратор Гелий соляным столбом застыл в центре своего кабинета, уподобившись безнадежно зависшему системному блоку. По его лицу блуждала идиотская ухмылка.

— Это невозможно, — нудно скрипел он, словно допотопный патефон, заиклившийся на одной и той же песне. — Но я же видел не монтаж, а — подлинник! А это — невозможно...

«Видимо, наш Гелик опух-таки от безделья и сошел с ума! — печально подумала я. — Нет, подобная творческая работа до добра не доводит». Хотя откровенно говоря, он и раньше был странным, как и положено всем программистам. Всегда ставил рядом с собой два стакана: один с водой, на случай, если ему захочется пить, и второй пустой — если не захочется... Недаром в его понимании все в нашем мире можно подвести под двоичную систему исчисления: описав с помощью нулей и единиц...

В уголке приемной взхлеб рыдала секретарша Леночка, размазывая по пухлым щекам обильные слезы вперемешку со шведской косметикой.

— Ева? — Она удивленно распахнула глаза, взирая на меня с откровенной завистью и неподдельным недоумением. — Ты ли это?

— Нет, это Шемаханская царица во плоти! — Я сохраняла абсолютно невозмутимый вид, прекрасно понимая, какое травмирующее впечатление произвожу сегодня на нашу заносчивую секретаршу. Благодаря своей близости к шефу Леночка считала себя

исключительным по значимости созданием, а мой новый облик и мои эксклюзивные наряды, приобретенные по совету отлично разбирающейся в моде Галки, дали ей по темечку сильнее, чем криминальный клевок Золотого Петушка.

— Ой! — экзальтированно всплеснула руками Леночка, — Как ты изменилась, прямо и не узнать. Настоящая принцесса... Слушай, Ева, у нас к тебе такое щекотливое дело...

— Никаких дел! — решительно потребовала я, жестоко обрывая ее умильные излияния. — Вернее, мне уже искренне наплевать на все редакционные дела! Я сюда в последний раз пришла. Сейчас уволюсь — и «ауф-видерзейн», что переводится с немецкого как «покедова», только вы меня и видели. Я надеюсь, мне, как мелкой сошке, не требуется подписывать заявление на уход по собственному желанию у самого?.. — Я церемонно указала на дубовую дверь, ведущую в кабинет босса, намекая: кабинет начальника всегда похож на туалет, ибо и туда и туда заходят только по крайней нужде. — Полагаю, достаточно подписи зама по кадрам?

— Ой! — еще эмоциональнее замахала ладошками Леночка, — Ева, не торопись! Я ведь тебя уже битый час ищу. Позвонила тебе домой, а там какой-то мужчина с приятным голосом ответил: «Она ушла на работу!» Названиваю тебе на сотовый, ноты не отвечаешь... — В жалобном писке секретарши прорезались слезы. — А он тебя требует! Чуть меня не убил...

— Кто требует? — ничего не поняла я, вынимая из сумки свой мобильник. — Э-э-э, м-да, похоже, моя старушка «Нокия» окончательно сдохла. Лена, прекрати реветь и говори конкретно — что тут у вас происходит?

— Не знаю! — взхлеб провыла Леночка. — Он бушует, орет, ногами топает, тебя требует...

— Он — это кто? — еще сильнее запуталась я. Судя по состоянию офиса, меня искал прошедшийся в его стенах ураган.

— Сам! — раболепно округляя глаза, уточнила дисциплинированная Елена, пугливо тыча пальцем в сторону кабинета нашего босса. — Шеф!

— Зимин? — не поверила я. — Зачем?

Но тут дверь кабинета шумно распахнулась, едва не слетев с петель. На пороге обители главного редакционного божества я увидела высокую фигуру начальника, точь-в-точь повторяющую весь масштаб прошедшейся по офису стихии: налитые кровью глаза горят бешеным огнем, галстук криво сбит набок, пиджак расстегнут, волосы взъерошены.

— Вы ее нашли? — разъяренно рявкнул он и сразу же поперхнулся произнесенной фразой, заметив меня. — Здравствуйте, дорогая Евангелина Львовна!

Я недоуменно хмыкнула: «И с каких это пор я стала дорогой? А из: «Хм, девочка, как там тебя?» — Евангелиной Львовной?»

— А мы вас искали, — между тем продолжал медоточиво журчать господин Зимин, одновременно с этим суетливо поправляя галстук и приглаживая шевелюру, — ну прямо с ног сбились!

— Заметно! — многозначительно улыбнулась я, намекая на разгромленное помещение редакции. Из реплик шефа следовало, что пресловутым стихийным бедствием, угробившим офис редакции, являлась я. Хм, видать, недаром всем ураганам дают исключительно женские имена! — Если хотите меня уволить, то не напрягайтесь — я сейчас сама заявление напишу, по собственному желанию.

— Уволить? — Глаза Николая Владимировича полезли на лоб. — Да что вы такое говорите, бриллиантовая наша! Совсем наоборот...

— Чего? — Я всерьез задумалась: а не пора ли вызвать бригаду «Скорой психологической помощи» и изолировать от общества нашего распрекрасного, но явно спятившего шефа?

— Позвольте мне все вам объяснить! — Главный редактор галантно поклонился, придерживая передо мной дверь своего кабинета, к которому меня раньше и на пушечный выстрел не подпускали, и гостеприимным жестом приглашая зайти. — Прощу вас, почтите

меня беседой. Посидим, коньячку-с выпьем?.. — Глаза Зимина смотрели на редкость жалобно, словно у бродячей собаки, усиленно вымаливающей кусок хлеба.

Мне стало как-то неловко и вместе с тем — ужасно стыдно.

«Что же это на свете-то делается?» — успела мысленно посетовать я и вошла в кабинет шефа...

Глава 4

Быть мужчиной — почти нереально трудно! Особенно настоящим мужчиной, ни от кого не зависящим и все умеющим. Ну это значит буквально — тем самым пресловутым героем, который и коня до заикания напугать сумеет, и избу запросто подожжет, добыв огонь с помощью пары сухих деревяшек. А чего вы еще хотите от истинного царя природы, охотника на мамонтов? Вот только с тех стародавних пор то ли мамонты крупнее стали, то ли мужчины — измельчали. Жизнь взрослого мужчины полна непредсказуемых опасностей и злокозненных ловушек, главная из коих называется «женщиной». Именно лукавая женщина, науськанная змием-искусителем, коварно обольстила первого созданного Богом мужчину и лишила его не только нравственной (то бишь половой) невинности, но и сладостных райских куш со всякими там дикорастущими папаями и фейхоа. Изуверский поступок, не правда ли? И страшно подумать, но вот этого-то исконного врага всего мужского рода и требуется с тех ветхозаветных времен ублажать каждый день: обязательно дарить цветы и подарки, осыпать комплиментами и лобызать ручку. А иначе все — хана, бойкот и отлучение от секса на всю оставшуюся жизнь. А к сему садистскому кошмару навечно соблазненные мужчины категорически не готовы! Даже в обратный обмен на фейхоевое варенье.

Нет, цветучки разные — это, конечно, не принципиально, хотя, если разобраться, очень обидно и символично. Когда мужчины появляются на свет, то их матери получают цветы и подарки. Когда мужчины женятся, то их невесты получают цветы и подарки. И наконец, когда мужчины умирают, то их вдовы получают страховку и отдых на Гавайях. И лишь однажды в жизни мужчины тоже получают цветы — на свою могилу. Да и то не все! Ну разве это справедливо?

Хотя нет, цветы — это просто мелочи. Одними ими женщину не приручить. Да и чем, скажите на милость, можно обезоружить созданий, умеющих без применения скальпеля делать операции на мужских сердцах? Подобно цирковым силачам гнущих, ломающих и завязывающих в бараний рог мужчин легче стальных подков. Без гипноза проникающих к ним в душу и лучше рентгенолога невооруженным глазом видящих мужчин насквозь? Тех, кто сначала мужчин в упор не замечает, но зато потом берет их за горло, а далее — воротит от них нос?

Разбирающиеся в женщинах мужчины давно пришли к однозначному выводу — женщины непредсказуемы и до сих пор окончательно не познаны. Поэтому бороться со слабой половиной человечества нужно отнюдь не силой, а лишь правдой и хитростью. Конечно, только в том случае, если на первое хватит смелости, а на второе — ума. Кстати, тут следует признать, что ум и смелость в одном человеке уживаются крайне редко. Ведь ничего не боятся лишь дураки, и только дураки не боятся женщин. Вот поэтому Николай Владимирович Зимин, бывший далеко не глупым мужчиной, очень опасался Евы Сокольской...

Я грациозно опустилась в услужливо пододвинутое мне кресло и с любопытством осмотрелась по сторонам. Кабинет шефа поражал великолепием и вместе с тем соответствовал всем требованиям моего личного представления о комфорте. Да и на рабочий лад настраивал безупречно. И вот ведь нонсенс, но только очутившись в кабинете главного редактора, я сумела окончательно понять — каким гениальным образом его владелец сумел

превратить довольно скромное и банальное издание в элитный гляцевый хит, пользующийся заслуженным интересом и, более того, уважением публики. Похоже, мой шеф обладал двумя бесценными талантами: сам не отлынивал от работы и умел заставить работать других. Каюсь, мне стало немного жаль расставаться со столь перспективным начальником.

— Поговорим? — предложил шеф, подавая мне бокал с ароматным коньяком.

— Поговорим! — покладисто согласилась я, даже и не пытаясь пригубить напичканный аллергенами напиток. — Но о чем?

— А вы изменились, — словно пропустив мимо ушей мой прямолинейный вопрос, похвалил босс. — Я так понимаю, что в вашей жизни произошли некоторые судьбоносные события, позволившие полностью раскрыться ранее не реализованным сторонам вашей натуры. Впрочем, предпосылки к возможности подобной метаморфозы я заметил сразу же, едва увидев вас впервые, а поэтому и принял на работу...

— И что конкретно позволило вам сделать столь дальновидные выводы? — заинтересовалась я. — Неужели мое внезапное внешнее преображение?

— О нет, — с усмешкой махнул рукой господин Зимин. — Умная женщина всегда найдет возможность стать красивой...

— Умная? — иронично приподняла бровь я.

— Извольте удостовериться сами. — Шеф извлек из ящика своего стола тонкую папочку и открыл пластиковую корочку. — При поступлении в мой офис вы прошли тестирование и заполнили стандартную анкету, на ряд вопросов коей... — он выдержал драматичную паузу, нагнетая загадочность, — ответили не стандартно, а очень оригинально.

Ну например:

Самохарактеристика сущности: *чертовски язвительна, не в меру иронична, не развязна, ранима, затейлива;*

Семейное положение: *имеется;*

Отношение к институту брака: *если уж быть холостым, то только патроном. А еще лучше — Фауст-патроном, которого многие называют Мефистофелем;*

Любимая поза из «Камасутры»: *«Мыслитель» работы скульптора Родена. Авось не тронут...;*

Есть ли хобби?: *да, есть крем-брюле;*

Образование: *местами выше среднего;*

Пол: *ниже потолка;*

Кредо: *нет-нет да и да;*

Симпатичный тип мужчины: *высокий, нерусский, независимый, с восточными корнями, большим стволом и зеленой кроной. Кроме крон может еще зеленеть баксами. Желательно — без каблуков и не подкаблучник;*

Симпатичный тип женщины: *«Белая ворона», которую, несмотря на это несомненное достоинство, все-таки не пытаются заклевать;*

Любимая фраза, услышанная от других: *их много. Вот только некоторые из них: «Это всё от мракобесия», «Мешками кровь проливал», «Сам дурак!», «Вас тут не стояло», «А еще в шляпе!»;*

Любимое блюдо: *фарфоровое, из Севра, дорогое и не в цветочек;*

Любимый напиток: *это слишком очевидно. Чтобы стать не пивом, этому напитку нужно очень постараться;*

Любимый анекдот: *короткий и в тему;*

Любимый писатель: *их много, а я одна. А ведь гораздо легче любить одну, не так ли?*

Любимый цветок: *подаренный мужчиной;*

Любимый камень: *вынутый из-за пазухи. Всегда лучше играть в открытую;*

Любимая игра: *без человеческих жертв;*

Любимый цвет: *черный. Хорошо оттеняет светлые мысли;*

Любимое занятие: *оттянуть момент начала работы;*
Умения, пригодившиеся в жизни: *могу готовить кое-какие блюда, хотя не гончар и не стеклодув;*
Любимый день недели: *пятница, поскольку еще не начался понедельник, как это обычно имеет обыкновение случаться с субботой.*

— Я полагаю, этого будет вполне достаточно! — Господин Зимин прервал чтение моей анкеты, демонстративно захлопнул папку и убрал ее в стол. — Судя по вашим ответам, вы человек в высшей степени умный, проницательный и обладающий редкостным чувством юмора. А посему предлагаю вам поговорить начистоту, без обиняков — откровенно и доверительно. Согласны?

Я задумалась. Уже будьте уверены, если вам предлагают откровенно поговорить, то, значит, хотят поймать какую-то личную выгоду, способную обернуться лично для вас массой бед и проблем. А иначе как без этого? Большая часть людей отнюдь не являются альтруистами. Ибо жизнь — штука каверзная, но и мы, в свою очередь, та еще сволота... А сейчас меня явно пытались подбить на что-то необычное. По идее и по уму, мне следовало бы не вступать в предложенные переговоры, а немедленно встать и уйти. Но любопытство, как обычно, оказалось сильнее меня...

— Согласна! — отважно ответила я, отставила бокал и пристально посмотрела в темные глаза своего интригана-шефа. — Итак?..

Продемонстрированный шефом видеоролик не вызвал у меня ни малейшего удивления. Уже вдоволь насмотревшись на отвратительные трансформации ликантропов, я могла лишь порадоваться вполне эстетичному зрелищу превращения лугару. Из симпатичного мужчины он перекинулся в не менее симпатичного зверя. Приятно.

— На вашем лице не дрогнула ни единая черточка! — подметил мой бдительный шеф. — Значит, вы восприняли сию волшебную метаморфозу как нечто само собой разумеющееся. Осмелюсь ли я, основываясь на тексте записки, правда исчезнувшего, но запомненным мною дословно, предположить, что слово «лугару» говорит вам гораздо больше, чем мне? — В его голосе прозвучало далекое эхо тщательно скрываемого страха.

— Возможно! — уклончиво хмыкнула я. — Итак, вы показали мне диск и передали суть анонимного послания. Поэтому я спрашиваю — чего вы от меня хотите?

— Информацию! — чистосердечно признался господин Зимин. — Не скрою, любым представителем нашей журналистской братии аналогичная сенсация оценивается на вес золота. Поверьте, уж я-то знаю толк в подобных вещах. А поэтому я хочу, чтобы вы поехали в Будапешт и привезли мне материал для полнообъемной статьи. Раздобытые вами сведения потянут не только на вторую «Ириду», — тут он любовно огладил пальцем бронзовую статуэтку, украшающую его стол, — но и вполне способны принести мне Пулицеровскую премию!

Я иронично улыбнулась. А вы далеко не промах, господин главный редактор! Любите загребать жар чужими руками! Признаюсь откровенно, мне нет никакого дела до ваших желаний и амбиций. У меня своих проблем полно. И посему я имею полное право сейчас же встать с вашего удобного кресла и, ничего не объясняя, без зазрения совести покинуть навсегда офис редакции, если бы меня не удерживал один загадочный факт, накрепко повязавший наши с вами интересы... А заключается он вот в чем...

Я прекрасно понимаю, кто именно способен прислать подобную завлекательную записку: или ликантропы, или немцы. Одно из двух. Судя по всему, и те и другие имеют огромное желание заполучить меня в свое распоряжение. Вот только мне пока не совсем ясно — для каких именно целей? Но почему они не прислали это письмо ко мне на дом? Ответ слишком очевиден — они из всех сил стремились избежать того, чтобы сие приглашение случайно не попало на глаза Рейна! С одной стороны, приди я на мост Маргит одна, меня будет куда проще захватить и увезти из-под опеки Изгоя. А с другой, возможно, это намек на факт ненадежности самого воина-лугару и очевидный призыв: «Не торопись

доверять ему всецело». Не доверять любимому мною мужчине? Неслыханно! Все это выглядело в высшей степени загадочно и непонятно! И раскрыть кроющуюся в записке тайну возможно лишь единственным способом — действительно прибыть в Будапешт и прийти на назначенное мне randevu, чем бы оно ни закончилось. Да, риск огромен, но тогда я самоуверенно решила — эта опасная игра стоит свеч! Откажусь — и стану жалеть о несовершенном поступке всю оставшуюся жизнь. Помру от неудовлетворенного любопытства... А пока я тщательно скрою все произошедшее в кабинете господина Зимина от Рейна и постараюсь самостоятельно восстановить недостающие звенья логической цепочки, ускользающие от моего осмысления. В тот момент я, бесспорно, сильно переоценивала свои способности, не понимая, в какую страшную авантюру позволяю завлечь себя и дорогих мне людей. Признаюсь, тогда я этого еще не осознавала...

Таким образом, у меня обнаружилась личная и весьма веская причина отбыть в Будапешт, но я отнюдь не собиралась доводить ее до сведения своего шефа.

— Предположим, для начала просто предположим, — делано равнодушным тоном протянула я, — что моя поездка в Будапешт состоится. Но чем вы собираетесь оплачивать добытую мною информацию?

— Деньгами! — с готовностью откликнулся господин Зимин, протягивая мне чек, выписанный на мое имя. — Обналичьте его в банке и ни в чем себе не отказывайте!

Я согласно кивнула, ибо Николай Владимирович предложил совсем неплохую сумму, позволяющую мне путешествовать с комфортом и в дальнейшем не зависеть от финансовой поддержки Рейна.

— А еще чем полезным вы готовы мне помочь? — неожиданно спросила я, подчинившись внезапно пробудившейся интуиции.

Господин Зимин растерянно крикнул и посмотрел на меня уважительно.

— Черт вас побери, Евангелина! — наигранно-непринужденно, громко рассмеялся он. — Вы и вправду необычная девушка! Ваши способности меня пугают! Откуда вы узнали о моих знакомствах?

— Почувствовала! — небрежно отмахнулась я, не намереваясь акцентировать лишнее внимание на своих паранормальных способностях.

— Ну хорошо. — Шеф полистал свою записную книжку и, что-то выписав из нее, пододвинул ко мне листок бумаги. — Я с детства дружен с одной весьма влиятельной особой, в настоящее время проживающей в Буэнос-Айресе. Ее зовут Солана Рамирес, и эта сорокалетняя женщина является наследницей и вдовой недавно скончавшегося чрезвычайно богатого алмазопромышленника, а также знатоком археологии и щедрым меценатом. Если у вас возникнут затруднения, позвоните ей по данному номеру и сошлитесь на меня. Думаю, вы легко найдете с ней общий язык.

— Основательница «Научного фонда Рамиреса»? — уточнила я, пряча в карман листок с телефоном.

— Именно! — гордо улыбнулся мой босс. — Полагаю, ее настоящее имя совсем не Солана, но сейчас это неважно. Так как?

— Хорошо! — Я крепко пожала его протянутую руку, скрепляя заключенную нами сделку. — Я принимаю ваши условия и добуду информацию! До встречи, господин Зимин! — Я поднялась с кресла и, не оглядываясь, вышла из кабинета шефа. В моей голове вертелись отрывочные мысли: Буэнос-Айрес — это столица Аргентины. А Аргентина каким-то парадоксальным образом связана с немцами... Я не помнила точно — где, от кого и когда услышала эти сплетни, но почему-то абсолютно не сомневалась в их правдивости... И еще — я пребывала в твердой уверенности, что телефон Соланы Рамирес мне вскоре очень и очень пригодится...

Практически все люди, без исключения, жутко завистливые и жадные особи. Особенно наглядно сии нелицеприятные качества проявляются в собственническом отношении к достижениям других людей. Зависть и жадность являются основной движущей причиной

всех происходящих на нашей планете войн. Соседнее государство построило или изобрело что-то новенькое, чего нет у нас? Вот ни фига себе! — Отобрать это у них немедленно! Ну или, на худой конец, украсть, стырить, спереть! Ах, у них другая идеология, да еще иные моральные принципы? Уничтожить этот народ, а все имеющиеся у них ценности отобрать, стырить и далее по тексту. На этих же нехитрых тезисах строится и вся межгосударственная политика, сводящаяся к двум вопросам: кого следует оставить, чтобы жить рядом с ними в некоем шатком подобии мира и добрососедства, а кого — объявить врагом и прижать к ногтю. Главное, чтобы нашлось почему и зачем! Причем всех сразу убивать нельзя, полезных нужно оставить — иначе не у кого станет отбирать, тырить и далее по тексту. Я много размышляла на тему судьбоносных достижений различных народностей и составила собственную градацию их полезности. Вот что у меня в итоге получилось:

— индийцы придумали шахматы, в шахматы играют все, поэтому индийцев нужно оставить;

— китайцы придумали фарфор и порох, а еще — невкусную китайскую тушенку. Фарфор и порох — это хорошо, а вот их тушенка — плохо. Получаем соотношение два к одному. Половину китайцев убрать, половину — оставить;

— русские придумали водку, «тетрис», радио и «Сарынь на кичку!». Русских оставить;

— немцы придумали пиво, антисемитизм и фашизм. Пиво оставить. Все остальное — убрать оптом. И немецкое порно — тоже;

— мексиканцы придумали текилу. Мексиканцев оставить;

— кубинцы придумали «Баккарди», румбу и сигары. Кубинцев оставить;

— индейцы придумали томагавки, вигвамы и скво. Их хорошо бы оставить, но индейцев уже убрали;

— американцы придумали до фиги всего полезного, но — только для себя. Поэтому американцев следует убрать, а все их полезные штучки разделить между русскими и кубинцами;

— англичане придумали эль и футбол. Англичан убрать. Эль и англичанок — для извращенцев, предпочитающих женщин с лошадиными мордами, — оставить;

— французы придумали «французский поцелуй», «французский насморк» и кошмарные французские фильмы. Оставить только «французский поцелуй»;

— австралийцы придумали кенгуру, утконоса и хитрого зверька вомбата. Оставить всех. Для опытов;

— афроамериканцы ни фиги не придумали. Но их нужно оставить, причем всех. Должен же кто-то работать;

— греки придумали Олимпиаду и оливки. Если сборная России по хоккею с мячом победит, то греков оставить;

— бразильцы придумали Пеле и сериалы. Пеле придумал дерьмовый кофе, а бесконечные бразильские сериалы уже задолбали весь мир. Поэтому убрать всех, и как можно скорее;

— канадцы придумали хоккей. Если уберем греков — оставим канадцев;

— корейцы придумали «морковь по-корейски», которая классно идет под русскую водку, и тейквондо. После продолжительных раздумий корейнок разрешаю оставить, пусть сидят тихо и строгают морковь;

— японцы придумали саке и харакири. Всем японцам пить саке и делать харакири. После еще более продолжительных раздумий я решила, что японок тоже можно оставить. Пусть помогают корейкам строгать морковь;

— украинцы придумали воровать у нас газ, поэтому украинцев убрать. Сало и горилку оставить...

Но больше всех прочих народов я уважаю венгров. Ибо они придумали Будапешт!

Дорога от Екатеринбурга до Будапешта заняла у нас чуть менее трех суток. Это поездом, считая пересадку в Москве. Легендарная столица России, в которую я попала

впервые в жизни, мне не понравилась. Шумно, многолюдно, очень пышно, но зато — весьма забавно. Все смотрят друг на друга и ворчат: «Понаехали тут!» Ну и, конечно, сам город настолько велик, что сориентироваться в нем безумно сложно.

Мало кто знает, что если ударить кулаком по стеклу, то разбежавшиеся трещинки образуют точную схему московского метрополитена... А «высший шик» культурной столицы заключается для приезжих в уникальной возможности быть оскорбленным, избитым и ограбленным в тех самых исторических местах, где творили Пушкин, Лермонтов и Достоевский. Поэтому, оставшись равнодушными к красотах хваленного мегаполиса, мы просто посетили «Макдоналдс», где накормили Рейна гамбургерами, а затем с Киевского вокзала фирменным поездом двинулись дальше. Мы проехали через Львов, Ужгород, пограничный пункт Чоп и попали в Будапешт. Единственным неприятным моментом всего путешествия стал небольшой инцидент, произошедший еще в Москве...

Мы с Галкой дружно загружали баулы с вещами в комфортабельное четырехместное купе, выкупленное нами целиком. Изгой от подобной суетливой работы самоустранился сразу же, с заметным испугом пробормотав что-то насчет «диалектика жизни состоит в том, что женщины суетятся, уходят и приходят, а мужчины как лежали себе на диване, так и продолжают лежать...». Я уже неоднократно подмечала полнейшую беспомощность мужчин во многих бытовых вопросах, а поэтому не протестовала, просто выставив Рейна из заваленного сумками купе. Пусть себе в коридорчике у приоткрытого окошка постоит, свежим воздухом подышит, поразмышляет о глобальном, как и положено мужчине. Я уже давно усвоила одну элементарную истину — иногда нужно не давить на мужчин, а предоставить им свободу побыть самими собой. Пусть они водят машины, крутят романы и тешат свою мужественность, пока мы, женщины, занимаемся незаметными бытовыми мелочами — спокойно правим миром...

Предстоящие тридцать девять часов пути обещали стать довольно приятным времяпровождением. Я мечтала выспаться впрок, Галка с воодушевлением поглядывала на цветастую книгу какой-то малоизвестной авторши Т. Устименко, откопанную ею в подземном переходе на лотке с уцененными товарами, а для Рейна мы приобрели портативный DVD проигрыватель с наушниками и целую стопку дисков с художественными и научно-популярными фильмами. Нужно же ему как-то восполнять пробелы в знаниях, образовавшиеся за двадцать пять лет вынужденной летаргии...

Приятный женский голос, прозвучавший в динамиках, уже объявил отправление нашего поезда, а ушедший прогуляться по перрону Изгой все так и не возвращался. Мы с Галкой не знали, что и думать, как вдруг в наше купе заглянули двое вооруженных табельным оружием бойцов военизированной охраны сопровождения поездов, щеголявшие новенькой формой. Внешне они очень сильно смахивали на захвативших «Луну-2000» наемников. Опять те же самые каменные грубые лица и светлые волосы типичных представителей арийской расы.

— Вы желаете проследовать до станции Будапешт? — спросил тот, что вел себя чуть развязнее, насторожив меня своим чересчур правильным произношением на первый взгляд безупречного русского языка. Выразиться подобным неудобоваримым образом способен лишь тот, кто учил язык по учебнику. Его маленькие голубые глазки так и сверлили мое лицо, словно пытаясь проникнуть в недоступные для мерзавца мысли.

— Да! — холодно ответила я. — А в чем, собственно, дело?

— Вас двое? — не обращая ни малейшего внимания на мое недовольство, продолжал допытываться боец.

— Трое! — безразлично поправила я, жестом приказывая молчать едва открывшей рот подруге. — С нами едет мой брат, он просто покурить вышел.

— Счастливого пути! — ухмыльнулся белобрысый и вежливо закрыл за собой раздвижную дверь купе, оставив нас наедине с нашими отражениями, видневшимися в укреплённом на створке зеркале.

— За нами что, следят? — вытаращила глаза Галка, рефлекторно поправляя причёску,

поскольку равнодушно пройти мимо зеркала всегда было превыше ее сил. — На фиг вся эта загадочность и куда подевался Рейн?

— Я здесь... — Тихий голос Изгоя шел сверху.

Мы с Галкой потрясенно подняли головы...

Он прилепился к потолку вагона, удерживаясь там совершенно непостижимым для нас образом, идеально сливаясь с белым цветом обшивки купе и оставаясь практически незаметным. Я так и не поняла, когда он успел туда вскарабкаться... Насладившись нашим изумлением, Рейн легко спрыгнул вниз и непринужденно уселся на мягкий диванчик.

— Ты чего там делал? — пристала к нему я, с некоторой долей сожаления поглядывая в окно на уплывающий назад перрон. Интуиция подсказывала — мы оставляли позади только город, но никак не свои многочисленные неприятности, — Прятался?

— Он, извращенец, за мной подсматривать собирался! — оскорбленно взывала Галка, при этом обвиняюще потрясая шелковым халатом. — Дождался бы, пока я разденусь и...

— Не хотел попадаться на глаза немецким шестеркам, — своим обычным, ничего не выражающим голосом пояснил Изгой. — Ну и заодно тебя охранял!

— Зачем? — насмешливо поддела его Галка, никогда не упускавшая возможности продемонстрировать свою неприязнь к воину-лугару. — Разве нам грозит опасность? На виду у всех?

— Знаю я эти людные места, — спокойно парировал Рейн, снимая плащ и закидывая ноги на диван. — А если вас кто-нибудь изнасилует...

— Кто? — пренебрежительно фыркнула Галина. — Ты, что ли?

— Могу и я... — Рейн демонстративно зевнул и закрыл глаза. — Но что-то неохота сегодня... Отложим до завтра?

Галка оторопела, размышляя — пошутил он или сказал это всерьез?.. Я понимающе улыбнулась и снова глянула в окно, собираясь задернуть шторку. За стеклом сгушался вечерний сумрак, мела вьюга, но в купе было удобно и уютно. Своим расслабленным поведением Рейн недвусмысленно дал мне понять — враги успешно разгадали фокус с нашей мнимой смертью, следят за нами, но покамест не собираются предпринимать какие-либо решительные действия. Нам предоставлено время на отдых и передышку. Судя по всему, финальная сцена нашего противостояния разыграется в Будапеште...

Внезапно мне показалось, что в полумраке заполненного людьми перрона я заметила до боли знакомую фигуру моего мужа, провожающего наш вагон сосредоточенным взглядом насмешливых, отсвечивающих кровавым блеском глаз... Я недоверчиво тряхнула головой и потеряла слипающиеся от усталости веки.

«Брр, примерещится же такое, явно не к добру! — суеверно подумала я. — Наверное, так дают знать о себе напряжение и динамика последних суматошных дней. Ну как вдруг может Вадим оказаться в Москве, и главное — зачем?..» — И, почти убедив себя в том, что его высокая фигура всего лишь игра моего расшалившегося воображения, я завернулась в теплое одеяло и погрузилась в глубокий сон без сновидений.

Но что-то в глубине моей души не собиралось успокаиваться и отчаянно взывало к здравому рассудку, подсказывая — я не ошиблась, я на самом деле видела именно Вадима...

Я не верю в случайности, а поэтому твердо убеждена, что Рейн преследовал вполне конкретную цель, когда, покупая билеты на поезд, выбрал конечным пунктом нашей высадки в Будапеште вокзал Дели (Южный), расположенный в старой части города. Он прекрасно знал, что именно в Буда у нас будет меньше всего шансов встретиться с кем-то из ликантропов, проживающих, согласно заключенному между чаладами договору, в отведенном им Пеште. И все равно нам не удалось избежать беды...

Будапешт приветствовал нас редким мокрым снегом, летящим косо над землей, да еще шквальными порывами пронизывающе-холодного ветра, дующего с Дуная. Оказалось, венгерская зима в корне отличается от нашей, уральской. Температура здесь редко опускается ниже минус десяти градусов по Цельсию, но близость реки щедро насыщает

воздух влагой, делая его исключительно неприятным и настолько обжигающим, что тебе мнится, будто ты вдыхаешь размолотое в пыль ледяное крошево, намертво замораживающее непривычные к подобному коктейлю легкие. Следует признать, венгерская зима — еще то удовольствие...

Прикрывая шерстяной перчаткой нос и рот, я восхищенно рассматривала изящное и идеально целесообразное здание вокзала, совмещенное со станцией метро, мысленно благодаря предусмотрительного Рейна, посоветовавшего мне надеть вместо шубки теплую куртку из плотной ткани, непроницаемой для порывов капризного сырого ветра. Сам он по-прежнему ходил в распахнутом на груди кожаном плаще, не обращая внимания ни на снег, ни на холод. Бледная кожа и прозрачные, как лед, глаза придавали его удивительному облику вид прекрасной беломраморной статуи, весьма гармонично вписывающейся в ландшафт зимнего Будапешта. Недаром же его называли Идущим сквозь дождь воином!

Часы, укрепленные над главным входом вокзала, медленно пробили пять часов вечера. Темнеет здесь рано, поэтому отходящие от Дели улицы уже освещались вереницами разноцветных огней, упрятанных в вычурные бронзовые фонари. Полукруглую, покату, слегка опущенную нижнюю часть привокзальной площади украшал геометрический эмалевый декор работы скульптора Виктора Вазарели.

Будапешт скромнен и не любит выставлять напоказ свою современность, искусно маскируя ее под рафинированную, утонченную древность, столь милую сердцу каждого коренного будца. Современные торговые центры, офисы крупных фирм, модные отели из стекла и алюминия можно увидеть в Пеште, по другую сторону реки. А тут, на этих овеванных древностью улочках, преданно хранящих память о короле Матиахе и эпохе его правления, жизненный уклад все так же размерен и нетороплив, как триста, а то и все четыреста лет назад. Попав в Будапешт, я испытала двоякое чувство — счастья и разочарования одновременно. С одной стороны, мне казалось, будто я вернулась в давно заброшенный дом — родной и знакомый, а с другой — меня не покидало печальное ощущение пустоты и духовной опустошенности, как если бы мой дом осиротел, лишившись чего-то важного, бывшего ранее средоточием его силы и могущества. Древние боги покинули мой город, оставив после себя лишь руины прежнего великолепия. Будапешт медленно погружался в сон без сновидений, сохраняя присущую ему красоту, но постепенно становясь всего лишь неодушевленным сборищем обычных домов, мостов и улиц. Кто-то страшный и корыстный похитил, унес из моего города его великую тайну, бросая Будапешт на произвол жестокой судьбы. Мой город умирал... Безмолвное зло сгушалось над его мостовыми и крышами, предвещая грядущую гибель всего живого... Конец веков близился!

— Ты тоже это почуяла? — подметил Рейн, нежно обнимая меня за плечи.

Я печально кивнула, стряхивая скопившуюся на волосах влагу:

— В этом городе поселилось зло!

— На том берегу! — Изгой пальцем указал направление, точно наперерез дующему с реки ветру. — Они жестоки, и ими движет ненасытная жажда крови. Ликантропам безразлична участь смертных людей, они готовы любой ценой бороться за свое выживание, даже пройдя по трупам всех прочих существ, обреченных на муки и страдания...

Я зябко передернула плечами, но на этот раз уже не от холода.

— Что же нам угрожает?

— Мы не знаем этого точно, потому что табличка с третьим пророчеством пропала. Но похоже, они, — Рейн говорил конечно же об оборотнях, — ведают немногим больше нас. И своим тайным знанием они не собираются делиться ни с кем, ибо в наше время информация есть единственный и вернейший путь к выживанию.

— Я надеюсь, ты в курсе их тайн? — несмело предположила я, с надеждой заглядывая в его непроницаемые серые глаза.

— Нет, — уголки губ Изгой уныло опустились, — я слишком долго спал и уж не принадлежу к числу тех, кто призван творить историю нашего мира. Я безнадежно устарел, как и этот чудесный город, бессильный перед веянием времени... Я всего лишь фигура из

прошлого.

— Так что же ты предлагаешь мне, воин? — абсолютно несвойственным мне ранее властным и требовательным тоном вдруг спросила я, пытаюсь скрыть овладевший мною страх.

— Это. — Рейн благоговейно прикоснулся к рукояти своего меча. — А еще это и это! — Его пальцы поочередно легли на лоб и на грудь, подразумевая разум и сердце.

— Мало! — жестко отчеканила я. — Слишком мало...

— Тогда прими мою жизнь и мою любовь, светлая госпожа! — Изгой верноподданнически опустился на одно колено, целуя мою руку. — Клянусь, они принадлежат только тебе, да и сам я принадлежу тебе всецело — с текущего мгновения и до гробовой доски!

Я радостно вздохнула, впервые осознав себя способной разрушить горы, повернуть реки вспять, воспарить до небес и, если придется, спасти этот мир. Я пока не уверена, достоин ли он жизни, достойны ли ее жадные и корыстные люди, населяющие Землю, но Рейн признался мне в любви, а значит, я спасу этот мир хотя бы ради него — моего любимого мужчины!

Мне стыдно в этом признаваться, но причиной случившегося несчастья стали не темнота или толкущаяся на привокзальной площади толпа, а то повышенное внимание, которое мы с Рейном оказывали друг другу, почти не замечая окружающих нас людей. Впрочем, им тоже не было до нас никакого дела. Мы поймали такси, загрузили в багажник автомобиля свои многочисленные сумки и только после этого спохватились, обнаружив совершенно необъяснимое исчезновение Галки. Все ее вещи находились при нас, а вот сама мадам Ковалева отсутствовала. Я прекрасно помнила, как она выходила с нами из поезда и непринужденно щебетала у меня за плечом, шумно восхищаясь красотой города. Но потом... Словно вязкая пелена опустилась на мое сознание, надежно затекая момент исчезновения подруги. Когда и каким образом это случилось? Ни я, ни Рейн так и не смогли ответить на такой, казалось бы, простой вопрос — как мы умудрились проморгать Галину? Вот Галка еще стоит рядом с нами, а буквально в следующий момент ее уже нет — будто какая-то неведомая сила подхватила отнюдь не хрупкую девушку и умчала в неизвестном направлении. Причем умчала беззвучно и бесследно, куда как стремительнее, чем ураган, перенесший девочку Элли в волшебную страну Оз. Пребывая в состоянии тяжелого недоумения, мы с Рейном растерянно топтались возле терпеливо ожидающего нас такси, стервея от собственного бессилия. Нам стало понятно — Галка не могла уйти сама, ее похитили. Выкрали прямо у нас из-под носа, дерзко и отчаянно. Так способны действовать лишь самые безжалостные враги, всецело убежденные в собственном могуществе и безнаказанности. На сей раз нас обыграли вчистую...

«Невероятно! — мысленно вопила я, стискивая кулаки и вонзая ногти себе в ладони. — Это невероятно! Клянусь, я поймаю ее похитителей и растерзаю их в клочья!»

«А ты уверена в том, что ее увели насильно? — рассудительно спросил Рейн, снова услышавший мои мысли, усилившиеся от охватившего меня возбуждения. — Возможно, она добровольно перешла на сторону наших врагов...»

«Но зачем и почему? — не поверила я, от переполнявшего меня горя совершенно утратившая способность мыслить связно и объективно. — Да и кому нужна обычная девушка?»

«Она не обычная, — мрачно усмехнулся мой любимый, — она твоя подруга, дорогой тебе человек, а значит, удобный объект для давления на чаладанью или для ее шантажа...»

«Растерзаю! — рычала я, почти теряя контроль над наливающимися жаром ладонями. — Разнесу этот город, но найду Галку...»

Поняв, что ситуация переходит в стадию неуправляемого безумства, Рейн сорвал с моих рук теплые шерстяные перчатки, а потом бесцеремонно схватил меня за шиворот и пихнул прямо в небольшую кучку снега на газоне. Избегая падения, я автоматически

выставила ладони вперед... Снег зашипел, испаряясь от жара моих рук... Я вскрикнула от контраста ощущений и пришла в себя...

— Думай! — сердито приказал Рейн, с удовлетворением глядя на мое прояснившееся лицо. — Вспоминай!

— У тебя имеются реальные основания для подозрений?

— Да, — усмехнулся он. — Я с самой первой минуты знакомства с вами чувствовал, как фальшивит и недоговаривает твоя подруга. Она знала многое, но скрывала это от тебя...

— Галка? — продолжала упираться я, не желая поверить в очевидное. — Моя глупенькая миленькая простушка Галка? Она меня обманывала?

— Это она-то простушка? — Рейн изнутри прикусил свою щеку, сдерживая издевательский смех. — Она обманщица и лгунья!

— Она мне помогала! — выдвинула аргумент я. — Она всегда была рядом со мной, во все моменты опасностей и трудностей!

— Вот именно, она следила и контролировала. Беспреданно! — Он внушительно поднял палец и помахал им у меня перед носом. — Для вранья нужны двое, — со сдержанным упреком добавил Изгой, — Один врет, второй — слушает.

Я виновато понурилась.

— О, даже не сомневайся — ей помогали, — присовокупил Рейн. — Ее постоянно прикрывал мощный экстрасенс, способный ставить ментальные блоки.

— Подобный тому, который сдерживал меня? — оторопело уточнила я, уже понимая — Изгой прав.

Изгой коротко кивнул:

— Возможно, один и тот же...

— Почему ты не рассказал мне обо всем раньше?

— А ты бы мне поверила? — обоснованно усомнился он. — У вас, женщин, эмоции частенько затмевают голос рассудка. Ты бы решила, что я ревную и поэтому намеренно отдаляю тебя от подруги детства...

Я задумалась. После его слов я будто прозрела и начала подмечать много необычного в прежнем поведении Галины. И куда, спрашивается, смотрела я до сего момента? Почему не засекала подозрительных противоречий в Галкиных манерах? Вот уж правда: «Бог наделил женщин красотой. А затем подумал и дал им еще и мозги. Для смеха!» Ранее, в период учебы и даже после того, она никогда не производила на меня впечатления бескорыстной альтруистки, а наоборот — всегда демонстрировала черты закоренелой эгоистки, больше всего пекущейся лишь о собственной выгоде. Как говорится: «Дружба дружбой, а табачок — врозь».

С чего бы это моей жадноватенькой приятельнице, с детства стремившейся использовать меня ради своего личного блага, вдруг так заботиться о моем благополучии, дарить наряды, выводить меня в свет и опекать? До милосердной матери Терезы ей далеко, она уж скорее сама чужое присвоит, чем задарма отдаст свое, кровное! Если рассуждать справедливо, то получается, что именно Галка и стала отправной точкой моих головокружительных приключений: она познакомила меня с диггером и его дружкой-оборотнем, она же втравила меня в авантюру с Дозором. Да и Летописец как-то странно себя с ней вел, неужто проницательный старик тоже заметил наигранность в поведении моей дорогой подруженьки? Она не позволила мне сдать в руки нашей родной милиции. Она заманила меня в «Луну». Она негативно приняла Рейна... Все эти факты вели к очевидному выводу — Галка напрямую замешана в событиях, касающихся меня, но отнюдь не скромной девочки Евы, а чаладаны народа лугару, опять же не без помощи Галины вылупившейся из незапамятной серенькой мышки, будто бабочка из куколки! Так кто же она на самом деле, наша Галина, и какова же ее истинная роль во всей этой чертовски запутанной истории с оборотнями, пророчествами и прочими загадочными событиями?..

— Вот то-то и оно! — хмыкнул Рейн, правильно истолковав мое напряженное молчание. — Так что не станем тратить время на поиски твоей бывшей, — он интонацией

подчеркнул негативный смысл определения «бывшей», — подруги. Полагаю, она вернется тогда, когда это станет нужно не нам, а кому-то другому...

Я печально вздохнула. Выходит, близкие подруги способны на все — даже на подлость и предательство. Недаром, видимо, говорят, что женской дружбы не существует... Таким вот образом список моих потерь пополнился еще одним дорогим для меня человеком. И если бы я знала тогда, при каких ужасных обстоятельствах мне придется повторно встретиться с предавшей меня подругой, то я бы приложила все силы к тому, чтобы избежать подобной роковой встречи. Увы, это от меня уже не зависело. Жизнь — жестокая игра, не брезгующая фальшью и шулерством. Игра, выявляющая подлинную сущность наших натур. А коли боишься остаться в дураках, если не нравятся ее правила, просто отступи, сдайся и не играй...

Воспользовавшись клочком бумаги с адресом дедушкиной квартиры, выданным мне господином Шухерманом, мы смогли безошибочно определиться с местом предстоящей ночевки и подробно объяснили таксисту, куда нас следует отвезти. Вот тут-то и настал подходящий момент, чтобы искренне поблагодарить покойного Льва Казимировича за проявленную им предусмотрительность и настойчивость, с которой он заставлял меня изучать карту Будапешта. Выяснилось, что я прекрасно ориентируюсь в городе, ничуть не хуже тех, кто родился и провел на этих извилистых улицах всю свою сознательную жизнь.

Мы проехали через Сентхаромшаг тер (площадь Святой Троицы), в центре которой возвышается величественная церковь Богоматери, более известная под названием церкви Матиаша Корвина. Невзирая на темноту и снегопад, я смогла отчетливо рассмотреть ее искусно подсвеченные голубыми и розовыми лампочками башни, отличающиеся неповторимой готической резьбой по камню и богатством отделки. Юго-западное крыло восьмидесятиметровой башни украшает детальная копия венгерского государственного герба, на котором изображена и личная печать великого короля с соколом и вороном (символами храбрости и мудрости). Затем мы обогнули замысловато вытянутый Рыбацкий бастион, в наши дни представляющий собой уже не фортификационное сооружение, а эффектную террасу-бельведер, и с нее нам открылась захватывающая дух панорама пештского берега. Я с некоторой неприязнью обозрела владения ликантропов: неоготическую громаду здания парламента, находящийся справа мост Ланцхид и дворец Академии наук, а также гостиницы «Малев», «Форум» и «Дуна-Интерконтиненталь», залитые сполохами праздничных огней. С той стороны реки ощутимо веяло запахами жадного и бестолкового прожигания жизни, сильнее всего смахивающего на пир во время чумы.

Квартира деда находилась в тихом и респектабельном районе Визиварош, в доме номер четыре по Корвин тер. Построенный еще в восемнадцатом веке дом, двухэтажный и немного приземистый, сохранился безупречно. Расположенный над его окнами барельеф прославлял моего коронованного предка, представляя его как ученого, правителя и полководца. Я смущенно отводила глаза, избегая смотреть в лицо Рейну, потому что немного побаивалась предстоящей ночи, кою мне было суждено провести наедине с ним. Но Изгой чутко понял мое мятущееся состояние и успокаивающе улыбнулся уголками губ.

— Располагайся на свое усмотрение, — предложил он, расплатившись с таксистом и заноса наши вещи в скупо освещенный подъезд дома. — Не жди меня и спокойно ложись спать, я хочу разведать обстановку в городе. — И, не произнеся более ни слова, он развернулся на каблуках и ушел не оглядываясь, оставив меня одну, недоуменно рассматривающую интерьер просторного холла. В этом двухэтажном доме имелся всего один подъезд и две жилые квартиры — по одной на каждом этаже. При этом нижняя квартира отличалась куда более скромными размерами, чем верхняя, ибо львиную долю первого этажа занимали холл и ухоженный внутренний дворик. Сверившись с прикрепленным к ключам брелоком, я только собралась подняться вверх по лестнице, как

неожиданно дверь нижней квартиры растворилась и из нее выглянула пожилая полная женщина, одетая неброско, но чисто и опрятно. Увидев меня, она восхищенно всплеснула дебелыми ручками:

— С приездом, молодая хозяйка! Вы именно такая, какой мне вас и описывали — высокая, красивая и черноглазая!

Я сконфуженно молчала, но приветливая женщина, похоже, не очень-то и нуждалась в моих репликах, продолжая тараторить за двоих:

— Меня Элешкой зовут, дорогая ассони! Я лет десять уже как не работаю, но зато исправно присматриваю за вашей квартиркой да содержу ее в чистоте и порядке. Извольте убедиться! — Она шустро подхватила часть сумок и бодро взбежала по лестнице, проявив прыть, неожиданную в столь пожилой и упитанной особе. Ростом она едва доставала мне до плеча, но зато сразу внушала симпатию своим улыбчивым морщинистым лицом, изрядно смахивающим на румяную круглую оладушку.

Верхняя квартира, доставшаяся мне от деда, поражала своими масштабами и добротной дубовой мебелью, сработанной явно еще в прошлом веке. Куда ни глянь — везде инкрустации, мозаика из цветного стекла и серебряные гвоздики.

«Настоящий антиквариат! — рассеянно поглаживая столбик высокой, увенчанной бархатным балдахином кровати сразу определила я, хоть и считала себя в подобных вопросах настоящей дилетанткой. — Пять комнат, да еще и ванная с кухней в придачу. Куда мне столько?» — Сейчас я и впрямь ощутила себя наследницей древних королей, прибывшей в свое родовое имение.

— Мне завещано передать вам послание! — торжественным шепотом доложила женщина, вкладывая в мои пальцы чуть пожелтевший от старости конверт. — Не знаю, что там внутри, но, наверное, нечто очень важное!

Я вздрогнула от непонятного предчувствия и взяла послание, безуспешно пытаюсь угадать личность неизвестного адресанта, ибо внешняя сторона конверта не содержала ни слова.

— Вот вам чистые простыни! — без остановки болтала ассони Элешка, перестила постель и взбивая перину, на которой могла бы поместиться целая рота солдат. — Вы пока искупайтесь с дороги, а я быстренько ужин приготовлю. Что-нибудь легкое: салат по-гречески и курочку жареную? — Домоправительница вопросительно взглянула на меня.

Я согласно кивнула, уж и не зная, как отвязаться от ее навязчивой заботы.

— На одного готовить или как? — продолжала настойчиво допытываться любопытная Элешка.

Я изобразила недоумение.

— У вас молодой человек имеется? — напирала женщина, раздраженная моим смущением.

— Не совсем... — сбивчиво промямлила я, вспомнив Рейна и красноречиво покраснев до кончиков ушей.

— Не совсем молодой или не совсем человек? — добродушно рассмеялась домоправительница, своей случайной, но попавшей точно в цель репликой приведя меня в состояние бесповоротного замешательства. Ну как я могла ей объяснить, что Рейн и не человек вовсе, да к тому же — отнюдь не молод, если судить номинально...

— Значит, готовлю на двоих! — победно провозгласила Элешка, вдосталь налюбовавшись моими пунцово полыхающими щеками, и ушла вниз — хлопотать по хозяйству.

Я открыла оба крана, наполняя водой вместительную фаянсовую ванну, а затем вспомнила о переданном мне письме и распечатала конверт. Из плотного пакета выпала маленькая записка, на которой имелось всего две строчки:

«Поставь на окно с барельефом три зажженные свечи.

Ни о чем не беспокойся».

Я потрясенно вскрикнула, потому что узнала совершенно неподражаемый, угловатый

почерк деда, отлично мне знакомый. На краткий миг мне показалось, будто я вновь ощущаю прикосновение сухощавой, но сильной руки Льва Казимировича, мимолетно коснувшейся моих волос, и вдыхаю крепкий запах его любимого одеколona «Шипр»... Как же это волнительно — получать послания от умерших! Вот только смысл записки оказался для меня полнейшей загадкой... Я недоуменно пожала плечами, но поспешила исполнить его посмертное поручение. Полагаю, дед имел в виду именно то самое окно, расположенное под барельефом с изображением короля Матиаша, отлично просматривающееся с площади. Я отодвинула штору и увидела уже приготовленный подсвечник с тремя свечами. Еще раз пожала плечами, будто показывая — я подчиняюсь неминуемому року, принесла с кухни спички и зажгла свечи. И сразу же после этого с чувством выполненного долга отправилась принимать ванну, благоразумно отложив обдумывание новых тайн до утра...

Три огонька ярко вспыхнули в окне заветного дома...

Наблюдающий за окном мужчина вздохнул с облегчением и широко улыбнулся, вознося богам благодарственную молитву и понимая — она приехала...

Глава 5

Видимо, исключительно по причине своей безграничной доброты выдумщики-Творцы наделили людей не только печенью, селезенкой, кишками, но еще и мозгами, предусмотрительно разделив их четко пополам, на два полушария. У мужчин для того, чтобы эти полушария всегда между собой советовались, у женщин — чтобы они постоянно спорили. Не знаю, как мирятся с подобным подарком судьбы мужчины, а вот женщинам приходится весьма и весьма тяжело, потому что пресловутые половинки никак не желают прийти к единому мнению, постоянно пребывая в состоянии хронического раздора.

Я сидела за накрытым к ужину столом, обхватив руками опухшую от длительных раздумий голову и пытаясь привести враждующие мозговые половинки хоть к какому-то подобию дружбы и согласия. Кушанья давно остыли, украшающие стол свечи сгорели на треть, а я все растекалась мыслью по древу, окончательно запутавшись в собственных чувствах и желаниях. Одна половинка моего дурного мозга вопила благим матом, отчаянно призывая Рейна и слезливо напоминая мне о любви к нему, а вторая благоразумно-занудливо талдычила об еще не оформленном разводе с Вадимом и моем солидном статусе замужней дамы. Неужели я собираюсь опуститься до вульгарного блуда, будучи женой одного, но вожделея совсем другого мужчину? Мои четкие моральные принципы бурно восставали против подобного безобразия! «Но ведь ты любишь именно Рейна!» — самовольно кричало не признающее насилия сердце. «С чего бы это? — удивленно восставала память. — Неужели ты уже забыла прекрасного Вадима, его смуглую кожу и черные кудри?» «Он тебя предал!» — доказывал трезвый рассудок. «Все мужчины полигамны по природе! — внятно апеллировало чувство справедливости. — Не суди его строго. Возможно, если Вадим увидит тебя нынешнюю, то...»

Я громко застонала от невыносимого мучения и вцепилась в свои распущенные по плечам волосы, желая выдрать из головы лихорадочно пылающий мозг. Я знаю, как любит меня Рейн, а поэтому мне следует ценить того, кто страдает без меня, и не гоняться за тем, кому и без меня неплохо. Вадим или Рейн? Рейн или Вадим? Черное или белое, демон или ангел? Как могу я любить их обоих? Ведь это противоестественно и мерзко...

Капля точит камень, ложь — душу, а любовь — мозги... Я старалась думать только о Рейне, о его холодных светлых глазах и белых волосах, но вышедшая из-под контроля память услужливо отматывала время назад, рисуя в воображении картины обнаженного смуглого тела неверного красавца-мужа, сжимающего меня в своих горячих объятиях... О, какие несравненные наслаждения он мне дарил! Он был огнем, а Рейн — лишь лед. Вадим — это плоть, а Рейн — душа... Смогу ли я выбрать одного мужчину из двух?.. Что-то незримое

витало в воздухе, обволакивая меня горячечным облаком телесного желания, властно подталкивая встать, выйти из квартиры и бежать непонятно куда, навстречу кому-то, громогласно заявляющему на меня права господина и повелителя. Чья-то сильная воля буквально ввинчивалась в одну половинку моего мозга, напоминая о Вадиме, в то время как вторая думала исключительно о Рейне...

Внезапно стоящий у меня за спиной приемник включился сам собой, наполняя комнату звуками печальной мелодии. Хрустально звенела арфа, томно вздыхал кларнет, а грудной женский голос пел, давая ответ на все мои невысказанные вопросы:

Ты ушел, а душа моя — мечется,
Словно тень на тюремной стене,
И твержу я себе: «Ох, не лечится
Та болезнь, что гнездится во мне!»

Раздуваясь, растет метастазами,
Мучит болью и днем, и во сне
То, что было всего лишь проказами
Между мной и тобой по весне.

То, что было игрою и шутками,
Нам дарило веселье и смех,
Возносило на небо минутками
И ввергало секундами в грех.

А сейчас разъедает, как щелоком,
Душу жжет изнутри угольком,
Тянет жилы и тащит прочь волоком,
Воет злым недобитым зверьком...

Вырезать из себя буду бритвами,
Да поглубже, уж так, чтобы в кровь,
Откупаться святыми молитвами
От того, что зовется — Любовь...

«Ты ушел... Вадим, вернись! — словно в бреду повторяла я. — Нет, я не могу тебя потерять! Я должна догнать тебя, остановить и обнять... Я не хочу убивать свою любовь...»

Свечи оплывали бесформенными огарками, а одеяло на расстеленной кровати алело призывно и бесстыдно, становясь похожим на лужу свежeproлитой крови. Жар слепого неуголенного любовного желания до предела накалял комнату, заставляя меня кусать свои набухшие губы... Я почувствовала, что задыхаюсь, и рванула шелковый пеньюар, обнажая грудь. Всеми фибрами души, каждой клеткой тела я ощущала — он идет, он уже близко...

Неожиданно дверь беззвучно распахнулась...

Из коридора повеяло свежим зимним холодом. По стенам поползли серебристые пятна изморози, отгоняя адский жар и остужая мой затуманенный страстью рассудок. Я вздрогнула, стыдливо опустила глаза и запахла одежду, понимая — я едва не совершила нечто непоправимое. Проигрыватель умолк, покрылся льдом и взорвался, рассыпавшись фейерверком пластиковых обломков...

На пороге стоял Рейн...

Он сидел за столом напротив меня и, изящно орудуя ножом и вилкой, вкушал

остывшую курицу. Причем именно вкушал, а не ел — настолько отточено-аристократическими представлялись мне все его движения. Его глаза смотрели на меня снисходительно и чуть отстраненно, но я замечала горячие точки, постепенно разгорающиеся в их ледяной глубине. Оказывается, Воин дождя, всегда безупречно равнодушный и корректный, слишком во многом остался человеком и тоже умеет радоваться, страдать, вожделеть...

Стремясь утвердиться в своих сомнительных выводах относительно его сексуальной уязвимости, я томно потянулась, откинула назад распущенные волосы и позволила шелковому пеньюару обольстительно соскользнуть с моего голого плеча...

Рейн тяжело сглотнул и моргнул, буквально пожирая меня глазами:

— Ты такая сладкая, так бы и съел тебя всю... — Он попытался, чтобы эти слова прозвучали как шутка, но его голос дрогнул, выдавая истинные чувства мужчины.

— Запивать будешь? — игриво улыбнулась я, разливая по бокалам розовое пряно благоухающее кьянти.

Изгой откинулся на спинку стула и бурно расхохотался:

— Порази меня стрела Аримана, я и не подозревал, как хорошо ты умеешь владеть собой, моя госпожа!

Я улыбнулась еще приветливее:

— Когда я увидела тебя в дверях, то подумала — сейчас ты меня ударишь! Кажется, за время твоего отсутствия я чуть не совершила огромную глупость. И после этого ты еще находишь меня умной?

— Если женщина глупа — то ее бесполезно бить! — философски парировал он, пристально следя за моей мимикой. — А если умна — то поздно...

Я пренебрежительно фыркнула:

— Стараешься убедить меня в том, что якобы понимаешь женщин?

— Женщин не нужно понимать, — он отпил вино и теперь смотрел на меня так, будто бросал вызов, — их нужно просто любить!

Я покраснела и смущенно опустила ресницы. Выходит, я сильно ошибалась, считая Рейна холодным. Под толстой ледяной скорлупой, почему-то покрывающей его сердце, скрывалась знойная, ранимая натура, бог весть зачем старающаяся выглядеть огрубевшей и непробиваемой. Я слишком плохо знала этого мужчину, такого противоречивого и непредсказуемого... Возбуждающее покалывание возникло у меня в груди, волной прокатившись по позвоночнику и спустившись ниже, в живот... Я испуганно прислушалась к своим ощущениям, пытаюсь скрыть их от Рейна. «Хоть бы он не догадался, — мысленно вскричала я, — о том, что я хочу его почти до потери сознания!»

— Он хочет тебя! — гневно произнес Изгой, указывая на оплывшую свечу. — Ты не просто нужна ему в качестве орудия спасения, здесь примешано что-то личное!

— Хочет? — растерянно охнула я. — Кто?

— Логан! — многозначительно констатировал Изгой, поднимаясь со своего места и придвигая к моему лицу красивый бронзовый подсвечник. — Видишь? — И лишь теперь я заметила — жар, бушевавший в комнате до прихода Изгоя, не только изуродовал стеариновый стержень свечи, но и размягчил сам металл старинного шандала. Кажется, я побледнела. — Я уверен, в мире не существует другого экстрасенса, способного совершить подобное, — рассказывал Рейн. — Логан силен. Твоя мать умела проецировать тепло и вызывать безотчетную симпатию к себе. Но ты значительно превзошла ее способностями, ты — ярко выраженный боевой пирокинетик. А вот Логан — он особенный, уникальный! Он обладает даром управлять эмоциями людей, внушать им мысли на расстоянии и многократно усиливать потоки ментальной энергии. Окажись на твоём месте обычная женщина, ты бы уже стала его покорной рабой! К счастью, возможности твоего организма служат своеобразным панцирем, частично ослабляющим давление разума Логана. И он почему-то не ограничивается намерениями банально подчинить, но и желает тебя не меньше, чем я — безудержно и страстно, так, как может желать женщину влюбленный в нее мужчина!

— Логан? — изумленно переспросила я. — Брат моей матери? — У меня голова шла кругом от откровений Изгой. — Но почему? Зачем я ему?

— Не знаю, — Рейн смотрел на меня исподлобья, ревнивым, настороженным взглядом, — хотя очень хочу узнать! И, клянусь жизнью, я не отдам тебя ему. Не позволю на этот раз застать меня врасплох и отнять самое дорогое, как он уже отнял у меня... — Рейн внезапно прикусил язык и замолчал.

— Как отнял — что? — Я схватила его за рукав и требовательно затрясла, предчувствуя важную, тщательно оберегаемую от меня тайну, уже почти раскрытую этим спонтанным выплеском плохо контролируемых эмоций. — Говори, я приказываю!

Но Рейн громко расхохотался хриплым от возбуждения голосом. Подсвечник выпал из его разжавшихся пальцев и с грохотом покатился по полу.

— Не отдам, — судорожно повторил Рейн, вперив в меня пьяно расширившиеся зрачки. Его трясло, словно от приступа эпилепсии, бледные губы перекосило, на виске выступила капелька пота. — Людви... — Он покачнулся, зарычал и, схватив меня в объятия, собственнически притянул к себе.

«Вадим, — краем сознания еще успела подумать я, — прости меня...»

— Ты моя, моя! — самозабвенно твердил мужчина, покрывая жадными поцелуями мои плечи и шею. Развязанный им халат податливой волной стек с моих бедер. Меня захлестнуло желание, лишая последних остатков воли и благоразумия. Холодные мужские губы приблизились к моему лицу, серые глаза расширились, превращаясь в два бездонных озера. Я стонала от наслаждения, с трепетом отвечая на его прикосновения, на его быстрые, похожие на укусы поцелуи. А потом Рейн подхватил меня на руки и понес к расстеленной постели...

Жрец долго прислушивался к окружающему его пространству, ловя восходящие потоки колючего ветра, стремившиеся подхватить и унести с собой, а затем, утвердившись в своей догадке, глумливо расхохотался. Ветер способен сказать многое, но, конечно, лишь тем, кто хочет и умеет внимать его заунывным песням. Снежинки водили неторопливые хороводы, легко проскальзывая между его растопыренными пальцами, а потом вдруг слились в единое брачное полотно, закрутились в бешеной свистопляске. Ночь наполнилась любовью, противостоянием и болью, а еще — затаенным ожиданием чего-то судьбоносного!.. Он стоял на вершине древней горы Вархедь, серым массивом нависающей над заснувшей ночной Будой, и, выставив вперед ладони, чутко сканировал тишину и тьму. И он дождался... Там внизу, в городе, вдруг ярко вспыхнул и засиял выплеск объединенной энергии двух людей, слившихся в страстном акте плотской любви. Инь и ян, Небо и Земля, Он и Она (неважно, как называют разные народы и разные религии эти противоположные, животворящие начала) соединились, породив новую силу... Следящий за влюбленными жрец довольно ухмыльнулся и прищурил свои звериные глаза.

«Теперь она готова! — злорадно подумал он. — Ох, как разъярится Логан, поняв, что он опоздал, не смог, не успел заполучить ее себе. Теперь, когда чаладанья обрела свою истинную мощь и соединилась с иным самцом, выбрала для себя другого воина, отныне ход истории необратимо изменится. Неумолимый рок взял свое...»

Жрец медленно спускался по каменным ступеням, серпантинном обвивающим склон горы. Итак, Изгой в очередной раз стал предателем, нарушив волю бога Митры и разбудившего его благодетеля — сегодня он осмелился полюбить во второй раз, причем именно ту женщину, убить которую ему поручили. «Тем лучше! — Следящий ликующе поднял голову, подставляя лицо сыплющимся с неба снежинкам. — Тем интереснее!» Молодая чаладанья пошла своим путем, и теперь даже он не решился бы предсказать возможный исход того, что уже приближалось...

— Они станут бороться за нее! — убежденно выкрикнул он, обращаясь к горе. — Слышишь, немой страж моего города? Люди, ликантропы, лугару — все они вступят в борьбу за спасение, ибо она отвергла предназначенного ей воина и защитника, а выбрала

того, кто не олицетворяет ни одну из сил, того, кто зовется Изгоем. Она сама стала ничьей, ценным призом и добычей — залогом выживания! — Он хохотал как безумный. — Ариман, Ормузд, сознайтесь, вы ведь тоже не ожидали ничего подобного. Но это будет забавно!

Пару минут спустя жрец успокоился и замолчал, торопливо направляясь к городу.

«Я подожду, — размышлял он. — Я еще успею убить глупую чаладанью. А пока пусть все поборются за нее, ведь недаром они собрались в Будапеште, повизгивая от азарта, будто свора гончих: герр Крюгер, Логан и Абадайя с Калебом. Уверен, уже завтра они сцепятся за чаладанью не на жизнь, а на смерть. И я смогу узнать много важного, просто не вмешиваясь, слушая и наблюдая. Все великие тайны выбалтываются не из-за шантажа или по принуждению, а в порядке самореализации или самоутверждения. Все они мнят о себе слишком много! — Он язвительно хмыкнул. — Они есть зло, не желающее признавать свою истинную, порочную сущность. Я тоже зло, но в отличие от них — я умен и справедлив. А они глупы, ибо им не дано понять, что когда глупое зло борется со злом умным, то одно из них обычно считается добром...»

В двери моей квартиры постучались, негромко и деликатно...

Я нехотя приподняла голову, до этого уютно покоящуюся на плече тихонько посапывающего Рейна, и прислушалась, пытаюсь прогнать остатки сна. Неосторожно локтем придавила длинные волосы Изгоя, рассыпавшиеся по подушке, побеспокоив своего возлюбленного. Мужчина проснулся мгновенно и тут же цепко схватил меня за запястье, а палец другой руки ласково прижал к моим губам, требуя тишины.

— Кто это? — едва слышно шепнул он.

— Боги спустились с неба покарать нас за грех прелюбодеяния! — невесело отшутилась я, наблюдая за выражением его светлых глаз.

Зрачки мужчины гневно потемнели.

— Любить — не грех! — внушительно, по слогам процедил он, словно пытаюсь меня загипнотизировать. — А ты есть незапятнанное воплощение чистоты и спасения. Помни об этом всегда, звезда моя!

Мое сердце вздрогнуло и забилось сильнее, взбудораженное силой его любви.

— Наверно, домоправительница, — извиняясь, улыбнулась я, не ощущая ни малейшей тревоги, — пришла забрать пустую посуду...

— В три-то часа ночи? — резонно усомнился Рейн, взглянув на часы. — Прямо скажем, не самый приличный поступок для пожилой женщины...

Я удивленно прикусила губу, мысленно соглашаясь с убедительностью его веских доводов. Нет, нас явно посетила не ассони Элешка. Но кто тогда?

Между тем стук повторился, на сей раз став куда громче и настойчивее...

— Лежи, я сам открою, — хозяйским тоном приказал Рейн, откидывая одеяло и поднимаясь с кровати.

Я хмыкнула, покоренная и одновременно разочарованная его поведением. Стоит только мужчине овладеть женщиной, как тот сразу же начинает считать ее своей собственностью! Совершенно не стесняясь наготы, Изгой подошел к двери и, немного поколебавшись, положил руку на чеканную бронзовую ручку. Я попыталась сосредоточиться на возможной опасности, скорее всего поджидающей нас за порогом, но невольно залюбовалась его стройной фигурой и белой кожей, разительно контрастирующей с темными стеновыми панелями, выполненными из мореного дуба. В Изгое было что-то неземное, абсолютно нечеловеческое, отталкивающее и в то же время притягивающее, делающее его еще более привлекательным в моих глазах. Мой снежный принц!

— Не бойся, моя госпожа! — Он обернулся и послал мне печальную, пленительную, какую-то прощальную улыбку. — Жаль, что счастье всегда так быстротечно... Тебе они не причинят ни малейшего вреда!

— Мне? — вскрикнула я, исполненная недоброго предчувствия. — Как прикажешь понимать эти странные слова? Значит, они способны причинить вред тебе? Кто к нам пожаловал?

— Ш-ш-ш, — нежно укорил меня Изгой. — Сейчас ты стала похожа на испуганное дитя. Скрой страх, моя госпожа, и веди себя с достоинством, подобающим чаладанье народа лугару!

— Враги? — предположила я, привставая в постели и прикрываясь простыней. — Так там враги?

— Нет, — криво ухмыльнулся он, — но называть их друзьями мне тоже не хочется... — Он резко повернул ручку и распахнул дверь...

В квартиру незамедлительно вступили три высокие фигуры и, заметив меня, полусидящую на разворошенной постели, тут же низко поклонились, выражая почтение и готовность услужить. Я восхищенно рассматривала троих мужчин, таких же рослых, гибких и белокожих, как и Рейн, отличающихся от него лишь цветом волос и глаз — более темных и живых. Одетые в черные кожаные плащи до пят, они имели при себе длинные клинки, подвешенные в укрепленных на бедре ножнах, и носили стальные ошейники в виде ленты, плотно обвивающей их мускулистые шеи. Под распахнутыми плащами и расстегнутыми рубашками я заметила стальные щитки в форме ромба, укрепленные точно в области сердца.

Стоящий впереди воин, настоящий гигант с грозно бугрящимися мышцами, выделяющийся среди прочих своей суровой мужественной красотой, мягко улыбнулся, взирая на меня немного осуждающе, словно на провинившуюся маленькую девочку. В ответ я непроизвольно вцепилась в мятую простыню, сконфуженно натягивая ее до самого подбородка. Меня застали в довольно пикантной ситуации...

— Моя госпожа! — Гигант опустил на одно колено. — Воины твоего народа рады приветствовать свою великую чаладанью в ее родном городе.

Я рефлекторно кивнула, ибо мое пересохшее от волнения горло отказывалось издавать хоть какой-нибудь звук. Лугару говорил на чистейшем венгерском, правда используя архаичную лексику и строя фразы немного старомодно.

Спутники гиганта поддержали приветствие своего предводителя, синхронно ударив кулаками по методично загудевшим нагрудным щиткам. Похоже, они выполняли старинный ритуал.

— Меня зовут Иган! — продолжил лугару, поднимаясь с колена и обращаясь только ко мне. Он демонстративно игнорировал замершего у стены Рейна, словно подчеркивая — тот попросту недостоин его внимания. И следует признать, что сейчас мой обычно величественный возлюбленный заметно проигрывал этим высокомерным воинам, выглядевшим еще эффектнее на фоне его наготы и плохо скрываемой растерянности.

— Мы стражники храма бога Митры и твои преданные слуги! — подхватил второй лугару, шатен с карими глазами. — Нас прислал старейшина чалада Чистых, уважаемый ур Калеп. Он просит почтить его визитом, госпожа!

— Ночью? — насмешливо каркнул Рейн. — Зимой? В пургу? А не проданся ли ты врагам, Шандор?

Но, невзирая на явное оскорбление, названный Шандором воин даже бровью не повел, продолжая смотреть на меня с обожанием и благоговением.

— Может, вы прекратите таращиться на полуголую женщину и позвольте мне одеться? — сварливо потребовала я, немного освоившись и воспользовавшись вернувшимся голосом. — Надеюсь, вы не монахи, а женщина не является для вас диковинкой?

— Нет, мы не такие, моя светлая госпожа! Нас также именуют клыками и когтями Будапешта, и мы все уже познали близость с женщиной, — хвастливо доложил третий, самый молодой и красивый из воинов, черноволосый и зеленоглазый, на краткий миг утрачивая чопорный вид и становясь обычным мальчишкой. — Простите меня за дерзость, но вы как две капли воды похожи на нашу легендарную прародительницу Дагмару Корвин, чьей надгробной статуе мы поклоняемся. Это же настоящее чудо!

— И ты уже сексом занимался? — не поверила я, ибо зеленоглазый красавчик показался мне совсем еще пацаном.

— Прикажешь доказать тебе мое умение доставлять удовольствие женщине? — с

вызовом рассмеялся молодой лугару. Его глаза лучились и сияли, будто два изумруда.

Я шокировано закашлялась.

— Замолчи, Дьюла! — беззлобно одернул мальчишку Иган, одаривая его заботливым взглядом справедливого начальника. — Не надоедай госпоже чаладанье своими глупостями!

Но красавец Дьюла продолжал разглядывать меня так влюбленно и по-собачьи преданно, словно видел перед собой ожившую икону.

— Чудо смущено и хочет одеться! — примирительно буркнула я, поддавшись обаянию юного воина и отвечая ему признательной улыбкой. — Отвернитесь...

— Простите, госпожа, — почтительно оборвал меня Иган, — но на нас возложена еще одна скорбная обязанность! — Он достал из кармана своего плаща бумажный свиток, развернул его и торжественно зачитал: — Объединенным советом двух чаладов ты, Рейнгольд фон Берг, прозванный Изгоем, признан виновным в совершении следующих тяжких преступлений: подлом обмане жреца бога Митры, нарушении принятых на себя клятв и обязательств, вступлении в контакт со смертными людьми и, самое страшное, в посягательстве на неприкосновенную особу нашей чаладани. Единогласным решением совета ты приговариваешься к смерти. Мне вменено в обязанность немедленно привести сей приговор в исполнение...

Я потрясенно замерла, не способная вымолвить ни слова...

— Взять его! — приказал Иган, взмахом руки повелительно указав на Рейна.

Изгой оскалил зубы и зарычал. Воздух в комнате сразу же стал сырым и тяжелым, ощутимо запахло озоном.

— Врешь, не возьмешь! — с издевкой выкрикнул Изгой, простирая в сторону лугару свои ладони, между которыми проскакивали синие искры электрических разрядов.

— Ты отстал от жизни, фон Берг! — язвительно сообщил Иган, вынимая из-за пазухи маленькую коробочку. — Ты просто устаревший реликт! Нынешняя наука наделила нас приборами, способными нейтрализовать твоё поле...

Рейн рассерженно отшатнулся и с отчаянием воззрился на меня, подавленный собственной слабостью.

Я попыталась пробудить свой временно уснувший пирокинетический дар, но мои ладони упрямо не желали нагреваться, оставаясь чуть теплыми. Видимо, вся моя энергия исчерпалась, растратилась на близость с Рейном и еще не успела восстановиться. Но тут меня осенило...

— Рейн, беги! — закричала я, спрыгивая с кровати, хватая в охапку его вещи и бросая их Изгою.

Он на лету подхватил свою одежду и меч, чудовищным прыжком преодолевая расстояние, отделяющее его от окна.

— Я вернусь за тобой, любовь моя! — со слезами в голосе пообещал он. — Клянусь! — Разбив оконное стекло и вынеся раму, он исчез в темноте.

— Догнать его! — невозмутимо распорядился Иган. — Схватить!

— Нет! — истошно завизжала я, срывая с себя простыню, бросая ее в лицо опешившим воинам-лугару, а сама — клубком подкатываясь им под ноги. — Оставьте его в покое. Я вам приказываю...

В комнате воцарилась неразбериха. Заполосно голосила полуодетая ассони Элешка, прибежавшая на звон разбитого стекла... Она клещом вцепилась в длинные волосы Шандора, похоже решив, что на меня совершено нападение. Оторопевший от ее прыти воин пытался осторожно отделаться от пожилой женщины, сразу растеряв всю невозмутимость и выдержку. Багрово покрасневший Дьюла поднимал меня с полу и, сконфуженно отводя взгляд, заботливо укутывал в окончательно замурзанную простыню...

Сердито ругающийся, но все же не осмелившийся нарушить мое требование Иган задумчиво отступил к той самой стене, где совсем недавно стоял Рейн, и смотрел на меня уже совершенно другим взглядом — побаивающимся, очарованным и шокированным. «Эта

женщина не постеснялась опозориться, явив нам свою наготу, но спасла своего любимого! — прочитала я в его глазах. — Вот это госпожа!»

— Я готова предстать перед старейшиной! — невозмутимо сообщила я, мягко высвобождаясь из мелко дрожащих от замешательства рук юного Дьюлы и царственно заворачиваясь в обрывки злополучной постельной принадлежности. — Отведите меня к Калебу!

Воины-лугару вышли в коридор и терпеливо ждали, пока я оденусь. Сопровождаемая жалобными причитаниями ассони Элешки, убивавшейся по мне, будто по покойнице, я спустилась со второго этажа и открыла ведущую на улицу дверь подъезда. Меня безмерно удивило безутешное отчаяние пожилой женщины, но, поправляя капюшон моей куртки, она успела сбивчиво шепнуть: по городу издревле ходят легенды о страшных ночных стражах, принадлежащих к загадочному народу «людей-волков» и охраняющих покой Будапешта. Я насмешливо улыбнулась и нежно поцеловала домоправительницу, посоветовав ей вернуться в теплую постель да поменьше болтать языком. «Не бывает жара без огня, — подумала я. — Не вижу ничего странного в том, что, прожив многие сотни лет рядом с лугару, рассудительные будапештцы смирились с их существованием, изливая свои подозрения и опасения в сказках да преданиях. А боязнь и уважение всегда идут бок о бок...»

На улице разливался непроглядный мрак. Темные фасады домов не освещались ни единым окном, и только редкие фонари осмеливались дерзко вклиниваться в сплошное полотно ночи, напоминая серебристую нить, прихотливо пропущенную по центру траурного покрывала. Я замешкалась, буквально упиваясь красотой спящего города, и тогда Иган вежливо подхватил меня под локоть, усаживая в поджидающую нас машину. Я не разглядела марку черного длинного лимузина с затемненными стеклами, потому что его фары оказались предусмотрительно выключены. Но в салоне машины имелись обтянутые бархатом сиденья, а к моему бедру сразу же прижалась горячая, даже сквозь одежду, нервно напряженная нога Дьюлы, поспешно занявшего место рядом со мной. А посему я решила не выказывать своих страхов, наслаждаясь увлекательным путешествием и приятной близостью красивого юноши. Иган, откровенно забавляющийся внезапно вспыхнувшим увлечением своего молодого подопечного, уселся напротив нас, открыл крышку вделанного в диванчик бара и начал предлагать мне всевозможные горячительные напитки. Шандор выполнял функцию водителя.

— Спасибо, страж! — Я отрицательно помотала головой, сожалея, что не успела прибрать свои длинные, свободно падающие на спину волосы. Одна прядь зацепилась за воротник плаща Дьюлы и сейчас щекотала его щеку. Зеленоглазый воин благоговейно приподнял мой локон и понюхал волосы, после недавно принятой ванны еще благоухающие сладким розмариновым маслом. В холодных глазах Игана запрыгали смешинки, он не сдержался и иронично фыркнул. Дьюла покраснел.

Я отклонила от юноши и ловко заплела волосы в две косы, игнорируя его разочарованный взгляд. «Еще только не хватало мне проблем с этим горячим влюбленным молодцем!» — мысленно хмыкнула я, чуть отодвигаясь, но нога молодого воина тут же снова, еще настойчивее прижалась к моему бедру.

— Куда мы едем? — Тонированное стекло автомобиля и непроницаемый ночной сумрак полностью скрадывали маршрут нашего передвижения по городу.

— В Святилище, госпожа, — коротко доложил Иган. — В Будапеште существуют всего два места, объявленные мирной территорией, где запрещены любые конфликты или столкновения...

— Усыпальница на острове Маргитсигет и храм Митры! — догадалась я. — Но неужели ликантропы тоже приняли вашу религию?

— Пришлось! — издевательски усмехнувшись, сквозь зубы процедил воин. — Все народы, когда-либо существовавшие на Земле, объединяли два важнейших фактора: вожди и вера. Без них ни один народ не способен развиваться, да и выживать тоже.

Я одобрительно хмыкнула. Возможно, лугару выражались немного архаично, зато мыслили на редкость четко и прогрессивно.

— Да, у вас есть вожди, — поддела я. — И вера! Вот только в кого — в Митру или в... меня? Получается, что я — выше бога?

— Всегда найдется тот, кто окажется сильнее любых обстоятельств, — степенно ответил Иган, случайно или намеренно не замечая моей провокации. — Бог всего лишь объективный судья, поставленный над нами тем, кто правит этим миром. Мы неоднократно убеждались в наличии третьей силы — не зависящей ни от нас, ни от бога. Кто-то называет ее демиургами, кто-то — фатумом, роком, судьбой. Наш мир уже неоднократно приближался к порогу гибели, но всегда находился тот, кто помогал выжить если не всем, то хотя бы некоторой избранной части разумных существ. По воле бога или против оной. Одного из этих спасителей звали Кецалькоатль, другого — Ной. А еще были Иисус, Заратустра, Трисмегист, Берозс и многие другие. А теперь у нас появилась ты... — Все это лугару изложил так серьезно, что я уже почти распрощалась со своим обычным скептицизмом, проникаясь его убежденностью, оказавшейся весьма заразной.

— Ваши старейшины пришли к выводу, что миру грозит гибель? — переспросила я.

Иган сухо кивнул: — Да!

— Но в чем суть и причина грядущей беды? — продолжала допытываться я.

И тут машина остановилась...

— Выходите, моя светлая госпожа, — страж открыл дверцу автомобиля, — мы приехали!

Ласковой улыбкой попрощавшись с заметно опечаленным нашим расставанием Дьюлой, я покинула теплые недра лимузина и очутилась в странном месте, подобного которому не видывала никогда доселе. Автомобиль отъехал и беззвучно канул в темноту, оставив меня в полнейшем одиночестве. Я стояла на огромной мраморной арене, едва освещенной несколькими горящими факелами, воткнутыми в щели меж каменных блоков. Небо прояснилось, снегопад прекратился. Я подняла голову, восторгаясь бездонной чернотой ночного небосвода, расцвеченного алмазной россыпью звезд. Сверху на меня безмолвно взидала сама вечность, безликая и бесчувственная, снисходительно позволившая мне приблизиться к ней на один короткий шаг, на быстротечный миг, на мимолетный вздох. Что значила я по сравнению с бескрайней мудростью и бессмертием этого великого сооружения, этого древнеримского Колизея, построенного на заре веков и сумевшего пережить тысячелетия? Я понимала, что, принципиально не веруя в богов, все равно невольно возношу бессвязную молитву времени и судьбе, по какой-то, пока неведомой, причине принявшим меня в свои объятия и сейчас беседовавшим со мной, как с равным себе существом. И мне безумно захотелось узнать и выяснить — зачем я здесь? Какая миссия на меня возложена? Какие пути мне предстоит пройти?

Я медленно пересекла мраморную площадку и поднялась по полуразрушенной лестнице, выщербленной временем и ногами многих тысяч людей, прошедших по ней до меня. Моему взору открылись величественные руины древнего города, а за ними — сказочно прекрасный беломраморный храм бога Митры, едва подсвеченный первыми лучами восходящего солнца...

Сумевшие завоевать полмира римляне были все-таки не сверхсуществами — неуязвимыми и бессердечными, коими старались выставить себя во всех своих летописях и хрониках, а просто людьми, и поэтому даже они не смогли устоять против манящей неги зеленых берегов Дуная. По их придиричивым меркам именно этот благодатный край в полной мере подходил под определение «обитель богов», вызывая желание остаться тут на века. Здешняя речная вода оказалась вкусной и кристально чистой, небо — безмятежно голубым, а виноград — сладким и янтарно-золотистым. Окруженная горами речная долина выглядела тихой колыбелью, обещающей счастье и покой. Первый, создавший Паннонию легион, состоявший из шести тысяч человек — воинов и нескольких жрецов, построил

беломраморный город, получивший название Аквинк. Чуть позднее римлян вытеснили неистовые гунны, и, согласно немецким хроникам, именно в долине Дуная находился город их легендарного вождя Атиллы. После распада империи гуннов этой территорией владели попеременно различные германские племена, затем авары и славяне, а позже, в эпоху прихода сюда венгров, она перешла к племени Арпад. Но военный амфитеатр римлян и примыкающий к нему храм Митры выдержали всё и практически без ущерба перенесли тлетворное влияние веков, оказавшись сильнее разрушения и смерти. Римляне, превыше всего на свете ценившие искусство и живопись, оставили после себя множество чудесных творений, к коим, несомненно, относилась вилла Геракла с ее потрясающим воображение мозаичным полом, воспроизводящим сцены из мифа о Геракле, его жене Деянире и коварном кентавре Нэссе. К наследию ушедшего народа относятся и каменные саркофаги-захоронения, и скалоподобные развалины водного акведука, и фундаменты огромных бань-терм...

Наслаждаясь прелестью порозовевшего от солнечных лучей мрамора, я досконально изучала все эти сокровища, ранее известные мне только по описаниям в книгах и по фотографиям. Превращенные в музей под открытым небом, останки древнеримского города подавляли своим величием, будя сострадание к зачахшей расе героев и полубогов. Но сам храм, не тронутый ни людьми, ни природой, сохранился в безупречно первозданном виде, буквально крича о том, что над некоторыми явлениями не властен никто — ни люди, ни время.

Я вошла в древнее Святилище и почтительно преклонила колено перед священным алтарем — митриумом, выполненным в форме каменного постамента, прорезанного неглубокими канавками для стока крови. Многие сотни лет назад на нем приносили в жертву животных, а возможно, и людей, по древней традиции украшенных венками из жасмина и тубероз. С некоторой неприязнью я рассматривала статую бога Митры, представляющую собой фигуру молодого мускулистого мужчины, который, ухватив за рога, склоняет к своим ногам усмиренную тушу могучего быка.

«Митра олицетворяет собой Солнце, а умирающий бык символизирует Землю, — размышляла я. — Что кроется в этой аллегории?»

В Святилище находились еще несколько статуй — воплощение образов спутников и служителей жестокого бога. Немного устав от навалившихся на меня впечатлений, я опустилась на каменную скамью, противоположный конец которой занимала коническая мраморная глыба. Я потянулась к прозрачной струйке воды, непрерывно бьющей из халцедоновой чаши, желая утолить жажду, как вдруг услышала громкий вздох. Испуганно вскрикнув, я разбрызгала капли холодной влаги. То, что сначала показалось мне мраморной глыбой, внезапно пошевелилось, дернулось и превратилось в окутанного белым плащом человека. Незнакомец развел складки мягкой ткани, открывая умное, иссеченное морщинами лицо, длинные седые волосы и пронизательные серые глаза. Приветливая улыбка изогнула его тонкие бледные губы. Сухощавая кисть потянулась и бережно коснулась моей щеки.

— Приветствую тебя, моя милая девочка! — чуть хрипловатым голосом произнес мужчина, поднимаясь со скамьи и являя мне свое слегка сторбленное, но еще сильное и крепкое тело. — Творцы, как похожа ты на обоих своих родителей, а еще больше — на Дагмару, священную прародительницу всех лугару!

Я почтительно поклонилась и поцеловала край его плаща.

— Добро пожаловать в Будапешт, моя благовоспитанная госпожа! — счастливо рассмеялся мужчина. — Я никогда не забуду ту минуту, когда узрел долгожданный сигнал трех зажженных свечей в окне твоего дома! — Он обнял меня по-отцовски нежно, привлекая мою голову к себе на грудь и прикладываясь к моему лбу растрескавшимися лихорадочно-горячими губами. — Как долго мы ждали тебя, моя чаладанья!

— Здравствуй, старейшина Калеп! — ответила я. — Я так понимаю, что именно ты и стал тем человеком, который поддерживал контакт с моим дедом?..

Глава 6

Мы с Калёбом бок о бок сидели на скамейке в храме Митры, испытывая абсолютно одинаковое чувство скорби, сроднившее нас намного сильнее, чем любые заверения в дружбе и взаимопонимании. Худое лицо старейшины осунулось, меж горестно нахмуренных бровей залегла трагическая складка!

— Прими мои искренние соболезнования, — задушевым, совсем не официальным тоном вымолвил он, вздыхая и украдкой смахивая повисшую на ресницах слезинку. — Я не знал, что твой дедушка скончался. Я думал, вы приехали в Будапешт вместе. Лев Казимирович был... — Калёб по-стариковски пожевал губами, подыскивая нужные слова, — необычным человеком. Добрым и безупречно справедливым, смелым и даже отчаянным. Нам запрещено вступать в контакт со смертными, но, не стану скрывать, знакомство с твоим дедом, моя дорогая девочка, полностью изменило мое представление о внешнем мире, лежащем вне сферы интересов лугару. Я горжусь общением с ним...

Я слушала Калёба, задумчиво водя по мраморному полу носком ботинка и, кажется, уже в сотый раз жалея, что так и не успела по-настоящему узнать деда. Он скончался слишком преждевременно...

— Однажды Лев Казимирович случайно получил доступ к документам нацистской организации «Аненербе» и начал работать над ними серьезно, рьяно взявшись за расследование многочисленных тайн, кои руководство СССР сначала считало не стоящей внимания мистикой и чертовщиной. Зато потом НКВД разобрался, что за сокровище им досталось, и создан на базе немецких разработок целый секретный отдел, и твой дед возглавлял его долгие годы. И, нужно признать, он преуспел там, где многие отступили и спасовали. — Калёб иронично хмыкнул, намекая, как часто люди отказываются верить собственной интуиции, привыкнув полагаться лишь на логику и очевидные факты.

Я понимающе улыбнулась. Впрочем, мне ли кого-то осуждать, ведь я сама вела себя точно так же еще несколько дней назад...

— Он посетил Будапешт, наверное, раз пять, — пустился в воспоминания старейшина, расслабленно прикрыв глаза и подперев кулаком свой острый подбородок. — Он сумел совершить невозможное — выследил нас. Каюсь, я нарушил наш закон и не убил дерзкого человека, а даже испытывал к нему доверие и симпатию, о чем сейчас ничуть не жалею. Он помогал нам информацией, и мы начали активно сотрудничать. Благодаря ему я узнал об истинной причине примирения ликантропов со швабами. А потом у нас вдруг возникли осложнения с твоими родителями, и, дабы позволить тебе спокойно вырасти и достигнуть возраста свершений, я предложил Льву взять тебя на воспитание... Никто даже и не подозревал, что незаконнорожденное дитя лугару и ликантропа станет нашей чаладаньей. К тому же дети у нас появляются крайне редко, но именно в день твоего рождения неожиданно расцвела первая роза на могиле принцессы Дагмары. Мы получили знак — первое пророчество свершилось! И тогда ты, дитя судьбы, привлекла к себе внимание не только обоих чаладов, но и алчных швабов. А когда мы убедились в неоспоримом подтверждении твоей избранности, выразившемся в виде передающихся по наследству физических признаков, то мы и вовсе пришли в замешательство...

— Так вы всё знали? — шокировано вскрикнула я, потрясенная хладнокровием старого лугару.

— Не просто знал, а сам организовал и спланировал операцию по твоему похищению! — подтвердил Калёб. — Пойми, мы не могли оставить тебя у себя — это означало бы неминуемое начало войны с чаладом Падших, но я ни за что не позволил бы тебе попасть в лапы твоего кровожадного дядюшки Логана. Бойся его, моя девочка, ибо он прирожденный убийца, беспринципный мерзавец и интриган, равного коему еще не рождалось в нашем мире!

Я растерянно прикусила губу:

— Но почему дед молчал, не раскрывая мне тайну моего происхождения?

— Мы ждали, — пояснил Калеб. — В пророчестве четко указан срок твоего вступления в пору зрелости, знаменуемый цветением второго розового бутона на могиле принцессы Дагмары. Но кто из нас мог заранее знать, через сколько именно лет распустится второй бутон — через пятнадцать, двадцать, тридцать? Увы, поэтому нам пришлось скрыть свою связь с твоим дедом даже от Следящих — мудрых жрецов Митры, ибо мы подозревали, что среди них завелся предатель, не желающий спасения людей и свершения третьего, самого важного пророчества!

— Вам удалось установить личность предателя? — Я крепко сжала челюсти, боясь дать волю своему гневу. — Мерзавец, он же намеренно отбирает у людей последнюю возможность выжить!

— Увы, нет! — Калеб виновато пожал сутулыми плечами. — Он оказался намного хитрее и прозорливее нас. Мы намеревались выполнить волю Наставника и пробудить спящего Изгоя, но опоздали. Когда мы спустились в недра горы, то обнаружили его пустую усыпальницу. Кто-то из Древних (а это мог быть только жрец, ибо лишь они владеют секретом доступа в подземное узилище Воина дождя) опередил нас — разбудил смертника и дал ему другое задание. Ур Наставник намеревался сделать Изгоя твоим защитником, но, похоже, предатель дал ему совсем противоположный приказ...

Услышав последние откровения Калеба, я буквально остолбенела. Итак, Изгой самовольно встал на мою сторону, поправ волю направившего его жреца, намеревавшегося превратить Изгоя в моего убийцу. Именно это объясняло все — и его столкновение с Айзеком и Стасом, и поединок с Рихардом. Несчастный, ради любви ко мне он в очередной раз стал предателем! Вместе с тем меня продолжали мучить некие смутные подозрения: возможно, Рейном руководила не только спонтанно вспыхнувшая привязанность ко мне?.. Но тогда что еще? Этого я пока не знала...

— Я хочу досконально разобраться, в чем состоит смысл третьего пророчества и какая конкретно опасность угрожает нашему миру! — ультимативно потребовала я, временно отодвигая на задний план свои личные любовные переживания.

— Увы, — повторил Калеб, уныло передернув плечами, хотя, на мой взгляд, этот бессильный жест совсем не шел старейшине могущественного народа, — табличка с третьим пророчеством Заратустры исчезла. Две хранятся здесь, в храме, а третья... — он виновато моргнул, — пропала бесследно. Именно поисками информации о ее нынешнем местоположении и занимался твой дед. Послушай, дорогая, — лугару придвинулся ко мне еще ближе и понизил голос, — ты слышала что-нибудь о библиотеке царя Ивана Грозного?

— Хм, — озадачилась я, едва сдерживая смех и совершенно некстати вспоминая разгром в офисе редакции «Тайны Урала», в моем воображении отлично увязывающийся именно с шутливым упоминанием о психическом неблагополучии вышепоименованного самодержца, — немного. В основном всяческие байки и рассказы. Его библиотеку принято называть «восьмым чудом света», не включенным в знаменитый список «Семи чудес мира», в который входят висячие сады Семирамиды, Колосс Родосский и так далее... Но если честно, я никогда не верила в ее существование...

— Зря! — сердито перебил меня Калеб. — Очень зря!

Я скептически пожала плечами, неосознанно повторив его недавний жест.

— Ну посудите сами: во времена правления Ивана Грозного книги вообще являлись чрезвычайной редкостью, стоили баснословно дорого и ценились на вес золота. Иметь пять-шесть книг царь еще мог себе позволить, но целую библиотеку... — Я саркастично фыркнула. — Недопустимая роскошь даже для царя!

— На самом деле все обстояло не так, ты ошибаешься, — мягко упрекнул меня Калеб. — Спасая от уничтожения уникальную библиотеку византийских кесарей, младшая дочь деспота Фомы Софья (Зоя) Палеолог вышла замуж за великого русского князя Ивана Третьего, деда будущего царя Ивана Грозного. В условиях строжайшей тайны и под усиленной охраной Софья вывезла из Константинополя в Москву семьдесят подвод с

книгами. Для того чтобы надежно защитить библиотеку, которая получила название «Либерия», а позднее — библиотека Ивана Грозного, книги сложили в каменный склеп в одном из кремлевских соборов, а на железные двери навесили пудовые замки. По свидетельству ученого монаха из Греции Максима Грека, признанного летописца московских царей, в библиотеке имелись глиняные таблички, пергаменты, древнегреческие книги, египетские папирусы и один текст, нанесенный на пластинку из чистого золота, содержащий пророчество огнепоклонника Заратустры. Если верить легендам, в «Либерии» были даже свитки на древнеарамейском языке, подписанные именем Иисуса. Сама библиотека бесследно исчезла в шестидесятых годах шестнадцатого века. Судя по отчетам «Аненербе», попавшим в руки твоего деда, немцы усиленно искали «Либерию» и... нашли!

Я некрасиво разинула рот, отказываясь верить своим ушам:

— Третье пророчество Заратустры досталось немцам?

— Точно! — подтвердил лугару. — Более того, оно находится у них и сейчас, и именно поэтому проклятые ликантропы пошли на сближение с недобитыми нацистами — они мечтают завладеть раритетом, способным подсказать путь к спасению.

— Значит, оборотням нужны я и табличка? — обобщила я.

Старейшина расплылся в довольной улыбке:

— Именно так, девочка моя! И если бы это не выглядело уж совсем неправдоподобным, я бы даже осмелился предположить, что их адский доктор Менгеле не просто стремился создать совершенных воинов, закачивая кровь матери Рейна в вены несчастных подопытных людей, но пытался воссоздать существо, способное воплотить пророчество в жизнь. Видят Творцы — ему это удалось!

— Немцы прочитали пророчество? — с досадой в голосе и обидой на весь мир спросила я.

— Несомненно!

Я чуть ли не до хруста в суставах впиалась пальцами в край каменной скамьи:

— Мать Рейна принадлежала к расе лугару и попала в лаборатории «Аненербе»?

— Да, — по лицу Калеба прошла судорога муки, — она приходилась мне дочерью...

— Что? — подпрыгнула я. — Рейн — ваш внук?

Но к моему безмерному удивлению, лугару вдруг судорожно сжал костлявые кулаки и вскинул их в жесте безмерного отчаяния, глумливо грозя равнодушным небесам:

— В первом браке с дворянином-лугару моя дочь Ханна родила твоего отца — Белу. Мы — представители княжеского рода Фаркаш, являемся прямыми потомками Корвинов и поэтому несем вечное бремя ответственности за свой народ и наш город. — Резким движением он распахнул воротник моей куртки, выдергивая наружу кулон в форме Сокола, висящий у меня на шее. — Помни об этом, моя правнучка! Наш родовой знак всегда считался символом свободы и победы! Поэтому я и приложил столько сил к организации твоего спасения, поэтому я и пошел на контакт со Львом Казимировичем. И только одного я не смог предугадать — того, что возлюбленной Белы станет не чистокровная женщина-лугару, а мутантка — жуткое порождение экспериментов доктора Менгеле, да к тому же родная сестра этого выроodka Логана! — Тут его запал выдохся, и Калев рухнул обратно на скамью. — Их любовь выходила за рамки закона, они изначально и сознательно обрекли себя на смерть, но, вопреки всему, возвысились над нашей гордыней и глупостью, дав нам надежду на выживание. Сами того не ведая, они подарили нам тебя! Хотя возможно, именно в этом и состоит замысел Творцов...

— А плевать мне на этих дебильных Создателей! — мстительно сообщила я. — Какие же они Творцы, если вознамерились погубить нашу планету!

— Остерегайся богов, девочка моя, — испуганно взмолился Калев, — они могут отомстить!

— Человека карают лишь те боги, в которых он верит! — небрежно отмахнулась я.

— Ты не веришь в Митру? — поперхнулся лугару, взирая на меня со смесью осуждения и тревоги. — Ты, воплощенное второе пророчество, носительница наших надежд

и чайний?..

— Я верю в стихийные бедствия, — криво ухмыльнулась я, — и в силу человеческого разума, а посему постараюсь совершить все возможное и невозможное, дабы предотвратить надвигающуюся катастрофу!

— Невозможно спасти всех! — заполошно замахал руками Калев. — Спаси свой народ, умоляю тебя...

— Всех или никого! — непреклонно заявила я.

— Нет, — лугару внезапно успокоился и заговорил как прежде, безмятежно и тягуче, — как и у всех нас, в твоей груди бьется сердце волка, но отнюдь не человека. А волки не признают сострадания, ими управляют только инстинкты, направленные на выживание их вида.

— Разве? — Я приложила руку к груди и тут же ощутила размеренные ритмичные удары. — Я не хочу становиться бездушной хищницей! Клянусь, при любых условиях и в любых обстоятельствах я всегда останусь человеком — добрым, любящим и милосердным!

— Не зарекайся! — с умилением шепнул Калев. — Ты горяча, совсем как мой Бела, и прекрасна, как твоя мать Людвиг!

«Людвиг? — мысленно удивилась я. — Странно, но я почему-то так и не запомнила имени матери... Да, так оно и есть, я ведь его уже слышала, причем — многократно. Где, когда и от кого услышала я его в первый раз? Точно — не от деда...» Не знаю почему, но имя покойной матери вселило в мою душу чувство неясной тревоги.

— Рейн тоже волк, — категорично отчеканила я, — но он не убил меня, а, наоборот, помог мне, защитил...

— Рейн — волк? — презрительно хохотнул Калев. — О, дорогая, мы ненавидим Изгою. Я никогда не поверю в то, что Рейнгольд фон Берг — единокровный сын Ханны. Рейн носит фамилию своего человеческого отца — он слишком непохож на нас, но и на людей тоже. Он — зверь. Нутром чую — он мне не родной. А еще он в некотором роде тоже выродец, почище мутанта Логана!

Меня захлестнул гнев.

— Он меня спас! — с нажимом повторила я.

Но Калев продолжал упрямо качать седой головой:

— Не доверяй Изгою, моя дорогая! Если зверь съел твоего врага, то это еще не значит, что он стал твоим другом!

Признаюсь откровенно, в тот миг мне самой хотелось наброситься на несговорчивого старика и перегрызть ему горло от обиды за Рейна. Воспоминания о проведенной с ним ночи все еще были слишком свежи и болезненны. Я так живо помнила наши ночные поцелуи и объятия, его белое тело, соединившееся с моим, нашу любовь, сделавшую нас единым целым — страдающим и неразделимым. О, как противно мне было слушать всю эту злостную напраслину, возводимую на моего любимого, а поэтому я просто закрыла уши руками и наотрез отказалась внимать доводам своего родственника. Калев печально усмехнулся и замолчал, он все понял... Увы, если бы я тогда последовала его советам, то скольких бед избежала бы в будущем... Жаль, что мне не хватило благоразумия и опыта. Да и что такое личный жизненный опыт, как не масса ценных знаний о том, каким образом НЕ надо вести себя в ситуациях, которые никогда больше не повторятся?

С небольшим запозданием я все же поняла, что, коснувшись личности Рейна, мы завели нашу беседу в тупик, и посему решила сменить тему разговора:

— Но у вас есть какие-нибудь обоснованные предположения относительно характера надвигающегося бедствия?

— Слишком расплывчатые, — с готовностью ответил лугару. — Боюсь, нас ждет катастрофа поистине вселенского масштаба, и ни одна сила в мире уже не сможет ее предотвратить!

— Почему? — полюбопытствовала я.

— Посуди сама, — начал отгибать пальцы Калев. — В сентябре две тысячи пятого года

тропический ураган с красивым женским именем Катрина стер с лица Земли цветущий американский город Южный Орлеан. Европа пережила небывалые наводнения и зной, а в две тысячи седьмом — самую теплую за всю свою историю зиму. Во всех странах за последние пятнадцать лет общее количество катаклизмов и неблагоприятных природных явлений возросло втрое. Что происходит с нашей планетой? Я полагаю — грядет наш последний день!

— Да, факты — вещь упрямая, с ними не поспоришь, — согласилась я. — Но, — тут я скорчила грозную физиономию, — ты вот никогда не задумывался: почему все иностранцы, что-либо перечисляя, отгибают пальцы наружу, а мы, русские, загибаем их внутрь, к ладони?

Лицо Калеба недоуменно вытянулось. То ли до него просто не доходила моя логика, то ли, не поняв примененной мною ассоциативной цепочки, он посчитал меня слабоумной дурочкой...

— Нет, — наконец выдавил он, — не задумывался...

— А все потому, что, исчерпав доводы и сжав руку в кулак, мы всегда оставляем за собой последнюю возможность засандалить энтим комплектом, составленным из пяти полновесных аргументов, в морду тугодуму-врагу! — победно выпалила я.

Кaleb запрокинул голову и весело расхохотался.

— Порази меня стрела Аримана, — отсмеявшись и утирая навернувшиеся на глаза слезы, ругнулся он, — твоя смелость и оптимизм произвели на меня неизгладимое впечатление. Тебя не так-то легко запугать, девочка моя! Мы живем в этом мире так давно, что уже разучились испытывать бурные эмоции и покрылись коркой равнодушия. Но ты, — он смотрел на меня с восторгом, — так молода и энергична, что, наверное, способна совершить многое, не доступное никому из нас. К тому же ты остроумна и находчива. Если хочешь, чтобы твои слова расслышали, — говори громко. Если хочешь, чтобы тебя слушали, — говори по делу, чтобы понимали — говори просто, чтобы уважали — говори честно, чтобы не забывали — говори умно. А если хочешь добиться всего этого сразу — говори смешно! Да благословит тебя судьба, девочка моя! — Он растроганно поцеловал меня в лоб. — Теперь я уверовал в твою удачливость! Прими это, — он протянул мне тонкую черную папку, — здесь хранятся документы, собранные твоим дедом. Возможно, они тебе пригодятся.

Я приняла дорогой подарок и только собиралась произнести слова благодарности, как вдруг до моего слуха донесся торопливый топот чьих-то подбитых железными подковками сапог, эхом разлетающийся под сводами просторного храма.

Кaleb тоже услышал эти звуки и напрягся.

— Кто посмел нарушить наше уединение? — гневно начал он, но не успел договорить.

В Святилище ворвался растрепанный, тяжело дышащий Дьюла.

— Бегите, спасайтесь! — закричал он, обращаясь к нам. — Они — приближаются!..

Одним резким движением руки Дьюла мгновенно оттолкнул меня к себе за спину, и теперь мне приходилось привставать на цыпочки, пытаясь из-за его широкого плеча разглядеть происходящее в храме. Прижимая к груди черную папку с собранными дедом документами, я шокировано косилась на лица обоих лугару, страшно искажившиеся и принявшие вид настоящих звериных морд. Прекрасные черты молодого Дьюлы нереально вытянулись и покрылись серебристой шерстью, оскаленные клыки — каждый с мой палец размером — угрожающе щелкнули. Худые скулы Калеба выпятились и заострились, буквально у меня на глазах обрастая бурой щетиной матерого волка. Люди, еще минуту назад стоящие рядом со мной, исчезли, превратившись в могучих зверей. Но при этом когтистая рука Дьюлы продолжала по-прежнему крепко сжимать обнаженный меч, ничуть не утратив ни прежней человеческой гибкости, ни годами нарабатываемых воинских навыков. Я получила уникальную возможность наблюдать поистине невероятный симбиоз, вобравший в себя все лучшее, что только могла дать природа, искусно соединившая в облике лугару человеческий разум с волчьей силой и неустрашимостью.

— Не высовывайся вперед, не рискуй своей жизнью! — требовательно прикрикнул

Дьюла, притискивая меня к стене.

— А ты? — возмутилась я, безрезультатно молотя кулаками в его непоколебимые, будто скала, лопатки. — Ты готов умереть?

— Это наш священный долг — защищать чаладанию! — ответил вместо него Калеб. — Ибо мы — твои воины!

Я уже хотела выдать какую-нибудь колкость, как внезапно чуть не прикусила свой не в меру болтливый язык, увидев группу появившихся в Святилище людей...

Странную делегацию возглавлял невысокий щуплый мужчина, одетый в щегольской полушубок военного образца. Особое внимание обращали на себя его новенькие хромовые сапоги, начищенные до зеркального блеска. На нервном подвижном лице наглого гостя выделялись темные кучьи усики и характерно зализанная на лоб челка, плотно прилегающая к угловатому черепу. Я не сдержала глумливой улыбки, потому что этот самовлюбленный фронт весьма смахивал на портрет Адольфа Гитлера, являя собой гротескную пародию на внешность фюрера. Следом за самозванным двойником нацистского лидера шла высокая бесцветная женщина, чья легкая походка выдавала в ней опытного наемного бойца. На краткий миг наши глаза встретились, и я вздрогнула от отвращения, интуитивно поняв — этой холодной, как змея, твари неведомы милосердие и жалость, а любовь к убийствам стала неотъемлемой частью ее натуры, затмевая все прочие качества и желания. Белобрысая убийца с презрением оглядела мой макияж и спускающиеся на плечи косы, одним мимолетным взмахом ресниц давая понять, какое низкое место занимаю я в ее личном ранге о значимости личностей — практически нулевое. Сию чрезвычайно своеобразную парочку сопровождали десяток автоматчиков.

— Гутен морген, фрау Евангелина! — Двойник Гитлера чуть склонил гладко причесанную голову. — Безмерно рад нашей встрече!

— Не имею ни малейшего желания отвечать вам тем же! — довольно нелюбезно сообщила я на чистейшем немецком, высовываясь из-за плеча Дьюлы. — Вы мне не нравитесь!

— А мы и не пряники, чтобы нравиться каждой избалованной девчонке! — злобно прошипела женщина-змея.

— Вижу, у вас были очень плохие воспитатели, они не сумели вложить в вашу очаровательную головку даже элементарного понятия о хороших манерах! — раздраженно усмехнулся мужчина, монотонно постукивая себя по сапогу кончиком тонкого стека, зажатого в его обтянутой белой перчаткой руке. — Жаль, что ваши воспитатели не принадлежали к великой арийской расе! Меня радует одно — ваше безупречное берлинское произношение! Бесспорно, вы похожи на дикий цветок — колючий, но прекрасный и благоуханный!

Услышав комплимент в адрес моей внешности, белобрысая дылда бросила на меня ненавидящий, пылающий ревностью взгляд.

«Ого, — иронично хмыкнула я, — похоже, мое первое мнение оказалось ошибочным и излишне предвзятым. Эта женщина безумно влюблена в своего шефа, конечно, только в той собственнической манере, в которой змеям доступен смысл понятия «любить»!»

— Герр Крюгер, Марча Ган, — церемонно наклонил голову Калеб. — Какой неприятный сюрприз!

— Старый блохастый пес! — едва слышно выдохнула Марча. — Ненавижу...

— Почтенный заговорщик! — Крюгер снисходительно махнул стеком, недвусмысленно намекая, что он всего лишь терпит, а отнюдь не уважает старейшину чалада Чистых. — Мой вечный противник! — Определение «вечный» несло в себе нотку двусмысленной зависти.

Калеб сухо кивнул, свысока глядя на немцев, и царственным жестом завернулся в свой белый плащ.

«Ого, — хмыкнула я, — да никак у нас тут наблюдается встреча закадычных «друзей»!»

— Не буду скрывать, что тоже не испытываю к вам ни капли симпатии, господин Калеб, — нехотя процедил Крюгер. — Но, признаюсь, я не смог устоять перед соблазном и воспользовался подвернувшейся возможностью лично лицезреть нашу милую девочку, прибывшую в Будапешт. — Он язвительно улыбнулся. — Незапланированная, но чрезвычайно информативная встреча. Вы не находите?

— Жрец! — звонко выкрикнул Дьюла. — Вас навел подлый предатель!

Улыбка герра Крюгера стала еще более саркастичной.

— Да, — не стал лицемерить он, — один из ваших пастырей сильно не жалуется народ лугару!

— Он умрет! — холодно пообещала я. — Клянусь! Он не сможет противодействовать моей миссии!

— Похвальное рвение! — льстиво похвалил немец. — Вы должны перейти на нашу сторону, фрау Евангелина. Гарантирую, мы предоставим в ваше распоряжение всю мощь наших потайных ресурсов. А они, — он хитро прищурился, — огромны!

— А идите-ка вы с вашими ресурсами, — от всего сердца послала я, — ко всем чертям! Я выбираю мой народ и Рейна...

Услышав имя Рейн, Марча Ган залилась издевательским смехом.

— О... — Брови герра Крюгера горестно сошлись на лбу, образовав трагический излом, — Моя дорогая, как же это печально — ошибаться в том, кого вы так неосмотрительно удостоили званием своего друга...

— Не понимаю ваших намеков, — у меня аж сердце захолонуло от нехорошего предчувствия, — извольте объяснить!

— Пойдемте с нами, — вкрадчиво предложил мужчина, — и мы предоставим вам всю информацию, касающуюся темного прошлого пресловутого Рейнгольда фон Берга. Изучив имеющиеся у нас материалы, вы удостоверитесь сами, что Рейн совсем не тот, за кого он себя выдает. Господин фон Берг хладнокровный убийца и выродок!

Я услышала шумный вздох, вырвавшийся из груди Калеба... Его подозрения подтвердились!

— Не верю, — отчаянно закричала я. — Это все неправда, я вам не верю!

— Как вам будет угодно, — злорадно хихикнул Крюгер. — Вскоре вы сами убедитесь в истинности моих слов. Эта наша встреча получилась спонтанной, и я не успел к ней подготовиться, но в следующий раз...

— Не надейтесь, следующего раза не произойдет, — совладав со своими эмоциями, спокойно сообщила я, а затем поднырнула под локоть недовольно заворчавшего Дьюлы и бестрепетно встала напротив немца, сразу же вперившего в меня жадный изучающий взгляд. — Нелюбовь к нацистам у нас в крови!

— Вы очаровательны в своей смелости и упрямстве, — восхищенно бормотнул мой противник, — Вы станете отличной парой для герра Адама Зауберкюнстлера...

Услышав упоминание о «фокуснике», а именно так звучит в переводе с немецкого эта фамилия, я гадливо вздрогнула и непроизвольно отшатнулась назад. «Черт побери, почему же это прозвище или фамилия производят на меня столь негативное впечатление?» — промелькнуло у меня в голове.

— Хотя я и Ева, но ваш поддельный Адам мне неинтересен! — небрежно пошутила я, намереваясь посильнее уязвить надменного пижона. И мне это удалось...

Желчное лицо герра Крюгера пошло багровыми пятнами гнева.

— Отдайте мне папку с документами, вредная девчонка! — ультимативно потребовал он, жадно протягивая руку к подарку Калеба. — У вас все равно не хватит ума для того, чтобы осознать подлинную ценность этих документов. Мы охотимся за ними уже не один десяток лет. — Пальцы мужчины плотоядно шевелились. — А сами покорно следуйте за мной, не принуждайте меня применять силу...

— Вот как? — иронично рассмеялась я. — Похоже, полученный под Сталинградом урок не пошел фашистам впрок. Впрочем, — я смерила его не менее оценивающим

взглядом, — вам это простительно, вы ведь родились уже после позорного разгрома ваших соотечественников, трусливо продувших войну с нами — русскими...

Глядя на перекошенное лицо немца, я подумала: «Его сейчас точно хватит удар!» Он судорожно хватал воздух криво разинутым ртом, шокированный моей наглостью. Сзади ошпаренной кошкой шипела Марча Ган. Мой победный голос взлетел к сводчатому потолку храма, превращаясь в сардоническое эхо.

— Знаете, — уничижительно закончила я, — все иностранцы делятся на две категории. Первые считают, будто нас можно победить, а вторые уж слышали — как пьяные русские поют в караоке...

У меня за спиной тихонько хмыкнул Кaleb, зато менее сдержанный Дьюла раскрепощенно ржал во все горло, срываясь на тоненькое щенячье повизгивание.

— Ты, — с убийственным презрением, неспешно процедил герр Крюгер, — тварь не чистокровная... Как смеешь ты порочить память нашего великого вождя?!

— Ой, да куда там памяти, если я про вашего фюрера такое знаю... — Я оглянулась и хулиганисто подмигнула совсем раскисшему от смеха Дьюле. — Слушайте: встречаются, значит, в аду Гитлер и колорадский жук. «Эй, мужик, а ты за что тут сидишь?» — спрашивает ушрое насекомое. «Да вот хотел весь мир на колени поставить! — гордо отвечает Гитлер. — А ты за что?» — «А я уже и так весь мир раком поставил...»

Кaleb не выдержал и закашлялся...

Дьюла зажимал себе рот рукой, даваясь бурным хохотом...

По строю автоматчиков прокатились сдавленные смешки...

— Дрянь! — взбешенно завопил герр Крюгер, жутко вращая вытаращенными глазами. — Подлая девка! — Стек, зажатый в его пальцах, взмыл в воздух и хлестко обрушился на мою щеку... Я услышала мелодичный свист и ощутила обжигающую боль, пронзившую мое лицо. В глазах у меня потемнело, я вскинула руку и метнула алый комок пламени в немца...

Огненный сгусток стек с моих пальцев и падающей звездой устремился напрямик к герру Крюгеру. С истошным визгом белобрыся Марча Ган прыгнула наперерез огненному шару и изворотливо отпихнула в сторону своего важно напыщенного шефа. От ее толчка немец не удержался на ногах и неловко повалился набок, уходя с траектории полета огненного шара. Но сгусток все-таки успел мимолетно зацепить его щеку и шумно врезался в стену, разбрасывая язычки пламени и осколки мраморного крошева. Мужчина глухо взвыл и схватился за обожженное лицо. Я радостно ослабилась, покачивая на ладони вторую порцию смертоносного огня. Эх, раззудись плечо, размахнись рука!.. Второй шар пошел навесом — по дуге, взяв курс на столпившихся в центре Святилища автоматчиков, лощеных таких ребят, неслабо напомнивших мне шкафы с антресолями.

С паническими воплями нехилые «шкафы» дружно ломанулись в разные стороны, уподобившись отнюдь не бестрепетным бойцам, а каким-то робким работникам банно-прачечного треста. Но их реакция оказалась недостаточно быстрой, а посему досталось автоматчикам изрядно. Три обугленных трупа живописно декорировали собой ту самую скамеечку, на которой еще недавно восседали мы с Кalebом. Сверху на нас укоризненно взирала статуя бога Митры, явно возмущенного учиненным в его храме безобразием. Многовековое перемирие нарушили, причем нарушили самым грубым и беспардонным образом...

Дьюла смотрел на меня с нескрываемым уважением. Кaleb одобрительно выгнул седую бровь.

— Никто из наших воинов не наделен столь ярко выраженным даром! — уведомил меня он. — Воистину ты настоящая избранница судьбы, девочка моя!

Выстрелы затаившихся по углам автоматчиков выбили облачко песчаной пыли из колонны у меня за спиной.

— Идиоты, прекратить пальбу! — со страдальческим стоном проорал Крюгер сквозь

прижатые к лицу пальцы. — Не стрелять в девушку, она нужна мне живой!

Вперед выступила Марча, извлекая из укрепленных на поясе ножен странной формы меч, имеющий широкий листовидный клинок. «Спата», — определила я, припоминая иллюстрации из энциклопедии холодного оружия. Дьюла мягко развернулся на одной ноге, принимая ее атакующий удар на лезвие своей чуть изогнутой мадьярской сабли. Сталь встретилась со сталью, высекая сноп ярких искр. Я услышала певучий лязг и с интересом уставилась на противников, кружащихся в самом удивительном танце из всех, которые мне только доводилось видеть. Ростом оба фехтовальщика ничуть не уступали друг другу, но воин-лугару, даже при всей своей юношеской поджарости, был намного массивнее, чем Марча. А гибкая и стремительная, как ужасная африканская кобра, фрейлейн Ган сейчас уже ничуть не напоминала ту лениво-сонную особу, полчаса назад вошедшую в Святилище. И вопреки своей вполне обоснованной неприязни к этой женщине я невольно восхитилась ее хищной грацией, а также тем, как неуволимо перетекала наемница из стойки в стойку. Признаюсь, теперь я сильно сомневалась в шансе на выживание отважного Дьюлы, в его способности выстоять против этой умелой убийцы. А если термин «красота» этично употреблять в отношении зла и смерти, то в тот миг Марча выглядела невероятно опасной и вместе с тем возвышенно-прекрасной тварью, словно вставшая на хвост змея.

Кончик ее клинка просвистел в каком-то миллиметре от плеча Дьюлы, и юноша невольно побледнел, ощутив близкое дуновение смерти.

— Мальчишка! — надменно заклемила женщина, нанося новый удар, лишь частично парированный молодым воином. — Куда уж тебе до меня... — Ее меч достиг цели...

На груди юноши сразу обозначился глубокий порез, а его белая рубашка окрасилась алой кровью. Дьюла вскрикнул и покачнулся, тут же поплатившись за свою невнимательность еще одной, куда более серьезной раной, уже на бедре. Я горестно вскрикнула... Несомненно, молодой лугару прошел отличную подготовку, но победить женщину-змею, кажется, не смог бы и сам дьявол — настолько быстро она передвигалась и таким безумным огнем горели ее издевательски прищуренные глаза.

— Чего ты там возишься, убей его! — требовательно каркнул Крюгер, подползая к стене и с облегчением приваливаясь к холодному мрамору. — А потом притащи мне эту наглую ведьму-чаладанию...

Я взбешенно стиснула зубы, но, увы, в настоящее время с моих ладоней срывались лишь слабые искры, свидетельствуя об окончательно исчерпанном энергетическом заряде. Слишком много нервов и сил истратила я за последние дни, почти досуха исчерпав запас своих возможностей.

Заметив мои тщетные усилия, обожженный немец саркастично рассмеялся.

— Эх! — хакаяще выдохнула Марча, очередным рубящим приемом снова доставая Дьюлу. Юноша вскрикнул и чуть не выронил свою саблю, а из его рассеченного запястья брызнула струйка крови.

— Помоги мне, Ормузд! — громогласно воззвал Калев, вздымая к потолку Святилища молитвенно разведенные руки. — Надели мои длани силой твоей... — Он резко соединил напряженные ладони... Свод Святилища покачнулся, с потолка посыпались крупные камни, стены и пол храма заходили ходуном...

— Ничего себе! — ошеломленно выдохнула я, едва успев ухватиться за одну из статуй и только поэтому устояв на ногах. — Подобный дар следует называть сейсмокинезом...

А Калев не унимался. Каким-то невероятным образом удерживая равновесие на зыбко качающемся полу, он имитировал трение плотно сжатых ладоней. Я увидела, как с душераздирающим грохотом стены храма начали складываться внутрь, разваливаясь на куски. Марча потеряла меч и с воем откатилась к самому входу в помещение, сбита рухнувшим на нее обломком мрамора. Поскуливая от ужаса, герр Крюгер резво полз к ней, позабыв про свой пижонский стек и нещадно марая модные перчатки. В углу уже громоздилась исполинская гора камней, навсегда погребя под собой лучших бойцов

арийской расы.

— Уходите! — надрывным шепотом приказал Кaleb, обращая ко мне свое искаженное судорогой лицо. По его вискам стекали крупные капли пота, вены на лбу набухли, словно жгуты, губы мертвенно посинели. — Я их задержу!

— Но... — нерешительно начала я, — а как же ты?

— Уходите! — повторно проскрежетал старейшина. — Свод вот-вот обрушится, я не сумею удерживать его дольше пяти минут...

— Бежим! — Дьюла схватил меня за руку и поволок за собой. — Мы должны думать только о тебе, моя госпожа!

Уже переступив порог разваливающегося храма, я прощально оглянулась и успела навсегда запечатлеть в памяти умиротворенное лицо старого Калеба, посылающего мне безмолвное благословение и напутствие... А в следующий же миг храм Митры перестал существовать, превратившись в огромную груды бесформенных каменных обломков, похоронивших под собой и отважного старейшину чалада Чистых, и статую разгневанного бога, и хранимые в Святилище ценности... К небу взметнулись клубы серой пыли, уродуя его невозмутимую голубизну. Дьюла низко опустил голову, скрывая наворачнувшиеся на глаза слезы.

«Нет, я этого так не оставлю! — мстительно думала я, размазывая по лицу грязь вперемешку со слезами. — Я найду виновных и накажу их за страшное злодеяние, свидетельницей и участницей коего мне довелось стать! Я не успокоюсь, пока полностью не искореню угрожающие нашему миру зло и несправедливость, пока не спасу беззащитных и не устраню нависшую над ними угрозу. И это есть то единственное, что сможет хоть немного искупить добровольную жертву благородного Калеба...»

Разбойник-ветер игриво трепал мои косы, высушивая мокрое от рыданий лицо. Я подняла глаза к солнцу, будто призывая его в свидетели данной мною клятвы. Моя душа полностью утратила хрупкий налет наивности и легкомыслия, покрываясь стальной броней справедливого гнева. И вот тогда, стоя на развалинах обрушившегося храма, я впервые и в полной мере ощутила себя отнюдь не прежней разгильдяйкой Евой, а закаленным бойцом за справедливость, свирепой волчицей, чаладаньей великого народа лугару!

Глава 7

Чужая душа — сплошные потемки, и лучше не рисковать лишний раз да не лезть в нее с фонариком, ибо обитающие во тьме чудовища способны запросто проглотить любого, хоть по недомыслию, хоть из глупости протянувшего к ним руку. Возможно, пусть даже из сугубо благих побуждений, чтобы приласкать и утешить, но это уже не суть важно. Набив шишек и наставив синяков по милости происходящих со мной злоключений, я наконец-то поняла: самое главное в нашей жизни отнюдь не успех, любовь или богатство, а личный опыт, дающийся нам порой ох как несладко. Достающийся нам ценой ошибок, потерь и разочарований, коих я уже успела хлебнуть в полной мере. И опыт сей в первую очередь касается не чего-либо материального, а тебя самой и окружающих тебя людей. Вот, примерно как-то так оно в жизни получается!

И недаром, видать, наставлял меня Кaleb в том, что в моей груди бьется вовсе не человеческое, а волчье сердце. Потому что как-то прискорбно вяло отозвалось оно сейчас на его внезапную гибель, без надрыва и настоящего горя. Другая бы на моем месте небось принялась слезы лить в три ручья да в истерике забилась чисто по-бабски, а я — нет, не стала. Вместо этого я лишь злобно зубами поскрежетала, уши — наострила, к пахнущему опасностью воздуху принялась настороженно, шерсть, несуществующую, но сейчас фактически ощутимую, на загривке вздыбила, и пошла себе торопкой рысью, через сугробы да прочие препятствия перепрыгивая. А все не случайно, не от черствости моей, а по весьма веской причине: я взяла след, способный привести меня очень и очень далеко — аж к самому

логову вождельной добычи.

Мрачно уперев подбородок в кулаки, подтянув к груди колени, я сидела на расстеленной постели, еще хранящей запах Рейна, и думала тяжкую думу. Я неосторожно разворошила самое настоящее осиное гнездо, то бишь разбудила притаившихся во тьме чудовищ, которые сердито заворочались и заворчали, мечтая сожрать неосторожную меня, оставив от неопытной чаладани лишь печально известные атрибуты серого козлика — рожки да ножки. Причем буквально оставить, ведь ножки у меня имелись изначально, и вполне симпатичные, а наставленные супругом рожки отличались приличной величиной и развесистостью. Перебежавшие же мне дорогу чудовища тоже имели конкретное название — швабы. Было бы глупо обвинять себя в гибели благородного Калеба. Да, возможно, я действительно совершила некую необдуманную глупость, выведя из себя самолюбивого герра Крюгера и его опасную напарницу, но следовало учитывать — я с самого начала нашей встречи не сомневалась в том, что так просто немцы от меня не отступятся. Понимали это и Калеб с Дьюлой. Пожертвовав собой, староста чалада Чистых подарил мне выигрышную передышку и возможность изучить собранные дедом документы. Внимательно изучить, а затем — уничтожить, чтобы они уже никогда не попали в руки самого герра Крюгера и других куда более опасных противников, стоящих за ним. Подозреваю, щеголеватый двойник Гитлера является всего лишь мелкой сошкой, верхушкой скрытого глубоко под водой айсберга, пока недоступного моему зрению. Но интуиция подсказывала — очень скоро ситуация изменится, и для сидящих за столом игроков придет время раскрыть все свои карты, выявляя сильнейшего, сумевшего собрать полный козырный расклад. И именно он определит дальнейшие правила обустройства мира, а также весь последующий ход событий.

Я мысленно усмехнулась и негромко зарычала, уподобившись чувствующему свое превосходство волку, намеревающемуся занять место вожака, вне зависимости от согласия или несогласия прочих членов стаи. Спрашивается, и когда же это успела я стать столь рискованной и целеустремленной, полностью распрощавшись с образом робкой серой мышки? Когда перестала считать себя тихоней Евой? Кажется, я была таковой очень давно, в бесследно прошедшей и напрочь позабытой прошлой жизни... Я собственническим жестом дотронулась до черной папки, в которой хранились собранные дедом козыри, и пообещала себе непременно выиграть грядущую решающую партию, потому что выменянные на жизнь Калеба документы отныне принадлежали только одной мне. А значит, я получила пусть маленькое, но весьма значимое преимущество перед швабами и ликантропами в виде этих нескольких листочков, по ценности равных мудрости этого великого человека. Нет, я просто не имею права отступить или проиграть, ибо это приравнивается к предательству и трусости. Это равносильно бессмысленности гибели моего родного прадеда и безрезультатности смерти деда приемного. И если я не оправдаю их надежд, то лучше мне умереть на месте, ибо я никогда не прощу себе подобного позора. С настоящей минуты я начинаю жить по волчьему закону, гласящему: око за око, зуб за зуб!

Но мне не следует забывать самую главную истину: законы придумывают для того, чтобы обойти справедливость. Конечно, только тогда, когда речь идет о законах продажных и необъективных. «Видят боги, я — девушка послушная, я плохие законы не нарушаю, я их просто... игнорирую! — Мои губы изогнулись в язвительной улыбке. — Что-то больно много развелось в нашем мире тварей, желающих жить хорошо — припеваючи, припиваяючи да приедаючи, и что меня особенно раздражает — за счет других. Вот это безобразие я как раз и намерена прекратить!» Я упрямо набычилась, в лучших традициях неизбывной женской логики, базирующейся на твердой уверенности в том, что любую объективную реальность можно преодолеть желанием и упрямством.

У страха велики глаза и слаб мочевого пузырь. Я же пока не жаловалась ни на неустойчивую психику, ни на базедову болезнь, ни на энурез, а потому собиралась четко разделить людей на волков и чудовищ, как ни парадоксально это звучало. Волки — создания чистые и справедливые, недаром их называют санитарами лесов. Они разумно контролируют

поголовье всех прочих созданий матери-природы, уничтожая больных, увечных и никчемных. А чудовища вырезают всех подряд, паразитируя на самках и детенышах. Но теперь чудовищам придется туго, ибо я встала на тропу войны и взяла их след.

Жаль, я слишком мало знала тех людей-волков, коих успела полюбить всей душой: своего деда, который оказался совсем не тем, за кого себя выдавал, Калеба, Рейна... Ах, чуть не забыла — ведь есть еще и Вадим, бесследно сгинувший из моего поля зрения, если, конечно, не принимать в расчет то смахивающее на мираж видение, мелькнувшее на платформе московского вокзала... Любила ли я его до сих пор? Ненавидела ли? Моя душа тщетно металась в поисках правильного ответа на эти двусмысленные вопросы, так и не сумев разобраться в себе самой... Я привыкла считать, что все мужчины делятся на «козлов» и «баранов». Бараны — это мужчины, которые ничего не смыслят в женской психологии, зато вредные и эгоистичные козлы разбираются в ней слишком хорошо. Но Вадим не походил ни на барана, ни на козла. Так принадлежал ли он к клану чудовищ? Мой муж казался мне чем-то или кем-то иным, особенным, окутанным аурой таинственности и недосказанности. Причем чем больше я старалась понять Вадима, тем меньше разумной логики находила в его поступках и словах. Почему он постоянно врал и старательно скрывал свое прошлое? Кто сумел похитить его фотографии из моей запертой квартиры? Каким образом это совершили? Рейн говорил что-то странное, но я даже сейчас не хотела поверить в его абсурдную версию, связанную с проникновением через окно седьмого этажа... А сам Рейн!..

Признаюсь, Рейн стал для меня загадкой номер два, причем ничуть не меньшей, чем Вадим. Повезло же мне с неординарными мужчинами! Воистину чужая душа — потемки, а мужская душа — потемки вдвойне! Рейн — он кто, чудовище или все-таки волк? Как и в случае с Вадимом, сильно подмочившим свою репутацию, мне не хотелось думать о тех страшных обвинениях, что выдвигали в адрес Изгоя как Кaleb, так и герр Крюгер. Где он скитается теперь — влюбленный и безумно одинокий? Его сотовый телефон не отвечал на мои звонки, выдавая унылое: «Данный абонент временно отключен от сети». Я уже неоднократно пыталась докричаться до его разума, но у меня так и не получилось возобновить ту ментальную связь, что соединяла ранее меня и Идущего сквозь дождь воина. Рейн не откликнулся, и я бесцельно разрывалась между всевозможными догадками и теориями, стараясь понять, что же случилось с Изгоем...

А между тем у меня совершенно нет времени для того, чтобы собирать факты и досконально разбираться в его исчезновении. Вот так всегда и получается: вчера что-то разруливать было еще рано, завтра — будет поздно, а сегодня — некогда, ибо других, более насущных, проблем выше крыши навалилось. И при этом лишь одна мыслишка где-то на заднем фоне крутится, словно заезженная пластинка: я его полюбила — несчастной, грешной, противозаконной окаянной любовью. И тем самым я совершила нечто запретное и осуждаемое, а за свои поступки нужно отвечать. Особенно в том случае, если с тебя за это еще и не спрашивают... Впрочем, разве не обещал мне подземный Летописец обретение любви, но не простой, обычной и понятной, а той, которую я сама взращу, выстрадаю да выпестую?.. И пусть я никогда еще, вплоть до сего дня, не писала стихи, но сейчас что-то во мне вдруг натянулось, будто струна, и болезненно оборвалось, рождая облаченную в строки муку:

В дом она вошла незваной,
Молча села у стола,
Ядовитою лианой
Мое сердце обвила.
Без прописки, без закону
Приютилась в нем давно,
Прочно держит оборону —

Пьет крепленое вино.
Мне грозит небесной карой —
Наказанием судьбы,
Плачет раненой гитарой,
Не сдается без борьбы...
Еле дышит, еле стонет,
Ни жива и ни мертва,
То в слезах моих потонет,
То осушит их едва...
Часто явью, часто новью —
Застилает мне глаза,
Истекает алой кровью —
Заслоняет образа.
Подольстится серой кошкой,
Просит: «Только не бросай!»
А потом хлестнет ладошкой
Иль укусит невзначай...
Как ее прогнать из сердца,
Как пожить бы без беды?
Не открыть ей больше дверцу,
Не подать глоток воды...
Но она ползком крадется —
Заползает в душу вновь,
Видно, нам не зря дается —
Окаянная любовь...

— Моя госпожа! — напоминая о себе, окликнул меня Дьюла. — О чем вы задумались?
«О чем?» Пожалуй, у меня набралось немало поводов для размышлений...

...Мы кое-как выбрались из музейного комплекса, стараясь привлекать к себе как можно меньше совершенно ненужного нам внимания. Молодой воин прихрамывал и выглядел довольно жалким, изрядно смахивая сейчас на бомжа своей пыльной, лишенной прежнего шика одеждой, чумазым лицом и рваной рубашкой, густо перемазанной едва подсохшей кровью. Впрочем, подозреваю, я выглядела ненамного лучше Дьюлы. Я крепко прижимала к себе папку с документами, маясь нехорошими предчувствиями...

— Я почти уверен в том, что немцы выжили, — вслух рассуждал воин, невольно ответив на мой невысказанный вопрос. — Уж слишком близко ко входу в храм находились они в момент его обрушения...

Я раздраженно стиснула челюсти, поигрывая желваками. Итак, скорее всего, герр Крюгер и его омерзительная ручная змея, зовущаяся Марчей Ган, сумели спастись и теперь готовятся — что лично у меня не вызывало ни малейшего сомнения — доставить нам массу новых неприятностей! Впрочем, хватит раскисать, я с ними еще разберусь!

— Уходим! — требовательно скомандовала я.

Солнце стояло уже высоко в абсолютно безоблачном небе, обещая теплый и погожий денек, ничуть не соответствующий моему мрачному настроению. Снег таял, отливая серебристым блеском хрупкой паутины, исчезающей прямо на глазах. Я недовольно поморщилась. Что-то мне этот снег напоминает... Скорее всего, именно то самое витиеватое кружево судьбы, о коем я размышляла совсем недавно. Непредсказуемое рукоделие богов, готовое порваться или запутаться в любой неудачно подвернувшийся момент.

«А вот фиг вам! Не дамся! — назло всем и вся решительно подумала я, с сочувствием

разглядывая нетвердо ковыляющего Дьюлу. — Меня вы этой паутиной уже не заматаете, не превратите в беспомощный неподвижный кокон! Я вам сейчас такой гордиев узел завяжу, что мало никому не покажется! Ни развязать, ни разрубить не сможете...» Я подняла руку к небу и мстительно пригрозила солнцу демонстративно стиснутым кулаком, обещая неотвратимую расплату. Лицемерное солнце олицетворяло для меня бога Митру, к которому я успела накопить не хилую кучу претензий. И теперь я была готова вступить в союз с кем угодно — хоть с луной, да хоть с самим чертом, если сей неожиданный союзник даст мне нечто, способное одолеть смертоносное светило... Но я забыла об одном — не торопись высказывать безумные желания, ибо они могут осуществиться... Правда, и цена за их реализацию станет страшной...

На ведущих к храму улицах уже вовсю заливались полицейские сирены, недвусмысленно извещая — через несколько минут к месту катастрофы придут вся «королевская конница и вся королевская рать», настроенные крайне серьезно и готовые ловить отнюдь не Шалтая-Болтая, а меня и Дьюлу. Все-таки в Будапеште, при всей его древности и раритетности в целом, найдется не слишком-то много памятников архитектуры, способных сравниться с храмом Митры по ценности и красоте. Вернее, бывшим храмом Митры, что весьма прискорбно, хотя в моих устах подобная фраза и отдает изрядной дозой лицемерия. Короче, если нашу колоритную парочку поймают возле руин, то на нас уж точно навешают всех собак и обвинят в проведении широкомасштабной террористической акции, направленной на разрушение исторического достояния Венгерской Республики. А мне, между прочим, некогда сейчас в полицейском участке прохлаждаться, тем более имея на руках некую секретную документацию. А поэтому я громко свистнула, привлекая внимание Дьюлы, и резво бросилась бежать в противоположную от сирен сторону. Скабрёзно поминая Аримана и всю его потенциальную родню до четвертого колена включительно, лугару поскакал за мной, будто на костыль опираясь на свой меч. Боюсь, что со стороны мы выглядели на редкость подозрительно и действительно смахивали на террористов.

Завернув на Сентэндреи ут, довольно широкий, но почти пустой в утреннее время проспект, я увидела такси и отчаянно замахала рукой. Сначала водитель не хотел впускать нас в салон машины, увидав наш непрезентабельный внешний вид, но выданная ему щедрая мзда оказалась самым убедительным аргументом, и он без долгих проволочек доставил нас по указанному адресу. Войдя в знакомый подъезд, я ощутила себя в безопасности и поэтому обессиленно рухнула на ступеньку, умоляя безостановочно галопирующую судьбу временно придержать свой бег и дать мне хотя бы полчаса передышки.

Заботливо подпирая плечом мою шатко покачивающуюся особу, Дьюла практически донес меня до порога квартиры, после чего развил бурную деятельность. Он бесцеремонно разбудил мирно почивающую ассони Элешку, похоже еще не отошедшую от бурных впечатлений минувшей ночи. Широко распахнув опухшие со сна глаза и потрясенно раскрыв рот, в который забыла вложить свою вставную челюсть, благонравная домоправительница испуганно таранилась на окровавленного воина, требующего с нее горячий завтрак на две персоны и бутылку хорошего вина. Я вполне понимала ее растерянность, ведь во всех событиях, произошедших вокруг меня за последние сутки, напроць отсутствовали и логика, и последовательность, и здравый смысл. Ночью я уезжаю на шикарной машине в сопровождении троих суровых воинов, а утром возвращаюсь на такси с одним из них, причем выглядящим так, будто я убила и съела двух других мужчин и немного не доела этого, последнего... Так что ассони Элешке и впрямь было от чего растеряться.

Стянув ботинки и неряшливо сбросив на дорогой ковер измазанную глиной куртку, я вскарабкалась на свою монументальную кровать. Чувствовала я себя не то чтобы очень плохо, а вообще никак. У меня болело все сразу, и при этом — ничего конкретно...

— Таблеточку бы! — жалобно простонала я. — Не помню точно, как лекарство называется... Что-то типа: «Не знаю, где фен»...

— Ибупрофен! — догадливо гыкнул Дьюла. — Сейчас организую...

Кроме таблеток воин принес поднос с завтраком, горячий кофе, манерно разлитый в крохотные фарфоровые чашечки, бутылку минеральной воды и два бокала густого, словно кровь, красного вина «Эгри бикавер». Но, поднеся ко рту вилку с наколотым на нее поджаристым гренком, я вдруг уставилась в одну точку и надолго впала в ступор, прокручивая в голове сотню идей одновременно...

— Моя госпожа! О чем вы задумались? — окликнул меня Дьюла.

Я отложила надкушенный кусок и перевела на Дьюлу прояснившийся взор:

— Я поняла!

— Что именно? — Вольготно развалившийся в кресле юноша закинул ногу на ногу и вопросительно посмотрел на меня поверх тарелки с омлетом.

— Все! — пространно обобщила я, с хрустом вгрызаясь в гренок. — И про всех!

— Ого! — поощрительно улыбнулся молодой воин. — А подробности можно услышать?

Я со вкусом отхлебнула кофе и углубилась в подробности...

Если бы я была внимательнее несколько дней назад, то еще в подземельях Екатеринбурга обратила бы внимание на слова Стаса, разыскивающего некое раритетное устройство, упоминаемое в третьем пророчестве Заратустры. Но, увы, «хорошая мысль, как известно, приходит опосля», и лишь после беседы с Калемом я смогла правильно состыковать разрозненные элементы этой мозгодробительной мозаики, завязанной на меня, туманные пророчества и грядущий гнев бога Митры. Немцы и в самом деле не только присвоили табличку с пророчеством, но и сумели правильно перевести нанесенный на нее текст. Очевидно, в пророчестве упоминался некий агрегат, способный устранить нависшую над Землей угрозу или спасти какую-то часть населения. Причем он активируется только в моих руках, а именно поэтому немцы и ликантропы желали как можно скорее заполучить в свою безраздельную собственность мою титулованную персону...

Дьюла важно кивал, сосредоточенно внимая пространным рассуждениям, целиком и полностью соглашаясь с озвученной мною версией. Я рассказала ему о своих похождениях в подвалах Екатеринбурга, а теперь мне следовало выяснить, что могли дать нам собранные дедом документы. Поэтому я открыла черную папку и принялась читать вслух:

— «Информация из древних манускриптов ученых Востока и Запада тесно переплетается и взаимно дополняет друг друга. Доходит до того, что отдельные фрагменты описания строения мира слово в слово повторяются в различных около и строго религиозных трудах, включая Библию. Это наводит на обоснованную мысль о существовании общего первоисточника, цитаты из коего и приводились в последующих изданиях без ссылки на него. В документах эпохи расцвета Вавилона часто встречаются завуалированные упоминания о сборнике под названием «Гора света», а в другом документе, ориентировочно XVII века, написанном на латинском языке, сообщается, как некий монах по имени Феробар «выполнил некачественный перевод собрания древних книг о строении мироздания», составленных великими антами. Но кто такие эти «анты» — так нигде и не объясняется. В этих трудах мироустройство описано в терминологии, весьма схожей с той, которой пользуются в современной квантовой физике. И важно отметить, что в более поздних переводах подобные тексты содержат все больше ошибок и неувязок, превращающих их в абсурд, в расплывчатое описание чего-то мистического и недоступного человеческому разуму. Очевидно, что изначальные тексты отражали высочайший интеллектуальный уровень их создателей, но умственные способности переписывавших книги ученых неуклонно снижались, что объяснялось повышением уровня силы власти. То есть кто-то намеренно запутывал людей, скрывая от них истину, а постепенно деградирующие ученые уже не понимали сути написанных ранее книг.

Согласно «Горе света», принцип устройства архидревнего мира заключается в следующем: наша Вселенная замкнута не на себя, а на другой родительский мир, названный там Эониумом. Эониум представляет собой мир более высокого уровня развития, как в

техническом, так и в ментальном планах. Между нашей Вселенной и этим миром существуют объекты соприкосновения, через которые происходит обмен живой и неживой материей. Именно пришедшие из Эониума существа и создали нашу Землю, применив для этого процесса еще недоступные нашему пониманию технологии и, согласно своему менталитету, признающие равные права за Добром и Злом. Они вложили в земное мироустройство оба начала бытия, изначально существующие в строго равных долях. Люди получили возможность встать на сторону любого принципа, создавая потоки энергии, неразрывно связывающие Землю и Эониум. Объект, через коий происходит притекание энергии, называется по-разному: Свет, Начало, Эдем, Рай. Объект, через который происходит вытекание энергии, называется: Бездна, Тьма, Поглотитель, Ад. Оба объекта могут существовать лишь парно, непрерывно компенсируя и уравнивая друг друга. Соединяющее их энергетическое русло называется «небесный мост Чинват», обязанный находиться в условно нейтральном положении. Если количество одного вида энергии начинает отличаться от другого, весы мирового равновесия начинают колебаться, истощая или заливая негативными выплесками родительский мир, тем самым угрожая уже его благополучию. В случае значительного превышения количества темной энергии, выражающегося в моральном падении людей, страж, охраняющий мост Чинват, обязан восстановить безопасность родительского мира — Эониума, уничтожив вышедший из равновесия человеческий потенциал планеты... И в то же время, дабы исключить возможную ошибку и дать Земле последний шанс для исправления, родительский мир создал некое защитное устройство, способное остановить воздействие стража — бога Митры. Но получить доступ к нему способен лишь некто избранный, соответствующий критериям Творцов и прошедший через уготованные ими испытания...»

Я озадаченно взглянула на Дьюлу.

— Так, значит, все это истинная правда! — эмоционально выпалила я. — Легенда об Аримане, Ормузде и боге Митре — правда!

— Я в этом и не сомневался! — спокойно пожал плечами Дьюла. — Все мировые религии так или иначе отталкиваются от идеи о существовании Творцов и богов. А дарвиновская теория происхождения видов — ничем не подтвержденная выдумка!

— Ладно, с этим мы разобрались, — констатировала я, вынимая из папки еще несколько листов. — Я поняла все, кроме упоминающихся в тексте антов. Они-то кто такие и при чем?

Дьюла недоуменно развел руки, демонстрируя свою полнейшую неосведомленность в данном вопросе:

— Никогда и ничего о них не слышал! Но согласись, моя госпожа, все остальное можно признать вполне достоверным. Немцы уже намного опередили нас и ищут защитное устройство, способное противостоять гневу Митры. А что касается «избранного воина», то, — он отвесил уважительный поклон в мою сторону, — его я и имею честь лицезреть сейчас перед собой!

— Ладно! — повторно пробурчала я. — Хотя не скажу, конечно, что меня приводит в восторг миссия, выпавшая на мою долю. Ибо воин из меня, во всяком случае пока, — я насмешливо фыркнула и сложила пальцы в недвусмысленно-издевательскую фигуру, — вот какой...

Но Дьюла протестующе помотал головой, выражая категорическое несогласие с моей яркой самокритикой.

— Поживем — увидим! — философски подытожила я. — Давай-ка лучше дальше почитаем...

Мне хватило лишь мимолетного взгляда, чтобы понять — в папку деда попал именно тот самый утерянный артефактный манускрипт, двадцать пять лет назад переведенный господином Шухерманом и принесший ему неисчислимые беды. Так вот почему Абрам Соломонович настолько иронично хмыкнул, рассказывая мне об исчезнувшем, вернее, украденном у бандитов свитке майя и охотящихся за ним головорезах. Судя по всему, этот

самый документ эффектно уплыл из рук немцев и попал к моему деду. Я отложила потемневший от старости листок, сильно потрескавшийся, сделанный из волокон какого-то неизвестного мне растения, а вместо него взяла страничку обычной бумаги с переводом, очевидно выполненным Шухерманом, и продолжила чтение вслух:

— «...Величайшим изобретением индейцев майя стал календарь. В его основу они положили некую мифическую начальную дату — 13 августа 3113 года до нашей эры, знаменующую день сотворения человечества. От нее-то, путем простого отсчета прошедших дней, и велось дальнейшее летоисчисление. Календарь майя, несмотря на всю свою древность и примитивность, оказался удивительно точен. Жрецы майя утверждали, что с момента возникновения рода людского на Земле уже минуло целых четыре жизненных цикла, или «солнца». По легендам майя, каждый период завершается практически полным уничтожением цивилизации, живущей в данном цикле. Сменились четыре человеческие расы, которые погибли во времена великих катаклизмов. И лишь немногие из людей сумели остаться в живых, поведав, что же конкретно произошло на самом деле. «Первое солнце» длилось 4008 лет и было разрушено землетрясением. «Второе солнце» растянулось на 4010 лет и закончилось ураганом. «Третье солнце» продолжалось 4081 год и пало под огненным дождем, излившимся от извержений из кратеров огромных вулканов.

Именно тогда погибла легендарная Атлантида. «Четвертое солнце» (5026 лет) уничтожил потоп, уцелеть в коем сумел лишь Ной на своем ковчеге. Сейчас завершаются последние дни Пятой эпохи сотворения, или «Пятого солнца». Майя полагают, что по завершении нынешнего, 5126-летнего цикла произойдет некое движение Земли, что повлечет за собой уничтожение цивилизации. Причем новый катаклизм станет куда страшнее четырех предыдущих и разделится на два этапа. Сначала, 22 сентября 2012 года, начнется сильнейший солнечный шторм, по мощности разрушительного воздействия сопоставимый только с тотальной ядерной войной или падением гигантского метеорита. Он повлечет вспышку геомагнитной бури, ведущей к смещению оси Земли. А затем, 21 декабря 2012 года, изменившая свое местоположение планета окажется втянутой во всеобщий парад планет, когда Земля, Сатурн, Юпитер и Марс выстроятся в одну линию, вместе с планетами других звездных систем образуя сплошную цепочку от центра Галактики. Подобный процесс можно сравнить со стрелками часов, вставших на отметку двенадцать. Данная комбинация будет означать переход Вселенной из одной системы координат в другую...»

Я замолчала.

Дьюла сидел в напряженной позе, почти не дыша, замерев и вперив в меня безумно расширившиеся зрачки. На его бледном лице запечатлелась гримаса непреодолимого ужаса. Тогда я достала последний документ, вложенный в папку:

— «С далеких времен шумерской цивилизации и до наших дней дошли схематические изображения, высеченные на каменных плитах, иллюстрирующие построение Солнечной системы, где кроме основных известных нам планет присутствует еще и загадочная десятая планета. Именно этому гипотетическому небесному телу, планете Нибиру, приписывают возможность менять географические полюса Земли, что, в свою очередь, ведет к глобальной катастрофе и крайне резкому изменению климата. В 1982 году лаборатория НАСА обнаружила небесное тело, возможно, гораздо большего размера, чем даже гигант Юпитер, находящееся довольно близко к Земле и движущееся в области созвездия Ориона. В очень скором времени Нибиру, сейчас находящаяся примерно в 60 парсеках от Солнца, сможет вклиниться в Солнечную систему, перемещаясь по эллиптической орбите. 21 декабря 2012 года Нибиру пройдет сквозь эклиптику нашей планеты, влияя на ее магнитное поле. Земля попадет в интервал между Солнцем и Нибиру, ее полюса мгновенно поменяются местами, наклон планеты изменится еще сильнее, чем от солнечного шторма, что вызовет быстрое таяние ледников и чудовищное наводнение с цунами высотой в несколько сотен метров. Последние люди, те, кто сумел пережить солнечный шторм, погибнут...»

Трясущимися от ужаса руками я педантично сложила документы аккуратной стопкой и

убрала обратно в черную папку...

— У нас какой сейчас год начался? — пришел в себя Дьюла. — Две тысячи десятый вроде? Так это что получается, нам осталось жить около двух лет? — ошеломленно выдохнул он.

— Судя по всему, да! — дрогнувшим от волнения голосом подтвердила я. — Конечно, в том случае, если я не сумею найти защитное устройство из третьего пророчества и не спасу Землю!

— Поправь меня, пожалуйста, если я допущу какую-нибудь неточность, — сдавленно попросила я, понимая, как сильно мне хочется ошибиться. — Спустя всего каких-то два года нашей Земле предстоит погибнуть. Сначала ее настигнет солнечный шторм, представляющий собой всепоглощающее пламя, выжигающее на своем пути все живое. Эта вспышка на Солнце также изменит ось наклона планеты, заставив ее встать ровнехонько между Солнцем и Нибиру, что довершит катастрофу. Так?

— Так! — мрачно кивнул Дьюла. — К сожалению, ты не ошибаешься ни в чем. И если ты не сумеешь найти защитное устройство, созданное эонийцами, то нам — конец!

— Дьявол! — Я гневно саданула кулаком по треклятой папке со зловещими документами. — А тебе не кажется, что слишком уж большая ответственность возлагается на меня — слабую девушку, не обладающую никакими особо выдающимися качествами, да к тому же еще и блондинку?

— Не-а! — иронично подмигнул воин. — Женщины намного умнее и хитрее мужчин. Хочешь, расскажу тебе любимую байку Калеба, напроць опровергающую миф о мнимой бабской слабости, глупости и незащитности?

— Валяй! — разрешила я.

— Мужчина открыл для себя оружие и придумал охоту, — увлеченно начал Дьюла. — Женщина открыла для себя охоту и придумала шубу. Мужчина открыл для себя цвета и придумал живопись. Женщина открыла для себя живопись и придумала макияж. Мужчина открыл для себя силу и придумал бога. Женщина открыла для себя бога и придумала кумира. Мужчина открыл для себя слово и придумал беседу. Женщина открыла для себя беседу и придумала болтовню. Мужчина открыл для себя игру и придумал карты. Женщина открыла для себя карты и придумала колдовство. Мужчина открыл для себя дичь и придумал пищу. Женщина открыла для себя пищу и придумала диету. Мужчина открыл для себя дружбу и придумал любовь. Женщина открыла для себя любовь и придумала брак. Мужчина открыл для себя женщину и придумал секс. Женщина открыла для себя секс и придумала мигрень. Мужчина открыл для себя обмен и придумал деньги. Женщина открыла для себя деньги — и тут мужчине наступил полный трындец!.. — Лугару весело расхохотался. — Так что куда уж нам, мужчинам, до вас, женщин!

— Ну-ну! — язвительно парировала я, — С твоими аргументами не поспоришь...

Дьюла польщено улыбнулся.

Я опустила шторы, создавая в квартире уютный полумрак. Время давно перевалило за полдень, солнышко припекало вовсю, растапливая скудный снег на улице, а мне невыносимо хотелось спать. Прошедшая ночь выдалась очень уж бурной. Вечерний приезд, исчезновение Галки, короткая экскурсия по городу, близость с Рейном, встреча с Калемом и его последующая гибель... Даже не верится, что столь огромное количество событий смогло уместиться в несколько скоротечных часов! Я чувствовала себя совершенно незащитной перед лицом неумолимого времени, такой легкомысленной бабочкой, запутавшейся в непроницаемом кружеве судьбы, оказавшемся липкой паутиной. Но, стараясь разложить по полочкам все доступные мне факты, я испытывала недоумение, ведь в оплетающей меня паутине явно не хватало главного злодея — паука. Чахлый герр Крюгер на эту важную роль не тянул совершенно, по всей вероятности являясь всего лишь еще одной из марионеток, так же, как и все мы, безропотно идущей на поводу у выдумщицы-судьбы.

Впрочем, не следует забывать, что паук выползает из своей норы лишь в самый

удобный для него момент, тогда, когда потенциальная жертва поглубже увязнет в расставленной для нее ловушке и привлечет внимание своего палача. О, обитающие во тьме чудовища страсть как обожают иступленно мечущихся мушек, еще надеющихся вырваться из их паутины и напрасно растрачивающих последние силы. А значит, если я намереваюсь выманить паука из тайного логова и смело взглянуть ему в глаза, мне следует изобразить глупую белокрылую бабочку, притворившись отчаявшейся и безнадежно заплутавшей. Острые коготки и зубки я временно втяну и спрячу, дабы усыпить бдительность следящих за мной чудовищ... С такими-то приятными мыслями я мирно улеглась на бочок, положив под щеку сложенные лодочкой ладошки. Мои веки смыкались сами собой... Мне непременно нужно хорошенько выспаться, ведь уже завтра вечером я должна прибыть на странную встречу, каким-то хитрым анонимом назначенную мне на мосту Маргит...

— Госпожа? — Дьюла растроганно смотрел на мое умиротворенное лицо, затененное пологом пышного балдахина. — Если вы не возражаете, то я возьму одеяло и лягу возле двери. Так, на всякий случай...

— Сними рваную одежду и отдай ее ассони Элешке, — невнятно, сквозь полудрему, посоветовала я. — Она ее заштопает и стирает... Видишь, она у нас гораздо на всякие неотложные дела, даже успела вызвать мастера и восстановить разбитое окно...

— Но, — немного смутился лугару, — я не ношу нательное белье...

— В ванной есть большое полотенце, — хихикнула я, раздраженная его порозовевшими щеками.

Через пару минут Дьюла вернулся в комнату, вокруг талии плотно обмотанный зеленым махровым полотенцем. От нанесенных ему Марчей ранений не осталось и следа. Я расслабленно вытянулась под одеялом, безмятежно любясь его красивой фигурой, мускулистыми руками и беломраморной кожей.

— Я уже слышала, что лугару наделены способностью к ускоренной регенерации тканей. Так?

— Да, — гордо сообщил воин, хвастливо напрягая бицепсы. — Мы практически бессмертны. Нас можно убить лишь двумя способами: отрубив голову или пронзив сердце.

— Знаю. Или — как Калеба... — печально шепнула я.

— Да, — тяжело вздохнул Дьюла, — у него не было ни единого шанса уцелеть...

— Шея и сердце, — заинтересованно повторила я. — Именно поэтому вы носите щиток на груди и широкий стальной ошейник?

Вместо ответа воин снял оба означенных предмета и передал их мне.

Наши пальцы случайно соприкоснулись...

Молодой лугару покраснел еще больше и застенчиво опустил длинные пушистые ресницы, продолжая исподтишка ненавязчиво меня рассматривать. Его дыхание участилось и стало шумным, на мощной шее проступила часто бьющаяся жилка...

«О, порази меня стрела Аримана! — тоскливо ругнулась я, замечая охватившее воина возбуждение. — Я еще не успела забыть страшную обиду, нанесенную мне Вадимом, но уже побывала в объятиях Рейна! А сейчас на меня запал этот милый мальчик, прекрасный, будто древнегреческий бог... Зачем он мне, этот неглупый, по-собачьи преданный прелестный мальчик?...» — Но додумать я не успела...

Повисшую в комнате тишину вдруг нарушил пронзительный звон разбившегося стекла. Окну под барельефом не повезло во второй раз. Что-то небольшое, округлой формы, внезапно влетело в комнату и угодило прямоком в мою постель. Я пригляделась и панически завопила во все горло... Это оказалась настоящая боевая граната, однажды виденная мною в музее, да притом еще и с выдернутой чекой! Я неловко завозилась, пытаюсь выкарабкаться из-под одеяла, с ужасом понимая, что граната закатилась куда-то в складки перины и она вот-вот взорвется...

Я иступленно завизжала и обреченно закопошилась в куче, образовавшейся из одеяла, перины и десятка декоративных подушечек, до этого кокетливо разбросанных по моей необъятной постели, а теперь ставших ловушкой, наподобие топкого болота поглотившей влетевшую в окно гранату. Да и меня — тоже. Мне казалось — время остановилось, упрямо не желая отсчитывать последние секунды моей жизни. Из перекошенного бестолковым воплем рта рвался монотонный утробный вой, а в голове крутилась всего одна мысль: «Сейчас, сейчас она взорвется!»

— Стрелы Аримана! — коротко рывкнул Дьюла, на сей раз умудрившись вложить в излюбленное ругательство всех лугару поистине неохватную гамму эмоций — от злобы до обиды. — Эх!..

Стремительным взмахом руки он вышвырнул меня из постели, причем так сильно, что я вместе с одеялом буквально спорхнула с сего монументального сооружения и эффектно отлетела к противоположной стене комнаты. А в следующее мгновение воин плашмя рухнул на мое место, руками и ногами вцепляясь в перину и прикрывая собой гранату...

— Нет! — заорала я, терзая одеяло. — Дьюла, нет!..

Громыхнуло...

Старинный дом ощутимо покачнулся. Жалобно зазвякал уставленный саксонским фарфором буфет, затрещали дубовые панели, с потолка сорвалась хрустальная люстра и хлопнулась на паркет. Так и не разжавшего пальцы Дьюлу подбросило вместе с периной, а брызнувшая во все стороны кровь окропила мое лицо. Шрапнель мелких осколков пробарабанила над моей головой, сдирая обои и уродуя стену. Мне стало дурно от испуга и осознания непоправимости произошедшего...

— Дьюла! — Я с остервенением сорвала с себя чертово одеяло (откуда только силы взялись?), вскочила на ноги и метнулась к кровати...

Он лежал на животе, а расплывающуюся под его телом лужу крови медленно впитывали шелковые простыни. Я осторожно перевернула его на спину и ужаснулась. Прижатая к перине граната взорвалась практически внутри живота моего отважного защитника, разворотив торс Дьюлы от груди до таза. Из огромной сизой дыры вяло выползали радужно отблескивающие обрывки внутренностей, перемешанные с крошевом костей. Оторванные ниже локтей руки висели на сухожилиях, шею иссекло, а меж развороченных ребер виднелось что-то бесформенное, слабо пульсирующее. Увы, это было то, что осталось от сердца моего прекрасного воина.

— Дьюла! — Я всхлипнула и испуганно прикусила согнутый палец правой руки, безуспешно пытаясь сдержать рвущиеся из груди рыдания. — Ангел мой!..

Юноша с трудом открыл глаза...

Несколько мучительно долгих секунд его бессмысленный взгляд обшаривал потолок, а губы вяло шевелились, не издавая ни звука. Я склонилась ниже, нежно обхватывая ладонями его наливающееся мертвенной синевой лицо.

— Я здесь, милый мой!

— Ты, ты... — Его взгляд обрел осмысленность. — Не уходи...

— Никуда и никогда! — пылко пообещала я, способная сейчас на все, что угодно, даже на обман, лишь бы он не мучился, ибо понимала — Дьюла умирает.

— Спаси... — хрипло шептал он едва слышным голосом.

«Не могу! — хотелось простонать мне. — Я не богиня, я уже не смогу тебя спасти, я хуже тебя — ведь ты-то меня спас!»

— Спаси их... всех! — добавил он, требовательно напрягая израненную шею и силясь заглянуть в мои глаза. — Всех до единого...

— Обещаю! — клятвенно прорыдала я. — Людей, лугару, ликантропов! Я спасу их всех.

— Хорошо! — Нежная улыбка осветила его лицо, делая его невыразимо прекрасным. — Я устал, я посплю... — Его веки опустились, под черными ресницами

обозначилась темная трупная синева, — Посплю...

— Спи, милый! — против своей воли разрешила я. — Когда-нибудь мы встретимся снова, там, где уже не будет боли и страданий...

— Скажи, — собрав последние силы, вдруг требовательно спросил он, — только честно: ты могла бы меня полюбить?

— Да! — ничуть не кривя душой, страстно выкрикнула я, благоговейно прикасаясь губами к его лбу. — Да, всем сердцем!

— Хорошо... — Он улыбнулся так счастливо и умиротворенно. — Мне хорошо... — Последний легкий вздох сорвался с уст Дьюлы и нежно скользнул по моей щеке, становясь нашим единственным поцелуем...

А потом я еще долго сидела и плакала, баюкая в своих объятиях его холодеющее тело...

Мы сами виноваты в большей части настигающих нас бед. Мы не умеем жить. Вернее, то, как мы существуем, вряд ли стоит называть полноценной продуктивной жизнью. Мы давно перестали созидать и творить, но эгоистично привыкли разрушать и потреблять. Вошли во вкус никчемного паразитирования. Мы едим, спим, испражняемся и спариваемся, намеренно игнорируя немудреную истину Маленького принца, моего любимого литературного персонажа, придуманного гениальным писателем Антуаном де Сент-Экзюпери. «Встал поутру, умылся, привел себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету», — говорит Маленький принц. И, прочитав эти строки, каждый из нас должен задуматься: а когда он сам в последний раз приводил в порядок свою планету? Оторвавшись от еды, сна, размножения и погони за материальными благами. Нет, наша Земля давно находится не в порядке: ведь на ней голодают дети и нищенствуют старики. На ней загрязнены вода и воздух, вымирают сотни видов животных и растений, выпадают радиоактивные осадки. На ней пышным цветом расцветают ложь, вымогательство, насилие и неравноправие.

Люди утратили право называться гуманными и милосердными, погрязнув в пороках и всевозможных грехах. Наш мир пришел в беспорядок, став вместилищем тьмы и грязи. И стоило ли при подобном раскладе удивляться тому, что наполненная нашим злом чаша перевесила, поколебав вселенские весы, чутко балансирующие между добром и злом? Именно мы сами, и никто другой, виновны в надвигающейся на мир катастрофе, призванной навсегда уничтожить изжившую себя цивилизацию. Мудрые Творцы, некогда создавшие нашу планету, были совершенно правы, желая очистить Землю от разрушающих ее людей, дабы освободить место для кого-то иного, возможно, значительно лучшего, чем мы. И следовало признать, что я их прекрасно понимаю, находя обоснованным подобную тягу к уничтожению людей-паразитов.

Меня волновало лишь одно — возможно, вместе с лгунами и грешниками предстоит погибнуть и тысячам ни в чем не повинных праведников, еще способных создать новый, лучший мир. А посему — я приняла твердое решение: я буду бороться. За это зимнее голубое небо за моим окном, за чистый снег и за играющих на нем детей. За цветы в моей вазе и за мяукающую на лестнице кошку. За идущих по улице людей, имеющих право начать все сначала. За льющуюся из приемника песню и за целующихся на скамеечке влюбленных. За весь этот мир — пусть несовершенный и запятнанный нами, людьми, но все-таки такой родной и близкий. За мир, имеющий право на еще один шанс, пускай опасный и последний. И даже если эта борьба будет стоить мне жизни, я все равно не откажусь от нее и не отступлю, как не отступили Калев и Дьюла. С нынешнего момента я отказываюсь бездействовать и молчать. Я спасу этот мир или погибну. Я сделала свой выбор, чего бы он мне ни стоил...

Мне говорят, что дерзкой быть опасно,

Нарвусь еще на тех, кто посильней,
Мол, силы трачу на людей напрасно,
И без меня хватает в мире ахинеи.

Мне говорят: «Смирись! Какое дело,
Кто чем живет, кто вовсе не живет?»
Да вот представьте, видимо, задело,
Пушай не пулей, словом на излет...

Молчать бы мне, да вовсе не молчится,
Зудит под сердцем, чешется рука,
Помилуй бог, но, кажется, стучится,
В мозгу рождается гневная строка.

О том, как миру — не хватило меры,
О том, что жизнь — лишь бурная река,
На брег выносит мертвые химеры,
А вброд не сунься — слишком глубока.

Сегодня в лоб не бьют, все чаще в спину,
Нет подвигов уже — тонка кишка!
Героев не ведут на гильотину...
А режут всех во сне, исподтишка...

Мне говорят: «Тебе б не в это время,
Тебе бы при графьях, да при царях...
Помилуй бог, не изменилось бремя,
Лежащее в наш век на бунтарях.

Мне говорят: «Не рви зазря рубаху,
Освищут, не оценят, не поймут...
И не на трон, скорее уж на плаху
Таких, как ты, с усердьем отведут»...

Зачем алкаешь ты отнюдь не мира?
Им не узнать, что истина — проста...
Им проще сотворить себе кумира,
Чем смысл вложить в заблудшие уста.

Мне говорят: «Терпи, пока живется!
Иначе вырвут из руки свечу...»
Мне жертвой стать в войне той доведется,
Но я не струшу. Я — не промолчу...

На оставленной Иганом визитной карточке я нашла его телефонный номер. Я позвонила ему на сотовый, лаконично обрисовала сложившуюся ситуацию и попросила подъехать через часик ко мне на квартиру, чтобы забрать и похоронить тело несчастного Дьюлы. В ультимативной форме отказалась от предложенной стражем охраны. На корректный вопрос по поводу моих дальнейших действий — попробовала отмолчаться, но, когда Иган начал напирать, с удовольствием гаркнула: «Не ваше собачье дело!» Мудрый лугару сразу понял, что ко мне лучше сейчас не приставать, и, проникновенно пожелав

удачи, отключился.

Я открыла кран с теплой водой, залезла в ванну и залпом хряпнула полбутылки вина, поминая покойного Дьюлу. Потом обоснованно обозвала себя дурой и допила бутылку до дна. Густое сладкое «Эгри» сразу ударило мне в голову, моя самооценка резко повысилась, а желание действовать уподобилось неуправляемому торнадо. Проблемы, пугавшие меня еще пятнадцать минут назад, начали казаться мелкими и незначительными, а настороженное отношение к запутанной ситуации с богами и пророчествами плавно перешло в плоскость тотального пофигизма. Типа: «Ну и черт с ним! Если не выяснится, то само утрясется». Пошатываясь, я вылезла из воды и, высушив волосы феном, подняла их высоко на затылке, заплетая в тугую длинную косу. Покопалась в так толком и не разобранных чемоданах и, придирчиво оценивая каждую деталь туалета, оделась строго и удобно. Теплый черный свитер, черные джинсы в обтяжку, высокие сапоги на устойчивой подошве и короткая кожаная курточка на меху. Довольно посмотрелась в зеркало, мысленно назвав себя недоделанным гибридом ниндзя-черепашки и Лары Крофт, расхитительницы могил. Вышла из квартиры, громко хлопнув дверью и чуть не сбив с ног ассони Элешку, поднимающуюся по лестнице ко мне на второй этаж. Проигнорировала ее нервные вопросы на тему: «Куда, зачем и когда вернетесь?» — и молча прошла мимо, лишь скупой махнув на прощание рукой. Видимо что-то вдруг поняв, пожилая домоправительница побледнела как мел и отшатнулась, торопливо крестя меня трясущимися пальцами. Я хмуро хмыкнула, подозревая — поджидающих меня чудовищ крестным знаменем не напугаешь, разве что раздразишь еще сильнее.

Очутившись на улице, я отправилась искать остановку единственного автобуса, следующего до острова Маргитсигет. Вечерело. До встречи на мосту оставалось еще около суток. А поэтому, здраво рассудив, что свободного времени у меня навалом и спешить мне абсолютно некуда, я решила лично осмотреть могилу принцессы Дагмары, то есть именно то самое место, с коего и начались мои многочисленные неприятности.

Остров Маргитсигет, являющийся неотъемлемой частью Будапешта, испокон веков носит репутацию наиболее странного и мистического района столицы. Особые свойства его источников были известны еще древним римлянам, которые поставили здесь алтари для жертвоприношения нимфам целебных вод. Находишь ты хоть на будайском, хоть на пештском берегу, непременно увидишь его, расположенный прямо по центру русла Дуная и разделяющий голубую ленту реки на два почти равных по ширине рукава. Летом на остров можно попасть самым что ни на есть романтичным образом — при помощи нарядного прогулочного катера, курсирующего по Дунаю от одного будапештского района, под названием Ладьяманыш, до другого — Пюнкёшдфюрд, или же на неторопливом водном трамвайчике. В жаркие дни сей приятный вид транспорта весьма популярен. По форме Маргитсигет напоминает изящный древесный лист, вытянувшийся между мостами Маргит и Арпад почти на два с половиной километра. Мост королевы Маргит, длиной более шестисот сорока метров, принадлежит к числу самых известных будапештских достопримечательностей.

Он был построен еще в восемнадцатом веке по проекту известного французского архитектора Эрнеста Гуэна и до сих пор изумляет совершенством своих очертаний и непревзойденной красотой статуй, установленных на его опорах. На Маргитсигете запрещено использование машин, поэтому по нему ходит только один автобусный рейс, курсирующий строго вдоль главной аллеи острова. Посредством автомобиля на остров можно въехать только с моста Арпад, да и то проезд разрешен лишь до стоянок, расположенных у гостиниц «Гранд-отель» и «Термал». Спуск же с моста Маргит, как и основная часть самого острова, отведены исключительно для пеших прогулок. Самая привлекательная часть Маргитсигета — это развалины церкви и женского монастыря ордена доминиканцев. Именно тут жила в свое время легендарная королева Маргит, причисленная позже к лику святых. По преданию, король Бела Четвертый, правивший Венгрией в

нелегкую годину монголо-татарского нашествия, принес обет отдать в монахини свою единственную дочь Маргит, если сам он и его народ спасутся от ига жестоких завоевателей. Поэтому королевская дочь с девяти лет и до самой своей преждевременной смерти, наступившей около тысяча двести семьдесят первого года в разгар эпидемии оспы, и проживала на этом острове, позже, в девятнадцатом веке, названном ее именем. Хотя следует признать: кроме Маргит в тех заповедных местах похоронена еще одна девушка королевской крови, с куда более трагической и неправдоподобной судьбой.

Я задумчиво брела по припорошенной снегом аллее. На остров давно уже опустилась ночная тьма, едва рассеиваемая слабым светом установленных там и сям фонарей. Следовало признать, что моя одежда оказалась слишком легкой для длительных ночных прогулок — я замерзла до того, что у меня зуб на зуб не попадал, из носа капало, а мои руки стали холодными, будто лед. Отдыхающие на Маргитсигете туристы, прибывшие на остров ради оздоровляющих свойств его природных источников, предпочитают гулять поближе к комфортабельным купальням и гостиницам, не рискуя в столь позднее время забредать в эту отдаленную часть парка, пользующуюся у будапештцев дурной славой. И видимо, по этой же причине данный участок густой дубовой рощи оказался самым неухоженным из всего лесного массива, производя впечатление, скорее, не части излюбленной зоны отдыха горожан, а нетронутого дикого заповедника, куда еще не ступала нога человека. Мне доводилось читать труды средневековой монахини Леи Рашкаи, пропитанные духом религиозного фанатизма, где священная дубовая роща описывалась как участок, забытый христианским богом земли и принадлежащий древней ведьме. Похоже, ведьмой благочестивая монахиня считала не кого-нибудь иного, как принцессу Дагмару, по слухам захороненную в самом центре непролазной чащобы. Сойдя с аллеи и изрядно поплутав среди колючих кустов дикого шиповника, я наконец набрела на крохотный бревенчатый домик, крытый ветхой черепичной крышей. Здесь совсем не ощущалось следов современной цивилизации, ибо рядом с хибаркой я обнаружила колодец и прикрытую мешковиной поленницу, свидетельствующие об отсутствии водопровода и центрального отопления. Домик выглядел спящим, хотя, внимательно присмотревшись, я заметила одинокий огонек, робко теплившийся за мутным оконным стеклом. Немного поколебавшись, я ступила на щелястое крыльцо и громко постучала в дощатую дверь...

Пару минут в домике ничего не происходило, но затем я услышала звук отодвигаемой щеколды, и дверь приоткрылась ровно на палец. В образовавшуюся щель подслеповато шурился чей-то глаз.

— Кто там? — Дребезжащий шепот выдавал в говорившем со мной человеке женщину, причем, судя по тембру, пожилую и жутко напуганную.

— Извините, — умоляющим тоном попросила я, — я вовсе не хотела вас беспокоить, но заблудилась и замерзла...

— Не впускай ее. — В нашу беседу вклинился кто-то другой, более молодой и решительный. — Только ведьма может блуждать по лесу ночью!

— Глупости! — прошамкала старуха. — Эпоха ведьм давно миновала! Я ее впущу.

— Нет! — протестовала молодая женщина. — Не смей, Анеля!

Из домика донеслась какая-то возня и сбивчивая перебранка, но, похоже, победила в ней моя собеседница, потому что дверь растворилась чуть шире, и на меня с любопытством уставился еще один глаз.

— Там девушка! А мы держим ее на улице! — негодуя возвестила третья женщина. — Иисус, да она же совсем молодая, мокрая и грязная... — Дверь домика гостеприимно распахнулась. — Входи же скорее, дитя мое!

Я облегченно вздохнула и поспешно перешагнула порог уединенного лесного жилища...

В этом доме не было не только электрического освещения, но даже керосиновых ламп или свечей. И лишь тусклый отсвет пламени от пары поленьев, догорающих в грубом каменном очаге, давал возможность рассмотреть убранство единственной комнаты, в которой, кроме стола, лавок и трех накрытых тряпками лежанок, ничего не было. Я невольно вздрогнула от жалости, представив, насколько сурова наполненная лишениями жизнь этих лесных отшельниц, и перевела вопрошающий взгляд на обитательниц странного домика.

Передо мной стояли три женщины, облаченные в грубые шерстяные плащи старинного покроя. Первая, производившая впечатление самой молодой и физически крепкой, выглядела лет на пятьдесят и отличалась красивым телосложением. Но я чуть не выскочила обратно на улицу, пристально рассмотрев ее изуродованное лицо, покрытое шрамами от плохо заживших ожогов, похоже вызванных кислотой или щелочью. Заметив мое состояние, женщина презрительно усмехнулась, одарив меня надменным прищуром развенчанной королевы. Вторая отшельница казалась несколько старше своей товарки, и меня сразу очаровала ее добрая улыбка. Что же касается третьей лесовички, самой старой, худой и сгорбленной, то, невзирая на ее морщины и спускающиеся на плечи космы седых волос, я была потрясена пронизывающим взглядом голубых глаз, таящих в себе какие-то неведомые мне силы.

— Веруешь ли ты в Бога, путница? — грозно спросила самая молодая из женщин, и, к своему огромному изумлению, я заметила — ее рука лежит на рукояти привешенного к поясу кинжала.

— Верую в Господа нашего Иисуса Христа, Бога Отца и Святого Духа! — сдавленно пискнула я, не отрывая от кинжала замороженного взгляда.

Старуха вдруг хрипло кашлянула и сердито рассмеялась:

— С ней твоя осторожность не сработает, сестра Фрида! Неужели ты не видишь, какую гостью послала нам судьба?

Названная Фридой отшельница подошла ко мне вплотную, всмотрелась в мои глаза, сдавленно ахнула и с кошачьей грацией резко отпрыгнула назад. Я недоуменно помотала головой, испытывая раздражение от всех этих непонятных недомолвок...

— А это точно ОНА? — то ли спрашивая, то ли уточняя, недоверчиво произнесла третья женщина.

— Она! — с веселым хихиканьем подтвердила старуха. — Даже и не сомневайся в ней, Илва!

— Шестьдесят лет ты ждала ее, Анеля! — патетично выдохнула Илва. — И вот настало время оборвать плетение...

— Хватит! — раздраженно рявкнула я, топая ногой. — Прекратите немедленно свои шуточки! У меня от вас голова разболелась!

— О, она чувствует, куда попала! — многозначительно заявила Фрида, назидательно поднимая палец. — Но не поверит нашим словам, пока не увидит все сама...

— Не увижу что? — гневно повысила голос я, почти одурев от окутывающей домик ауры мистицизма и дикой боли, огненными иглами впивающейся в мои виски, возникшей сразу же после того, как я перешагнула порог лесного убежища. — В чем секрет ваших фокусов? Что вы там прячете? Покажите мне это немедленно!

— Изволь, гостя! — Анеля отошла в сторону, открывая угол комнаты, до того загораживаемый ее фигурой. — Удостоверься, мы не шутим и не фокусничаем!..

Я глянула в указанном мне направлении и онемела от изумления...

Квадратная, сколоченная из деревянных реек рама, а на ней укреплена войлочная подушка... С подушки в одну сторону спускается длинное плетение, кажущееся бесконечным, потому что оно свешивается вниз и словно бы вырастает в пол... Я потерла веки пальцами, не желая верить собственным глазам! С противоположной стороны плетение разделяется на многочисленные нити, намотанные на палочки, каждая из которых оканчивается резной фигуркой, изображающей человека. Я осторожно перебирала фигурки,

узнавая в них себя, Рейна, герра Крюгера... Часть палочек оказалась освобождена от ниток и ничемно лежала в стоящей рядом корзинке. Я наклонилась и вытащила из нее статуэтку своего деда, потом Калеба, Дьюлы, Абрама Шухермана, — сообразив, что к чему, придушенно охнула и уронила палочки обратно. Наколотое на подушку плетение отличалось невероятной сложностью и изяществом. Кроме ниток в нем просматривались травинки, какие-то жилки, капли воды и крови и что-то еще — недоступное моему пониманию... Я подняла голову и бестрепетно встретила испытующие улыбки трех отшельниц.

— Кто вы, плетущие Кружево судьбы? — просто спросила я. — И не случайно ли попала я в ваш дом?

Фрида шумно выдохнула и сняла руку с рукояти кинжала.

Илва ребячливо захлопала в ладоши и засмеялась.

Старуха Анеля облегченно вздохнула и немощно опустилась на скамью.

— Отдохни в нашем доме, молодая Кружевница! — Она ласково повела рукой, приглашая меня к столу. — Испей молока и поговори с нами...

— Только Кружевница способна видеть Плетение судеб, но лишь Великая кружевница способна его продолжить! — торжественно вещала старая Анеля, разглядывая и ощупывая мою правую ладонь. В левой руке я держала кружку со свежим, потрясающе вкусным козым молоком, а правую отдала на растерзание дотошливой старухе, сейчас напомнившей мне подземного Летописца, точно с таким же пристрастием исследовавшего рисунок на моей ладони. И чего, спрашивается, они там увидели?

— Плохо! — бурчала себе под нос Анеля, пощекотав меня бесцеремонными прикосновениями своих кривых, пожелтевших от возраста ногтей. — Ай, как все плохо...

— Она сможет? — нетерпеливо подпрыгнула на лавке Илва, — Сможет? Скажи!

— Не знаю. — Словно колеблясь и не доверяя своим ощущениям, Анеля критично покачала седыми патлами, под которыми просвечивала лысая макушка, — Конечно, можно рискнуть и выправить несколько линий. Но, боюсь, сплетенное нами Кружево судьбы этого не выдержит... Прошное утратит свою силу, настоящее — разрушится, будущее — станет неопределенным... Если только мы не отдадим молодой Кружевнице весь свой опыт. Что скажете, сестры?

— Я согласна! — Воинственная Фрида мужественно повела широкими плечами. — Если уж у нас нет иного выхода...

— Помоги девочке, сестрица! — жалобно взмолилась добросердечная Илва. — Ведь погибнет же без нас... А ты — умная, ты сумеешь!

Анеля хитро усмехнулась.

— Заговорщицы! — нежно пожурела она младших сестер, — Ладно, я ей помогу, — Ее когти больно впились в мою ладонь, наполняя меня чувством незащитности.

— Эй, полегче, мы так не договаривались! — обиженно вскрикнула я, вырывая свою руку из цепкого захвата старухи, — Пока вы мне все толком не объясните, я не приму вашей помощи!

Анеля одарила меня тяжелым взглядом.

— Ну тогда слушай! — холодно процедила она. — И помни, судьба никогда ничего не делает сама, для этого у нее есть подручные!

— Мы последние представительницы женского монашеского ордена доминиканок! — так начала свой рассказ Анеля. — Не выпытывай, сколько лет исполнилось каждой из нас... Мы и сами давно уже сбились со счета прожитых зим, удивленно замечая, как изменился окружающий нас мир. Наверное, смерть забыла о нашем существовании, специально превратив это затянувшееся бессмертие в изощренное наказание, в бесконечную пытку. Мы просили всеблаготворного Господа Иисуса Христа даровать нам возможность дожидаться прихода той, кому уготована участь спасительницы нашего мира, и, кажется, Бог внял нашим молитвам...

— Я не верю в магию! — на всякий случай безапелляционно выпалила я, немного

отодвигаясь от старухи, внушающей мне почтение и страх. — Судя по вашим словам, вам всем уже черт знает сколько сотен лет на кладбище прогулы ставят!

Фрида звонко расхохоталась и одобрительно подмигнула, высоко оценив мое чувство юмора. Илва рассеянно погладила меня по волосам, словно я была неразумным шаловливым ребенком.

— О, мы встречали тех, кто живет еще дольше! — иронично протянула старая Анеля. — Это слуги проклятого бога, хотя некоторые из них не лишены малой толики здравого рассудка...

— Жрецы Митры! — догадалась я. — Что вы знаете о них?

Монахиня недовольно нахмурилась:

— Они — последователи проклятой религии, несущей нашему миру неисчислимые беды. Но, с другой стороны, — тут она сокрушенно развела ладони, — они дали нам тебя. Видно, правильно говорят люди — нет худа без добра!

— Вы с ними общаетесь? — Я заинтригованно навестила уши, надеясь услышать что-то особо важное.

— Да нет почти, — небрежно отмахнулась старуха, — варим иногда целебные отвары для их Наставника, ибо стар он уже и здоровьем плох...

— А как найти усыпальницу принцессы Дагмары? — затаив дыхание от огромного волнения, сдавившего мне горло, осведомилась я.

— Ах вот оно что! — басом выкрикнула сестра Фрида. — Так ты ее искала в лесу?!

Я виновато кивнула.

— Коли суждено тебе ее найти, то найдешь! — с уверенностью произнесла добрая Илва. — Не каждому из лугару она показывается, а людям — так и подавно нет.

— Сестры, сестры, мы зря тратим время, — укорила болтушек Анеля. — Слушай дальше, девочка! На Земле всегда существовали женщины-Кружевницы, плетущие нить судьбы. Обязательно женщины, ибо лишь нам дарован священный дар созидания новой жизни. Женщины — хранительницы мирового равновесия, не дающие злу окончательно погубить людской род. Многие из Кружевниц становились королевами и великими воительницами. Впрочем, талант к сплетению Кружева судьбы живет в каждой из нас, ведь все мы строим свой дом, воспитываем детей и вершим их будущее. Просто развит он в каждой из нас по-разному. Одной хватает его лишь на свою семью, второй — на страну, а вот тебе, — она наставительно повысила голос, — должно хватить его для целого мира!

— Ну ни фигя себе! — оторопело шепнула я. — Нашли, называется, козу отпущения!..

Но хитрая Анеля начисто проигнорировала мою грубоватую реплику.

— Великие кружевницы испокон веков плетут Кружево судьбы, оберегая мир от бед и несчастий, — невозмутимо продолжила она. — Да вот не справились мы — к людям пришло несчастье, а над Землей навис страшный рок... Последователи Аримана нарушили хрупкое равновесие между добром и злом, из-за них мое плетение покрылось кровью и плесенью. Увы, нити событий больше меня не слушаются, а лишь рвутся и путаются в моих руках. Настало время новой — сильной и молодой — Кружевнице взять мир под свою опеку!

Я невольно приосанилась, одновременно пугаясь уготованной мне участи и гордясь ею. А не я ли совсем недавно обещала спасти мир?!

Заглянув в мои глаза, Анеля верно угадала все невысказанные мною мысли и по-матерински заботливо погладила меня по плечу.

— Это еще не все, — доверительным тоном вмешалась Фрида. — Многие сотни лет в нашем монастыре в условиях величайшей тайны содержался древний артефакт, посвященный богине Селене — Артемиде. Лишь самые сильные из сестер становились его хранительницами. Он выкован из упавшего с Луны серебра и способен парализовать любого мужчину, несущего в себе хоть каплю крови солнечного бога Митры. Прими же «Луч Селены» и носи его с честью! — Она сняла с пояса свой кинжал и положила его на стол передо мной.

Теперь я поняла, почему с самого начала нашей встречи это удивительное оружие

безраздельно завладело моим вниманием. Как я уже и говорила, я никогда не верила в магию, но, клянусь, в этом кинжале присутствовало какое-то аномальное волшебство! Я осторожно извлекла из ножен зеркально отблескивающий клинок, чье лезвие и правда напоминало луч лунного света, столь тонким и хрупким оно казалось. Его длина равнялась моему предплечью, а на рукояти кинжала я увидела изображения искусно выгравированных умирающих волков. Я вздрогнула от неприятного всплеска подсознания и спешно привесила к себе на пояс ножны со зловещим подарком.

— В твоей жизни присутствуют двое мужчин, — категорично заявила старая Кружевница, снова беря меня за руку. — Они очень сильны энергетически, а когда ты вступала в интимную близость с ними, — тут я багрово покраснела от стыда, — они вытянули из тебя часть жизненной силы. О, так часто случается, — усмехнулась Анеля, заметив мое смущение, — любовь приносит нам в основном потери и горести. Учись правильно расставлять личные приоритеты...

— Но, возможно, со временем... — жалобно заоправдывалась я.

— Запомни, время — это то, чего у тебя уже никогда не станет больше, чем есть сейчас! — Когти Анели сжались, впиваясь в мою кожу и причиняя боль. — Время бесплатно излечивает нас от нанесенных любовью ран, превращая их в жуткие, вечно ноющие отметины...

Фрида сочувственно отвернулась, рефлекторно прикасаясь к своим шрамам, и я сразу поняла — в ее жизни тоже не обошлось без изрядно «наследившего» возлюбленного. Илва целомудренно потупила глаза, похоже, она сумела устоять перед искушением мужчиной.

— Итак, мужчины уже успели тебе навредить! — обличающим тоном констатировала Анеля. — Мы должны подправить твою энергетическую ауру, влив в тебя свои силы. Лишь с нашей помощью ты сумеешь спасти этот мир, но учти, — ее слова звучали безжалостным приговором, — после нашего вмешательства прежнее Кружево судьбы рассыплется в прах, а существующий на настоящий момент вариант будущего разрушится, и тебе придется сплести его заново. Готова ли ты к этому, девочка моя?

— Готова! — стараясь говорить твердо и не дрожать поджилками, отчеканила я. — Я обещала это своим мертвым друзьям!

— Умница! — искренне похвалила меня Фрида. — А ты смелая, молодая Кружевница. Ибо клятва мертвым — это то обещание, которое придется исполнить при любом раскладе!

Я обреченно стиснула зубы. А чего тут еще скажешь?

— У меня к тебе одна просьба, — робко попросила смиренница Илва. — После того как мы отдадим тебе свои силы, подари нам вечный покой.

— Ладно! — легкомысленно пообещала я, еще не понимая, что именно она имеет в виду.

— Положи правую руку на стол ладонью вверх! — скомандовала Анеля. — Сестры, вы готовы?

Вместо ответа Фрида сплела свои пальцы с пальцами Илвы, а та, в свою очередь, крепко ухватила за левую руку Анели. Не расцепляя странной цепочки, образованной из трех монахинь, старая Кружевница извлекла из ножен «Луч Селены». Я зачарованно наблюдала, как лезвие кинжала начало наливаться загадочным сиянием, постепенно достигая немыслимого пика свечения. Тогда Анеля вдруг выкрикнула какую-то напевную фразу, совершенно мне непонятную, и... изо всех сил вонзила раскаленный клинок в мою доверчиво подставленную ладонь. Я пронзительно заорала от жуткой боли и грохнулась в обморок...

Кажется, пахло кровью. Я принялась и пришла к выводу, что не ошибаюсь. Этот гнетущий, приторно-сладковатый запах невозможно спутать с каким-либо другим. Я открыла глаза, сразу же упершись взглядом в низко нависающий надо мной дощатый потолок. Сердце испуганно захолонуло, обданное неконтролируемой волной паники: «Я что, в гробу?» Я повернула голову набок и облегченно вздохнула: «Нет, слава богу,

померещилось!» Я находилась все в том же лесном домике и лежала на полу, распростертая между лавкой и столом. Возле моего лица валялась испачканная кровью медная ступка, даже на вид увесистая и неподъемная. Очевидно, упав в обморок, я капитально приложила об нее затылком. Еще повезло, что не убилась!..

Я со стоном и оханьем кое-как перевела свое непослушное тело в сидячее положение, сосредоточенно ощупывая затылок. Под волосами угадывалась здоровенная шишка, а у основания косы я обнаружила сгусток запекшейся крови. Спасибо благому Провидению, надоумившему меня сегодня сделать такую прическу, которая здорово смягчила удар. Я в очередной раз убедилась: дурам — везет!

Кинжал «Луч Селены» смиренхонько полеживал себе на столе, будто он тут совсем ни при чем. Ишь, лгунишка какой! Я насмешливо хмыкнула, подобрала бесхозный раритет и сунула его в ножны на поясе, бормоча вполголоса, что, дескать: «Дареному коню в зубы и под хвост не смотрят». После разберусь, для чего полезного он пригоден. Потом удивленно поняла, за что такое необычное на этот раз конкретно зацепился мой взгляд, и поднесла к носу свою правую ладонь, ошарашенно рассматривая ее словно чужой, инородный предмет...

Возможно, я просто запамятовала, но сейчас мне показалось — давно знакомые и с детства привычные линии, исчерчивающие ладонь, изменились самым причудливым образом. Просто хаотически расположенные ранее, теперь они образовывали четкий спиральный рисунок, сужающийся к центру. А в середине ладони красовалось симпатичное изображение снежинки — на редкость изящное и правдоподобное...

— Ай да Кружевницы! — не сдержавшись, вслух похвалила я. — Ну и учудили!..

Однако полежали, побездельничали — и хватит, пора и честь знать! Я поднялась на ноги, подмечая клубившийся за оконцем полумрак. Никак уже утро на дворе! Глянула на циферблат любимой «Чайки». И точно — почти семь часов, не хило я в отключке повалилась. Достала из кармана новый сотовый телефон, опасаясь за его целостность, — ведь могла и сломать при падении... Да так и застыла на месте с нелепо приоткрытым ртом. На дисплее мобильного высветилось: «18 января 2010 года, 18:59» Вот здорово! Помнится, я попала в домишко Кружевниц где-то около полуночи семнадцатого января. Значит, мой обморок длился целых девятнадцать часов! И потому до встречи на мосту Маргит времени остается всего ничего!..

Я стремительно развернулась на каблуках и... испытала новое потрясение!

Сплетенное Анелей Кружево судьбы превратилось в жалкую кучку золы и пепла, припорошившую развалившуюся рамку для рукоделия. Рядом валялась опрокинутая корзинка. Я подошла к останкам труда старой монахини, на ощупь пошарила в мусоре, выудила несколько коклюшек с фигурками и не глядя засунула их в карман своей куртки. Педантично проверила еще раз и удостоверилась — там точно ничего больше нет, я собрала все. Мысленно себя подгоняя, я протопала к двери и уже взялась за ручку, как вдруг услышала жаркий мучительный шепот, идущий с ближайшей ко мне лежанки:

— Девочка! Помоги...

Я остановилась как вкопанная, держась за дверную ручку, предательски немея от захлестнувших меня стыда и ужаса. Ведь я же обещала Кружевницам помощь в обретении вечного покоя, но в своей эгоистичной суете позабыла обо всем на свете и чуть не сбежала, подло не выполнив данного им обещания. Ах я, тварь неблагодарная! Я обернулась...

«Стрелы Аримана! — промелькнуло у меня в голове. — Лучше бы я этого не делала: не оборачивалась, не заключала сделку с монахинями, не ходила в этот лес и вообще не рождалась на свет! Ибо пережить подобное!..»

На вонючих заскорузлых тряпках покоилась Фрида, а вернее, то, что от нее осталось. Чудовищно иссохшая серая мумия, кое-где еще покрытая обрывками рассыпающейся в труху кожи. Губы Кружевницы сгнили, обнажая оскаленные зубы, черные волосы сползли с черепа, осыпавшись на подушку. И вот с этого-то полумертвого лика на меня умоляюще смотрели чистые, сияющие будто звезды глаза! Я протяжно застонала и скорбно уткнулась

лицом в свои трясущиеся ладони. Что же я наделала!

— Девочка! — Из горла Фриды раздалось глухое шипение. — Вспомни, ты нам обещала...

— Но как, каким образом? — Я бросилась на колени перед ее ложем и, раскачиваясь всем телом, как плакальщица на похоронах, покаянно потянулась к умирающей женщине.

— Огонь! Подари нам огонь! — властно приказала Фрида, а затем с трудом подняла свою костлявую руку и осенила меня благословляющим крестным знаменiem. — Иди, спаси мир!..

Такого надрывного финала мое сердце уже не выдержало. Я с рычанием взвилась с колен, выхватила из очага горящее полено и, избегая смотреть на две другие лежанки, опрометью выскочила на крыльцо. Приперла дверь снаружи каким-то случайно подвернувшимся под руку чурбачком, словно опасаясь — вдруг кто-нибудь осмелится нарушить покой почивших в мире монахинь, и поднесла свой импровизированный факел к стене домика. Сухое дерево занялось сразу, вспыхнув ярким погребальным костром, а мне показалось, что над притихшим лесом неожиданно разлилась сказочно прекрасная прощальная мелодия... Я беззвучно шевелила губами, перечисляя имена своих врагов. О нет, я не намеревалась им мстить, наоборот, я собиралась их простить. Но ведь прощать врагов нужно так, чтобы они плакали!

Я еще постояла, прикрывая лицо от жара быстро прогорающего кострища, а затем развернулась и решительно направилась в начинающуюся за домиком чащобу. Я шла навстречу своей обновленной судьбе.

Шла со свежими силами, но с дотла выжженной душой...

Глава 9

Жрец с рычанием метался из угла в угол, не находя себе ни места, ни покоя. Все тщательно спланированные операции пошли прахом, впору голову пеплом посыпать от отчаяния и разочарования.

— Поспешись — Творцов насмешишь! — с горькой усмешкой он напомнил себе эту старую, как мир, истину. — Стрелы Аримана — лучше бы я поспешил... Ведь вон оно что в итоге получилось! — Для наглядности он даже начал загибать пальцы, подсчитывая свои ошибки. — И зачем я тянул, почему не убил ее сразу? Следует признать — девочка оказалась способной ученицей самой судьбы и опасным противником для меня, ибо за истекшее, весьма малое время она успела сильно насолить Крюгеру, заполучить ценные документы и повстречаться со старыми Кружевницами, коих сам Древний остерегался пуще огня. Чего наворожили молодой чаладанье три лесные ведьмы? — Вопрос повис в воздухе, оставшись безответным. — Каким фокусам научили они дерзкую девчонку? — Жрец растерянно схватился за капюшон своего одеяния, натягивая его пониже, до самых глаз, так, будто пытался спрятаться от собственного беспокойства. — И эти треклятые тайные документы... — Он охотился за ними слишком долго и пока еще не мог смириться с мыслью об окончательной утрате столь нужной ему информации. — Помоги же мне, Ариман! — поволчьи взвыл Следящий, бессильно сжимая кулаки. — Подскажи, как остановить глупую девчонку, чем превозмочь ее загадочное везение, позволяющее ей выходить невредимой из любой неприятности?

А ведь он старался, просто из кожи лез, подстраивая всевозможные каверзы и пакости, должны остановить дочь Сокола. Видят Творцы, он поступал гуманно, исправляя промашки собственной молодости... Судьба никогда не карает сама, для этого у нее есть наемные палачи, а он — как раз из их числа! Вот только карал он на самом деле отнюдь не ни в чем не повинную чаладанью, а посредством ее — лишь самого себя! Он прознал о замыслах Калеба и поведал немцам о планируемой встрече в храме. Он так надеялся, что въедливый нацист сумет перетянуть девчонку на сторону швабов. Но ничего подобного у герра Крюгера не

получилось. Личная охрана жреца подкинула гранату в квартиру Евы, рискуя создать лишний шум и привлечь к чаладанье внимание человеческих властей. Но, увы, девчонка не получила ни единой царапины, а Следящий бессильно кусал свои локти, констатируя — у него опять ничего не вышло. Хотя в неудавшемся покушении на Еву тоже нашелся свой плюс: девушка поняла, что оставаться в квартире уже не безопасно, и, видимо подчинившись зову интуиции, сбежала в единственное место, на которое не распространялась власть жрецов бога Митры, на остров Маргитсигет — к усыпальнице принцессы Дагмары. На ничейную территорию, издревле объявленную зоной мира и дружбы. Именно там встречались для проведения своих переговоров вожаки двух чаладов: Чистых и Порченных, именно там справлялись столь редкие среди лугару свадьбы и проводились еще более редкие похороны. Там наглая девчонка находилась под защитой духа прародительницы народа солнечных волков, и, чего уж греха таить, даже сам он не осмелился бы напасть на Евангелину вблизи от места последнего упокоения самой прекрасной из всех венгерских принцесс!

— О Дагмара! — Хриплое рыдание, быстро перешедшее в осиротелое поскуливание, вырвалось из груди жреца. — Зачем ты нас покинула...

Впрочем, его стенания продолжались недолго. Вскоре жрец справился с собой, устыдившись проявленной слабости, смутившись от бессмысленности проливаемых им слез. Но на смену не искупленному чувству вины тут же пришли жуткое озлобление и желание мстить... Так случается часто — не желающий признавать свои ошибки человек осознанно встает не на путь их исправления, а на путь усугубления творимого им зла. Когда-то он был чистым душою жрецом, а ныне он стал чудовищем, интуитивно не переносящим любовь, дружбу и чье-то счастье... Все то, чего он однажды лишился... Быть добрым и милосердным — трудно, куда легче потопить собственное горе в чьей-то невинной крови! А эта чужая девочка, наделенная невозможным, воистину преступным сходством с Дагмарой, называемая чаладаньей народа лугару, что она ему, кто она ему? Он так устал жить, до мозга костей возненавидев это проклятое, нисколько не нужное ему бессмертие... Хватит лицемерить, пора признать открыто: не имея возможности умереть обычным способом, он готов погубить весь мир, лишь бы обрести желанные покой и небытие. Но, увы, смерть приходит только к тому, кто оказался достоин столь жестокой формы милосердия. А лгунам, предателям и трусам ее не дождаться... И вот теперь эта несносная девочка готовится лишить его вождельного забвения, почти уже замаячившего на горизонте! Нет, он не позволит ей нарушить его планы...

Откуда она вообще взялась — эта девочка? Многие говорят, что красота спасет мир, но никому не известно, от чего точно... А красота молодой чаладаньи завораживает, как трещотка на хвосте очковой кобры. Ее доброта видна слепому и слышна глухому. Про других женщин ему всегда хотелось сказать — «ужас, какая дура», но в отношении нее язык поворачивается лишь на «прелесть, какая глупенькая!». Наивная — но находчивая, глупая — но везучая, слабая — но изворотливая и сообразительная. Она удивляла его безмерно, он восхищался ею, завидовал ей и ненавидел ее. И как это ни печально, она с каждым днем становилась все умнее, сильнее и опаснее. А ведь он так старался предотвратить ее рождение: ввел закон, запрещающий связь между представителями разных чаладов, ибо понимал: создание столь яркой личности возможно лишь путем смешивания разных генов, крови и характеров. Он читал два первых пророчества, но мало верил в возможность появления обещанной спасительницы.

Напротив, он ни минуты не сомневался в неотвратимости грядущей кары бога Митры и гибели Земли. И все вроде бы шло по плану, но тут родилась она, порази ее стрела Аримана, и жизнь сразу же закрутилась в бешеном, неуправляемом ритме сумасшедшей фантазмагории! Он вычислил Еву еще до цветения второго бутона, намного раньше, чем о ней узнал сам ур Наставник, как ни прятали девчонку Кaleb и Лев Сокольский. Он вредил ей, как умел и когда мог. Ее толкали под колеса автомобилей, ее шпыняли в школе и не любили в институте, ее выгоняли с работы и всячески унижали. О, у всемогущего жреца

имелась весьма обширная сеть шпионов и соглядатаев. Но девчонка оказалась невероятно живучей и везучей. А затем, не без его участия, Еву намеренно втянули в авантюру с Дозором, и операция по нейтрализации чаладаньи вступила в свою финальную стадию. Вернее, так полагал сам жрец, но на деле все повернулось по-иному... Нет, он уже не может убить Еву сейчас — она находится на виду у обоих чаладов, а он не посмеет так открыто рисковать своим положительным имиджем и своей репутацией, но он поступит по-другому. Да, именно так ему и следует поступить, если он еще надеется ее остановить, пока она не отправилась на север, следуя указаниям текстов, помещенных на дукат и родовой кулон семьи Корвинов, пока она еще не повстречалась с...

Тут Следящий испуганно зажал себе рот, боясь, что с его губ неосторожно сорвется заветное слово. Он уже не доверял никому, в том числе и себе самому...

Нужно каким-то образом срочно положить конец ее небывалому везению, и, спасибо Ариману, для этих целей у него имеется нужное средство. В убежище Следящих, расположенном в подземельях древней Обуды, хранится немало удивительных раритетов, и среди них находится величайшее чудо из чудес — оружие воительницы Мегар. Мало кому известно, к какому именно народу принадлежала прославленная королева воинов — дева Мегар, но не подлежит ни малейшему сомнению сей проверенный жизнью страшный факт — ее оружие приносит неудачу, ведущую к страданиям и смерти. Наследие непревзойденной воительницы состоит из четырех предметов: двух заколок для волос, богато изукрашенных сапфирами и выполненных в виде маленьких кинжалов-стилетов, а также из застёжки на косу и наручного доспеха. Жрецы Митры потратили несколько сотен лет, разыскивая по всему свету разрозненные предметы из комплекта Мегар.

В разные времена ими владели знаменитые женщины, известные не только своими выдающимися достижениями, но и скорбными подробностями неудачной личной жизни. Две заколки носила в своей пышной прическе рыжекудрая королева Елизавета Английская, так и не нашедшая любви. Наручный доспех — легендарная Пенфесилия, последняя царица амазонок, убитая предводителем ахейцев — Ахиллесом. Застёжку на косу — красавица Маргарита Наваррская, принцесса дома Валуа, отвергнутая собственным мужем. Но еще ни одна женщина в мире не надевала всего оружия воительницы Мегар полностью. А ведь носитель артефактов должен выбрать их самостоятельно, для лучшей энергетической связи «человек — предмет». Ну или почти самостоятельно... И вот этот-то проклятый комплект и собирался подарить нынче молодой чаладанье народа лугару хитрый жрец, ищущий ее и собственной смерти. Он злорадно расхохотался, предчувствуя приближение долгожданного мига:

— Дочь Сокола, да покроет проказа твою белую кожу, да иссушит чахотка твое стройное тело, да поразит тебя невезение на веки вечные! Да сгинешь ты бесследно!..

Жизнь каждого человека — бесценна. Она даруется нам по какому-то непостижимому для людей промыслу богов или иных высших сил, а также по мановению пальцев Кружевницы-судьбы, размеренно выплетающей бесконечное полотно бытия. Все мы, сами по себе, являемся не более чем скоротечными мгновениями безбрежной вечности, узелками на прекрасном Кружеве судьбы, составными частичками сложного узора. И порой кажется, умри мы — и ничего особенного в мире не произойдет. Не разразится катаклизм, не разрушатся горы, не разверзнутся хляби небесные. Да мир даже и не заметит маленького залатанного участка Кружева, по которому совсем недавно прошлись ножницы и иголка, выстригая, заменяя неудавшийся узелок. Не обратит внимания на потерю маленького бунтаря, осмелившегося выйти из повиновения ловким пальцам Кружевницы. И возможно, сама мастерица лишь упрямо нахмурит брови, убеждая всех и в первую очередь себя: ничего невозможного не случилось, «отряд не заметил потери бойца», а ее плетение ничуть не утратило ни прежней красоты, ни витиеватости. Подумаешь, всего лишь один непокорный узелок...

Но не стоит обольщаться, все это самообман. Ведь, приглядевшись пристальнее, можно заметить — рисунок плетения все-таки изменился. Едва заметно, почти неуловимо для глаза,

внеся в полотно бытия какую-то незначительную мелочь, лишь чуть-чуть нарушив изначальный рисунок судьбы.

Но, однако, с утратой этого единичного узелка все в мире пошло не так...

Никогда бы раньше не подумала, что в ухоженном городском парке может обнаружиться этакая чашоба! Страшная, аж жуть, да к тому же в ней еще и темно, будто в «Квадрате» Малевича. Расскажи кому из моих екатеринбургских знакомых, ни за какие коврижки не поверят! Углубившись в непролазные заросли, начинающиеся сразу же за останками лесного домика, я быстро заплутала окончательно и впала в депрессивное уныние. И какого черта, спрашивается, понесло меня на сей мистический остров на поиски могилы принцессы Дагмары. Интересно, что такого важного я собиралась там найти? Все происходящее со мной сейчас столь мало походило на реальную действительность, что я уже начала сомневаться в своей адекватности, готовая списать свои ощущения на первую попавшуюся отговорку. Хоть на хроническое недосыпание, хоть на накопившуюся в мышцах физическую усталость, хоть на недавний удар головой, явно не прошедший бесследно для моих и без того скудных умственных способностей. Совершенно разбитая от пережитого эмоционального стресса, я, не разбирая дороги, со всей дури ломилась в чашу леса, словно не впавший в спячку медведь-шатун. Да и не было там, по большому счету, никакой дороги, так, тоненькая, причудливо петляющая тропинка, то внезапно появляющаяся у меня под ногами, то вновь пропадающая. Или, что тоже не исключено, я эту треклятую тропинку сама для себя придумала. Темно же вокруг — хоть глаз выколи, бурелом — черт ногу сломит, и в довершение ко всему — подтаявший и снова замерзший снег образовал тонкую корочку наста, ломкую и чрезвычайно острую.

Запинаясь за пригнувшиеся к земле кусты дикого шиповника, спотыкаясь на присыпанных снегом кочках и поминутно падая, я умудрилась в кровь исцарапать руки и больноче ушибить оба колена. На душе поселилась такая муторная безысходность, что хоть садись посреди этого жуткого леса да волком вой. Авось какие добрые егеря меня найдут и выведут в более цивилизованное место или хоть добьют из жалости... И зачем я выжила в подземных катакомбах? Уж лучше бы мне помереть еще тогда или сейчас, но поскорее, чем продолжать так мучиться!..

Жалобно поскуливая от боли и утомления, окоченев до неменяемого состояния, я в итоге набрела на здоровущий пенёк и, испустив громкий вздох облегчения, вольготно расселась на его абсолютно сухом и удобном срезе. Коряга оказалась чрезвычайно толстой, а по бесчисленному количеству обнаруженных на ней колец я сделала вывод, что это кем-то кощунственно спиленное дерево насчитывало, пожалуй, не одну сотню лет. И у какого садиста поднялась рука загубить этого лесного великана, настоящего патриарха среди деревьев?

Но самым удивительным моим открытием стал факт того, что срез или спил имел очень специфическую, неровную форму, напомнив мне кресло со спинкой и сиденьем. Я вольготно расселась на горизонтальной части пня, упираясь спиной в вертикальный обломок и расслабленно закрывая глаза. Совесть била во все колокола, бдительно стуча по циферблату часов и намекая — время-то тикает! И его у меня оставалось очень и очень мало. Но матушка-лень пела ласковую колыбельную, напуская на меня сладкую дрему и убаюкивающе убеждая: «Спи! Успеешь еще набегаться!» И тогда я просто перестала бороться с собственным организмом, лицемерно подумав: «Вот сейчас немного отдохну и повторно попытаюсь найти могилу принцессы. И ничего плохого в этом нет. Никогда не делай ничего правильно с первого раза, иначе никто потом не оценит, как сложно и трудно это было...»

Мне снилось, будто я нахожусь в огромном помещении, потолок которого теряется где-то в необозримой высоте. Ближайшую ко мне стену этого то ли храма, то ли хранилища покрывает серебристый налет изморози, плавно переходящий в загадочные узоры. Рисунок,

будто живой, расползается по всей поверхности стены, становится объемным, наливается силой и глубиной. Величественные, сигарообразные корабли парят в безликом космосе, а затем опускаются на поверхность нашей планеты и становятся пленниками своей новой пристани, ибо не помнят обратного пути домой... И мне кажется, если я немного напрягу память, немного постараюсь, то непременно вспомню — откуда же они прилетели... Помещение совершенно пусто, лишь в его центре возвышается непонятная сферическая конструкция, а на ее вершине багрово отсвечивает изображение снежинки. Я осенено вскрикиваю, ведь именно такой рисунок теперь появился и на моей ладони, созданный стараниями трех лесных отшельниц... Я подношу руку к конструкции и чувствую — загадочное устройство начинает медленно трансформироваться, напитываясь энергией моего тела, а в самом помещении становится все теплее и теплее...

Тепло, даже жарко и душно!.. Я непроизвольно рванула ворот куртки, облизала пересохшие губы и проснулась... Окружающий меня лес изменился разительно. В воздухе разливалось благодатное тепло, лежащий на земле снег — таял, а сплетения бурелома словно отступили от могучего пня, открывая небольшую лесную поляну. И как это я сразу не заметила, что попала в самый центр красивой рощи, образованной странными серебристыми дубами? Я изумленно поднялась с пня, не находя логичного объяснения ни столь резкому потеплению, ни неестественному поведению леса, враз сменившего откровенную враждебность на не менее красноречивое гостеприимство. Лес вел себя будто одушевленное разумное существо...

Дубовые ветви раздвинулись, являя моему взору крохотную мраморную беседку на невысоком пригорке. Невзирая на самый разгар января, возле изящного сооружения буйно цвели ландыши, изливая упоительный аромат. Медленно переставляя затекшие от неловкой позы ноги, я брела между дубов, ласково оглаживающих меня своей листвой — не зимнему сочной и пышной. «Ты пришла!» — удовлетворенно шелестели могучие деревья. «Это она, она!» — мелодично звенели ландыши, покачивая изящными колокольчиками. «Здравствуй, девочка! — эхом откликнулся белый купол беседки. — А мы тебя ждали...» Ничего не понимающая, околдованная, очарованная, я робко вступила на трехступенчатую лесенку, ведущую к хрупкой конструкции из четырех колонн, покрытых легкой крышей и соединенных между собой серебряной решеткой, изукрашенной хрустальными инкрустациями. Я никогда раньше не видывала ничего более воздушного и печального. Словно великий архитектор сумел воплотить в камне и металле некий похоронный гимн, пронизанный болью утраты и надеждой на возрождение, и построил из них эту надгробную беседку, ставшую апофеозом вечной любви и поклонения. Внутри траурного сооружения я увидела не каменный пол, а зеленую лужайку, в середине которой находилась статуя прекрасной девы, высеченная из глыбы белого мрамора. Чья-то талантливая рука выгравировала на надгробии изображение распахнувшего крылья сокола, а под ним скупую дату, обозначающую годы ее жизни: 1465–1490. Я вздрогнула от выявленного совпадения, выглядевшего отнюдь не случайным.

Принцесса Дагмара умерла в возрасте двадцати пяти лет, и ее скоропостижная кончина сильно изменила будущее нашего мира. Вырезанный узелок, нарушивший целостность полотна бытия... А ведь именно столько же мне исполнилось совсем недавно... И, словно желая презреть смерть одной из нас и возвестить приход другой, перед мраморным надгробием цвел роскошный розовый куст, увенчанный двумя золотистыми бутонами. Но мое внимание привлекли отнюдь не диковинные цветы. Тяжело опершись на одну из колонн, в беседке стоял старый, словно само время, человек, облаченный в просторное белое одеяние, отороченное по краю широкой золотой каймой. Бессчетные промчавшиеся над этим мужчиной столетия беспощадно скрючили его тело, некогда стройное и безупречно сложенное. Ухватившаяся за колонну рука, иссохшая и покрытая шерстью, превратилась в звериную лапу, а его лицо, намеренно освобожденное от складок откинутого назад капюшона, выглядело настолько омерзительным, что я невольно отшатнулась назад и

закричала от отвращения...

Буквально через секунду я одумалась, устыдилась своей спонтанной реакции и ладонью зажала себе рот, мысленно проклиная собственную несдержанность. Мужчина добродушно улыбнулся и переместился поближе ко мне, двигаясь короткими вымученными шажками. Похоже, его здоровье подтачивала затянувшаяся болезнь суставов. Потрясенно, вытаращенными глазами, я рассматривала ужасную морду загадочного незнакомца, имеющую мало общего с обычным человеческим лицом.

— Как это вас угоразило? — наконец смогла выдавить я блеющим голосом и стыдливым движением руки изобразила нечто неопределенное вокруг своей головы. — Генетическое отклонение, внутриутробная инфекция?..

— Вас пугает мой облик? — В глазах чудовища промелькнули беззлобные смешинки. — Увы, это не болезнь, а всего лишь справедливая расплата за долголетие, опыт и способность к смене облика...

— Правда? — озадаченно брякнула я.

Монстр утвердительно кивнул.

— А по моему мнению, так больше похоже на последствия заключенной с дьяволом сделки... — с сомнением пробормотала я. — Я давно подозревала, что если быстро произнести фамилии всех венгерских футболистов, то можно вызвать самого Сатану!..

Чудовище дребезжаще рассмеялось:

— Браво, милая девочка! Человек, в любой ситуации не теряющий чувства юмора, практически не подвержен приступам страха...

— А не смешно, — нахохлившись, будто воробей, и чувствуя себя виноватой, буркнула я. — Если каждого лугару ожидает подобная непрезентабельная старость, то лучше их на фиг — эти способности...

— Боишься стать некрасивой? — иронично усмехнулся мужчина.

— Не более чем любая другая женщина, — обиженно огрызнулась я. — Но подурнеть до такой степени — это уже явный перебор...

Старик успокаивающе похлопал меня по плечу, и я ощутила слабый запах разложения, исходящий от его скрюченной, покрытой струпьями клешнятой лапы.

— Утихомирься, тебе это не грозит. В этом городе нет другого лугару, превзошедшего меня возрастом. Я находился в числе нескольких молодых жрецов, вместе с римскими легионерами прибывших во вновь завоеванную провинцию Паннонию...

Прикинув, сколько примерно лет исполнилось этому существу, я ощутила легкое головокружение...

— Так не бывает, — недоверчиво выпалила я. — Не верю! — Мой хваленый скептицизм проснулся совершенно не вовремя и сейчас яро бунтовал против столь невероятных цифр.

Жрец усмехнулся еще саркастичнее:

— Самый приятный характер встречается у циников, самый невыносимый — у идеалистов, ибо для подтверждения собственных теорий им вовсе не нужны факты!

— Предлагаете мне стать циничной и каждый уготованный нам крест считать плюсом? — подначивающе хмыкнула я. — Ну что-то привлекательное в вашей идее, безусловно, есть...

Ужасную морду старика расколола довольная улыбка.

— Умница, — похвалил он и добавил с мальчишеским гонором: — Наш человек!

— Человек! — задумчиво протянула я, пробуя на вкус такое, казалось бы, обычное слово. — Я совсем перестала понимать, какой смысл вкладываем мы в это понятие? Меня запутал Калеп...

— Калеп... — опечалился старик. — Мир его душе! Хороший он был человек...

— Человек? — аж икнула я. — Вы хотели сказать — волк?

Жрец наблюдал за мной, словно за дрессированной обезьянкой, демонстрирующей

старательно заученный трюк.

— Не торопись с выводами, — спокойно посоветовал он. — Оцени, взвесь истинный смысл этих двух слов — волк и человек. Пойми, кем из них хочешь стать ты, но помни, недаром принято говорить: «Человек человеку — волк!»

— Да уж, — скептически наморщила лоб я, — не хилая дилемма. Вот уж точно — сначала появилось слово. А потом: слово за слово — и понеслось...

— Тебе не откажешь в объективности, — одобрительно кивнул жрец. — Так оно и случилось на самом деле. Люди и волки, добро и зло — между ними существует давнее противоречие. Возможно, именно ты сумеешь его разрешить...

— А мир спасти — уже не требуется? — ехидно осведомилась я.

— Считай себя капитаном олимпийской сборной по спортивному многоборью! — язвительно парировал жрец. — Нет, тут проблема комплексная: волки, анты, украденный артефакт...

— Стоп! — педантично скомандовала я. — Пожалуйста, пожалейте мои мозги, прошу вас, не валите все в кучу, а разложите по отдельным полочкам.

Жрец на мгновение опустил морщинистые веки, видимо собираясь с мыслями, а потом и правда — разложил, да причем так, что у меня даже дух захватило от масштабности описываемой им картины...

Ариман и Ормузд оказались не единственными Творцами, посетившими нашу планету. Несколько звездолетов, управляемых их соотечественниками, попали в сильный метеоритный дождь и совершили вынужденную посадку на Землю, намереваясь починить поврежденные корабли. Но их надеждам не было суждено осуществиться — поломки не удалось устранить, и смирившиеся со своей горькой участью пришельцы построили прекрасный город, скрыв его от людей. В довершение ко всему, в результате произошедшей аварии они лишились своих навигационных приборов и устройств связи, позволяющих контактировать с далеким Эониумом. Прошли годы и десятилетия... Жизнь инопланетных колонистов становилась все труднее, потому что ее техногенный уровень неуклонно снижался. Постепенно рассказы о другой планете превратились для них в миф, а сами пришельцы начали вырождаться и вымирать, не сумев полностью адаптироваться к земному климату. Так возник новый народ, наделенный парадоксальными привычками и чуждым мышлением, называющий себя антами, а место расположения великого города пришельцев кануло в пучину веков, превратившись в тайну даже для их потомков...

Несколько изначальных жрецов бога Митры, призванных к служению еще Творцами, обрели практически безграничное долголетие, заплатив за этот дар постепенной утратой человеческого облика. Чем чаще они трансформировались — тем меньше человеческого в них оставалось. Большая часть первых жрецов погибла в различных войнах, сопровождавших развитие цивилизации, выжили лишь двое: Абадайя, достигший высшего ранга Наставника, и гораздо более молодой Эзра, второй в иерархии слугителей бога, носящий теперь звание Солнечного Вестника — избранного, общающегося с богом.

В тысяча четыреста восьмидесятом году один из низших жрецов совершил преступление, полюбив смертную девушку, младшую сестру короля Матиаша Корвина. Отступник, тщательно скрывший свою связь с женщиной от всех прочих слуг Митры, находился тогда на ступени волка, и именно этот облик передался его сыну, рожденному принцессой Дагмарой и имевшему несколько жен. Первый князь Фаркаш стал многодетным отцом. Так появились лугару. В дальнейшем новые жрецы Митры набирались из числа наиболее достойных солнечных волков. Но, увы, созданные Творцами люди не оправдали надежды светлого Ормузда и пошли по пути темного Аримана, встав на сторону зла. Вскоре творимое на Земле зло начало превышать допустимую концентрацию, угрожая благополучию далекого Эониума, всегда поддерживающего с Землей энергетическую связь. Спасти родительский мир могло лишь единственное средство — полное уничтожение населения планеты, повторяющееся с цикличной периодичностью.

Многие столетия напролет жрецы и народ лугару жили в добрососедском мире, ожидая свершения страшных пророчеств, начертанных выжившим из ума предсказателем Заратустрой, сумевшим проникнуть в замысел богов. Но потом наступили лихие времена. Рвущиеся к власти нацисты сумели узнать о существовании антов и лугару. Они создали ужасных оборотней — мутантов-ликантропов, но не рассчитали свои возможности, и монстры сумели вырваться на свободу, организовав побег из лаборатории доктора Менгеле. А среди жрецов нашелся недовольный, возмущившийся смыслом пророчеств и дарованной людям возможностью изменить ход своей судьбы, избегнув кары бога. Озлобленный на весь мир предатель решил во что бы то ни стало исполнить волю Творцов. Впрочем, он ничуть не сомневался в правильности своих поступков, считая предателем отнюдь не себя, а всех остальных жрецов, желающих спасти и мало о чем догадывающихся людей, и своих детей — лугару...

— Ур Наставник, — вежливо произнесла я, уже догадавшись, кто именно находится передо мной, — вы знаете имя этого жреца?

Абадайя скорбно кивнул:

— Да, дочь моя, но я не могу открыть его тебе...

— Но почему? — Мои брови изумленно приподнялись.

— Согласно третьему пророчеству мир сможет выжить лишь в том случае, если мы не станем вмешиваться в предпринимаемые тобой действия, — туманно ответил жрец.

— Ясно, — издевательски хохотнула я. — Творцы решили развлечься, установив хитрое правило: спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Ведь так?

— Не суди их слишком строго, — снисходительно вздохнул жрец. — Творцы не люди и не лугару, они мыслят другими категориями, нам не понять всей глубины их замыслов. Да к тому же быть идеальными и безупречно справедливыми чрезвычайно скучно, Творцы тоже нуждаются в развлечении...

— Порази меня стрела Аримана! — с негодованием выругалась я. — Да что мы им — мышки подопытные?

— Соверши нечто грандиозное, доказывающее — наш мир действительно достоин жизни, и тогда он получит шанс избежать кары бога Митры! — искренне посоветовал Абадайя. — Спаси всех нас, но соверши это не с помощью оружия и зла, а лишь посредством любви и доброты!

Я одарила его недоверчивым взглядом и иронично присвистнула. Нет, я, конечно, ожидала, что будет тяжело, но не настолько же!..

— А анты, они случайно не жители ли погибшей Атлантиды? — с деланой небрежностью поинтересовалась я. — И где точно находится табличка с третьим пророчеством, и какое конкретно устройство в нем упоминается?

На морде Наставника нарисовалась лукавая улыбка.

— Не знаю! — развел руки он. — Тебе предстоит выяснить все самой...

Я, прищурившись, одарила его хмурым взглядом. Как же, не знает он! — так я ему и поверила! Точно, знает, прохиндей старый, но молчит, как партизан на допросе! Тоже небось считает меня избранным бойцом, упоминаемым в дедушкиных документах! Я отлично понимала, что Абадайя не собирается нарушать условия Творцов и оказывать мне какую-либо помощь. Я разозлилась...

«Ну и фиг с тобой! — возмущенно подумала я. — У меня тоже гордость есть. Не жди, что я раскисну и спасую. Не на такую напал! Не зря я жила в России, росла в зачуханной коммуналке, терпела побои от деток богатых родителей и вылетала с работы. Не зря я лишилась Вадима... Нет, я теперь закаленная и душой и телом — меня уже ничем не проймешь! Когда обнаруживается то, чего нужно добиться любой ценой, вы — венгры, американцы и иже с вами — говорите: «Сделай или сдохни!», а мы, русские: «Сдохни, но сделай!» Таким образом, у нас даже смерть не является серьезным поводом отлынивать от принятых на себя обязательств!» Убедив себя в собственной непобедимости, я решительно выпрямила спину, задрала кверху изрядно исцарапанный в лесу нос и злорадно зыркнула на

жреца, намекая: «Я куда круче Золушки, мне подарки от доброй феи без надобности, сама со всем справлюсь!»

На уродливой морде Наставника нарисовалось явное восхищение, сильно разбавленное облегчением и нескрываемой надеждой. Я злорадно хмыкнула, про себя подчеркнув — наверно, так смотрели подшефные пенсионеры на закрепленных за ними пионеров: чистыми наивными глазами, с ожиданием чуда во взоре!

«Ах вот, значит, как, ну тогда будет вам чудо! — в сердцах пообещала я. — Бу-у-дет! Я вам еще такое образцово-показательное спасение устрою — мало не покажется, морской круиз под названием «Ноев ковчег» тихо отдыхает в сторонке!» И я упрямо тряхнула косой, напоследок утешив себя гениальным афоризмом: «Если не получается делать то, что нравится, то пусть понравится то, что получается!»

М-да, следовало признать — талантом влипать в неприятности я обладала всегда. Осталось научиться испытывать от этого удовольствие!

Судя по всему, мой разговор с Наставником следовало считать законченным. Как ни забавно это выглядело со стороны, но запутанная ситуация, в кою я оказалась втянута совершенно против собственных воли и желания, сильно смахивала на сценарий банального боевика: «Докажи свою крутость, крошка, и спаси мир!» А вот как доказывать и с помощью чего — никого особо не волнует. Я сердито хмыкнула, потому что на ум приходили только сплошные ругательства.

«Я ведь вам не волшебница Земноморья — магией не владею. Из всего арсенала полагающихся «супергёрл» сверхспособностей у меня имеется в наличии лишь плохонький пирокинез, с которым даже на шоу «Битва экстрасенсов» уже в отборочном туре срежешься, но и всего-то! Оружия, кроме серебряного кинжала, годного разве что для охоты за тараканами, никакого. Толпы верных соратников, преданно дышащих мне в затылок, тоже не наблюдается. Ну и куда, спрашивается, я лезу, девочка-бойскаут с блондинистыми мозгами?» — Последняя фраза явно несла на себе оттенок объективной риторичности. Неразрешимой и безответной, кстати.

Я бездумно оглаживала пальцами беломраморную статую своей далекой прародительницы, сразу подметив наше с ней практически стопроцентное сходство. «И почему я вечно влипаю во всякие запутанные истории? Ах, спасибо папе с мамой — это они постарались: произвели меня на свет в точном согласии со всеми пунктами неких бредовых пророчеств. Спасибо, удружили!..» Я неприязненно покосилась на безмолвного жреца, наблюдающего за мной с этакой отеческой заботливостью во взоре. Похоже, у него сформировалось в корне неправильное представление о моих несуществующих талантах. Хотя чего еще можно ожидать от личности, родившейся черт знает когда и черт знает где? А если еще в дохристианском Риме — то тем более! «Кстати, уж ему ли не знать, что белокурые женщины в древнем мире ценились весьма высоко. Иногда, продав одну блондинку, можно было пьянствовать целую неделю! — Я саркастично фыркнула. — Ну не понимаю я мужчин, не понимаю принципиально, чего уж тут поделаешь!

Странные они существа: вроде не боятся уколов судьбы и женских шпилек, но при этом точно знают — не порченная шкура ценится выше. Да еще упорно не желают соглашаться с аксиомой, что женщину украшает макияж, а мужчину — трудновыводимые и обширные шрамы от макушки до копчика. И как это до Абадаи не доходит — доставшееся мне предназначение куда лучше подошло бы какому-нибудь бравому двухметровому солдафону с мордой кирпичом и двуручным шкворнем а-ля «меч Конана-варвара». Но я-то ведь отнюдь не Риддик Терминаторович Бальбоа.

Я — женщина! Понимаете, женщина! Я по идее должна сейчас в редакции сидеть и писать для журнала статейки про выставки кошек или, на худой конец, бегать по распродажам в бутиках. Я не умею драться и не жру килограммами сырое мясо, срезанное с ляжки убитого врага. Я часто плачу, мерзну и не могу спать без одеяла. Вы усвойте, пожалуйста, Творцы, боги, пророки и как вас там еще! — я для всего этого попросту не

приспособлена и не предназначена! Я мечтаю о любви и тихом семейном счастье. Я часто впадаю в истерику, элементарно заблужусь в трех соснах и хорошо разбираюсь лишь в том, чем Микки Рурк отличается от Микки-Мауса. Блин, да у меня даже ПМС бывает! В общем, я не боец, не супернавороченный герой и не архимаг. Я самая обычная женщина — и этим все сказано! Мое глупое женское сердце напрочь позабыло о недавних потугах на героизм и сейчас рыдало белугой, обливаясь горячими слезами, да нервно сжимаясь от страха. — Какая из меня спасительница мира, если я даже в себе-то разобраться не могу? Я соткана из противоречий и пышного букета взаимоисключающих комплексов, я капризна и непредсказуема, я взбалмошна и непоследовательна. Я осведомлена, что в природе существует два вида экстримеров: для первых экстрим — это острая потребность тупого риска, а для вторых — тупая потребность острого. Но ведь я-то сама — совсем не такая! Или такая? Хм...»

Я утерла несколько непроизвольно наворачнувшихся на глаза слезинок и попыталась успокоиться. Наверное, не стоит накручивать себя заранее и думать о плохом. Думать — вредно, хотя обладать мозгами — очень увлекательно. И теперь мозги явственно подсказывали: «Не гони волну, Ева! Зачем переживать о чем-то нереальном? Если тебе суждено совершить нечто неизбежное, то уж будь спокойна, оно само тебя найдет, потому что ты даже приблизительно не догадываешься — с чего нужно начинать спасать мир! Ведь курам на смех ситуация сложилась: к фену инструкция по вводу в эксплуатацию прилагается, к холодильнику — тоже, к телевизору — тем паче, а вот к задаче спасения мира — нет!» Повеселев от подобных фривольных мыслей, я сделала прощальный жест ручкой, предназначавшийся для Наставника, и развернулась на каблуках, собираясь уходить. Я ведь не забыла о предстоящей встрече на мосту Маргит, назначенной мне неизвестным анонимщиком.

— Подожди! — остановил меня требовательный окрик жреца. — Я хочу пожелать тебе удачи и поведать о прискорбном событии: из нашего хранилища бесследно исчез древний артефакт, называемый «Пламя Вселенной».

— А чего еще новенького-хреновенького расскажете? — иронично поинтересовалась я. — На что хоть эта ваша вселенская цацка похожа и для чего она предназначается?

Наставник неопределенно передернул плечами:

— «Пламя» выполнено в виде кулона, имеющего форму золотого жука-скарабея, в спинку коего вделан мощный энергетический кристалл, способный подавлять другие типы энергии. Раритет обладает огромной, как созидательной, так и разрушительной, силой...

Я задумчиво наморщила лоб. Во всей этой истории уже и так замешано немало различных устройств и вещей. И зачем судьбе понадобилось приплетать сюда еще одну? Задача явно из категории «догадайся, мол, сама». Я выжидательно повертела головой, словно ждала подсказки «50 на 50, звонка от друга или помощи зрительного зала», но, увы, хитрое Провидение не спешило делиться со мной своими замыслами. Я тяжело вздохнула... Опять до всего придется своим умом доходить! Анеля говорила, будто я наделена талантом к плетению Кружева судьбы сильнее, чем самка паука-тарантула, но, в пику всем ее уверениям, я почему-то пока не замечала за собой ничего подобного...

Я выбралась из леса без каких-либо происшествий или затруднений. Просто развернулась спиной к беломраморной беседке, возведенной над могилой Дагмары, и, не заморачиваясь шибко, элементарно пошла себе вперед куда глаза глядят. Обернулась через несколько шагов и с удивлением обнаружила — позади меня ничего нет. Вот нет, и все тут! Наставник, аномально теплый пригорок и ландыши куда-то исчезли, и лишь несколько старых дубов уныло потряхивали присыпанными снегом ветками, скучая по утерянной сказке. Я чертыхнулась вслух, стараясь припомнить, давно ли я посещала окулиста и проверяла зрение, но здравый рассудок подсказывал — встреча с Наставником была отнюдь не зрительной галлюцинацией и не бредом моего воспаленного воображения, а истинной правдой. И вот понимай ее теперь как хочешь...

Узкая лесная тропинка вскоре превратилась во вполне комфортную асфальтированную дорожку, выведшую меня на главную аллею острова. Забавно ощущать себя таким исследователем-первопроходцем, сумевшим случайно преодолеть незримую грань, разделяющую то ли настоящее и прошлое, то ли некие параллельные миры, внезапно соприкоснувшиеся в произвольной точке бытия. По одну сторону этой пограничной черты отныне находились сожженная мною лесная избушка и дрейфующая в тумане могила принцессы, а по другую — подсвеченный электрическими фонарями парк, наполненный веселым многоязычным гомоном, национальной мадьярской музыкой, доносящимися из кафе запахами и плеском лениво струящегося Дуная. И я уже не знала, которой из сторон я принадлежу теперь в большей мере? Мысленно успокаивая себя зримыми доказательствами того, что мистика закончилась, я размеренно шагала по аллее, вежливо раскланиваясь с многочисленными попадающимися мне навстречу отдыхающими. Я полагала: мои островные приключения исчерпаны, во всяком случае на сегодня. Но вскоре выяснилось — я ошиблась, рано списав со счетов древнюю магию этого загадочного места. Нет, все обстояло совершенно иначе, ибо Маргитсигет намеревался удивить меня еще раз...

В мире существует немало ловких проходимцев, умело паразитирующих на человеческой доверчивости и наивности. Они вполне успешно выдают себя за наследственных магов, колдунов в десятом поколении и адептов вуду, освобождая небогатых умом граждан не только от несуществующих проклятий, венцов безбрачия и прочих пробоев кармы, но и от значительной части содержимого их кошельков. Мне доводилось слышать о целительном воздействии различных гробовых-чумаков-кашпировских, умудрившихся прямо с экранов телевизоров рассасывать у своих пациентов всё, без исключения, начиная с застарелых шрамов от аппендицита и заканчивая молниями на брюках, но, скажу откровенно, я в куда большей степени верю в их умение удалять у глупых простофиль излишки денежных масс. Однако наряду со всяческими шарлатанами всем нам приходится сталкиваться с поистине устрашающими случаями проявления настоящих паранормальных способностей, например, таких, как искусство филиппинских лекарей-хилеров, диагностикой здоровья человека по его фотографии и гипнозом. Но никогда, вплоть до сегодняшнего дня, лично мне с подобными вещами встречаться еще не доводилось...

Неожиданно я почуяла — воздух вокруг меня сгустился самым непостижимым образом, уподобляясь вязкому киселю, липкой субстанцией обволакивающему не только тело, но и разум. Мною овладели лень и апатия, резко потянуло в сон. Прямо передо мной находился незначительный участок аллеи, расположенный между двумя скамейками и как будто бы выпадающий из общего фона ухоженного городского парка. А все странные ощущения начались сразу же после того, как я вступила в зону этого аномального участка. Дорожка опустела стремительно.

Чувствуя присутствие негативной энергии, незримым куполом накрывшей пространство вблизи скамеек, гуляющие по аллее туристы испуганно сбежали прочь, почти не отдавая себе отчета в своих неясных, словно кем-то навязанных ощущениях. Но я же, напротив, не могла не заметить возникшего из ниоткуда насильственного прикосновения чужой воли, уподобившегося холодной ладони, легшей на мой затылок и настоятельно побуждающей меня продвигаться вперед. Не задумываясь над тем, что именно делаю, и как бы плавая в полусне, я, словно сомнамбула, шла на беззвучный зов, властно приказывающий: «Сюда, иди сюда!» Между скамейками возвышался потухший фонарь, а прямо под ним, на мерзлой земле, замотавшись в ворох пестрых тряпок, скорчилось тощее существо, принятое мною за бродячую старуху-побирушку.

На подгибающихся, враз ставших ватными ногах я подковыляла к нищенке, испытывая боль во всем теле и почти теряя сознание от разрывающего голову звона, звучащего у меня в ушах. Расслабившиеся слюнные железы работали, будто два кингстона, грозя затопить рот, и мне приходилось поминутно сглатывать, ощущая присутствующий в слюне горький привкус

желчи. Наверное, я еще никогда в жизни не осознавала себя настолько больной, куда уж там несколькими утренним похмельем или симптомам стабильно подцепляемой мною ангины. Но тем не менее я подошла к попрошайке почти вплотную и зачарованно воззрилась на крючковатый, усыпанный бородавками нос, торчащий из обматывающего ее лицо платка. Старуха выпростала из-под складок одеяния свою руку, прикрытую грязной нитяной перчаткой, и требовательно побренчала помятой жестяной чашкой, в которой сиротливо перекатывалось несколько мелких монет.

— Сейчас! — с пониманием вскрикнула я, суетливо роюсь в кармане куртки. «Очевидно, — мелькнуло у меня в мозгу, — бабка владеет настоящим цыганским гипнозом и пользуется им всюду, принуждая прохожих подавать ей усиленную милостыню. Почему только я чувствую себя так плохо? Уж не заболела ли я?»

Торопясь поскорее избавиться от тягостной сцены, я вытащила приличную пачку денежных купюр и потянулась к чашке для подающих, намереваясь отдать старухе все свои деньги, чтобы тотчас же сбежать прочь. Но не тут-то было! Нищенка издала протестующее ворчание и негодующе покачала головой. А затем она рывком сдвинула край своей широченной юбки, и я увидела россыпь различных предметов, разложенных на рваной тряпице. Я присела на корточки и всмотрелась в выставленный товар, понимая: у меня не выпрашивают подачку — от меня ждут покупки.

Находясь я в более адекватном состоянии, то непременно впала бы в шок от потрясающей воображение роскоши предложенных мне вещей, ну каким приемлемым образом не способных попасть в лапы обычной нищенки. Но, пребывая в полуобмороке, я оказалась способна лишь слепо водить пальцами над товаром старухи, играя в детскую игру «тепло — холодно» с той лишь разницей, что правильные ответы мне диктовались извне. Кинжал — «холодно», прозрачный кристалл — «холодно», две необычной формы заколки для волос — «тепло», кольцо — «холодно», что-то странное, шипастое, на длинной цепочке — «тепло», гребень — «холодно», здоровенный браслет — «тепло»... Подрагивающей от волнения ладонью я сгребла «теплые» предметы, то ли выбранные мною самостоятельно, то ли подsunутые мне специально, и бросила старухе пачку евро. Тряпки довольно всколыхнулись, и до меня донеслось издевательское хихиканье. Действуя рефлекторно, я симметрично вколола в волосы две изукрашенные камнями заколки, разместив их над ушами, и защелкнула на своей правой руке браслет, имеющий форму щитка, закрывающего весь участок от запястья до локтя. Шипастое кольцо я надела на конец косы. Прикрепленная к нему серебряная цепочка вдруг, словно живая, зазмеилась вверх по косе и достигла затылка. Я ощутила болезненный укол, будто в кожу головы воткнулась острая игла, и ошеломленно моргнула...

Старуха исчезла. Расположенный между скамьями фонарь горел равномерно и ярко. По аллее прогуливались негромко переговаривающиеся люди. Снег кружился в воздухе и оседал на ветки кустов, превращая их в алмазно-сияющие произведения искусства. Зимний ветерок пах прелой листвой, сладковатой цветочной свежестью и речной тиной. Какой-то симпатичный юноша одарил меня заинтересованным взглядом, а в улыбке пожилого мужчины я прочитала откровенное вожделение. В десяти метрах от меня остановилась влюбленная парочка, жарко обнимающаяся и шепчущая что-то друг другу на ухо. К своему величайшему изумлению, я четко расслышала мельчайшие подробности их интимного разговора...

Я испытала шок. Никогда ранее я не обладала настолько острым слухом, осязанием и обонянием. Мое зрение тоже улучшилось значительно, позволяя видеть многое, ранее не замечаемое и недостижимое. Я изменилась...

Радостно рассмеявшись, я бодро подпрыгнула и, сравнивая свое нынешнее состояние с идущей на взлет птицей, легко и быстро побежала по аллее. Мои наручные часы показывали без десяти минут десять...

Жрец издевательски посмеивался, наблюдая за буквально окрыленной своими новыми

возможностями чаладаньей. Все прошло как нельзя лучше! Он умел отводить от себя лишнее внимание и привлекать нужное, он владел гипнозом и способностью к внушению. Да, сейчас она обрела невиданную мощь, дарованную оружием воительницы Мегар, но немного позднее эти проклятые артефакты досуха выпьют ее силы и необратимо истощат весь организм. Ведь они питаются энергией человеческого тела и разума, да к тому же приносят неисчислимые несчастья!

Он злорадно потер свои уродливые ладони и предвкушающе улыбнулся. Он подождет...

Колокол приходской церкви Обуды, расположенной на Лайош утца, медленно отбивал десять часов вечера. Само здание находилось достаточно далеко от реки, но я все же слышала размеренный колокольный звон, плывущий над притихшим городом. Перед моим мысленным взором немедленно возникло видение фрески, украшающей церковный неф. Дай бог памяти, но там точно нарисовано не что иное, как аллегорическое изображение смерти с косой и песочными часами, а также картина Страшного суда и спускающиеся с неба ангелы. Как символично! У меня ведь тоже коса есть... Упс, еще только Страшного суда мне сейчас и не хватало для полного счастья...

Поскольку в попавшей к господину Зимину записке не указывалось точное место встречи, то я решила мыслить логически. Кем бы ни оказался мой анонимный визитер, он явно не отдавал предпочтение ни одному из проживающих в Будапеште чаладов, раз уж выбрал для нашего свидания данное нейтральное место, связывающее две части города. Причем не только их, но еще и два менталитета, два образа жизни, два поколения. И это тоже выглядело чертовски символичным.

Я поднялась по заблокированному для автомобильного движения съезду, соединяющему Маргит и остров Маргитсигет, чтобы вступить на бетонное покрытие моста. Похолодало. Клубы пара, вырывающиеся у меня изо рта, наглядно свидетельствовали о резком падении температуры и грядущей морозной ночи. Мост пустовал. Кажется, я прибыла на встречу первой. Ну что ж, недаром говорят, будто точность — вежливость королей! Я сложила руки на груди и расслабленно прислонилась к железным перилам, через равные промежутки разделенным декоративными гранитными шарами. Внизу, под опорами моста, шумел полноводный Дунай, отсюда кажущийся совсем черным и враждебным. Холодная, как поцелуй смерти, вода бурлила и закручивалась во множество воронок, неся комья снега, перемешанные с ледяным крошевом. Я содрогнулась от нехорошего предчувствия и поспешила покончить с неприятным разглядыванием сего пограничного водораздела, напомнившего мне сейчас легендарный Стикс — реку, согласно древнегреческой мифологии протекающую в Царстве мертвых. Хотя полагаю, эти фантазийные домыслы основывались исключительно на том, что, по моим меркам, Буда вполне подходила под определение Царства живых, тогда как территория ликантропов — Пешт ассоциировалась в моем восприятии с миром, населенным мертвыми душами. М-да, человек, выбравший для нашей встречи настолько двусмысленное место, — отнюдь не глуп!

Я ощущала себя слабой песчинкой, по неведомому промыслу судьбы заброшенной на край Вселенной. Затянутое тучами небо отливало чернильной тьмой, лишенной сегодня даже слабого проблеска далеких звезд. Чернота неба полностью сливалась с чернотой воды, лишь где-то посередине разделенная тонкой линией моста, таким бледным подобием путеводной нити Ариадны, ведущей наш мир из прошлого в неотвратимое будущее, столь же мрачное, как вода и небо. Моя интуиция звонила ничуть не тише церковного колокола, настойчиво предупреждая: именно здесь, сейчас, разыграется главная партия, определяющая дальнейшую участь этого прекрасного города, а возможно, и всей планеты. Осознав всю важность подступающего момента, я сурово поджала губы и дерзко выпрямила спину, готовая на равных потягаться с любым противником. И вдруг я услышала чеканную дробь шагов, одновременно доносящуюся с противоположных сторон моста. Двое? Моих собеседников будет двое?! Я изумленно расширила глаза, не зная, как это воспринимать...

Со стороны Буды ко мне приближался герр Крюгер, парадно затянутый в строгую синюю шинель. На его голове я увидела высокую офицерскую фуражку, над козырьком которой серебристо отсвечивал странный герб, с изображением свободно распахнувшего крылья имперского орла, несущего в когтях лавровый венок, в центре которого находился полярный медведь со свастикой на спине. Я опешила и чуть не задохнулась от волнения, потому что мгновенно узнала этот символ, явившийся мне в подземном лабиринте и поразивший мое воображение. Немец остановился в двух шагах от меня и церемонно щелкнул каблуками, чуть склонив голову. В правой руке он сжимал свой неизменный стек, а под мышкой левой — держал небольшую кожаную папку.

— Добрый вечер, фрау Евангелина! — вежливо поздоровался штурмбаннфюрер. — Как поживаете?

— Хорошо, в отличие от некоторых! — с насмешливым намеком ответила я, радостно замечая четкий след от ожога, уродующий правую щеку щеголеватого нациста. — Вижу, вы сохранили память о нашей прошлой встрече...

Немец хмуро поморщился, очевидно пытаясь подавить овладевшее им раздражение.

— Дорогая фрау, — увещательным тоном начал он, — не стоит ворошить прошлое. Что случилось — то забыто. Предлагаю начать наши отношения с чистого листа.

— Наши отношения, — склочно буркнула я, — эка пышно вы завернули, герр фашист. Мы вроде с вами общих дел пока не имели, да и водку на брудершафт не пили. Ну подумаешь, мелочь — памятник архитектуры вдрызг разнесли. Так это не считается!

— Ошибаетесь! — обиженно кашлянул немец. — Косвенно мы связаны с вами уже давно. Разрешите, я вас поправлю: именно мы провели операцию по вашему захвату, имевшую место в подземельях Екатеринбурга. В операции участвовали наши агенты, среди коих числилась и фрау Галина Ковалева...

Мое сердце болезненно сжалось. Итак, предположения Рейна оказались правильными — Галка меня предала!

— Ваш план провалился! — с деланным хладнокровием парировала я, никак не проявляя страдание, терзавшее мое разбитое сердце.

— Признаю, что — да! — галантно согласился штурмбаннфюрер. — Но затем мы провели новую операцию, увенчавшуюся блистательным успехом! Мы сумели завлечь вас в Будапешт и с помощью посланных вашему начальнику документов заманили вас в удобное для нас место...

— Врешь! — брезгливо перебил мелодичный голос. — Ой, врешь и не краснеешь, Адольфушка! Я выбрал место для этой встречи, да и если бы не остальная моя помощь, то ничего бы у тебя не вышло...

Я шокировано повернула голову влево. Увлечшись разговором с немцем, я совершенно позабыла о втором человеке, приближающемся ко мне со стороны Пешта. А сейчас он уже подошел к нам вплотную и бесцеремонно разглядывал меня задорно прищуренными темными глазами. Я узнала его мгновенно!

Он выглядел необычайно шикарно и элегантно. Куда-то сгинул, бесследно исчез старый поношенный свитер, скромно обтягивавший его могучий торс в день нашей первой встречи. Исчезли и более поздние наряды, купленные в совсем не дешевых екатеринбургских бутиках. Нынче же он носил что-то совершенно умопомрачительное, наверное стоившее дикую уйму долларов. Потрясенно приоткрыв рот, я рассматривала его туфли из кожи аллигатора, безупречный костюм-тройку серо-стального цвета, нежно-голубую рубашку и булавку с огромным бриллиантом, вколотую в серебристый галстук. Привычным жестом он поправил свои безупречно уложенные темные волосы, блеснув антикварным рубином на пальце и золотыми швейцарскими часами. Наряд красавца довершало до неприличия идущее ему кашемировое пальто. Так, значит, я не ошиблась — я действительно заметила его тогда, на перроне московского вокзала...

— Здравствуй, любимая! — невозмутимо улыбнулся он. — Ну вот мы и встретились.

— Здравствуй, Вадим! — растерянно шепнула я, едва шевеля непослушными губами. — Но как и почему ты оказался здесь?..

— Милая, ты немного не в курсе... — В карих глазах моего неверного мужа прыгали веселые бесенята. — Я не просто Вадим. Мое полное имя — Вадим Логан, и я...

—.. старейшина чалада ликантропов! — почти закричала я. — Так ты — оборотень?!

— Да! — снисходительно кивнул он. — При этом я являюсь одним из самых могущественных людей планеты и к тому же владею многомиллиардным личным состоянием. Впечатляет? — В его голосе проскользнули неприятные заносчивые интонации. — Ну скажи же мне что-нибудь теплое, радость моя!

— Я — не твоя радость! — взбешенно парировала я, — Да гори ты синим пламенем, обманщик!

Глава 10

Женский характер соткан из нелогичностей и противоречий. Если знаки внимания оказывает приятная нам особь мужского пола, то мы называем это ухаживаниями, а если неприятная — то женщины считают сей процесс домогательством.

Вадим восхищенно тряхнул головой, нарушая идеальный порядок своей прически, и заразительно расхохотался:

— Браво, любимая! Ты сильно изменилась и внешне, и внутренне. Повзрослела, обрела чувство собственного достоинства. Могу ли я узнать причину столь кардинальных преобразований?

— Жизнь заставила! — сквозь зубы нехотя процедила я. — С волками жить — по-волчьи выть! — Сейчас мне меньше всего хотелось распространяться на тему, какой неизгладимый след нанес моей душе его уход. При чем тут повзрослела? Увы, на сердце не бывает морщин, зато на нем остаются шрамы. — Ты меня предал!

— Мы все предатели! Но разве это повод для комплексов? — глубокомысленно усмехнулся Вадим. — Вернись ко мне, моя радость, и я излечу твою горе...

«Он намеревается меня вернуть? — Я не верила собственным ушам. — Но зачем, почему?»

— Бесплатно лечит только время! — неприветливо отозвалась я, боясь показаться смешной и глупой. — К тому же у меня не имеется никаких достаточно веских оснований считать тебя бескорыстным альтруистом. Какого черта тебе понадобилось от меня на самом деле?

— Что мне нужно дать тебе, чтобы вернуть нашу любовь? — вопросом на вопрос ответил муж, лаская меня нежным пристальным взглядом своих темных глаз. Я почти физически ощущала, как его горячие руки гладят мои щеки, шею, спускаются на грудь... Нет, это становилось совершенно невыносимым! Я вонзила ногти в свои ладони, отгоняя дьявольское наваждение его ментального воздействия, и ответила хлесткой мысленной пощечиной. Вадим побледнел и посмотрел на меня с некоторым испугом, его губы мелко тряслись от негодования, вызванного моим сопротивлением, ведь раньше я всегда с готовностью падала в его снисходительно раскрытые объятия.

— Общий наркоз! — категорично рявкнула я. — И даже не пробуй ко мне хоть пальцем прикоснуться!

Перекошенное лицо мужа пошло багровыми пятнами гнева...

Я испытала злорадное удовольствие от этой справедливой мести, ставшей расплатой за все мои страдания, за пролитые в подушку слезы... Но с другой стороны, Вадим был так красив, оставался настолько обольстителем для меня, что я с огромным трудом сдерживала желание броситься ему на шею и впиться страстным поцелуем в его капризно изогнутые губы...

— Я к тебе не вернусь. Заруби это себе на носу, мой дорогой! — ультимативно

объявила я, вложив в последние слова немалую долю саркастичной издевки. — Никогда не вернусь!

Вадим отступил на шаг назад и задумчиво прикусил нижнюю губу. Он вполне отдавал себе отчет в том, что его дерзкий наскок не произвел на меня впечатления и не возымел ожидаемого эффекта. Я изменилась намного сильнее, чем ему показалось сначала. Наши прошлые отношения безнадежно износились и окончательно изжили себя, ибо во мне уже не осталось ничего от прежней скромной, невезучей, серой мышки Евы. Отныне я намеревалась самостоятельно управлять своей судьбой.

Герр Крюгер, до этого момента безмолвно внимавший нашему эмоциональному диалогу, понял, что удача сама идет к нему в руки, и поспешил вмешаться.

— Многоуважаемая госпожа чаладанья! — официальным тоном произнес он. — От имени руководства Нового Швабеленда я хочу предложить вам нашу помощь. Перейдите на сторону герра Адама Зауберкюнстлера, и вы получите все, чего захотите: власть, деньги, социальный статус! Вы имеете на это законное пра...

— А если не перейду? — ехидно перебила я. — То что вы тогда предпримете?

— Ну... — Немец неопределенно взмахнул стеклом. — Не ведите себя словно глупая девчонка! Советую вам согласиться по-хорошему...

— Ясно. — Мои губы растянулись в пренебрежительной ухмылке. — Колхоз — дело добровольное. Хочешь — вступаешь, не хочешь — расстреляем. Спешу вас обрадовать, подобные методы убеждения вульгарны, убоги и устарели лет на сто!

Нацист сердито нахохлился, растерявшись не меньше Вадима. Похоже, выдвигая свои предложения, они оба исходили из соображения, что из двух зол я непременно выберу то, которое сочту наименьшим. Но они просчитались.

— Ева, — вкрадчиво позвал герр Крюгер, — вы поступаете неосмотрительно. Неужели вы намереваетесь действовать самостоятельно, воспользовавшись лишь поддержкой этого альбиноса-выродка, Рейнгольда фон Берга?

— Не смейте оскорблять Изгоя! — разъяренно прорычала я. — Да вы недостойны даже слизывать грязь с его сапог...

— Ой ли? — уничижительно хмыкнул немец и подал мне принесенную им папку. — Простите, я был совершенно не готов к нашей предыдущей встрече, состоявшейся так спонтанно, но исправился, выполнил свое обещание и прихватил документы, изобличающие позорные деяния герра Рейнгольда. — Вежливое величание ничуть не скрыло брезгливости, прозвучавшей в обращении «герр».

Не придумав ничего лучшего, я спокойно приняла предложенную мне папку, уселась на перила моста и углубилась в чтение.

Первая бумага являлась нотариально заверенным свидетельством, выданным органами опеки и попечительства города Берлина, уведомляющим о том, что в тысяча девятьсот десятом году герр Эрнст фон Берг провел процедуру усыновления некоего безродного трехмесячного сироты, названного Рейнгольдом. При этом усыновитель пожелал оставить в тайне как национальность мальчика, так и подлинное место его рождения. Свидетельство дополняли несколько полицейских протоколов, подтверждавших причастность Рейна к ряду особо жестоких убийств, произошедших между тысяча девятьсот восемнадцатым и тысяча девятьсот двадцать четвертым годами. И каждый раз юный фон Берг находился в непосредственной близости от останков зверски растерзанного тела жертвы, а также имел на себе следы крови, но по причине частичной потери памяти оказался не способен дать показания по делу и помочь следствию. Обследовавшие мальчика врачи выявили у него крайне загадочную форму сомнамбулизма и даже выразили сомнения в его психической вменяемости. Благодаря деньгам герра Эрнста и вмешательству властей все описанные в протоколах случаи убийств отнесли к категории нераскрытых...

— Бред какой-то! — убежденно заявила я, возвращая бумаги высокомерно ухмыляющемуся немцу. — Не верю ни единой запятой в этой провокационной бредятине. Рейн не мог совершить ничего подобного.

— Глупышка моя! — насмешливо проворковал Вадим, наслаждаясь моим беспокойством. — Ты же никогда не умела разбираться в мужчинах! Вспомни нас с тобой...

Я одарила его донельзя хмурым взглядом, ничем не сумев опровергнуть столь здравого довода. Приходилось согласиться с фактами, говорившими сами за себя, — я не знала подлинного Вадима, я не знала настоящего Рейна! Но интуиция подсказывала — мое сердце не ошибается: Вадим является настоящим злом в наиболее смертоносном и концентрированном виде, тогда как Рейн... Я печально хмыкнула, одновременно и споря и соглашаясь со своим подсознанием, кричавшим: ты ведь все равно будешь пытаться оправдать Рейна при любом раскладе улик, хоть убивай он кого-нибудь у тебя на глазах... Вот такая проблема!

Я сидела на перилах и задумчиво болтала ногами. Ветер завывал голодным волком, а две злобные твари — нацист и оборотень — стояли возле меня, терпеливо ожидая, какое же все-таки решение я приму.

— М-да-а-а, — язвительно протянул штурмбаннфюрер, постукивая по папке с бумагами рукоятью стека, — кажется, мы имеем неплохие шансы заночевать сегодня не в своих теплых постелях, а здесь — на холоде и в сырости. Поймите меня правильно, фрау Евангелина, ведь я желаю вам добра. Вы ничего не добьетесь, если продолжите бессмысленно тянуть время. Выбирайте скорее — я или... — тут он отвесил насмешливый поклон в сторону моего мужа, — неотразимый сердцеед герр Логан...

Я продолжала молчать.

— Любите же вы доставать людей! — в сердцах воскликнул немец.

— Если бы я любила «доставать людей», то работала бы акушеркой! — склочно огрызнулась я. — Убирайтесь домой, к своей белобрысой верзиле Марче, потому что я никогда не встану на вашу сторону!

Герр Крюгер злобно сжал кулаки, едва удерживаясь от того, чтобы не задать мне хорошую взбучку.

Вадим удовлетворенно рассмеялся:

— Правильно, любимая! Я в тебя верил. Пойдем же скорее со мной и займемся любовью!

— И не на-дей-ся! — по слогам процедила я. — Я тебя уже не люблю! — Видит бог, я и сама не знала, чего в моих словах наберется больше — правды или вранья.

— Это неважно, — улыбка мужа стала еще лучезарнее, — я не обращаю внимания на подобные мелочи. Гарантирую — вскоре ты полюбишь меня снова, еще сильнее, чем прежде!

— Мелочи, говоришь... — прошипела я, — не обращаешь внимания, говоришь... А помнишь, как ты пытался заснуть в комнате, где жужжал один-единственный комарик?

Герр Крюгер издевательски заржал во все горло.

Красивое лицо Вадима перекосилось от гнева.

— Ева! — предостерегающе прикрикнул он. — Предупреждаю — лучше не зли меня, не доводи меня до беды!

— А мне наплевать, — устало откликнулась я. — Пойми, ты мне безразличен, и никуда я с тобой не пойду. Делай что хочешь! — Я отлично знала, насколько ограничивает любые действия эта понукающая, якобы все разрешающая фраза. — Я тебе не достанусь!

— Ах так, — неожиданно взревел Вадим, — тогда не доставайся ты никому! — Он коротким прыжком преодолел разделяющее нас расстояние, выхватил из кармана своего модного пальто длинный обнаженный стилет и вонзил его в мою грудь, попав точно в левую половину, на полторы ладони ниже ключицы. — Умри, дрянь!

— Нет, — панически заверещал герр Крюгер, — только не в сердце, умоляю вас! Чаладаныю нельзя убивать...

Я еще успела восхититься безбрежностью ночного неба, простирающегося у нас над головами и почему-то пьяно качающегося вблизи от моих глаз, тоненько вскрикнула от страшной боли, разливающейся по телу, и, грузно опрокинувшись назад, рухнула вниз — в

холодную речную воду...

В окутывающую меня тишину ворвалась какофония посторонних надоедливых звуков: свист, треск, шум. Я недовольно поелозила затылком по чему-то мягкому, приятному и рывком распахнула глаза...

Дорогой натяжной потолок нежно-кремового цвета... Ниже него начинаются отделанные светло-розовым кафелем стены. Я лежу на высокой кровати из никелированной стали с кучей поднимающихся, откидывающихся деталей и с прочими непонятными прибабасами. Удобная ортопедическая подушка, с которой свисают пряди моих распущенных волос... Методично капает лекарство в фильтре капельницы, присоединенной к моей правой руке. Чуть слышно гудит мотор кардиоприбора, вырисовывая на мониторе ломаную синюю линию, фальшиво посвистывает помпа, нагнетая чистый воздух, бережно вентилирующий мои легкие. Издалека доносится приглушенный гул множества человеческих голосов. Пахнет валерьянкой, ромашкой и каким-то синтетическим антисептиком. Как говорится — современная медицина не лечит, а лишь продлевает возможность вести неправильный образ жизни. Например, выходить замуж за оборотня, спать с убийцей, падать с моста и т. д. На этой оптимистичной нотке мне становится понятно — я нахожусь в больнице.

Поворачиваю голову и удивленно хлопаю ресницами, а губы сами собой расплываются в широкой счастливой улыбке, потому что на подоконнике моей палаты сидит Рейн, небрежно развалившись и поставив на батарею отопления правую, согнутую в колене ногу, обутую в белый сапог. Холодные, как снежинки, глаза Изгой внимательно следят за мной, к вискам бегут две ироничные морщинки. Любимое, такое родное лицо внешне не выражает ничего, но я чувствую, что под наносной маской ледяного спокойствия бушует целая гамма противоречивых чувств. И когда я научусь его понимать?

— Привет! — хрипло говорю я пересохшим от жажды горлом. — Нашлась моя пропажа...

— А я и не думал теряться! — не меняя позы, возражает он. — Кстати, это очень удобно — временно удалиться за кулисы и со стороны наблюдать за твоими героическими подвигами. Ну и подстраховать тебя, конечно, на всякий случай...

— Так уж прямо и за героическими! — с наигранным возмущением ворчу я, стараясь не показывать, какое неизмеримое удовольствие доставляет мне осознание факта, что все это время он незаметно находился рядом и заботился о моей безопасности.

— Не прибедайся! — тихонько смеется Изгой, шутливо грозя мне пальцем. — Ты много чего успела натворить: добыла важные документы, познакомилась с Кружевницами и Наставником, довела до белого каления Крюгера и Логана, умерла...

— Умерла? — спохватываюсь я, выдергивая из руки иголку капельницы и тревожно шаря у себя по груди. — Правда, что ли?

— Угу, — ультимативно фыркает он. — Забавная аксиома: те люди, которым хорошо, — хотят жить, а те, кому плохо, — не торопятся умирать...

«Точно он это подметил, — мысленно соглашаюсь я. — Я жутко запуталась в своей жизни, так что куда уж хуже-то?» А вслух выдвигаю сомнительную идею:

— Он меня, типа того, убил?

Рейн кивает, делая убедительно-дурашливое лицо, поэтому мое недоверие только возрастает... Я откидываю одеяло и обнаруживаю, что одета в веселенькую розовую пижамку — байковую, с детским, инфантильным рисунком в виде цветочков и мышек. Рейн заинтересованно вытягивает шею, весело, округлившимися глазами, рассматривает мое нелепое одеяние и заразительно смеется.

— Это тебя по приказу влюбленного муженька так гламурно обрядили, не иначе, — уверенно констатирует он с явственными нотками ревности. — Шик, блеск, красота от ушей и до хвоста!

Насмеявшись вволю, я расстегиваю ворот «розового кошмара» и вижу приклеенную

лейкопластырем повязку, наложенную на мою грудь чуть выше левой молочной железы. Повязка запятнана кровью. Я отдираю бинт и ощупываю небольшой шрамчик, оставшийся от нанесенной мне раны...

— А чего ты ожидала там найти? — иронично приподнимает брови Рейн, предугадывая мой невысказанный вопрос. — Ну в натуре, фильм ужасов «Иногда они возвращаются», причем — уже вторая серия!

Я облегченно пожимаю плечами и только сейчас обращаю внимание на придвинутый к кровати столик, уставленный стаканами и тарелками с вином, апельсиновым соком, бутербродами и шоколадными конфетами. Желудок тут же издает громкое требовательное урчание, хамски напоминая о терзающем меня голоде. Одной рукой я хватаю шоколадку, второй — сэндвич с копченой колбасой, и, невоспитанно чавкая, лопаю все подряд под одобрительным взглядом Рейна. Еще по воскрешению в морге я запомнила, как много энергии требуется для восстановления всех функций организма и регенерации плоти. Отсюда и мой зверский аппетит...

— Я никогда не сомневался в блестящих умственных способностях Логана, — доверительно сообщает Изгой, — но устроить такое... — Он восхищенно прищелкивает языком. — Немец не знал о редчайшей физиологической особенности рода Корвинов, передающейся по наследству: у вас сердце расположено не слева, как у всех обычных людей и лугару, а справа. Цветение золотых роз, конечно, красиво, но семейная черта — куда как надежнее в определении избранности! Поэтому Логан ничуть не рисковал твоей жизнью, разыгрывая на мосту сей замечательный спектакль. Он убедил немца в твоей гибели, ведь для лугару прямой удар в сердце — смертелен. На некоторое время швабы поверят в твою трагическую кончину и будут оплакивать потерю столь ценного объекта. Но потом они, конечно, докопаются до истины...

— Вадим не собирался мне вредить? — неразборчиво уточнила я сквозь бутерброд.

— Нет, — убежденно покачал головой Рейн. — Как бы ни хотелось мне выставить его в черном цвете, но он все спланировал заранее и рассчитал весьма точно. Он невероятно, просто дьявольски хитер. Специально выбрал для вашей встречи мост Маргит, потому что он возведен на самом глубоком участке Дуная, чтобы ты не смогла удариться при падении о речное дно или обо что-то еще. Под этим мостом нет никаких строительных конструкций. Короче, Логан не позволил бы даже волосу упасть с твоей головы. — В голосе Изгоя смешались ненависть и уважение к неоспоримым достоинствам противника. — Видимо, он и ожидал, что ты проявишь упрямство, а посему разыграл свою партию четко и виртуозно, словно по нотам, не сфальшивив ни разу. А чуть ниже по течению реки уже ждали ликантропы на лодках, быстренько выловившие тебя из воды и доставившие сюда...

— А где мы сейчас находимся? — перебила я, допивая сок и чувствуя себя отлично.

— В Пеште, район Белварош, контролируемая ликантропами больница, — в своей привычной лаконичной манере изъясняться отрапортовал Изгой. — Но Логан допустил одну крохотную ошибочку, которая и сыграла мне на руку.

— И?.. — вопросительно приподняла бровь я.

— Он не учел, что с каждым разом срок регенерации твоего тела все сокращается. Привычка, знаешь ли. — Он заговорщицки подмигнул. — В сей раз ты пробыла без сознания всего два часа, куда меньше, чем тогда, в морге. К тому же здесь тепло, что значительно форсирует процесс восстановления. Логан приказал не беспокоить тебя, а значит, у нас имеется небольшой запас времени. Одевайся, — он бросил мне на кровать сверток с одеждой, — я выкрал твои вещички из кладовки. Пора делать ноги!

— И когда это ты успел нахвататься всяких модных словечек? — бурчала я, стаскивая пижаму. — А?

— Они липнут ко мне, будто жвачка к подошве сапога, — поморщился он. — Современный мир полон шелухи, грязи и дешевых суррогатов...

— Любовь тоже превратилась в подделку? — передразнила я, кокетливо спинывая розовые штанишки и ничуть не стыдясь собственной наготы. — В банальный физический

акт плотской любви и лживую имитацию чувств?

— Нет, — категорично опротестовал он, спрыгивая с подоконника, обнимая меня и целуя в губы, — Только не моя!

— Кайся! — приказала я, с неохотой отрываясь от его губ.

— В чем? — небрежно поинтересовался он, недовольно наблюдая за тем, как я скрываю свое тело, надевая белье, джинсы, джемпер — все высушенное и чистое. — Ты же сама знаешь, что последнее слово в споре всегда остается за мужчиной, и звучит это так: «Да, дорогая!»

— Во всем кайся, — провокационно хихикнула я, заплетая волосы в косу и надевая все собранные артефакты, также найденные мной в свертке с одеждой. — Подробно и по порядку!

— Я тебя люблю! — с подкупающей искренностью улыбнулся он, — Каюсь, грешен!

— Верю, прощен! — Я шаловливо погладила Рейна по щеке, уворачиваясь от его повторной попытки поймать меня в свои объятия и зацеловать до смерти. — Дальше. Как ты объяснишь историю своего загадочного рождения и усыновления?

— А никак! — Он потерянно развел руками. — Сидя на опоре моста, я точно так же, как и ты, услышал обо всем этом впервые в жизни. Вернее, у меня иногда мелькали смутные подозрения о моей странной непохожести на членов семейства фон Бергов, но я списал все на гены матери. Хотя позднее, в свою очередь, нашел не очень-то много сходства между собой и лугару. Похоже, в загадке моего происхождения замешаны какие-то третьи силы...

— Мы непременно разберемся с этим секретом, — утешила я любимого, — вместе!

Мужчина ответил мне благодарной улыбкой.

— А твои ночные детские похождения? — продолжала допытываться я.

Изгой сердито ругнулся.

— Приступы лунатизма всегда сопровождаются провалами в памяти, — правдоподобно пояснил он. — Нападения на людей, убийства, полицейские протоколы... — он нервно хрустнул пальцами, — не помню. В памяти сохранилось лишь склоненное надо мной лицо отца, бледное и печальное. Он утверждал, что это болезнь и она обязательно пройдет... Возможно, он знал или догадывался о том, кем являются мои настоящие родители, но никогда не делился со мной своими соображениями. А мотивы поведения ассони Ханны Фаркаш и вообще остаются для меня тайной за семью печатями.

— Хорошо, я тебе верю, — мягко согласилась я. — Но, скажи, ты ведь изначально подозревал о том, что мой муж и есть всемогущий Логан?

Рейн виновато отвел глаза и покаянно вздохнул:

— Мало кто, кроме него, способен так стремительно обворовать женщину, да притом — саму чаладанью лугару, длительно подавлять ее сознание, вовлечь в рискованную игру и, взобравшись по стене дома, выкрасть свои же фотографии. Я подумал о его кандидатуре в первую очередь, но тут же ужаснулся чудовищности подобного замысла. Ведь он же родной брат твоей матери...

Я залилась краской стыда, поняв, на что он намекает. С ума сойти можно, ведь Логан не только мой муж, он еще и мой дядя, преднамеренно вовлекший меня в кровосмесительную связь. Будь он проклят!

— Хватит, — решительно потребовал Изгой, прижимая меня к себе и успокаивающе поглаживая по волосам, — мы еще успеем найти более подходящее время для душевных терзаний и самобичеваний. Пора уходить! — Он легко запрыгнул на подоконник и распахнул окно. Я испуганно выглянула наружу.

До рассвета было еще далеко. Холодный ветер ударил мне в лицо, вынуждая зажмуриться от тучи колючих снежинок, жгучими иглами вонзившихся в мою кожу. С высоты пятого этажа расстилающаяся внизу улица выглядела далекой и демонстративно неприветливой, ничуть не напоминая милые переулки старой Буды.

— Я не умею летать! — с истерическими нотками заметила я. — А сломанные ноги и позвоночник срastутся никак не раньше, чем через полчаса...

— Доверься мне, — нежно попросил Рейн, одним ударом кулака выламывая вторую половинку рамы и беззвучно опуская ее на пол. А затем он легко поднял меня на руки и шагнул вперед, во мрак и пустоту...

Зависнув в воздухе, Изгой мягко приземлился на обе ноги, чуть спружинив коленями в момент соприкосновения с землей. Меня едва ощутимо тряхнуло. Он аккуратно поставил меня рядом с собой, продолжая собственнически обнимать за плечи.

— Мое магнитное поле позволило изрядно замедлить падение, превратив его в слабое подобие полета, — будничным тоном пояснил воин. — Кое в чем я все-таки превосхожу даже Логана...

— Однако! — восхищенно выдохнула я. — Наверное, забавно осознавать себя одним из супергероев популярного детского комикса о борьбе героев и злодеев?

— Шути-шути, — снисходительно усмехнулся Рейн. — На самом деле все это выглядело бы весьма забавным, если бы не оказалось настолько печальным...

— Печальным? — удивленно переспросила я. — Почему?

— Через непродолжительное количество времени мы станем дичью, загоняемой всеми ликантропами Пешта, — без обиняков заявил он. — Логан придет в бешенство, обнаружив, что золотая клетка опустела, а его любимая птичка выпорхнула на свободу. Боюсь, тогда он отбросит свою наигранную галантность и покажет истинный оскал мутанта...

— Он попытается тебя убить? — вздрогнула я, робко вцепляясь в пальцы Изгоя. — Но ведь раньше вы называли друг друга братьями?!

Рейн быстро отвернулся, скрывая от меня свое скорбно вытянувшееся лицо.

— У нас с ним старые личные счеты. И лучше бы тебе ничего об этом не знать... — В его голосе прозвучало столько боли, что я не осмелилась настаивать на более подробном объяснении, решив отложить сей щекотливый разговор до более подходящего времени. И зря, потому что пора бы мне уже привыкнуть — все спорные вопросы нужно разрешать сразу же, ибо всего одна крохотная тайна или недомолвка имеют гадкое свойство перерастать в большую ложь...

— Нужно уходить, — напомнил мне Рейн, — бежим!

И мы помчались так, что у меня аж ветер в ушах засвистел...

Мне весьма смутно запомнились детали нашего ночного бегства, сильнее всего смахивающего на бессильное отступление, на бесславное признание своего поражения. Но до того ли нам тогда было? Мы просто хотели выжить. Подчиняясь Рейну, властно увлекающему меня за собой, я бездумно переставляла ноги, двигаясь, словно послушный автомат, и беспокоясь лишь об одном — только бы не сбиться с темпа, только бы не упасть! Я совершенно запуталась в переплетении темных улиц Пешта, все как одна казавшихся мне чужими и уродливыми. Мимо мелькали фасады аляповато-современных офисов, причудливо чередующиеся с малоэтажными домами старинной постройки, правда, в основном более поздней, чем здания Буды. Иногда мы едва успевали уклониться от выскочившего из проулка автомобиля, но в принципе нам повезло — мы почти не привлекали к себе внимания, потому что в период нашего побега город оказался погружен в самое сонное время суток, наступающее за пару часов до рассвета. Черное небо низко нависало над крышами, давя неподъемной бетонной плитой. Стены зданий отвесно вздымались ввысь, уподобившись скользкому жерлу глубокого колодца, поглотившего отчаянных беглецов. Я напрасно поднимала голову в надежде получить мизерный глоток чистого воздуха, но преграды из стекла и бетона надежно отсекали меня от свободы, ликующе нашептывая: «Ты наша, тебе от нас не уйти!» Прожорливый город надежно поймал нас в искусно расставленную ловушку, завлекая в безвыходный тупик своего мрачного чрева. И тогда мое сердце преисполнилось горем и отчаянием...

— Я их слышу, — отрывисто выкрикнула я, задыхаясь на бегу. — Они уже близко, они

нас догоняют...

Рейн страшно заскрежетал зубами:

— К несчастью, ты права. Их слишком много, у них есть машины и оружие. К тому же — они лучше нас ориентируются в этой части города.

— Я не сдамся им живой! — сгоряча ляпнула я. — Если они убьют тебя, я тоже умру!

Изгой посмотрел на меня как на ненормальную:

— Ты с ума сошла, милая? — Гримаса сурового порицания нарушила безупречную красоту его черт, превращая их в отталкивающе безобразную маску. — Не выдумывай глупостей. Твоя жизнь тебе уже не принадлежит, ибо от тебя зависят судьбы миллионов...

Я виновато вздохнула.

— Не нужно заранее расписываться в собственном бессилии. — Он пытался меня приободрить, но я понимала всю эфемерность его наигранно-бодрых заявлений. — Я еще способен сражаться!

— Чем? — обреченно простонала я, — Голыми руками?

— Ну, — он хищно оскалил зубы, — твои голые руки на что-нибудь да способны. А у меня имеются пятнадцать патронов в магазине «беретты» и верный клинок...

— Предлагаешь попробовать перехитрить судьбу? — иронично осведомилась я. — Вряд ли это возможно. Судьба — хитра! Когда у нас на руках собираются все нужные карты, она неожиданно начинает играть в шахматы...

— Не отчаивайся, мы еще поглядим — кто окажется в проигрыше! — хвастливо пообещал Рейн. — Знаешь, — он остановился и притянул меня к себе, — почему именно ты стала избранницей, призванной спасти мир?

Я отрицательно повела глазами, ладонью утирая его потное лицо.

— Помни, — губы Рейна приблизились к моему уху, жарко нашептывая тайное откровение, — судьба, жизнь и смерть — все они женщины! Капризные, избалованные, себялюбивые бабы — непредсказуемые и взбалмошные. Они не признают никаких правил, не ведают страха и жутко любят импровизировать. И поэтому лишь женщина — прекрасная, отважная и влюбленная — способна стать достаточно опасной соперницей для этих подлых гарпий. Не щади их, любимая! — Его просьба звучала как заклинание. — Обыграй их, обмани, обдурь любым способом, даже самым нечестным... Я убежден — ты сильная, ты сможешь...

— Хорошо! — клятвенно выдохнула я, откровенно говоря, мало веря тогда в свои шансы на победу. — Мои противницы сильны, но я попытаюсь...

Наш разговор нарушил рев тормозов и визг автомобильных шин. Узкий переулок залил свет мощных фар. Они все-таки нас догнали!

Пинком ноги Изгой выбил мутное стекло ближайшего окна, расположенного у самой земли, и юркой змейкой нырнул в подвал, втягивая меня следом. Я неловко свалилась на бетонный пол, недоуменно оглядываясь по сторонам. Судя по всему, мы попали в подсобное помещение маленького продуктового магазинчика. Вокруг громоздились коробки с продуктами и стояли ящики с бутылками. Не растерявшись, Рейн мгновенно схватил несколько больших пакетов с крупой и забаррикадировал ими разбитое окно.

— Подождем и немного передохнем, — предложил он, усаживаясь на ближайший ящик. Пошарил рукой возле себя и с одобрительным смешком вытащил из плетеной корзины бутылку местного красного вина. Ловко ударив по дну, вышиб пробку из горлышка и отхлебнул.

— Ого. — Он хвалебно прищелкнул языком. — Вполне! Слушай, моя пресветлая госпожа, у меня возник замечательный план: а попрошу-ка я политического убежища у владельца этого славного магазинчика. Это же настоящий рай, а не подвал: вино в ассортименте, — он пихнул сапогом корзину с белым токайским «Харшлевељу», — закуски полно, и любимая женщина под боком... Ну чем, спрашивается, не жизнь?

Я рассмеялась и погрозила ему пальцем:

— Прости за каламбур, но через пару дней ты тут волком завоешь от моей стервозности...

— Не-а, — галантно парировал он, ловя мою руку и целуя в серединку ладони, — не наговаривай на себя почем зря. Я ведь знаю, что женщины бывают просто стервозные, очень стервозные и ужасно... — Он замолчал, складывая губы умильным бантиком.

— Ну, — со смешком потребовала я, — договаривай уж давай, если заикнулся.

— И ужасно любимые! — торжественно закончил он, опускаясь передо мной на одно колено. — О, госпожа моего сердца, ты самая прекрасная из всех стерв и самая стервозная из всех красавиц этого мира! — мелодичным речитативом завел он. — Я люблю тебя, я тебя обожаю. Млею от воспоминаний о твоей нежной груди, о твоих шелковистых бедрах, об упругом животе, стройных ногах и...

— Это у тебя уже не любовь, а какая-то анатомическая инвентаризация получается! — неловко пошутила я, специально обрывая поток его восхвалений и опасаясь — до описания каких еще интимных уголков моего тела он способен дойти. Но Рейн упрямо отсалютовал мне початой бутылкой вина и предупреждающе откашлялся, видимо намереваясь немедленно продолжить поток дифирамбов.

— А твой любовный бутон... — нараспев выдал он, — услада мужской страсти...

Я залилась багровым румянцем смущения...

— Бдизнь! — громко звякнула вдребезги разбитая бутылка, орошая пол бордовым потоком отлично выдержанного «Виллани вёрёш».

— Стрелы Аримана! — зарычал Рейн, отбрасывая в сторону бутылочное горлышко, оставшееся у него в руке, сталкивая меня с корзины и закрывая своим телом. — Вот мерзкие отродья, такое вино угробили...

Напавшие на нас ликантропы сбили закрывающие окно мешки. Пули жужжали над нашими головами, выщербливая стены и портя запасы в подвале. А мне вдруг стало совсем не страшно, потому что я ощутила — на сей раз смерть подобралась совсем близко и теперь забавляется напропалую, придиричливо отмеряя отведенный нам срок. И мне ужасно захотелось обставить эту старую дуру, ибо я почти ничем не отличалась от нее внешне — тоже имела косу и могла похвастаться чуть менее эффектной худобой. Но зато я обладала значительным преимуществом: была намного моложе и, стало быть, красивее и выносливее. А красота для женщины — уж что-нибудь да значит!

— Идиоты! — долетел до нас гневный вопль моего мужа. — Кто дал вам команду стрелять? Убью гада! Прекратить огонь! — И он добавил уже совсем другим тоном, медоточиво и преувеличенно заботливо: — Любимая, ты не пострадала? Я так по тебе соскучился... Ты меня не ждала, случаем?

— Не ждала? — с издевкой хохотнула я. — А как же! Да я даже перестала тебя ненавидеть. Ведь для того, чтобы ненавидеть, нужно уважать объект ненависти. Вадим, я тебя презираю!

— Не ершишь, дорогая! — снисходительно порекомендовал муж. — Все равно ты от меня никуда не денешься. Так что давай решим наше маленькое дельце без кровопролития, тихо, по-семейному. Выходи-ка ты из этого подвала сама, добровольно, и не вынуждай меня суетиться. — Последняя фраза прозвучала на редкость лениво, с таким обманчивым миролюбием.

— Фиг тебе! — нагло отбрила я, с опаской косясь на автоматные дула, демонстративно маячившие перед разбитым окном. — Пойди в больничку, полечи свою манию величия для начала!

— Лучше наслаждаться манией величия, чем страдать от комплекса неполноценности! — амбициозно откликнулся Вадим. — И скажи мне спасибо за то, что я избавил тебя от неуверенности в себе...

— Как это? — не поверила я. — Ты хочешь сказать...

— Да, именно! — звонко рассмеялся он. — Я и хочу тебя, и скажу... Долго же до тебя доходило, любимая!

— Так, значит, — недоверчиво начала я, — ты все спланировал заранее? Но... нет, я тебе не верю!

— Почему? — непритворно изумился он. — Привыкай к мысли, что твой муж — гений! — Смерть от скромности ему явно не грозила. — Я долго искал твои следы, хитроумно замеченные Львом Казимировичем, но в итоге все-таки узнал про Екатеринбург и вознамерился покорить твое сердце. Полагаю, самый удобный и прямой путь завоевать доверие женщины — это внушить ей чувство любви. Согласись, кошечка моя, ты влюбилась в меня по уши! — В его голосе проскользнули самодовольные нотки. — И быстренько выскочила за меня замуж. О, поначалу меня постигло жесточайшее разочарование, ибо ни морально, ни внешне ты ничуть не походила на будущую спасительницу человечества. Но, признаюсь откровенно, позднее я разглядел в тебе многообещающие задатки великой личности: терпение, преданность, упрямство, выносливость и адскую смесь крайней неуверенности в себе с постоянно прорывающейся наружу природной дерзостью. Ты просто чудо, радость моя!

— И тогда ты решил сделать из меня бойца? — догадливо продолжила я.

— Точно! — хмыкнул он. — Разве мне это не удалось? Разозлишь мышью — и она покусает слона! Чувство ревности и обида на меня привели в действие спусковой механизм заложенной в тебе бомбы. Твой бурный темперамент и сильный характер прирожденного лидера поперли наружу, будто на дрожжах. Кстати, я и не помышлял слишком рано открывать тебе тайну своего настоящего имени и рассказывать про пророчества Заратустры, ибо кого бы я получил в этом случае — послушную, тихую сообщницу? Нет, мне нужна настоящая чаладанья — бешеная волчица, готовая рвать и метать...

— Молодец! — саркастично похвалила я. — Ну просто молодец, стрелу Аримана тебе в задницу! Ты, интриган проклятый, заставил меня страдать, считать себя брошенной и обманутой, из-за тебя я плакала и мучилась...

— Слезы — это хорошо, — серьезно перебил меня муж, — они очищают душу...

— Они тебе еще отольются! — мстительно пообещала я. — Ты же вел себя как альфонс!

— Ну-у-у, — словно подводя итог своим действиям, он чиркнул ногтями по кирпичной кладке дома, сбрасывая излишки раздражения, — я ведь старался. Легкое поведение — весьма тяжелая работа! Я неустанно подливал масло в огонь твоего праведного гнева, выставляя напоказ эту дуру Софочку. Но не забывай, дорогая, что, по законам геометрии, четырежды сходящий налево муж непременно возвращается обратно!

— Никогда тебя не прощу. Ты — подонок! — уязвлено огрызнулась я.

— Не зарекайся понапрасну, милая! — вкрадчиво проворковал муж. — Ты тоже причинила мне боль, когда вознамерилась сделать яркий макияж и пойти по другим мужикам. О, вот тогда я не сдержался и приревновал, чуть не разрушив свои далеко идущие замыслы. К тому же мне были вовсе не нужны новые претенденты на твою руку и сердце, я не мог позволить тебе рисковать твоей личной свободой. А уж когда ты схватила за кинжал... Я не посмел позволить тебе убить меня, ведь за сим последовал бы процесс моего эффектного воскрешения... А бить тебя по-настоящему оказалось превыше моих сил! Как называется женщина, которую и любишь и ненавидишь? — самокритично спросил Вадим, разговаривая сейчас, скорее, не со мной, а лишь с самим собой. — Жена! Ева, ты мне очень дорога... — Он немного помолчал, видимо ведя безмолвную беседу со своим сердцем. — Поэтому я форсировал развитие событий и быстро вовлек тебя в подставную игру, дабы отвлечь от мыслей о мужчинах! — Он иронизировал. — К тому же с этой игры и началось обретение твоей силы, ведь я знал о скрытом в подполье артефакте. А ныне ты стала настоящим бойцом! Выходи же, любимая, не упрямясь...

— А Стас на самом деле собирался меня изнасиловать? — поддела я. — Знаешь, реакция его организма не выглядела имитацией!

— Он бы не посмел! — взбешенно отрезал Вадим. — Перед ним ставилась задача вытянуть из тебя ценную информацию. Но причины он тебе хоть малейший ущерб, я бы его

не помиловал!

— Зачем тебе информация? Твоя цель спасти ликантропов? — откровенно спросила я.

— Конечно! — без лишних раздумий, проникновенно признался он. — Я жажду власти. А власть невозможна без наличия подданных. Мой чалад понимает, что мои поступки направлены во спасение нашего народа, а поэтому предан мне безоговорочно! Выходи же, родная, не глупи... У нас с тобой единая цель и общий путь!

— Ладно, — убежденная его аргументами, покладисто откликнулась я. — Выйду, но обещай не трогать Рейна! Помиришься с ним, а если он в чем-то виновен перед тобой, то забудь и прости.

— Ну уж нет! — протестуяще рыкнул Вадим. — Я не балую врагов прощением, а то от желающих подавить на жалость отбоя не будет!

— Ты и раньше не отличался добротой! — вполголоса пробурчал Рейн, внимательно прислушивающийся к нашему разговору. — Вечно врал, интриговал и третировал слабых...

— Из ябед вырастают доноски, из жадин — богачи, а из добрых — лохи! — злорадно расхохотался Вадим. — Из тебя же, мой бывший друг, в итоге получился первостатейный дурак! Так что выходи, любимая, обещаю тебе — твой дружок умрет быстро и безболезненно...

— Почему ты так ненавидишь Рейна? — опечалено спросила я. — Вы ведь вроде бы клялись друг другу в дружбе до гроба, а он вывел ликантропов из лаборатории доктора Менгеле!

— Почему? — взбешенно завопил Вадим. — И ты еще спрашиваешь почему? А я и не отступаю от своей клятвы — гроб я ему сейчас обеспечу. За этого бесхарактерного красавчика Белу, за Люд...

— Логан! — предостерегающе выкрикнул Рейн. — Умоляю тебя, замолчи...

— Так она не знает всей правды? — неподдельно изумился Вадим. — Ты ей ничего не рассказал? Клянусь Ариманом, это очаровательно!

— О чем он говорит? — Я повернулась к Изгою. — Что ты скрыл от меня?

Лицо мужчины отражало невероятную смесь стыда и раскаяния.

— Не надо, — сдавленным шепотом попросил он, — не вороши прошлое, Логан. Пусть мертвые спокойно спят в своих могилах...

— Не вороши? — бесновался Вадим, подпрыгивая возле подвального окна. — Ах ты, предатель! Да ты...

И тут Рейн не выдержал. Он выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в ночную темноту, целясь в моего мужа...

Видимо, выпущенная им пуля все же достигла цели, потому что до меня долетел болезненный всхлип мужа.

— Вадим! — испугалась я, совершенно теряя голову от противоречивого чувства, вынуждающего меня буквально разрываться между двумя этими мужчинами. — Ты цел?

Ответом мне стал автоматный залп. Видимо, боевики Логана опомнились и поспешили отомстить за своего предводителя. Рейн с руганью отпрыгнул к противоположной стене подвала, отвечая редкими единичными выстрелами. Ему приходилось экономить патроны. Я с криком гнева метнула в автоматчиков огненный шар, с радостью выслушивая жалобные стенания обожженных пламенем ликантропов. Внезапно я ощутила странный зуд под браслетом, купленным у старухи-нищенки и надетым на мою правую руку. Я поспешно сбросила куртку и закатала рукав джемпера. Выпуклый кристалл, размещенный в центре загадочного украшения, налился алым светом и тихонько вибрировал. Сама не понимая, что делаю, и действуя по наитию, я сильно нажала на кристалл. Из расположенного под ним отверстия вылетела тонкая белая игла длиной с мой мизинец и вонзилась точно в глаз боевика, заглянувшего в разбитое окно. Подвал сотряс вопль боли и ужаса.

— Ничего себе! — восхищенно хмыкнул Рейн. — Вот так убойная игрушка!

— Откуда берутся иглы? — не понимала я.

— Видимо, формируются из каких-то веществ, забираемых из твоего организма, — предположил Изгой. — Так что, прошу, будь поосторожнее с этой штуковиной!

Он оказался прав, потому что, выпустив еще несколько игл и угостив врагов парой огненных шаров, я почувствовала слабость во всем теле и сильное головокружение. У Рейна закончились патроны. Тогда он отшвырнул ставший бесполезным пистолет, усадил меня в угол и, вытащив из ножен меч, приготовился отбиваться до последней капли крови.

— Ну как, герои меча и магии, — в окне показалось смеющееся лицо Вадима, — наигрались, поди, в войнушку? Может, поговорим? — Он легко спрыгнул в подвал и менторски встал напротив нас, широко расставив ноги и изящно сложив на груди перекрещенные руки. — Порядочность, как и девственность, теряют единожды и навсегда! Вот только это далеко не так приятно, в отличие от постельных утех! — Он скабрёзно подмигнул Рейну и послал мне гротескное подобие воздушного поцелуя. (Я при этом скривилась, будто меня пытались накормить какой-то тухлятиной). — Вы — проиграли, а посему не ждите от меня никаких благородных жестов, ибо подонкам благородство несвойственно!

Я замороженно рассматривала прекрасного мерзавца, будучи не в силах отвести от него взгляда, испытывая и восхищение и негодование одновременно. Следовало признать, собираясь в погоню за сбежавшей женой, умный оборотень использовал все доступные ему козыри. Тщательно подобранная одежда как нельзя лучше подчеркивала его мужское обаяние и завидную статью. Смуглая кожа и темные волосы ликантропа красиво контрастировали с кроваво-коралловой водолазкой и черным кожаным пиджаком. Иллюзию общего благополучия нарушала только одна малозначительная деталь — кровавое пятно, неопрятно расплывшееся на правой штанине его щегольских брюк. Отметка, оставшаяся от пули Рейна.

— Ты, — Вадим обличающим жестом вытянул безупречно наманикюренный палец, указывая на Изгоя, — трус, лжец и предатель! Расскажи Еве все правду!

— Э-э-э? — озадачилась я. — Перестаньте мне мозги компостировать!

— Это все он. «Певцу любви и правды» — так ведь его называли раньше, до того, как заклеили кличкой Изгой, — не хватило смелости быть честным до конца, — продолжал издеваться оборотень. — А ты ему доверилась...

— Хватит! — категоричным тоном потребовала я. — Говори сам...

— Ну уж нет. — Рейн шагнул навстречу Вадиму, и я невольно залюбовалась их смертельным противостоянием. Бесспорно, они оказались самыми красивыми мужчинами из всех, кого мне довелось повстречать. Куда там до них прославленным голливудским актерам и претендентам на титул «Мистер Вселенная». Они сошлись в крохотном разгромленном подвальчике, будто лед и пламень, как день и ночь поражая противоположностью внешности и натуры, но этим самым лишь еще больше подчеркивая свою индивидуальность и неповторимость. Вадим — смуглый брюнет, облаченный в красное и черное, и Рейн — светлокожий блондин в белых одеждах. Демон и ангел, в кровь изранившие мое многострадальное сердце!.. Ведь я до сих пор так и не смогла выбрать одного из них... — Нет, — повторил Изгой, прожигая Вадима ненавидящим взглядом, — я расскажу все без утайки, мне стыдиться нечего. — Он протянул руку и трепетно погладил меня по щеке.

Вадим ревниво скрипнул зубами.

— Это случилось давно, — мечтательно полузакрыв глаза, вымолвил Рейн. — В лаборатории доктора Менгеле, едва оправившись после первичной трансформации, вызванной введенной нам кровью лугару, я встретил необычайно красивую пару — Вадима Логана и его родную сестру Людвигу. Они различались, как солнце и луна — он и его голубоглазая белокурая сестра. Мы с Людвигой полюбили друг друга с первой минуты знакомства и стали близки, я собирался взять ее в жены. Но сначала нам нужно было обрести свободу. Ради благополучия Людвиги я организовал побег всех ликантропов и привел их в Будапешт. Но потом случилась беда: молодой князь чалада лугару тоже влюбился в юную красавицу и поэтому вполне гостеприимно принял пришельцев. Людвигу попала под обаяние

Белы Фаркаша (когого я считал своим сводным братом), бросив меня. О, — горько усмехнулся Изгой, — давно известно, что двигателем всеобщего прогресса является лень, а все проблемы в мире происходят от женщин! Старейшина лугару, Калев, запретил межклановые браки, ратуя за чистоту крови и боясь осложнения отношений между двумя чаладами. Но Бела и Людвиг презрели это разумное правило и зачали ребенка. Продолжая любить неверную красавицу, я помог им бежать, тем самым спровоцировав кровопролитную войну, закончившуюся убийством многих лугару и в конечном счете смертью твоих родителей... Я помогал преступникам, я предал свой народ и отрекся от дружбы с Логаном... Но кроме этого, я знал, что Калев не намеревается казнить влюбленных, и понимал — если они останутся среди лугару, то Людвиг уже никогда ко мне не вернется. А так я еще имел какой-то крохотный шанс...

— Наши законы справедливы! — важно сообщил Вадим. — И если бы мы все их соблюдали, то никто бы не погиб...

Его слова звучали настолько правильно, что я почему-то совсем в них не поверила...

— Он всегда игнорировал Белу Фаркаша и таил против него зло! Он выжидал удобного момента... — воспользовавшись затянувшейся паузой, подло выболтал Вадим.

— Ты намеревался убить моего отца и повторно завоевать мать? — ошарашенно взвизгнула я. — Ты... ты — зверь!

Алые губы Вадима расплылись в торжествующей улыбке.

— Нет! — надрывно выкрикнул Рейн, и я увидела две прозрачные слезинки, скатившиеся по его впалым щекам. — Нет, я не хотел убивать своего брата. Но я был согласен ждать Людвигу до скончания веков!

— Не верь ему, милая, — холодно отчеканил мой муж. — Он и меня когда-то братом называл, а все-таки предал. Предав одного, легко устранить и второго!

Рейн тяжело сглотнул, понимая, какими нелепыми покажутся мне сейчас любые его оправдания.

— Я обожал свою младшую сестренку, — похоронным тоном подхватил Вадим, — и никогда бы ее не обидел. Я бы защитил ее от Калеба, от лугару, да хоть от всего мира! — не своим голосом заорал он, потрясая сжатыми кулаками. — А этот проклятый предатель отнял у меня все — семью, дружбу, тебя! И когда я наконец тебя отыскал, любовь моя, то поклялся растоптать всякого, кто посмел встать между нами!

— Но, Вадим, — ошеломленно шепнула я, — а как же наше кровное родство?

— Забудь, — надменно усмехнулся он, — эти бессмысленные правила, придуманные людьми. Зачем они нам? Так ты пойдешь со мной, единственная моя? — Он протянул мне свою раскрытую ладонь.

— А он? — Выразительным взмахом ресниц я указала на Рейна, поникшего и печального.

— Пусть получит то, чего заслуживает! — торжественно провозгласил Вадим. — Смерть!

Мое сердце затрепетало от жалости к несчастному, всеми отвергнутому Изгою.

— Пощади его, — просила я, заискивающе заглядывая в глаза мужа, — пожалуйста...

— Ну нет. — Оборотень хищно оскалился, схватил меня за запястье и силой поволок к окну. — Я жажду мести!

— Тогда я с тобой никуда не пойду! — отчаянно отбивалась я, оглядываясь на безучастного Изгоя и взглядом умоляя его о помощи. Но, увы, Рейн стоял неподвижно, предоставив мне самостоятельно решать и свою, и его судьбу. — Отпусти меня...

Вадим вдруг так резко выпустил мою руку, что от неожиданности я упала на пол, и злобно засмеялся:

— Если не пойдешь, то я прикажу убить твою глупую подругу!

— Галку? — ахнула я. — Где она?

— Здесь, — сообщил муж, — в моей машине. Эй, парни, — он повысил голос, — а ну-ка потормозите немножко нашу беленькую цыпочку!

До моего слуха донесся грубый многоголосый мужской ржач и истошный женский визг. Я мгновенно узнала Галинин голос.

— Ева! — со всей силы слезливо блажила моя подруга. — Прости меня и спаси. Я не хотела тебя предавать, меня обманули! Мне пообещали: участвуя в слежке за тобой и в твоей поимке, я окажусь причастной к спасению мира. Я никогда не видела Логана в лицо и даже не предполагала, что он и есть Вадим...

Я в панике схватилась за голову, уже ничего не соображая и судорожно пытаюсь понять — кого мне нужно спасать в первую очередь, Галку или Рейна? А ведь, помнится, как-то, сидя у себя на кухне, я обещала Галке свою помощь...

— Выбирай! — хладнокровно потребовал Вадим. — Останешься с ним — и мои мальчики всласть позабавятся с твоей подружкой, а потом выколуют ей глаза, отрежут уши и грудь, выпустят кишки...

— Прекрати! — закричала я, чувствуя, что схожу с ума, — Я тебе не верю, ты же — не чудовище!

— Еще какое чудовище, — грубо хохотнул оборотень, — Я тебя не обманываю! — Он выхватил из кармана что-то мягкое, грязное и бросил мне в руки. — Я ее убью, точно так же, как уже убил твоего старого еврея...

Я развернула брошенный мне предмет и обмерла, ибо он оказался шапкой несчастного Абрама Соломоновича, сплошь заляпанной потеками засохшей крови. Так, значит, Вадим жестоко убил слабого пожилого человека, растерзал из одного лишь животного желания убивать!

«О боги, — мысленно молилась я, — научите меня стойко переносить все выпавшие на мою долю беды и испытания. Наделите меня мудростью и милосердием!»

И тут я внезапно прозрела! Мои мысли обрели необыкновенную ясность, доселе им несвойственную. Вадим не гнушается шантажа и прочих нечестных методов воздействия, а ведь совсем недавно Рейн тоже просил меня стать хитрой и, если это потребуется, без угрызений совести прибегать ко лжи и обману. И вот теперь для меня настало время раскрыть всю глубину своего характера, позволить себе проявить истинные женские черты — непредсказуемость, изворотливость и коварство...

— Пойдем поговорим снаружи, наедине, — предложила я мужу, одаривая его самой обольстительной улыбкой, какую только смогла изобразить. — По секретничаем!

Вадим остоленел от неожиданности, глупо хлопая глазами и взирая на меня, будто на одно из семи чудес света.

— Но, — потерянно лепетал муж, — Изгой же сбежит...

— Не сбежит! — уверенно пообещала я, а затем выхватила из ножен серебряный кинжал «Луч Селены», подаренный мне Кружевницами, и с размаху всадила его Рейну под ребра...

Вадим подал мне руку и галантно помог выбраться из подвала. В его глазах застыло опасливое восхищение, лишь усилившееся после того, как я коротко сообщила ему, что это за кинжал и откуда он у меня взялся. Поцелуй горячих губ мужа обжег мои холодные, будто лед, пальцы:

— Моя королева! — Его так и распирало от гордости за себя, за то, какая женщина находится рядом с ним. — Моя чаладанья!

Я наградила оборотня преданной улыбкой, приложив максимум усилия для того, чтобы казаться искренней и естественной. Хотя бы сейчас, пока там, в подвале, лежит парализованный воздействием метеоритного серебра Изгой.

Над городскими крышами занимался бледный зимний рассвет. Первые солнечные лучи, скромные, серо-розовые, нехотя растекались по напыщенно-крикливой зеркальной туше отеля «Атрия-Хиатт», карабкались по ступенчатым очертаниям конторы авиакомпании «Малев». Здесь не звонили колокола, зато музыкальным отголоскам старины тут внушительно урчали моторы шикарных «роллс-ройсов», развозивших по офисам

преуспевающих бизнесменов и олигархов. По улицам не разливался аромат утреннего кофе, сваренного в уютных старомодных кофейнях. Тут пахло деньгами, властью и убийствами — любимыми запахами всех разбогатевших на обмане выскочек, считающих себя хозяевами мира. Я брезгливо принялась. Нет, тут не пахло — тут смердело!

Узкий проулочек перегородили четыре бронированных джипа, наглухо блокируя въезд и выезд. С десятков основательно вооруженных мужчин лениво покуривали чуть поодаль, бросая в мою сторону опасливые и настороженные взгляды. Все как на подбор высокие, атлетически сложенные и коротко остриженные. Личная гвардия Логана, его верные шавки и охранники. Я пренебрежительно усмехнулась, ощущая шквал идущих от них эмоций: недоверие, насмешку, недопонимание, острую плотскую похоть.

Моя усмешка стала еще ироничнее — ну да, эти беспринципные мордовороты, для которых человека убить — раз плюнуть, наверное, немало всякого разного обо мне наслушались. А сейчас они выглядели откровенно разочарованными, ибо вместо ожидаемой непобедимой воительницы перед ними предстала измученная худенькая блондинка, высокая и тонкая будто тростинка, с испачканным кровью и грязью полудетским растерянным личиком. Никто не ожидает от меня никакого подвоха. Кажется, я всем кажусь инфантильной и слабой, а значит, никто не догадается о моей настоящей силе. И естественно, о моих планах...

Заметив, что меня буквально качает от усталости, Вадим властно махнул рукой, подзывая свою свиту. К нам почти бегом бросился совсем молодой парень с неприятным острым лицом, поднося термос с горячим шоколадом. Налив дымящийся напиток в крышку термоса и вложив серебристый стаканчик в мои ходуном ходившие пальцы, муж удрученно покачал головой и, достав из кармана пиджака фляжку с коньяком, протянул ее мне. Сделав несколько глотков его любимого «Араспела», а затем запив их сладким тягучим шоколадом, я почувствовала, что оживаю.

— Понравилось? — Вадим игриво потерся подбородком о мой затылок. — Обещаю тебе, маленькая моя, отныне ты будешь получать только все самое лучшее!

— Все? — с пошловатым намеком бормотнула я, вдыхая сочный букет незнакомого парфюма, горьковато-сладкого, резкого, идеально шедшего к его властным манерам.

— О да! — подтвердил муж, его глаза вспыхнули огнем желания. — Поедем-ка домой, ко мне на виллу, кошечка моя, и я докажу, как сильно я тебя люблю...

Я отвернулась, скрывая брезгливую гримасу. Как же это мерзко — подменять любовь одним только вожделением, как же это грязно...

— Там в подвале остался Рейн, — ничего не значащим тоном напомнила я.

Смуглый лоб Вадима прорезала гневная морщинка:

— Не волнуйся, я прикажу его добить!

— А ты уверен, что он заслуживает именно смерти? — Я предприняла последнюю попытку достучаться до его сердца.

— О да! — импульсивно откликнулся ликантроп. — Каждый человек совершает в жизни нечто такое, что карается только смертью! — Его зрачки превратились в два полыхающих огнем угля, в два острых бурава, настырно ввинчивающихся в мою душу. — Даже ты...

«Он знает наверняка или только подозревает?» — сомневалась я, стараясь понять: догадался ли муж о подлинной природе отношений, связывающих меня с Рейном. Всеми фибрами души я ощущала — он пытается сканировать мое сознание, желая проникнуть в мои мысли, мечты и воспоминания. И тогда я интуитивно воздвигла безграничную ментальную стену, надежнее каменной оградившую мой разум от любого нападения извне. Вадим напрягся, по его виску скатилась капля пота, а я тут же поняла — его попытки не увенчались успехом, разбившись об этот бастион из непоколебимой веры и надежды, отныне охраняющий мою любовь.

Красивое лицо мужа красноречиво отражало мучающее его недоумение, лишь еще сильнее подстегнувшее присущую ему кровожадность:

— Подожди, отдам распоряжение и поедem... — Он развернулся на каблуках.

— Стой! — Я ухватила его за рукав пиджака. — Выслушай меня...

Сотни размышлений, идей и предположений вихрем пронеслись в моем мозгу, окончательно формируя отчаянный и дерзкий план спасения. Нет, я ни на секунду не усомнилась в невинности Рейна и ни за что уже не поверю в то, что он будто бы намеревался устранить моего отца. Изгой никогда не убивал из пустой прихоти, из жестокости или ради удовлетворения каких-то низменных инстинктов. Врожденное чувство милосердия и поразительное душевное благородство, сопровождавшие любой его поступок, всегда заставляли Рейна безмерно ценить чужую жизнь, ставя ее превыше своей собственной, начисто заглушая любое проявление эгоизма и даже инстинкт самосохранения. Он убивал только тогда, когда защищал меня, но ни разу — себя. Сейчас я вспомнила: именно Рейн был тем, от кого я впервые услышала имя своей матери — Людвиг... Там, в подzemелье Екатеринбургa... Жаль, что моя память временно ослабела, видимо, под воздействием перенесенных стрессов. Поначалу он принял меня за нее и осознал — судьба даровала ему второй шанс на любовь и жизнь. А я отнюдь не собиралась лишать Изгоя этого последнего шанса. Вопреки всем жизненным обстоятельствам он — отвергнутый и оклеветанный — остался человеком, вместившим в свое сознание разум волка, тогда как Вадим бесповоротно превратился в жестокое бесчеловечное чудовище. Нынче я видела все это особенно ясно и отчетливо... И поэтому я сделала свой, надеюсь, закономерный и единственно правильный выбор!

— Выполни мое самое заветное желание! — попросила я, придавая своему голосу волнуящую эротичность и глубину. — И после этого мы будем вместе!

— Какое это еще? — с подозрением спросил муж.

— Изгой послужил причиной гибели моих родителей, — ядовито прошипела я. — Я тоже жажду мести. — И, видимо, нечто новое, настолько отчаянно-горькое и выстраданное прорезалось в моих интонациях, что Вадим вздрогнул от неожиданности и всецело поверил в неподдельность моего порыва.

— Ты ее получишь! — обрадованно кивнул он.

— Нет, — едко рассмеялась я, — ты меня не понял. Я хочу убить Изгоя сама!

На пару кратких минут муж онемел от изумления, а потом благоговейно склонил голову, отдавая дань моему чувству самообладания.

— Ты поистине великая женщина! — хрипло выдохнул он. — Смерть Изгоя свяжет нас сильнее любых обязательств, крепче брачных уз...

«О да! — мстительно подумала я. — Вот это — верно!»

— Никогда не женись на женщине, с которой можно жить, — пафосно изрек оборотень. — Женись на той, без которой жить нельзя! — Собственническим жестом он притянул меня к себе и жадно поцеловал в губы.

Я слизнула капельку крови, выступившую от его напора в уголке моего рта, и цинично улыбнулась... Есть женщины, краснеющие в момент подневольного поцелуя. Другие кричат и зовут милицию, третьи — кусаются или сыпят оскорблениями. Но опаснее всех те женщины, кто при поцелуе просто смеется... Берегитесь их, ибо они замыслили недоброе!

Вадим извлек пистолет из привешенной к его поясу кобуры, снял его с предохранителя, передернул затвор, досылая патрон в патронник, и протянул мне.

— Я пойду одна, ведь это все-таки моя личная месть! — категорично потребовала я.

— Порадуй себя! — садистски хохотнул он. — Целься в голову, в центр лба, чтобы уж наверняка! — Он напутственно похлопал меня по плечу, открыл дверцу машины и сел в салон, словно самоустраняясь от предстоящего убийства. Его разом расслабившаяся фигура выражала состояние крайнего облегчения. И я его отлично понимала. Да, нелегко все-таки собственноручно убивать того, кому ты обязан всем...

Я спустилась обратно в подвал...

Рейн полулежал на спине, привалившись к стене, неловко подогнув колени и

обморочно закрыв глаза. Его грудь едва приподнималась от затрудненного дыхания. Парализующая сила серебряного кинжала действовала безотказно.

Но вот он услышал мои осторожные шаги, и его веки дрогнули. Не ведаю, сколько еще лет мне суждено прожить на этом свете, но я четко знаю одно: мне уже никогда не забыть выражения его светлых глаз, до краев заполненных плещущейся в них любовью, переросшей в благоговение, в слепое, самозабвенное обожание....

Несколько томительно долгих мгновений я наслаждалась его беспомощным видом, а затем подняла руку с зажатым в ней пистолетом и выстрелила...

Эпилог

Я аккуратно выдернула кинжал «Луч Селены» из раны на боку Рейна и небрежно вытерла его окровавленное лезвие о свои замызганные джинсы. Заботливо осмотрела входное отверстие от клинка, уже переставшее кровоточить и начинающее затягиваться. Изгой с кряхтением поднялся на ноги, массируя затекшие мышцы. Он пальцем ощупал выбоинку от пули, оставшуюся на стене, и уважительно сложил губы трубочкой, изображая свист:

— Парой сантиметров ниже, и ты бы точно мне голову разнесла!

— Ты же не думаешь, что я промахнулась? — тихонько поддразнила я.

— Нет, — лукаво улыбнулся Рейн. — Ты устроила великолепный розыгрыш. Логан точно слышал звук выстрела... Спасибо тебе, любимая! — Он потянулся ко мне, намереваясь обнять и поцеловать, но я поспешно отшатнулась.

— Не нужно, — умоляющим тоном шептала я. — Вдруг на моей коже останется твой запах, а у оборотней очень тонкое обоняние...

Рейн печально вздохнул и согласно махнул рукой, подтверждая мою правоту.

— Я тебя люблю! — сказала я, пытаюсь хоть немного подбодрить и утешить того, расставание с кем казалось мне страшнее смерти. — И буду любить вечно!

Он нежно улыбнулся, его хмурое лицо немного просветлело.

— Когда и где мы увидимся? — лаконично спросил любимый, посылая мне воздушный поцелуй взамен настоящего. Я поймала в ладонь его теплый выдох и выпила, как пьют волшебный нектар, ниспосланный добрыми богами.

— На одном из полюсов, ищи меня там. Я чувствую зов судьбы, ведущий меня вслед за пророчеством!

Он безмолвно кивнул. А я лучезарно улыбнулась и протянула ему свою правую руку...

Он глубоко вздохнул, осененный какой-то догадкой, видимо лишь в настоящий момент пришедшей в его голову, и ответно показал мне свою правую руку...

Несколько секунд мы молча сравнивали снежинку, образованную линиями, пересекающимися на моей ладони, и рисунок на его фамильном перстне...

— Потрясающе, — очарованно выдохнул Рейн. — Идеальное сходство. Что все это означает?

Я недоуменно пожала плечами, мол — не знаю, но давая понять — эту тайну нам тоже предстоит раскрыть, а затем достала из куртки обрывок бумаги с телефоном Соланы Рамирес, переданный мне господином Зиминим.

— Разыщи эту женщину, — подсказала я. — Она тебе поможет. И не выходи отсюда сразу, подожди, пока мы уедем.

Он кивнул повторно, педантично сворачивая записку и пряча ее в карман.

Мы попрощались взглядами, после чего я повернулась к нему спиной и, стараясь не разрыдаться слишком бурно, уже во второй раз за это утро вылезла в разбитое окно.

Рейн даже не пытался меня остановить или задержать, ибо понимал — у нас нет иного выхода, мы должны расстаться. Я услышала его последнее мысленное «Люблю!», похожее

на золотистый солнечный лучик, а затем он сразу же разорвал ментальный контакт между нами и намертво замкнулся в себе так, будто и в самом деле перестал дышать и двигаться. Крупные слезы катились из моих глаз и падали на землю, отмечая начало скорбного пути, простирающегося передо мной. Пути, призванного привести к спасению или гибели целого мира, чья судьба зависела теперь только от меня. Я четко осознавала все трудности и важность возложенной на меня миссии, а поэтому не имела права проявлять трусость или слабость. Ведь с этого момента я становилась воплощенным в реальность вторым пророчеством и была обязана полностью разгадать загадку последнего, третьего предсказания Заратустры. А значит, меня ждали новые испытания!

Я гордо расправила плечи, с видом победительницы подошла к машине Вадима и, не дрогнув, в упор встретила испытующий взгляд мужа, терпеливо ожидающего моего возвращения.

— Получилось? — мнимо-индифферентно спросил он, напряженно перекатывая желваки, красноречиво проступившие на его нижней челюсти и с головой выдающие владеющее им волнение.

Нахально выставляя напоказ свой поступок, я швырнула еще пахнущий порохом пистолет на мягкое сиденье шикарного автомобиля и небрежно уселась рядом с мужем, всем своим поведением старательно подчеркивая — я здесь своя, я здесь хозяйка!

— Да! — коротко бросила я, ничуть не обременяя себя враньем. Ведь я же не уточняла, что именно у меня получилось. — На все сто!

Вадим окинул удовлетворенным взглядом мое заплаканное лицо и горящие траурным огнем глаза, сделал соответствующие выводы и повелительно постучал в стекло, отделяющее салон джипа от водительского места:

— Поехали!

— Куда мы едем? — поинтересовалась я, после того как наша машина влилась в широкий транспортный поток на одной из центральных улиц Пешта.

— Сначала тебе нужно восстановить растроченные силы! — многозначительно усмехнулся он, выразительно шевеля бровями. — А затем мы отправимся в Антарктиду...

«Ага, — возликовала я, — значит, мои умозаключения оказались верны! Все разрозненные ниточки, ведущие нас к третьему пророчеству, сходятся!...»

— В Антарктиде спрятана тайная база немцев, называемая Новым Швабелендом, — пространно рассказывал Вадим. — Признаюсь, я никогда не верил в спорные данные о самоубийстве Гитлера и в самое ближайшее время собираюсь выяснить, какое отношение имеет к нему некий загадочный герр Зауберкюнстлер, заправляющий всеми авантюрами в возрожденном, Четвертом рейхе. Боюсь, эти успешно оклемавшиеся после поражения в войне с русскими швабы способны доставить нам уйму неприятностей...

— Ого! — поощрительно поддакнула я. — Они что, совершили научный прорыв и овладели технологиями, недоступными всему остальному миру?

— В точку! — благожелательно крикнул муж, которому явно понравилось вводить меня в курс первоочередных дел. — Я уверен, проклятые швабы сумели создать абсолютно новый тип ядерного оружия, используя совершенно иные законы и принципы, построенные на основе имплозивной¹⁴ физики. Помнишь ужасную гибель русской подводной лодки «Курск», произошедшую в Баренцевом море двенадцатого августа двухтысячного года? Я предполагаю, что этот случай стал всего лишь маленьким пробным шариком, запущенным вступающими в игру силами Нового Швабеленда...

— Игру за передел мирового господства? — уточнила я.

Оборотень сердито хрустнул пальцами:

— Да, думаю, что так! Немцы сумели первыми добраться до ценной информации и

¹⁴ **Имплозивный** — взрыв, направленный вовнутрь; обжатие вещества сходящейся концентрической взрывной волной.

намереваются любым способом выжить в грядущем катаклизме, они безудержно рвутся к власти!

«Как и ты!» — беззвучно хмыкнула я.

— Забудь о жалости и сантиментах, милая! — ультимативно потребовал муж, покровительственно обнимая меня за плечи. — Начиная с этого дня тебе понадобятся совсем другие чувства, ибо приближаются новые времена, тяжелые для всех нас. Народу ликантропов предстоит пройти через настоящую битву за выживание, а ты положила славное начало нашим совместным трудам — убив Рейна. Ты поступила мудро!

Напустив на себя вид благонаправной школьницы, присутствующей на лекции опытного преподавателя, я почти не слушала этих лицемерных речей, углубившись в собственные размышления. Слезы на моем лице высохли, сменившись упрямым, дерзким прищуром. Я смиренно приняла уготованную мне долю, приготовившись плести новое Кружево судьбы и спрятав свою любовь в самый потаенный уголок души. Туда, где она сможет в безопасности дремать до некоего заветного часа, призванного стать триумфальным мигом ее возрождения. Ода, я самозабвенно полюбила Рейна, причем полюбила отнюдь не за красоту или благородство, а за ту волшебную песню, кою тихонько напевало его преданное сердце и которую услышала только я! Я слышу ее постоянно... Я слышу ее и сейчас — ласковую, печальную и настолько осязаемую, что от нее мурашки бегут по коже... Господи, только бы эти легчайшие эманации души Рейна случайно не уловил мой кровожадный муж! Я испугалась за безопасность любимого и сознательно оборвала незримые золотые нити, сквозь пространство и расстояние соединяющие нас в одно единое общее целое, пообещав ему: «Мы еще встретимся. Непременно встретимся!»

Свернувшись в теплый комок на груди блаженствующего, ничего не подозревающего мужа, всецело уверовавшего в мою благосклонность, я тихонько мурлыкала рождающиеся в душе строчки, предназначенные только для Рейна. Разум подсказывал: «Ты должна отречься от этой опасной любви, несущей вам лишь горе и неисчислимые беды!» Но сердце бурно протестовало против подобного решения, словно за величайшую драгоценность Вселенной, изо всех сил цепляясь за мою несчастную, тайную любовь... Любовь не признает насилия! Ее не вытравишь даже ядом, не вырвешь из сердца никакими железными крючьями — как ни старайся! Настоящую любовь не испугаешь испытанием на прочность, ибо такие чувства — не умирают! И пусть сегодня я принадлежу другому, но все равно когда-нибудь он придет, миг желанной встречи, соединяющий два любящих сердца. Знай же, далекий возлюбленный, что в тот самый момент, когда мои губы вынужденно произносят жестокую фразу: «Я не твоя!», свет моего любящего сердца неустанно озаряет темную пропасть разлуки и отчаянно сигнализирует: «Я лишь твоя, всегда твоя!»...

К чему все эти измышления?
Ведь чувства от тебя храня,
Приму я твердое решение —
Я не твоя, я не твоя...

Сожгу огнем живую душу,
Пусть задыхается в крови,
Но свой обет я не нарушу —
Не подарю тебе любви.

Босой ногой ступлю на стекла,
Сбегу в далекие края,
Скажи себе: «Любовь поблекла!» —
Я не твоя, я не твоя...

Под стройной ивою плакучей,
Из всех своих девичьих сил
Сорву, сложу небрежной кучей
Тот нимб, что ты мне прилепил.

Укроюсь за семью морями,
И громко с мачты корабля
Я крикну: «Вечность между нами!» —
Я не твоя, я не твоя...

Порву стихи, что написала
Тебе трепещущей рукой,
Когда писала, я не знала,
Что разрушаю свой покой.

Но расплзаются все шире
Моих любовных ран края,
Есть ты и я в огромном мире —
Я лишь твоя, всегда твоя...

Теплый салон и мягкий ход машины убаюкивали меня ничуть не хуже ласковой колыбельной песенки. Незаметно для себя я медленно скатывалась в сладкие объятия расслабляющей дремы, словно хищный зверек, забившийся в уголок безопасной берлоги и постепенно восстанавливающий израсходованные силы, запасаящийся ими на будущее. Я ощущала себя грешницей, заключившей сделку с самим дьяволом, продавшей свою жизнь, душу и настоящую любовь ради того, чтобы победить жестокого бога Митру и отвратить его кару. Моей последней отчетливой мыслью стало: «Я только чуть-чуть отдохну и сразу же примусь разгребать все накопившиеся проблемы...»

Вот уж не знаю, кто придумал эту меткую фразу: «На войне и в любви — все способы хороши», но сейчас я поняла — для дальнейшей реализации своих планов я отброшу неуместную в нынешних обстоятельствах щепетильность и непременно постараюсь воспользоваться любыми доступными мне средствами. Впрочем, если придется, то даже и недоступными. А все это оттого, что я точно уверена — впереди меня ожидают и то и другое...

И война...

И любовь...